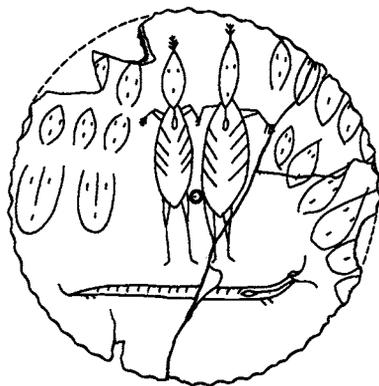

Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 17

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2019

УДК 902/904
ББК 63.48(2Рос-6Хан)
X19

Рецензенты — А.Г. Киселёв (док. ист. наук),
Е.А. Васильев (канд. ист. наук), М.Ф. Ершов (канд. ист. наук)

X19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2019. — Вып. 17. — 460 с.: 300 экз.

ISBN 978-5-7511-2590-5

Семнадцатый ежегодный сборник научных статей, издаваемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, включает в себя публикации о проблемах, итогах и перспективах деятельности в сфере выявления, изучения, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 20 публикаций принял участие 31 автор из 10 городов, работающие в 16 научных, научно-производственных, учебных и культурно-образовательных (музейных) организациях и учреждениях России либо осуществляющие свою деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей. Представлен отчёт о деятельности Госкультахораны Югры по государственной охране и государственному контролю в сфере историко-культурного наследия за 2018 г., опубликованы научные статьи по теме сборника, сообщения с краткими результатами полевых работ 2017—2018 гг., статьи к юбилеям пионера венгерского сибиреведения А. Регули и руководителя Госкультахораны Югры А.Н. Кондрашёва, некролог.

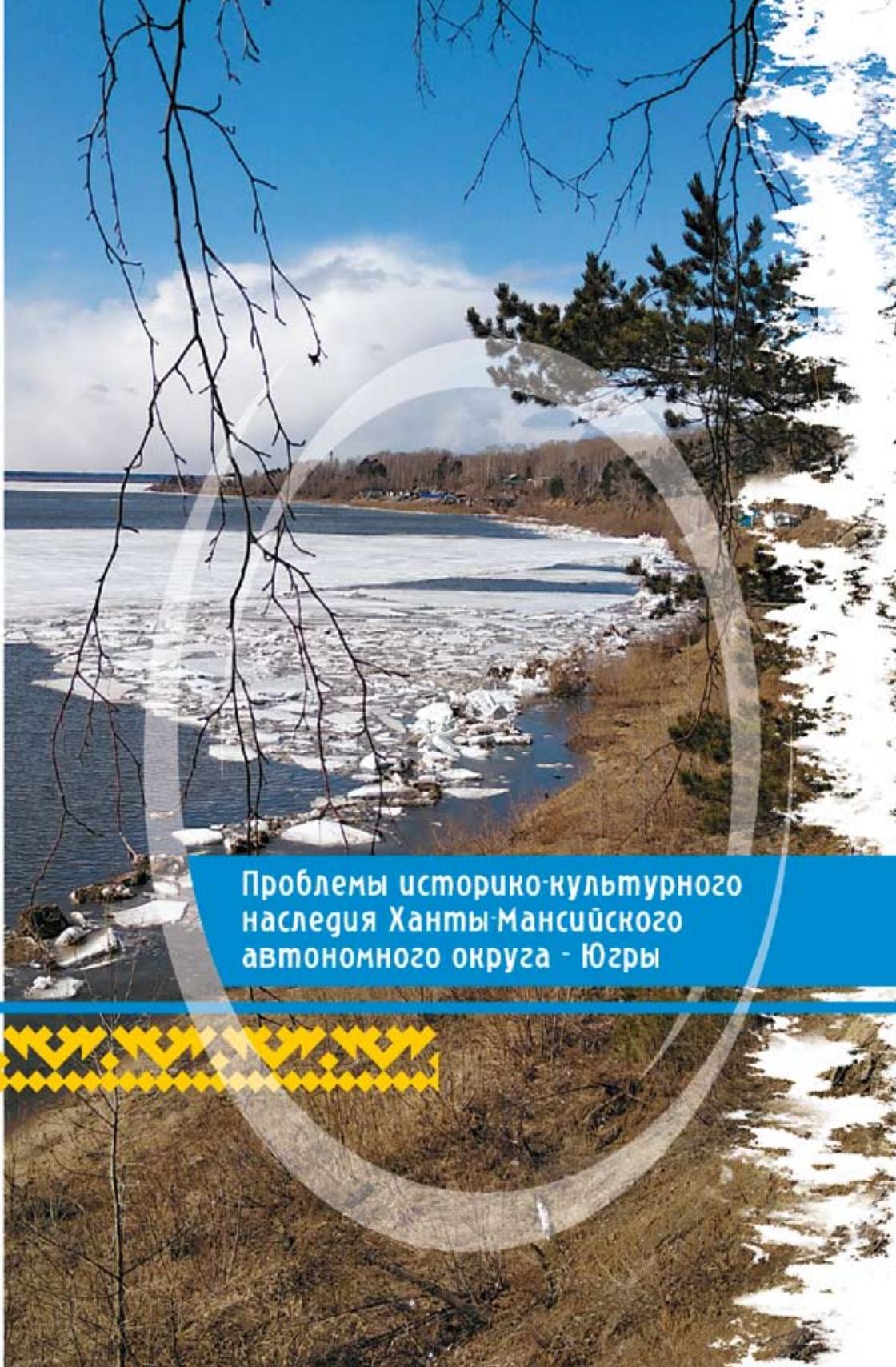
Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 902/904
ББК 63.48(2Рос-6Хан)

Редактор — Я.А. Яковлев
Использованы фотографии:
Обложка и шмуцтитулы — А.Н. Кондрашёв (г. Ханты-Мансийск),
форзац — Г.М. Дмитриев-Садовников (с. Ларьяк. 1913 г.),

ISBN 978-5-7511-2590-5

© Авторы, 2019
© Я.А. Яковлев, 2019 (компл.)
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2019

Проблемы историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Информация об основных итогах реализации государственной политики Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г.

Аннотация. Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г. по государственной охране объектов культурного наследия и региональному надзору за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия. В приложении приведён список объектов культурного наследия автономного округа, на которые в период с 11.07.2018 по 10.01.2019 были нормативно установлены границы территорий и режим использования (№ 1565–1867).

Ключевые слова. Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, объекты культурного наследия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Служба государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа (далее – Служба) осуществляет функции по государственной охране объектов культурного наследия, федеральному и региональному надзору за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия.

Стратегической целью Службы как субъекта бюджетного планирования является гарантия сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Достижение стратегической цели предполагает решение следующих тактических задач:

- государственная охрана объектов культурного наследия федерального значения, регионального значения, местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия;
- федеральный и региональный государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия федерального, регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия.

Количество и структура объектов культурного наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

По данным государственного учёта на 01.01.2019, на территории автономного округа находится следующее количество объектов, подлежащих государственной охране:

- 986 объектов культурного наследия федерального значения;
- 140 объектов культурного наследия регионального значения;
- 19 объектов культурного наследия местного (муниципального) значения;
- 4989 выявленных объектов культурного наследия.

Состав объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в зависимости от видовой принадлежности:

- памятники – 1073;
- ансамбли – 17;
- достопримечательные места – 55.

За 2018 г. 418 объектов включены в Перечень выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры.

Количественное распределение объектов культурного наследия по районам следующее:

Белоярский р-н: памятники – 8, ансамбли – 2, достопримечательные места – 5;

Берёзовский р-н: памятники – 46, ансамбли – 6, достопримечательные места – 5;

Кондинский р-н: памятники – 5, ансамбли – 0, достопримечательные места – 0;

Нефтеюганский р-н: памятники – 213, ансамбли – 5, достопримечательные места – 10;

Нижневартовский р-н: памятники – 3, ансамбли – 1, достопримечательные места – 2;

Октябрьский р-н: памятники – 10, ансамбли – 1, достопримечательные места – 2;

Советский р-н: памятники – 0, ансамбли – 0, достопримечательные места – 0;

Сургутский р-н: памятники – 728, ансамбли – 1, достопримечательные места – 30;

Ханты-Мансийский р-н: памятники – 60, ансамбли – 1, достопримечательные места – 1.

Наибольшее количество в плане общей видовой принадлежности занимают объекты и выявленные объекты археологического наследия – 5973.

Государственная охрана объектов культурного наследия

Государственная охрана объектов культурного наследия в 2018 г. характеризовалась следующими показателями.

Вносились изменения в нормативно-правовые акты ХМАО — Югры:

1. В Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.06.2006 № 64-оз «О регулировании отдельных отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия» внесены изменения Законом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 17.10.2018 № 85-оз «О внесении изменений в Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «О регулировании отдельных отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия» в целях приведения его в соответствие с Федеральным законом от 03.08.2018 № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. В постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 30.08.2012 № 309-п «О Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» внесены изменения следующими нормативными правовыми актами:

2.1. Постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 08.06.2018 № 182-п «О внесении изменений в приложение 1 к постановлению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 30.08.2012 № 309-п «О Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», в целях приведения полномочий Службы по установлению требований к видам разрешённого использования земельных участков в границах достопримечательного места в соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

2.2. Постановлением Правительства ХМАО — Югры от 23.11.2018 № 445-п «О внесении изменений в приложение 1 к постановлению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 30.08.2012 № 309-п «О Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» в целях приведения полномочий Службы в соответствие с Федеральным законом от 3.08.2018 № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», уточнения терминологии и полномочий Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

3. В постановление Правительства ХМАО — Югры от 02.10.2015 № 337-п «О порядке организации и осуществления регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия» внесены изменения:

3.1. Постановлением Правительства ХМАО — Югры от 09.02.2018 № 30-п «О внесении изменения в приложение к постановлению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 2.10.2015 № 337-п «О порядке организации и осуществления регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия» в целях наделяния Службы полномочием по обеспечению доступности для инвалидов объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, в соответствии с Федеральным законом от 07.06.2017 № 116-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;

3.2. Постановлением Правительства ХМАО — Югры от 23.11.2018 № 444-п «О внесении изменений в приложение 1 к постановлению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 2.10.2015 № 337-п «О порядке организации и осуществления регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия» в целях приведения в соответствие с Федеральным законом от 3.08.2018 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения были внесены и в Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

4. В постановление Правительства ХМАО — Югры от 08.11.2018 № 412-п «О порядке подготовки и утверждения проекта планировки территории в отношении территорий исторических поселений регионального значения».

5. В постановление Правительства ХМАО — Югры от 22.02.2018 № 48-п «О признании утратившим силу постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.01.2010 № 2-п «О некоторых вопросах деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

Издано 26 приказов нормативно-правового характера (табл. 1).

**Приказы нормативно-правового характера
Службы государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры**

Дата приказа	№ приказа	Название приказа нормативно-правового характера	Дата, номер регистрации в Гос. реестре нормативных правовых актов испол- нительных органов госу- дарственной власти
<i>Приказы нормативно-правового характера</i>			
14.02.2018	1-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30.10.2012 № 13-нп «Об утверждении границ территории, требований к осуществлению деятельности в границах территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора»	16.02.2018 № 3765
26.02.2018	2-нп	О включении выявленного объекта культурного наследия «Здание первой радиотелеграфной и электрической станции в Самарово» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории и описания особенностей выявленного объекта культурного наследия, являющихся основаниями для включения его в реестр (предмета охраны)	02.03.2018 № 3782
13.03.2018	3-нп	О порядке получения государственными гражданскими служащими Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, замещающими должности в Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, разрешения на участие на безвозмездной основе в управлении общественной организацией (кроме политической партии), жилищным, жилищно-строительным, гаражным кооперативами, садоводческим, огородническим, дачным потребительскими кооперативами, товариществом собственников недвижимости в качестве единоличного исполнительного органа или на вхождение в состав их коллегиальных органов	16.03.2018 № 3797
30.03.2018	4-нп	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательное место «Согом» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории, описания особенностей выявленного объекта культурного наследия, являющихся основаниями для включения его в реестр (предмета охраны), и требований к осуществлению деятельности в границах территории	05.04.2018 № 3818

03.05.2018	5-нп	Об утверждении Перечня должностей государственной гражданской службы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, при замещении которых государственные гражданские служащие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей	07.05.2018 № 3850
16.05.2018	6-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.02.2018 № 2-нп «О включении выявленного объекта культурного наследия «Здание первой радиотелеграфной и электрической радиостанции в Самарово» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории и описания особенностей выявленного объекта культурного наследия, являющихся основаниями для включения его в реестр (предмета охраны)»	21.05.2018 № 3865
29.05.2018	7-нп	О внесении изменений в приложение к приказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12.07.2017 № 8-нп «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по согласованию проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения, выявленного объекта культурного наследия, расположенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»	31.05.2018 № 3880
11.07.2018	8-нп	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательное место «Кинямины» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности и к видам разрешенного использования земельных участков в границах его территории	17.07.2018 № 3938
11.07.2018	9-нп	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательное место «Сырковский Сор» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности и к видам разрешенного использования земельных участков в границах его территории	17.07.2018 № 3937

18.07.2018	10-нп	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательное место «Пунси» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности и к видам разрешённого использования земельных участков в границах его территории	20.07.2018 № 3943
26.07.2018	11-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском р-не	31.07.2018 № 3961
27.07.2018	12-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском р-не	30.07.2018 № 3958
06.08.2018	13-нп	Об утверждении границ территории и установлении особого режима использования земельных участков в границах территории выявленного объекта культурного наследия «Местонахождение Луговское», расположенного в Ханты-Мансийском р-не	08.08.2018 № 3969
09.08.2018	14-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6.07.2012 № 5-нп «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по выдаче паспорта объекта культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации	10.08.2018 № 3973
05.09.2018	15-нп	Об утверждении границ территории выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом», 1890-е гг.	06.09.2018 № 3996
04.10.2018	16-нп	Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, особого режима использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон (Ханты-Мансийский р-н)	08.10.2018 № 4012
10.10.2018	17-нп	Об утверждении границ зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба П.А. Кайдалова в составе: дом П.А. Кайдалова, амбар», особого режима использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон	10.12.2018 № 4014
06.12.2018	18-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском р-не, и признании утратившим силу приказа Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 7.05.2013 № 9-нп «Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском р-не»	17.12.2018 № 4090
24.12.2018	19-нп	Об утверждении границ территории и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском р-не	27.12.2018 № 4187

25.12.2018	20-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.03.2018 № 3-нп «О порядке получения государственными гражданскими служащими Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, замещающими должности в Службе государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, разрешения на участие на безвозмездной основе в управлении общественной организацией (кроме политической партии), жилищным, жилищно-строительным, гаражным кооперативами, садоводческим, огородническим, дачным потребительскими кооперативами, товариществом собственников недвижимости в качестве единоличного исполнительного органа или на вхождение в состав их коллегиальных органов	27.12.2018 № 4208
27.12.2018	21-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском р-не, и признании утратившим силу приказа Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18.09.2012 № 9-нп «Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия»	29.12.2018 № 4220
27.12.2018	22-нп	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объекта культурного наследия федерального значения, выявленного объекта культурного наследия, расположенных в Сургутском р-не, и признании утратившим силу приказа Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 11.12.2012 № 16-нп «Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском р-не»	10.01.2019 № 4222
27.12.2018	23-нп	О внесении изменений в некоторые приказы Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	10.01.2019 № 4223
28.12.2018	24-нп	О внесении изменений в некоторые приказы Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	09.01.2019 № 4221
28.12.2018	25-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 8.04.2013 № 6-нп «Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском р-не	29.12.2018 № 4219
28.12.2018	26-нп	О внесении изменений в приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 14.12.2012 № 19-нп «Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Ханты-Мансийском р-не	10.01.2019 № 4224

За 2018 г. согласовано 130 актов выбора земель лесного фонда, проведено 301 согласование на производство земляных работ на территории МО ХМАО – Югры «Городской округ город Ханты-Мансийск».

Выдано 5430 заключений о наличии (отсутствии) на территории земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, объектов культурного наследия, выявленных объектов и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия.

Рассмотрены и согласованы проекты внесения изменений в генеральные планы населенных пунктов: г. Пыть-Ях, сп. Каркатеево, сп. Ларьяк, сп. Уть-Юган, сп. Излучинск, сп. Новоаганск, сп. Покур, сп. Зайцева Речка, сп. Баховск, сп. Аган, сп. Вата, сп. Цынгалы, сп. Краснolenинский, сп. Сибирский, гп. Покачи, сп. Сингапай, сп. Сентябрьское, Ханты-Мансийского района, сп. Сытомино, сп. Лямина, сп. Шугур.

Рассмотрены и согласованы проекты внесения изменений в правила землепользования и застройки населенных пунктов: г. Пыть-Ях, сп. Каркатеево, сп. Ларьяк, сп. Уть-Юган, сп. Излучинск, сп. Ново-

Ил. 1. Сотрудник Госкультахрани Югры А.Н. Сабаров проводит мероприятия по контролю за состоянием объекта культурного наследия федерального значения около п. Угута Сургутского р-на ХМАО – Югры. 1 июня 2018 г.

аганск, сп. Покур, сп. Зайцева Речка, сп. Баховск, сп. Аган, сп. Вата, сп. Цынгалы, сп. Красноленинский, сп. Сибирский, Ханты-Мансийского района, сп. Сытомино, сп. Лямина, сп. Шугур.

В 2018 г. Службой государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа проведены мероприятия по контролю за состоянием:

- 237 объектов археологического наследия федерального значения;
- 18 объектов культурного наследия регионального значения;
- 7 объектов культурного наследия местного значения;
- 225 выявленных объектов археологического наследия.

По результатам мероприятий по контролю за состоянием объектов культурного наследия Службой приняты следующие меры.

1. Составлено 2 протокола об административных правонарушениях в части нарушения требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, фактов нарушения режима использования в границах территории объекта культурного наследия. Нарушения выявлены в границах территории выявленного объекта культурного наследия и объекта культурного наследия регионального значения достопримечательное место «Барсова гора».
2. Выдано 4 предписания об ограничении или запрещении движения транспортных средств на территории объекта культурного наследия и в зонах его охраны.
3. Выдано 2 предписания по приостановлению работ, проведение которых может ухудшить состояние объектов культурного наследия.
4. Выдано 5 предписаний об устранении выявленных нарушений обязательных требований, предъявляемых к собственнику или иному законному владельцу объекта культурного наследия либо земельного участка, водного объекта или его части, в границах которых располагается объект археологического наследия, объекта недвижимого имущества, расположенного в зонах охраны объектов культурного наследия.
5. Выдано 7 предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований, в соответствии с п. 4 ст. 8.2 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». В ответ на предостережения поступила информация о соблюдении обязательных требований. Возражений на выданные предостережения не поступало.

В целях государственного надзора за полнотой и качеством осуществления органами местного самоуправления полномочий по государственной охране, сохранению и использованию объектов культурного наследия местного (муниципального) значения и проверки соблюдения органами местного самоуправления требований, установленных

действующими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области охраны объектов культурного наследия Службой государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа в первом полугодии 2018 г. были проведены плановые проверки администраций МО Берёзовского и Ханты-Мансийского р-нов ХМАО — Югры.

В ходе проверки выявлены основания для выдачи предписаний в части ненадлежащего исполнения возложенных полномочий и нарушения обязательных требований. Информация о результатах проверок размещена на сайте Службы (раздел «Контрольно-надзорная деятельность», подраздел «Результаты контрольной/надзорной деятельности в 2018 г.»).

В соответствии с планом-графиком, направленным в аппарат Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе (исх. от 15.01.2013 № ГБ-363), в ХМАО — Югре по состоянию на 10.10.2018 нормативными правовыми приказами Службы государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа установлены границы для 1845 объектов культурного наследия. Из них в текущем году — для 383 памятников (см. приложение).

В Ханты-Мансийском районном суде состоялся предварительный опрос по иску Службы по гражданскому делу № 2-5340/2018 об изъятии объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Никольской часовни, в составе: здание Никольской часовни (конец XIX века); могильник Никольский (вторая треть XVII века — начало XIX века)», расположенного в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, г. Ханты-Мансийск, ул. Горького, д. 1. Решением, вынесенным 15.01.2019, объект изъят у собственника. После вступления в силу решения суда материалы по объекту культурного наследия будут направлены в Департамент имущества округа для оценки и изъятия путём выкупа. Таким образом, будет выполнено задание по итогам рабочего совещания, состоявшегося 25.07.2018 по исполнению поручения Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (карточка личного приема Веры Александровны Шнайдер от 18.12.2017 № 01-ЛП-121).

С января 2018 г. Служба участвует в реализации целевой модели «Постановка на кадастровый учёт земельных участков и объектов недвижимого имущества», утверждённой распоряжением Правительства РФ от 31.01.2017 № 147-р «О целевых моделях упрощения процедур

ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации». В округе утверждён портфель проекта «Постановка на кадастровый учёт земельных участков и объектов недвижимого имущества». В рамках портфеля утверждён показатель 1.2.3 — «Доля объектов недвижимости и доля территорий, включённых в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, сведения о которых внесены в ЕГРН». В свою очередь, Службой утверждён приказ «Об утверждении плана-графика по направлению сведений о границах объектов культурного наследия в Управление Росреестра по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре для внесения в ЕГРН», № 33-ПП от 10.04.2018.

Общее количество объектов, на которые направлены сведения за текущий год, — 435. В итоге поставленная задача о регистрации сведений на 51 % объектов от всех имеющихся в округе выполнена.

Обновлены и дополнены сведения в 442 учётных делах объектов культурного наследия в Автоматизированной информационной системе Единого государственного реестра объектов культурного наследия (АИС ЕГРОКН), в том числе и в соответствии с поручением Президента РФ от 05.01.2013 № Пр-16 относительно обеспечения полноты и достоверности ведомственного учёта объектов культурного наследия.

Реализация мероприятий государственных программ

Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры является соисполнителем двух государственных программ Ханты-Мансийского автономного округа — Югры:

- «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2018-2025 годы и на период до 2030 года»;
- «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018—2025 годы и на период до 2030 года».

Бюджетные ассигнования Службы на 2018 г. были утверждены законом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 23.11.2017 № 75-оз «О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» в сумме 65370,4 тыс. руб., в том числе:

Государственная программа ХМАО — Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2018—2025 годы и на период до 2030 года» — 64 770,4 тыс. руб.:

— содержание Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — 23 099,8 тыс. руб.;

— субсидия АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — 10 369,7 тыс. руб.;

— осуществление переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с п. 1 ст. 9.1. Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» полномочий Российской Федерации в отношении объектов культурного наследия в рамках непрограммного направления деятельности «Обеспечение деятельности государственных органов автономного округа» за счет средств федерального бюджета — 1 249,9 тыс. руб.;

— реализация мероприятий по государственной охране объектов культурного наследия — 30 051,0 тыс. руб.

Государственная программа автономного округа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» — 600,0 тыс. руб.

Позже план Службы был уточнён и по состоянию на 01.01.2019 составил 65153,1 тыс. руб., в том числе:

Государственная программа ХМАО — Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» — 64 553,1 тыс. рублей:

— содержание Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — 22 882,5 тыс. руб.;

— субсидия АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» — 10 469,7 тыс. руб.;

— осуществление переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с п. 1 ст. 9.1. Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» полномочий Российской Федерации в отношении объектов культурного наследия в рамках непрограммного направления деятельности «Обеспечение деятельности государственных органов автономного округа» за счет средств федерального бюджета — 1 249,9 тыс. руб.;

— реализация мероприятий по государственной охране объектов культурного наследия — 29 951,0 тыс. руб.

Государственная программа ХМАО — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» – 600,0 тыс. руб. (без изменения).

В рамках исполнения государственной программы ХМАО – Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2018–2025 годы и на период до 2030 года», подпрограммы 1 «Сохранение исторического и культурного наследия, снижение инфраструктурных ограничений с целью обеспечения функционирования всех видов культурной деятельности», мероприятия 1.3 «Сохранение, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия» по состоянию на 1.01.2019 в соответствии с планом-графиком закупок проведены закупки и заключены государственные контракты, в том числе:

- на выполнение НИР по теме «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Советском и Кондинском р-нах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
- на выполнение НИР по теме «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Нижневартовском, Сургутском и Октябрьском р-нах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
- на выполнение работ по разработке проекта зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон;
- на выполнение НИР по теме «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Нижневартовском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
- на выполнение НИР по теме «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
- на выполнение работ по изготовлению ежегодного сборника научных статей Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» (вып. 16);
- на оказание услуг по проведению государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;
- на оказание услуг по проведению государственной историко-культурной экспертизы о включении объекта культурного наследия в единый государ-

ственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

По итогам проведённых закупок заключены государственные контракты. Исполнителями представлены результаты работ, услуг. Заказчиком произведена оплата за выполненные работы, оказанные услуги в соответствии с условиями государственных контрактов.

Кассовое исполнение по государственной программе ХМАО — Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2018—2025 годы и на период до 2030 года» по состоянию на 01.01.2019 составило 64277,1 тыс. руб., или 99,6 % к уточнённому плану.

В рамках исполнения государственной программы ХМАО — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018—2025 годы и на период до 2030 года», подпрограммы 2 «Содействие развитию традиционной культуры, фольклора и национальных ремёсел, повышение уровня жизни и образования коренных малочисленных народов», мероприятия 2.5 «Организация, проведение мероприятий, направленных на развитие традиционной культуры, фольклора, национального спорта и финно-угорских связей, сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов, и участие в них» в 2017 г. был проведён открытый конкурс и заключён государственный контракт на выполнение НИР по теме «Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Яун-ики Мых». В соответствии с условиями контракта выполнение работ состояло из двух этапов:

- 1-й этап. Предварительные работы (2017 г.);
- 2-й этап. Проектные работы (2018 г.).

Исполнителем представлены результаты работ по 2-му этапу. Заказчиком произведена оплата за выполненные работы в соответствии с условиями государственных контрактов.

Кассовое исполнение по государственной программе ХМАО — Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2018—2025 годы и на период до 2030 года» по состоянию на 01.01.2019 составило 597,5 тыс. руб., или 99,6% к уточнённому плану.

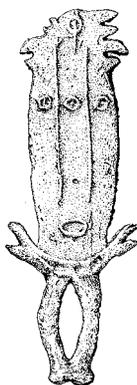
**Khanty-Mansiysk-Yugra region State office of cultural
heritage sites preservation in 2017**

Annotation. Intelligence on the activities of Khanty-Mansiysk-Yugra region State office of cultural heritage sites preservation in 2017 in the field State protection of cultural heritage sites and regional supervision of the conservation, using, popularization and state protection of cultural heritage sites. The appendix lists the cultural heritage objects of the of the Autonomous region, for which the territories boundaries and the regimen of employment normatively established between July 11, 2018 & January 10, 2019 (№ 1565—1867).

Key words. Khanty-Mansiysk-Yugra region State office of cultural heritage sites preservation, objects of cultural heritage, Khanty-Mansi Autonomous region-Yugra.

E-mail: Nasledie@admhmao.ru

**Список объектов культурного наследия ХМАО – Югры,
границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами
(продолжение).
На 22 мая 2019 г.***

№	Название объекта культурного наследия	Приказ		Первая публикация
		№ и дата	Название	
1	1565** Достопримечательное место «Кинямыны»	3 8-нп от 11.07.2018	4 О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательного места «Кинямыны» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждения границ территории, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности и к видам разрешённого использования земельных участков в границах его территории	5 Официальный интернет-портал правовой информации (http://prbulicatio.npravoo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201807230003. Дата опубликования: 23.07.2018.

* Предыдущие части списка опубликованы: № 1 – 326 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – Вып. 11. – С. 4–16; № 327–660 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 19–29; № 661–758 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – Вып. 13. – С. 18–21; № 759–1047 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – Вып. 14. – С. 20–29; № 1048–1363 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – Вып. 15. – С. 23–32; № 1364–1570 – Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого, – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – Вып. 16. – С. 21–27. Нормативно-правовые акты Госкультохраны Югры доступны также на её сайте: www.nasledie.admhmao.ru в разделе «Документы/ Приказы Госкультохраны Югры».

** Из-за технической ошибки (замены букв «Е» и «Ё») при составлении списка 6 объектов археологии (Городище Быстрый Кульеган 96; поселение Быстрый Кульеган 32; селища Быстрый Кульеган 11, Быстрый Кульеган 49, Быстрый Кульеган 50, Быстрый Кульеган 97) были занесены дважды. При корректировке списка, соответственно, на шесть единиц уменьшилась общая нумерация списка. Поэтому часть списка, опубликованная в вып. 16 сборника «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого», закончилась № 1570, а публикуемая ныне часть списка начинается не с № 1571, а с № 1565.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1566	Достопримечательное место «Сырковский Сор»	9-нп от 11.07.2018	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательного места «Сырковский Сор» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности и к видам разрешённого использования земельных участков в границах его территории	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201807230005. Дата опубликования: 23.07.2018.
1567	Достопримечательное место «Пунси»	10-нп от 18.07.2018	О включении выявленного объекта культурного наследия достопримечательного места «Пунси» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения, утверждении границ территории, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности и к видам разрешённого использования земельных участков в границах его территории	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201807240003. Дата опубликования: 24.07.2018.
1568	Поселение Айка-еган I	11-нп от 26.07.2018	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском р-не	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201808030001. Дата опубликования: 03.08.2018.
1569	Поселение Айка-еган II			
1570	Поселение Айка-еган III			
1571	Поселение Ват-Еган I			
1572	Городище Востокинское I			
1573	Поселение Ингу-ягун III			
1574	Поселение Ингу-ягун IV			
1575	Поселение Ляминское 1а			
1576	Поселение Ляминское 1б			
1577	Поселение Ортъягун III			
1578	Поселение Покачево I			
1579	Поселение Покачево II			
1580	Поселение Покачево III			
1581	Поселение Покачево IV			
1582	Поселение Покачево V			
1583	Поселение Покачево VI			
1584	Поселение Покачево VII			
1585	Поселение Сокур I			
1586	Городище Сокур II			
1587	Селище Сукуръяун 2			
1588	Селище Сукуръяун 3			

1	2	3	4	5
1589	Селище Сукуръяун 4			
1590	Городище Тат-Ягун VII			
1591	Городище Тат-Ягун VIII			
1592	Городище Тат-Ягун XIV			
1593	Городище Тат-Ягун XV			
1594	Поселение Тат-Ягун I			
1595	Поселение Тат-Ягун II			
1596	Поселение Тат-Ягун III			
1597	Поселение Тат-Ягун IV			
1598	Поселение Тат-Ягун V			
1600	Поселение Тат-Ягун VI			
1600	Поселение Тат-Ягун IX			
1601	Поселение Тат-Ягун X			
1602	Поселение Тат-Ягун XIII			
1603	Местонахождение Тат-Ягун XI			
1604	Местонахождение Тат-Ягун XII			
1605	Поселение Тлоктлым-Еган I			
1606	Поселение Тлоктлым-Еган IV			
1607	Стоянка Тлоктлым-Еган II			
1608	Городище Барсова городок III/1			
1609	Селище Барсова гора II/1			
1610	Селище Барсова гора II/14			
1611	Селище Барсова гора IV/6			
1612	Стоянка Барсова гора II/17			
1613	Городище Барсов городок II/2			
1614	Городище Барсов городок II/3			
1615	Городище Барсов городок III/4			
1616	Городище Барсов городок III/5			
1617	Городище Барсов городок II/6			
1618	Городище Барсов городок II/7			
1619	Городище Барсов городок II/8			
1620	Селище Барсова гора II/2			
1621	Селище Барсова гора II/3			
1622	Селище Барсова гора II/6			
1623	Городище Барсов городок II/9			
1624	Селище Барсова гора II/4			
1625	Городище Барсов городок II/10			
1626	Городище Барсов городок II/11			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1627	Селище Барсова гора II/5			
1628	Селище Барсова гора II/7			
1629	Селище Барсова гора II/10			
1630	Селище Барсова гора II/11			
1631	Городище Барсов городок II/12			
1632	Селище Барсова гора II/22			
1633	Селище Барсова гора II/23			
1634	Селище Барсова гора II/26			
1635	Поселение Барсова гора II/24			
1636	Поселение Барсова гора II/27			
1637	Селище Барсова гора IV/21			
1638	Селище Барсова гора IV/22			
1639	Селище Барсова гора IV/23			
1640	Селище Барсова гора IV/24			
1641	Селище Барсова гора IV/25			
1642	Селище Калининское I			
1643	Ансамбль Нивагальское 3	12-нп от		
1644	Поселение Нивагальское 3/1 (Нивагальское 3)	27.07.2018	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском р-не	Официальный интернет-портал правовой информации (http://prilicacion.pravo.gov.ru) Номер опубликования: 8601201808030003. Дата опубликования: 03.08.2018.
1645	Поселение Нивагальское 3/2 (Нивагальское 4)			
1646	Поселение Нивагальское 3/3 (Нивагальское 5)			
1647	Городище Нивагальское 3/4 (Нивагальское 6)			
1648	Поселение Нивагальское 3/5 (Нивагальское 7)			
1649	Поселение Нивагальское 3/6 (Нивагальское 8)			
1650	Могилиник Нивагальский 3/7 (Нивагальское 9)			
1651	Городище Нивагальское 3/8 (Нивагальское 10)			
1652	Поселение Нивагальское 3/9 (Нивагальское 11)			
1653	Городище Нивагальское 3/10 (Нивагальское 12)			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1654	Городище Нивагальское 3/11 (Нивагальское 13)			
1655	Городище Нивагальское 3/12 (Нивагальское 14)			
1656	Городище Нивагальское 3/13 (Нивагальское 15)			
1657	Поселение Нивагальское 3/14 (Нивагальское 16)			
1658	Городище Нивагальское 3/15 (Нивагальское 17)			
1659	Поселение Нивагальское 3/16 (Нивагальское 18)			
1660	Поселение Нивагальское 3/17 (Нивагальское 19)			
1661	Городище Нивагальское 20			
1662	Поселение Нивагальское 21			
1663	Могильник Нивагальское 34			
1664	Курганный Могильник Нивагальское 35			
1665	Могильник Нивагальский 23			
1666	Поселение Нивагальское 24			
1667	Поселение Нивагальское 25			
1668	Поселение Нивагальское 26			
1669	Городище Нивагальское 27			
1670	Ансамбль Нивагальское 28			
1671	Селище Нивагальское 28/1			
1672	Селище Нивагальское 28/2			
1673	Селище Нивагальское 28/3			
1674	Селище Нивагальское 28/4			
1675	Селище Нивагальское 29			
1676	Селище Нивагальское 30			
1677	Селище Нивагальское 31			
1678	Местонахождение Нивагальское 32			
1679	Селище Нивагальское 33			
1680	Поселение Юрты Нивагальские 1			
1681	Поселение Юрты Нивагальские 2			
1682	Ансамбль Имньеган 1			
1683	Поселение Имньеган 1/1			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1684	Поселение Имнъеган 1/2			
1685	Поселение Имнъеган 1/3			
1686	Поселение Имнъеган 1/4			
1687	Ансамбль Имнъеган 2			
1688	Городище Имнъеган 2/1			
1689	Поселение Имнъеган 2/2			
1690	Поселение Имнъеган 2/3			
1691	Поселение Имнъеган 3/1			
1692	Поселение Имнъеган 3/2			
1693	Поселение Имнъеган 3/3			
1694	Поселение Имнъеган 3/4			
1695	Поселение Имнъеган 3/5			
1696	Ловчая яма Имнъеган 3/6			
1697	Поселение Имнъеган 4/1			
1698	Поселение Имнъеган 4/2			
1699	Поселение Имнъеган 4/3			
1700	Городище Имнъеган 4/4			
1701	Поселение Имнъеган 4/5			
1702	Поселение Имнъеган 5			
1703	Группа ям-ловушек Имнъеган 5.2			
1704	Городище Старые Покачи I			
1705	Городище Старые Покачи 2-3			
1706	Городище Старые Покачи IV			
1707	Городище Старые Покачи 6			
1708	Городище Старые Покачи 7			
1709	Селище Старые Покачи 8			
1710	Могильник Старые Покачи 9			
1711	Селище Старые Покачи 10			
1712	Селище Малый Нонгъеган 2			
1713	Селище Малый Нонгъеган 3			
1714	Селище Мохтикъеган 15			
1715	Местонахождение Мохтикъеган 23			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1716	Местонахождение Луговское	13-нп от 06.08.2018	Об утверждении границ территории и установлении особого режима использования земельных участков в границах территории выявленного объекта культурного наследия «Местонахождение Луговское», расположенного в Ханты-Мансийском р-не	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201808130001. Дата опубликования: 13.08.2018.
1717	«Жилой дом», 1890-гг (г. Ханты-Мансийск, ул. Кирова, д. 22)	15-нп от 05.09.2018	Об утверждении границ территории выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом», 1890-е гг.	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201809100002. Дата опубликования: 10.09.2018.
1718	Местонахождение Арантур 1	19-нп от 24.12.2018	Об утверждении границ территории и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском р-не	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201812290005. Дата опубликования: 29.12.2018.
1719	Поселение Арантур 5 (Югорское 4)			
1720	Поселение Арантур 6 (Югорское 5);			
1721	Поселение Арантур 7/1 (Арантур 7) (Югорское 6)			
1722	Группа ловчих ям Арантур 12			
1723	Ловчая яма Арантур 13			
1724	Группа ловчих ям Арантур 14			
1725	Поселение Арантур 16			
1726	Поселение Арантур 17			
1727	Мотильник Арантур 18			
1728	Поселение Арантур 19			
1729	Поселение Арантур 20			
1730	Поселение Арантур 21			
1731	Поселение Арантур 23/1 (Арантур 23)			
1732	Мотильник Арантур 23/5 (Арантур 27)			
1733	Поселение Арантур 37			
1734	Поселение Арантур 33			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1735	Группа ловчих ям (охристое пятно) Арантур 50			
1736	Поселение Арантур 51			
1737	Поселение Енья 3/1 (Енья 3)			
1738	Поселение Енья 3/2 (Енья 3/а)			
1739	Поселение Енья 4			
1740	Поселение Енья 5			
1741	Поселение Енья 6			
1742	Поселение Енья 7			
1743	Поселение Енья 8			
1744	Поселение Енья 9			
1745	Поселение Енья 10			
1746	Поселение Енья 12			
1747	Поселение Енья 12А (Югорское 13)			
1748	Поселение Енья 13			
1749	Поселение Енья 13/а			
1750	Поселение Енья 14			
1751	Местонахождение Енья 15			
1752	Группа ловчих ям Енья 16			
1753	Поселение Енья 17			
1754	Поселение Енья 18			
1755	Городище Енья 19			
1756	Местонахождение Енья 21			
1757	Поселение Енья 23			
1758	Группа ям Енья 24			
1759	Местонахождение Енья 24/а			
1760	Поселение Енья 26			
1761	Поселение Енья 27			
1762	Группа ловчих ям Енья 29			
1763	Группа ям Енья 30			
1764	Местонахождение Енья 31			
1765	Местонахождение Енья 32			
1766	Группа ловчих ям Енья 33			
1767	Местонахождение Енья 35			
1768	Группа ловчих ям Енья 36			
1769	Поселение Енья 37			
1770	Ловчая яма Енья 38			
1771	Группа ловчих ям Енья 39			

1	2	3	4	5
1772	Поселение Енья 40			
1773	Группа ям Енья 41			
1774	Группа ям Енья 42			
1775	Поселение Окуневый Мыс 1			
1776	Поселение Окуневый Мыс 2			
1777	Поселение Окуневый Мыс 3			
1778	Поселение Окуневый Мыс 4 (Югорское 18)			
1779	Группа ловчих ям Сулеймановы Острова 1			
1780	Группа ловчих ям Сулеймановы Острова 2			
1781	Группа ловчих ям Сулеймановы Острова 3			
1782	Группа ловчих ям Сулеймановы Острова 4			
1783	Группа ловчих ям Сулеймановы Острова 5			
1784	Группа ловчих ям Сулеймановы Острова 6			
1785	Группа ям Сулеймановы Острова 7			
1786	Селище Сулеймановы Острова 8			
1787	Ловчая яма Сулеймановы Острова 9			
1788	Селище Шоушма II			
1789	Селище Шоушма III			
1790	Городище Шоушма IV			
1791	Селище Шоушма V			
1792	Селище Шоушма VI			
1793	Селище Шоушма VII			
1794	Комплекс ловчих ям Шоушма I			
1795	Комплекс ловчих ям Шоушма II			
1796	Комплекс ловчих ям Шоушма III			
1797	Комплекс ловчих ям Шоушма IV			
1798	Впадина (ловчая яма) Енья 26.1			
1799	Енья 1			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
1800	Поселение Шоушма 18			
1801	Поселение Шоушма 19			
1802	Поселение Шоушма 20			
1803	Поселение Сулеймановы Острова 10			
1804	Поселение Сулеймановы Острова 11			
1805	Поселение Сулеймановы Острова 12			
1806	Поселение Сулеймановы Острова 13			
1807	Поселение Сулеймановы Острова 14			
1808	Поселение Сулеймановы Острова 16			
1809	Поселение Сулеймановы Острова 17			
1810	Поселение Сулеймановы Острова 18			
1811	Поселение Сулеймановы Острова 19			
1812	Поселение Сулеймановы Острова 20			
1813	Поселение Сулеймановы Острова 21			
1814	Поселение Верхнекондинское 1			
1815	Поселение Шоушма 11			
1816	Поселение Шоушма 12			
1817	Поселение Шоушма 13			
1818	Поселение Шоушма 14			
1819	Поселение Шоушма 17			
1820	Поселение Арантур 43			
1821	Поселение Арантур 44			
1822	Поселение Арантур 45			
1823	Группа ловчих ям Арантур 22			
1824	Поселение Арантур 2 (Югорское 1)			
1825	Поселение Арантур 3 (Югорское 2)			

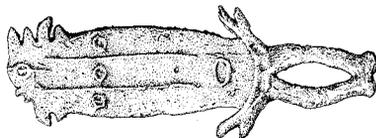
1	2	3	4	5
1826	Группа ловчих ям Арантур 4 (Югорское 3)			
1827	Поселение Арантур 7/2 (Арантур 8) (Югорское 7)			
1828	Поселение Арантур 7/3 (Арантур 9) (Югорское 8)			
1829	Поселение Арантур 10 (Югорское 9)			
1830	Производственный комплекс Арантур 34			
1831	Поселение Арантур 35			
1832	Поселение Арантур 36			
1833	Местонахождение Арантур 38			
1834	Местонахождение Арантур 39			
1835	Местонахождение Арантур 40			
1836	Поселение Арантур 41			
1837	Поселение Арантур 46			
1838	Поселение Арантур 49			
1839	Поселение Енья 1 (Югорское 10)			
1840	Поселение Енья 2 (Югорское 11)			
1841	Поселение Енья 11			
1842	Поселение Енья 20			
1843	Городище Енья 22 (Югорское 14)			
1844	Поселение Пашкин Бор 7			
1845	Поселение Пашкин Бор 8			
1846	Городище Барсов Городок 1/2	1-нп от 10.01.2019		
1847	Городище Барсов Городок 1/9			
1848	Селище Барсова Гора 1/9			
1849	Селище Барсова Гора III/25			
1850	Селище Барсова Гора III/55			
1851	Селище Барсова Гора III/13			
1852	Селище Барсова Гора III/27			
1853	Селище Барсова Гора III/28			
1854	Селище Барсова Гора III/29			
1855	Селище Барсова Гора III/38			
1856	Селище Барсова Гора III/19, 20			
1857	Селище Барсова Гора III/26			
1858	Селище Барсова Гора III/31			
		Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Сургутском р-не		Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru) Номер опубликования: 8601201901180004. Дата опубликования: 18.01.2019.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
1859	Селище Барсова Гора III/39			
1860	Селище Барсова Гора III/58			
1861	Селище Барсова Гора III/60			
1862	Селище Барсова Гора IV/11			
1863	Селище Барсова Гора IV/14			
1864	Могильник Барсовский VI			
1865	Городище Добринка 1	2-нп от 10.01.2019	Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения, расположенных в Ханты-Мансийском р-не	Официальный интернет-портал правовой информации (http://publication.pravo.gov.ru). Номер опубликования: 8601201901180003. Дата опубликования: 18.01.2019.
1866	Поселение Добринка 2			
1867	Поселение Добринка 3			

Составил: Д.М. Шакиров

Формализация и формализм в установлении границ объектов археологического наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Е.А. Данилов
г. Екатеринбург
Индивидуальный предприниматель

Аннотация. В статье на примере полевых археологических работ, связанных с установлением границ объектов археологического наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, показана необходимость формализации процедур полевой археологии, а также проблема формального следования им. На основе краткого анализа существующих документов делается вывод, что нормативная база не успевает за возможностями, которые стали доступны исследователю. В ходе полевых работ эти возможности вместо авторитетного мнения позволяют получать факты, которые можно верифицировать. В то же время какие бы нормы ни вводились, следование «букве», а не «духу» закона, формализм в выполнении поставленной задачи сводят позитивное влияние формальных процедур на нет. В связи с этим в очередной раз поднимается вопрос о необходимости модернизации нормативной базы и выработки сообществом археологов профессионально-этических норм.

Ключевые слова. Объекты археологического наследия, сохранение, методика, научный подход, геодезия, фиксация, шурфовка, топографическая съёмка, фотограмметрия, отрисовка археологических сооружений, формализация, формализм.

Формализация — это представление какой-либо содержательной области в виде системы, совокупности познавательных операций. Она позволяет не только организовать и упорядочить процесс деятельности, но и оценить её качество на основании неких объективных критериев. Однако у процесса формализации существует и обратная сторона — формализм или соблюдение внешней формы в ущерб существу дела,

что дискредитирует установленные нормы, превращает деятельность в механический процесс без конкретного целеполагания. В настоящее время во многих сферах очевидна необходимость в преодолении конфликта между формализацией и формализмом, «буквой» и «духом» закона, а также между чрезмерной формализацией и отсутствием таковой. Не является исключением и полевая археология.

В предлагаемой публикации будут рассмотрены лишь аспекты полевой археологии, связанные с установлением границ объектов археологического наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ил. 1).

Краткий анализ основных документов

Требования к работам по установлению границ объектов археологического наследия в ХМАО — Югре формализованы в целом ряде документов. В первую очередь это «Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной до-

Ил. 1. Археологические полевые работы по установлению границ объектов археологического наследия на территории ХМАО — Югры. 2017 г. Фото: В.В. Завалин

кументации», утверждённое постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20.06.2018 № 32. Кроме того, с 2012 г. Министерством культуры РФ рекомендована к применению «Методика определения границы территории объекта археологического наследия», разработанная Институтом археологии РАН (за основу были взяты корпоративные инструкции ООО «НАЦ «АВ КОМ — Наследие» и Ассоциации «Северная археология»). Непосредственно на территории округа работы проводятся согласно государственной программе «Развитие культуры и туризма в ХМАО — Югре на 2016—2020 годы», утверждённой постановлением правительства округа от 9.10.2013 № 427-п (раздел «Сохранение, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия»). Для реализации направления Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры совместно с археологами, работающими на территории округа, было разработано и в дальнейшем не раз дополнялось «Техническое задание на выполнение научно-исследовательских работ по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия». Все эти документы имеют огромное влияние на состав и качество проводимых работ и являются примерами формализации трудовой деятельности практикующих «полевых» археологов. Каковы же их основные достоинства и недостатки в части регламентации требований к работам по установлению границ объектов археологического наследия?

«Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации» (далее — Положение). Порядок установления границ объектов археологического наследия текущей редакцией Положения не определяется. Однако по сравнению с более ранними редакциями оно дополнено важным требованием: для подтверждения границ объекта археологического наследия необходимо закладывать шурфы¹. Каким образом держатель Открытого листа должен выбирать место для шурфов и какое количество шурфов является достаточным, при этом не уточняется, но накладывается несколько ограничений: запрещается вскрывать более 20 кв. м на одном памятнике и закладывать шурфы на выраженных в рельефе археологических сооружениях. Строгое и однозначное ограничение по площади вскрываемой поверхности появилось в поздних редакциях Положения. Предыдущие редакции допускали увеличение количества шурфов, однако необходимость их заложения должна была *«быть специально оговорена и аргументирована»*². Исключение этого

комментария из текста Положения ничем не обосновано и представляет собою пример очень грубой формализации. Объекты археологического наследия уникальны, занимаемые ими участки имеют разную площадь и конфигурацию — следовательно, неодинаковы и периметры границ. Поскольку существует прямая зависимость между количеством шурфов и степенью обоснованности границ, кажется логичным, что это количество должно определяться длиной периметра: например, 1 шурф на каждые 50–100 м того участка границы, который не может быть обоснован другим способом. В связи с этим максимальное количество шурфов, закладываемых для установления границы, ограничивать не следует, поскольку в таких случаях контуры границ объектов археологического наследия больших площадей и сложных конфигураций могут не получить достаточного обоснования.

В формулировках Положения заложено ещё одно существенное противоречие: любые границы, определённые *«без закладки шурфов, рассматриваются исключительно в качестве предварительных»*³. С одной стороны, требование производить шурфовку в ходе работ по

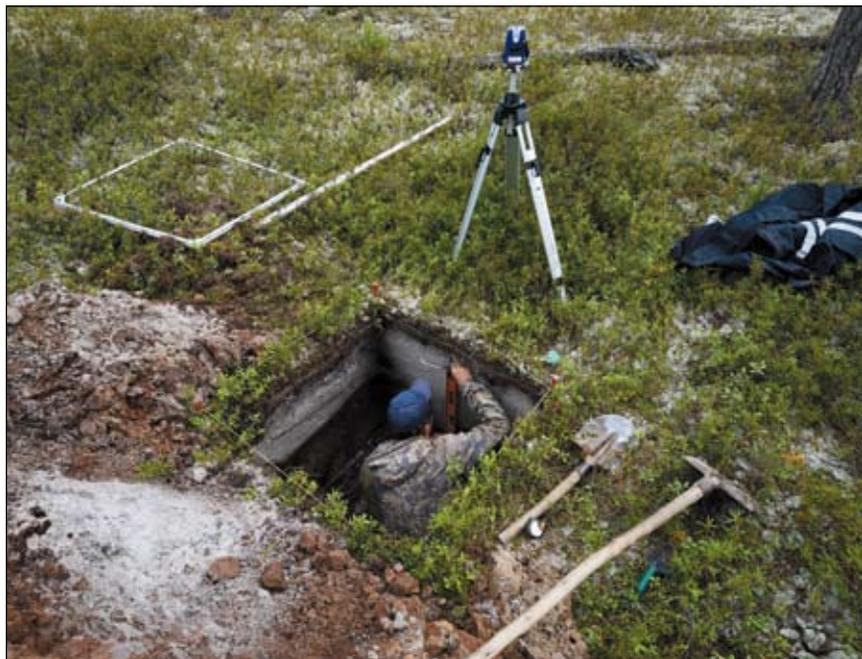

Ил. 2. Фиксация условного горизонта шурфа. 2017 г. Фото: В.В. Завалин

установлению границ объектов археологического наследия оправдано и позволяет повысить качество проводимых работ. С другой — на практике возникают ситуации, когда шурфы для установления границ, строго говоря, не нужны вообще: объект археологического наследия может быть со всех сторон окружён чёткими ландшафтными рубежами (например, при расположении на острове) либо другими объектами археологического наследия, с которыми он имеет смежные границы.

В поздних редакциях Положения появился ещё один пункт, связанный с шурфами и вызывающий нарекания: «*В случае отсутствия признаков объекта культурного наследия на обследуемом участке достаточно фотографической фиксации одного из бортов каждого разведочного шурфа*»⁴. Наличие этой оговорки влечёт за собой существенное ухудшение качества производимых исследований, не позволяя в полной мере верифицировать результаты полевых работ: ситуации, в которых исследователи не видят культурного слоя даже в очевидных случаях, действительно, не так редки. Кроме того, эта же оговорка упрощает подлог: достаточно заложить один шурф, сфотографировать

Ил. 3. Выравнивание стенки шурфа с помощью строительного уровня. 2017 г.
Фото: В.В. Завалин

четыре «борта» и в отчётной документации выдать их за четыре разных шурфа. Примеры, к сожалению, известны. В результате страдает не только качество самого исследования, которое без возможности верификации перестаёт отвечать критериям научности, но и сохранность объектов археологического наследия (ил. 2, 3).

Вызывает недоумение и пункт 3.6.в: *«Необходимы определение географических координат поворотных точек границ территории объекта археологического наследия посредством прибора глобального позиционирования и фиксация этих точек на плане, в том числе и глазомерном»*⁵. Координаты «поворотных» (характерных) точек границы территории объекта археологического наследия, безусловно, необходимы для постановки на государственную охрану, но почему они должны быть определены именно прибором глобального позиционирования, а не картометрически, фотограмметрически, геодезически или любым другим методом? Так, нормативные документы по межеванию прямо разрешают использование всех указанных методов при определении координат «поворотных» (характерных) точек земельных участков⁶.

Ил. 4. Использование тахеометра при съёмке объектов археологического наследия. 2016 г. Фото: Е.А. Данилов

Следовательно правильно было бы устанавливать требования к точности, а не к методу определения координат, или, во всяком случае, допустить применение способов определения координат, используемых в межевании земельных участков (ил. 4).

Ещё один пункт Положения, относящийся, правда, к раскопкам, но напрямую связанный с привязкой топографического плана к местности и связывающий работы по установлению границ объекта археологического наследия с работами по его сохранению, в текущей редакции Положения изложен следующим образом: «...*На объекте археологического наследия должен быть установлен единый постоянный репер. Место расположения репера фиксируется на плане объекта археологического наследия. Необходимо определение географических координат репера, желательна привязка его к балтийской системе высотных отметок*»⁷. Очевидно, что для закрепления на местности необходимо минимум два пункта опорной геодезической сети. Защитники Положения возражают, что «репер» этот высотный и необходим для закрепления только высотных отметок. Такая позиция вызывает недоумение: неужели исследователь имеет право игнорировать плановые привязки и пользоваться только высотными? Каким образом он будет стыковать между собой раскопы разных лет? Как он будет получать координаты находок в единой системе координат? Как результаты раскопок будут связаны с результатами разведок? В результате в повседневной практике археологов возникают ситуации, когда раскопы разбиваются по компасу, по компасу же производится установка измерительных приборов, реальные формы раскопов не соответствуют заявленным в отчётах... Как следствие значительно искажается форма очертаний археологических сооружений и слоёв, а затем на основании этих искажённых данных пишутся статьи, выводы которых затем повторяются в монографиях и других обобщающих исследованиях.

«Методика определения границы территории объекта археологического наследия» (далее — Методика). Данный документ в настоящий момент наиболее полно раскрывает процесс установления границ объектов археологического наследия. Согласно его положениям, границы объекта археологического наследия определяются на основании анализа археологической, ландшафтно-топографической, антропогенной, музейной и картографической информации о нём⁸. Определяется и состав полевых работ по установлению границ объекта археологического наследия:

- обследование территории и обнажений культурного слоя,
- выявление археологических сооружений,
- закладка стратиграфических разрезов (шурфов),
- проведение топографической съёмки и фотофиксации,
- составление описания⁹.

Методика содержит гораздо меньше противоречий, чем Положение, и избавлена от наиболее явных из них. Так, для закрепления на местности, согласно Методике, требуется не менее трёх «опорных реперов»¹⁰. В явном виде отсутствуют ограничения по выбору метода определения координат «поворотных» (характерных) точек границы¹¹, указаны требования к точности¹². Исключено разрешение фотографировать только один «борт» шурфа, в котором культурный слой не был зафиксирован¹³.

В п. 6.7.2 Методики оговорены правила отрисовки археологических сооружений. Унификация в этой области позволяет сравнивать результаты исследований разных специалистов, исключает ошибки в интерпретации. Однако предлагаемые нормы, хотя и использовались мною значительное время (2002—2010 гг.), имеют свои существенные недостатки и противоречия, не в полной мере соответствуют логике условных знаков для топографических планов, принятых в России. Более того, к моменту публикации Методики уже были выработаны и использовались на практике менее противоречивые правила отрисовки археологических сооружений, которые в дальнейшем вошли в упомянутое выше Техническое задание¹⁴.

Значительное внимание Методика уделяет конкретным принципам выделения границ объектов археологического наследия. Принципы эти вполне применимы на практике, хотя и не лишены некоторых недостатков. В частности, не учтена индивидуальная специфика объектов археологического наследия. Так, если для объекта поселенческого типа выделение условной 25-метровой «буферной зоны» (*«зоны наиболее осваиваемого пространства»*) вполне оправдано, то такая же зона для ловчих ям является чрезмерной. Как показала практика раскопок подобных объектов, распространение культурного слоя (выкид из ям) не превышает 12 м, а археологические предметы встречаются лишь в единичных случаях. Имеются и противоречия: с одной стороны, рекомендуется определять границу *«на расстоянии не менее 25 м от крайних визуально определяемых археологических сооружений, обнажений культурного слоя, мест скопления археологических предметов»*¹⁵, с другой — *«на расстоянии от 2-х м от подошвы насыпи, внешнего периметра сооружений, ориентировочных границ*

элементов объекта археологического наследия, указанное расстояние не должно превышать 25 м»¹⁶. Понять, что вкладывали авторы в термин «одиночный объект археологического наследия»¹⁷, из текста документа также не представляется возможным.

Кроме того, Методика сохраняет некоторые условности, призванные облегчить работу археолога. Так, если топографическую съёмку проводит специализированная геодезическая организация, то в приложении к отчёту предоставляется технический отчет на объекты съёмки; если же съёмку проводит специалист-археолог, то подобный отчет не требуется¹⁸. Очевидно, что требования к отчётной документации должны быть едиными для всех исполнителей работ по установлению границ объектов археологического наследия.

«Техническое задание на выполнение научно-исследовательских работ по обследованию технического состояния и установлению границ территорий объектов археологического наследия» (далее — Техническое задание). В связи с тем, что из всех названных документов Техническое задание наиболее гибко и открыто к внесению изменений, в настоящее время оно является и наиболее сбалансированным, отвечающим требованиям времени и методическим нововведениям, используемым на территории округа. Конкретные рекомендации по выделению границ объектов археологического наследия в Техническом задании отсутствуют, однако подробно расписан состав работ.

Большое внимание уделено шурфам (стратиграфическим разрезам). Например, постулируется приоритет объективных методов фиксации, отвечающих критериям научности (объективности, полноте, избыточности, проверяемости и повторяемости)¹⁹, в частности фотограмметрических. О преимуществе этих методов писалось уже не раз, и их применение на территории округа встречается повсеместно. Чертежи, выполняемые непосредственно на месте проведения работ с натуры и являющиеся основным методом фиксации, согласно Положению²⁰, могут рассматриваться «*лишь как дополнение к фотограмметрическим фиксациям, отражающее мнение чертёжника, исследователя или группы лиц, принимавших участие в интерпретации увиденного*»²¹. Сами раскопки шурфов (стратиграфических разрезов) предлагается проводить по горизонтам с обязательной фиксацией всех стенок и каждого горизонтального разреза через 0,1 м²². Шурфовка, проведённая с применением данных принципов, позволяет выявить ошибки интерпретации и верифицировать результаты исследований²³.

Значительным недостатком Технического задания в части проведения шурфовочных работ, с моей точки зрения, является требование закладывать не менее двух шурфов на каждый объект археологического наследия²⁴. Как уже говорилось выше, на практике довольно часто возникают ситуации, когда для установления границ достаточно одного шурфа либо они не требуются вовсе. Вероятно, данный пункт Технического задания направлен на борьбу с недобросовестностью исполнителей, которые всеми путями стремятся сократить объём работ, однако фактически он воспринимается многими формально. В случаях, когда очевидна необходимость закладки большего количества шурфов, исполнитель ограничивается двумя на основании того факта, что два шурфа прямо указаны в Техническом задании.

Оговорены в Техническом задании и правила отрисовки археологических сооружений²⁵. Правила эти менее противоречивы, чем в Методике, лишены её недостатков, успешно используются на территории округа при проведении топографической съёмки объектов археологического наследия с 2011 г.²⁶

Расширен список допустимых методов для определения «поворотных» (характерных) точек границы: геодезический, метод спутниковых геодезических измерений, фотограмметрический, картометрический, аналитический²⁷.

Работа над ошибками

Формализация, безусловно, является важным шагом на пути развития любой профессиональной деятельности. Учитывая отсутствие в России системы подготовки квалифицированных инженерных кадров для проведения научных полевых археологических исследований²⁸, на разработчиков рассмотренных документов возлагалась ответственная задача по регламентации деятельности археолога-«специалиста». Будучи историком по образованию, он, как правило, не обладает навыками инженерной геодезии, глубокими знаниями в почвоведении культурных отложений и прочем, а сам факт его участия в полевых работах под руководством другого «специалиста» не означает автоматического получения этих навыков. В этой связи отделение процесса «замысла» от процесса «исполнения» (или, другими словами, формализация) археологических полевых работ является *de iure* фактором позитивным, но требующим от составителей высочайшего уровня компетенции. *De facto* мы видим значительные недочёты и недоработки, которые в ряде случаев приносят больше вреда, чем пользы. Опасение получить

отрицательное заключение на отчёт о НИР приводит к стагнации и пассивности в поиске новых методов археологических исследований, а ограниченность времени и средств — к осознанному формализму в части выполнения требований регламентов, которые, как уже было показано выше, имеют и внутренние, и внешние противоречия.

Главный недостаток Положения — отсутствие связующей нити, некоей глобальной цели, которая объединяла бы его разрозненные требования в единую систему. А между тем эта цель определена федеральным законом, и результатом любых археологических полевых работ является не только изучение, но и сохранение объекта археологического наследия в том или ином виде²⁹. В случае раскопок, во время которых культурный слой, как правило, утрачивается полностью, применяемые методы должны обеспечивать получение и сохранение объективной информации об объекте археологического наследия. Эта информация должна содержать не только мнение автора, но и набор данных, который бы позволял многократно интерпретировать и верифицировать результаты раскопок. Положение же в своей основе не требует создания объективного источника информации об объектах археологического наследия, подменяя мнение объективные факты. И если тридцать лет назад предлагаемая методика, вероятно, отражала состояние полевой археологии, то в наше время цифровая фотография, персональные компьютеры и прочие технические новшества изменили сам принцип проведения работ, а также отношение к отчёту о полевых археологических исследованиях как к источнику информации о фактах, а не набору мнений. В итоге полевая археология в России стала куда более объективной и научной, по крайней мере, там, где исследователи осознают всю степень своей ответственности — «Разрушая, сохранять!». Печально, что Положение не успевает за этими изменениями, отставая от них на десятилетия, что в конечном итоге ведёт к разрушению объектов археологического наследия под прикрытием Открытых листов.

Любой разведочный шурф — это, безусловно, раскоп в миниатюре. А поскольку без шурфов невозможно определение границ объектов археологического наследия, то на методике проведения раскопок приходится остановиться подробнее. Единственным объективным методом, исключаящим значительное влияние восприятия конкретного исследователя или даже рабочего-землекопа, пока является метод раскопок по условным горизонтам (по условным пластам) с фиксацией горизонтальных сечений с заданным интервалом, или, как назвал его

К.Г. Карачаров, «*археологическая томография*»³⁰. При закладке разведочного шурфа, результат исследования которого всегда неизвестен, необходимо проводить его выборку так, словно культурный слой в нём априори присутствует. Кроме того, в силу недостаточного опыта и массы других причин субъективного характера археолог не всегда способен зафиксировать культурный слой, поэтому предоставляемая им в научном отчёте информация должна дать возможность другим оценить правильность его выводов. Формализация (установление условных горизонтов и обязательная фиксация) в этом случае ведёт к увеличению степени объективности получаемых данных, так как снижает влияние субъекта на объект исследования.

Долгое время слабостью этого метода оставался способ фиксации, который был по существу художественным. XXI век открыл широким массам возможность применения фотограмметрии, которая превратила фиксацию из субъективной и творческой в объективную и научную. Фотограмметрия обеспечивает высокую точность, высокую степень автоматизации, объективность и избыточность получаемой информации, возможность повторения наблюдений и измерений. Наиболее доступным из фотограмметрических методов является метод цифровой фотограмметрии, основанный на работе с одиночными снимками (цифровая фотограмметрия одиночного снимка). Он не требует дорогостоящего оборудования и значительных вычислительных мощностей (вся обработка полученных данных может выполняться на персональных компьютерах). Критики данного метода не учитывают, что при его применении должны соблюдаться определённые правила, игнорирование которых в конечном итоге искажает результаты фиксации и не позволяет даже примерно судить о её точности:

- фиксируемая горизонтальная или вертикальная плоскость выводится недостаточно ровно, «на глазок», без применения уровней, нивелиров или других строительных приборов;
- опорные точки, по которым производится исправление искажений, находятся не в одной плоскости с фиксируемым объектом;
- контуры объекта выходят за линии, соединяющие смежные крайние опорные точки;
- отсутствуют опорные точки в центральной части снимка
- и пр.

Нередко ортогональные фотографические проекции сечений подменяются фотографиями, сохраняющими перспективу и искажения, вносимые оптикой. Иногда применяются методы компенсации перспективы и искажений, которые вносят еще большие искажения, например триангуляционные методы³¹.

Следует отметить, что в стеснённых условиях (например, при проведении шурфовочных работ) возникает сложность в точном определении координат опорных точек снимка, поскольку реальная возможность длительное время держать тахеометр рядом с каждым шурфом у большинства исследователей отсутствует, а вынос опорных точек засечками или способом перпендикуляров в условной системе координат каждого шурфа требует определенных навыков. В связи с этим приходится полагаться на квалификацию работников и их умение обращаться с рулеткой, уровнем и отвесом. На практике это приводит к значительным ошибкам, которые, особенно в глубоких шурфах, могут достигать 5–10 см в плане.

Альтернативным методом объективной фиксации является стереофотограмметрическая фиксация, которая также показывает хорошие результаты, но:

- требует больших вычислительных мощностей;
- подвержена ощутимым несистемным ошибкам (искажения участков изображения; «белые пятна»; ошибки экстраполяции; артефакты, возникающие в результате ошибок автоматической шивки снимков);
- требует большего контроля со стороны исследователя в ходе обработки данных.

В то же время, в случаях работы с объёмными объектами или в стеснённых условиях, стереофотограмметрия при её корректном применении становится наиболее эффективным объективным методом фиксации. Так, она успешно применяется на практике для создания ортогональных фотографических проекций горизонтальных разрезов при проведении шурфовочных работ. Её основное преимущество перед фотограмметрией одиночного снимка заключается в отсутствии необходимости определять опорные точки для каждого отдельного уровня фиксации, поскольку эти точки при использовании данного метода могут находиться не в одной плоскости с фиксируемой поверхностью. Это означает, что достаточно единожды определить координаты углов шурфа или других опорных точек, закреплённых за пределами распыляемой площади, а не полагаться на квалификацию рабочих.

Существуют и другие методы объективной фиксации горизонтальных и вертикальных разрезов, себестоимость которых, однако, значительно выше, например лазерное сканирование.

Другой не менее важной стороной процесса установления границ является топографическая съёмка. За более чем трёхсотлетнюю историю методы её прекрасно разработаны, формализованы и закреплены в соответствующих документах. К сожалению, на практике при про-

ведении топографической съёмки археологи допускают множество ошибок, но в целом это скорее проблема конкретных исследователей, обусловленная недобросовестностью, а чаще недостаточным уровнем знания предмета. Можно отметить, что за последние несколько десятков лет ситуация с качеством топографической съёмки на территории округа заметно улучшилась — произошёл переход от съёмки схематичных глазомерных планов к инструментальным. Требования органов охраны, необходимость кадастрового учёта, да и само археологическое сообщество выдвигают всё больше требований к археологу в части геодезической составляющей археологических полевых работ. Археологические организации берут в штат геодезистов, отправляют сотрудников на курсы повышения квалификации. Не всегда и не везде этого оказывается достаточно, но нельзя не отметить, что позитивная динамика, в целом, присутствует.

Значительным успехом последних лет стоит считать начало широкого применения методов дистанционного зондирования, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) (ил. 5).

Ил. 5. Использование БПЛА в процессе археологических полевых работ. 2018 г. Фото: В.В. Завалин

Так, фотограмметрия широко применяется для создания ортогональных фотографических проекций земной поверхности. Доступной становится аэрофотосъемка с применением БПЛА, которая позволяет избежать наиболее явных ошибок наземной съёмки, верифицировать её результаты, уменьшить долю субъективизма. С одной стороны, можно надеяться, что аэрофотосъёмка станет обязательной составляющей любого археологического исследования, с другой — она может преждевременно заменить (или, вернее, подменить) наземную съёмку — там, где археологи будут стремиться к скорости, а не к качеству работ. Появляются и другие технологии (например, LIDAR и радиолокация), которые наравне с фотограмметрией применяются для составления топографических планов.

Если относительно общей части топографического плана установлены достаточно жёсткие нормы, единые на всей территории страны, то в специальной части плана объектов археологического наследия единообразие отсутствует. И хотя чёткие правила разработаны, они не закреплены в стандартах, а положения Технического задания, как правило,

Ил. 6. Отрисовка археологических сооружений с натуры. 2017 г. Фото: В.В. Завалин

игнорируются. Это приводит к удручающей ситуации, когда сравнить результаты исследований разных авторов оказывается невозможно. Особенно остро стоит вопрос объективности фиксации археологических сооружений и возможности верификации результатов исследований. Любая отрисовка, как бы она ни была формализована, несёт в себе значительную долю субъективизма (ил. 6). И если для раскопок (в том числе шурфов) проблема субъективности фиксаций решена, то для археологических сооружений к решению проблемы объективной фиксации мы в данный момент только подходим. В защиту существующих методов могу сказать только, что исследователи, использующие одни и те же правила отрисовки (в случаях, когда правила вообще используются), получают очень близкие результаты. Возможным выходом из ситуации является использование стереофотограмметрии или LIDAR-технологий, однако сфера их применения ограничена при высокой степени залесённости. Кроме того, не совсем ясно, насколько подобные технологии применимы при фиксации археологических сооружений со слабой выраженностью очертаний и незначительным перепадом высот. Так или иначе, в данный момент эффективный сравнительный анализ археологических сооружений, а также потребности охраны объектов археологического наследия требуют этапа интерпретации (отрисовки) — так же, как этого этапа требуют археологические слои на раскопе, как бы они ни были зафиксированы (с натуры, фотограмметрическим способом или способом лазерного сканирования), а потому вопрос единообразия отрисовки остаётся открытым.

Через тернии к звёздам

Сегодня археология стоит на распутье. С одной стороны, отсутствует эффективная система профессионального образования, которая бы отвечала конкретным требованиям полевой археологии, существующие регламенты недостаточно проработаны, основные из них устарели. С другой стороны, наблюдается всплеск творческой мысли, направленный на попытку органично вписать практику полевых археологических исследований в парадигму современной научной деятельности, отход от субъективизма и переход к объективным методам получения научного знания, использование современных технологических достижений, значительно расширяющих инструментарий археолога.

Борьба между новаторами и консерваторами — явление закономерное, и только она способна привести к здоровой дискуссии. Стоит вспомнить, что возражения рецензентов научных отчётов из

Института археологии РАН вызывали и цветные фотографии (на заре их массового распространения), и привязка топографических планов и раскопок к Балтийской системе высот, и использование фотограмметрических методов, и включение в отчёт о НИР технического отчёта по топографической съёмке... В этой оппозиции старого и нового происходит здоровое развитие, принятие новых и модернизация старых методов, а в результате отчёты приобретают совершенно другой вид.

Оборотной стороной любой формализации является формализм. В борьбе с ним особую роль может получить открытая и прозрачная система общественного контроля, а также ответственность исполнителей не только перед ОПИ ИА РАН, но и перед местными органами государственной охраны, которые зачастую лучше разбираются в местной специфике и непосредственно включены в процесс охраны объектов археологического наследия на конкретной территории. Возможно, правильным шагом является создание локальных «Положений об особенностях проведения полевых археологических работ...» и инструктивно-методических документов, распространяющих сферу своего применения на уровне субъекта РФ (как это сделано для г. Москвы³²).

С другой стороны, как бы хорошо ни были формализованы инструкции, положения и регламенты, без профессионально-этических норм, наличия профессиональной ответственности и понимания необходимости соблюдения не только исследовательских задач, но и интересов сохранения информации об объектах исследования, все они превратятся в набор никому не нужных бумажек, а формализм в их выполнении будет вредить там, где авторы документов не могли себе даже представить. Решение этой сложной социальной задачи невозможно в рамках только археологического сообщества, необходимо привлечение разных государственных институтов, поскольку он затрагивает не только вопросы науки, но и воспитания, образования, права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации : утв. Постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 22.06.2018 № 32 / Институт археологии РАН. — М., 2018. — П. 3.4, 3.7. URL: http://www.archaeolog.ru/media/2018/Polozhenie_2018_2.pdf (дата обращения: 28.05.2019).

² Инструкция к Открытым листам на право производства разведок и раскопок, выдаваемым Институтом археологии Академии наук СССР / Институт археологии Академии наук СССР. — М.: Наука, 1984. — П. 24; Положение об Открытых листах на

право производства разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР / Институт археологии Академии наук СССР. — М., 1991. — П. 22.

³ Положение о порядке проведения археологических полевых работ ... — П. 3.3.

⁴ Положение о порядке проведения археологических полевых работ ... — П. 3.12.

⁵ Положение о порядке проведения археологических полевых работ ... — П. 3.6.в.

⁶ Методические рекомендации по проведению межевания объектов землеустройства : утв. Росземкадастром 17.02.2003 : ред. от 18.04.2003. — П. 15.3; Требования к составлению карты (плана) объекта землеустройства : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.2009 № 621.— П. 22; Требования к точности и методам определения координат характерных точек границ земельного участка, а также контура здания, сооружения или объекта незавершенного строительства на земельном участке : утв. Приказом Минэкономразвития РФ от 17.08.2012 № 518 : зарегистрировано в Минюсте РФ 25.12.2012 № 26340. — П. 3; Требования к подготовке межевого плана, в том числе особенности подготовки межевого плана в отношении земельных участков, указанных в ч. 10 ст. 25 Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» : утв. Приказом Минэкономразвития РФ от 24.11.2008 № 412 : в ред. Приказов Минэкономразвития РФ от 25.02.2014 № 89, от 22.12.2014 № 822. — П. 39.

⁷ Положение о порядке проведения археологических полевых работ ... — П. 4.12.

⁸ Методика определения границы территории объекта археологического наследия: рекомендована к применению Министерством культуры и массовых коммуникаций письмом от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ / Институт археологии РАН. — П. 3.2.

⁹ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 5.1.

¹⁰ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 6.5.

¹¹ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 8.4—8.6.

¹² Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 8.9.

¹³ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П.т 5.6.1.

¹⁴ Данилов Е.А. Археолого-топографические исследования в 2011 г. на Нивагальском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачевнефтегаз», в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / ХМАО; ООО НПО «Северная археология 1». — Нефтеюганск, 2011. — Научно-производственный архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Д. 1612. № 6853; Данилов Е.А. Археолого-топографические исследования в 2011 г. на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачевнефтегаз», в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / ХМАО; ООО НПО «Северная археология 1». — Нефтеюганск, 2011. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 272. О правилах отрисовки археологических сооружений подробнее см.: Данилов Е.А. О хорошо забытом старом... (Гнатив В.О. Специальные условные топографические знаки в археологии Западной Сибири: систематика и характеристика // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — Вып. 13. — С. 56—70) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2016. — Вып. 14. — С. 414—424.

¹⁵ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 7.2.

¹⁶ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 7.6.9.

¹⁷ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 7.6.8.

¹⁸ Методика определения границы территории объекта археологического наследия ... — П. 6.4.

¹⁹ Подробнее см.: **Карачаров К. Г.** Спасательные археологические полевые работы как вариант «чёрной археологии» // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат-лы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», посвящённой 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). — Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. — С. 203.

²⁰ Положение о порядке проведения археологических полевых работ ... — П. 4.29.

²¹ Техническое задание на выполнение научно-исследовательской работы по теме: «Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Советском и Кондинском районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»: Приложение к Государственному контракту (гос. закупка № 0187200001719000034): утв. Руководителем Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2019 г. — П. 2.4.7. URL: <http://zakupki.gov.ru/44fz/filestore/public/1.0/download/priz/file.html?uid=BA31CD4145D34B11A663C3D8E1CE8A74> (дата обращения: 28.05.2019).

²² Техническое задание на выполнение научно-исследовательской работы ... — П. 2.4.5.

²³ О преимуществах данного метода см.: **Карачаров К.Г.** О регламентации проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры («Правила проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры») // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2018. — Вып. 16. — С. 34–37.

²⁴ Техническое задание на выполнение научно-исследовательской работы ... — П. 2.1.5.

²⁵ Техническое задание на выполнение научно-исследовательской работы ... — П. 2.5.5.1–2.5.5.6.

²⁶ **Данилов Е.А.** Археолого-топографические исследования в 2011 году на Нивагальском месторождении нефти...; **Данилов Е.А.** Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождении нефти...; **Данилова Е.Н.** Археолого-топографические исследования на Нивагальском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачевнефтегаз», в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / ХМАО; ООО НПО «Северная археология 1». — Нефтеюганск, 2012. — Научно-производственный архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Д. 1612, № 6852; **Данилова Е.Н.** Археолого-топографические исследования на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачевнефтегаз», в Нижневартовском районе ХМАО — Югры: отчёт о НИР / ХМАО; ООО НПО «Северная археология 1». — Нефтеюганск, 2012. — Научно-производственный архив АУ ХМАО —

Югры «Центр охраны культурного наследия». — Д. 1620, № 6860; Бахарев П.С. Археологические исследования в окрестностях д. Сайгатина, в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2012 г.: отчёт о НИР / ХМАО; МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». — Сургут, 2012. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 289; Цеменков А.Е. Проведение археологических работ в бассейне р. Конда, на территории Советского, Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: отчёт об археологических полевых работах: в 10 т. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Екатеринбург, 2015. — Архив ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Оп. 3, Д. 124; Цеменков А.Е. Проведение полевых работ в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 г. (бассейн рек Тромъеган, Савуй-Пеу, Эгутьягун, Яккунурий): отчёт о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Екатеринбург, 2016; Данилов Е.А. Проведение археологических полевых работ в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г.: отчёт о НИР: в 6 ч. / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». — Нефтеюганск, 2016. — Архив АСА. Ф. 1. Д. 340—345; Бахарев П.С. Археологическая разведка в бассейне р. Аган на территории Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2017 г.: отчёт о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1». — Нефтеюганск, 2017. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 349; Данилов Е.А. Проведение археологических разведок в бассейне р. Аган на территории Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2017 г.: отчёт о НИР: в 10 ч. / ООО «НПО «Северная археология — 1». — Нефтеюганск, 2017. — Архив АСА. Ф. 1. Д. 358—367; Данилов Е.А. Проведение археологических разведок на территории Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 г.: отчёт о НИР: в 7 ч. / ООО «НПО «Северная археология — 1». — Нефтеюганск, 2018. — Архив АСА. Ф. 1. Д. 368—374.

²⁷ Техническое задание на выполнение научно-исследовательской работы ... — П. 2.6.1.

²⁸ См.: Карачаров К. Г. Спасательные археологические полевые работы как вариант «черной археологии»... — С. 201.

²⁹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ. — Ст. 45.1, п. 7.

³⁰ Подробнее см.: Карачаров К.Г. О регламентации проведения археологических раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры... — С. 33—37.

³¹ Чтобы избежать ошибок фиксации, рекомендую пользоваться «Пособием по созданию ортогональных фотографических проекций стратиграфических разрезов объектов археологического наследия по одиночным снимкам». URL: https://vk.com/doc-135893684_440271453

³² Об особенностях организации археологических полевых работ на территории города Москвы : постановление правительства Москвы от 20.08.2012 № 414-ПП.

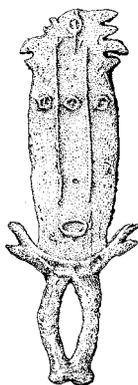
**Formalization and formalism in border demarcation
of the objects of archaeological heritage in the area
of Khanty- Mansiysk autonomous region – Yugra**

E.A. Danilov
Ekaterinburg
Individual entrepreneur

Annotation. In this article on the example of the field archaeological works, connected with the border demarcation of the objects of archaeological heritage in the area of Khanty- Mansiysk autonomous region – Yugra, is shown the necessity of formalization procedures in the field archaeology and also the problem of formal following them. On the ground of brief analysis of the existing documents the conclusion was drawn, that regulatory basis is behind of the opportunities, which became accessible to a researcher. During a field research process these opportunities allow to get not a subjective opinion, but verifiable objective facts. At the same time, no matter the instituted norms, sticking to «the letter of the law» instead of following «the spirit of the law» and formalism in performing of assigned task undo the positive influence of the formal procedures. In this regard once more is being raised an issue about the necessity of regulatory basis modernization and development of professional ethic norms by the archaeological community.

Key words. Objects of archaeological heritage, preservation, method, scientific approach, geodesy, fixation, shaft digging, land surveying, depicting of archaeological structures, formalization, formalism.

E-mail. danilov@northarch.ru

Этнокультурное наследие: определение и нормативно-правовая база

Е.Н. Данилова

г. Екатеринбург

Институт истории и археологии УрО РАН

Аннотация. В статье рассматривается понятие «этнокультурное наследие», являющееся основным средством культурной самоидентификации современных сообществ. Автор предлагает вариант определения этнокультурного наследия и показывает возможность сохранения и использования этого ресурса в рамках существующей нормативно-правовой базы. При этом выбор стратегии сохранения зависит от этнического состава населения и степени деградации тех компонентов культуры, которые обеспечивают самосохранение и идентичность этнических общностей.

Ключевые слова. Этнокультурное наследие, «живые сокровища человечества», этноресурс территории, нормативно-правовая основа.

Этнокультурное наследие является самостоятельным компонентом культурного наследия. Добавление ещё одного корня «этно-», придающего этому термину этническую окраску и указывающего на его связь с конкретной современной этнической группой, — относительно новая традиция, возникшая в научной литературе на фоне общей глобализации, когда черты отдельных культур (маркеры этнической самобытности) постепенно стали растворяться в современном социокультурном пространстве.

Сегодня понятие «этнокультурное наследие» часто можно встретить в этнографических работах, посвящённых сохранению традиционной культуры; в музееведении, в контексте музеефикации нематериального наследия; в качестве основного ресурса в индустрии этнотуризма. Учитывая разночтения существующих понятий, возникают сложности с закреплением его в нормативной сфере и, как следствие, с сохранением и использованием этого ресурса.

В культурологических работах А.В. Смеляковой обосновывается ценностный статус этнокультурного наследия через его значимость в

современном обществе. Автор предлагает определять этнокультурное наследие как *«материальные и нематериальные свидетельства жизнедеятельности этносов, сохраняющие и передающие социально значимую информацию об этнических культурах»*¹. В музееведческих работах Т.С. Курьяновой к данной трактовке добавляется условие: материальные и нематериальные элементы культуры должны быть вписаны в окружающую природную среду, функционировать как живая или музеефицированная традиция и признаваться в качестве ценности не только данным этносом, но и окружающим «полиэтническим сообществом»².

Понятие «этнокультурное наследие», утвердившись в научной терминологии, пока отсутствует в нормативно-правовой сфере. Несмотря на это, в нормативных актах его следует искать в качестве составной части культурного наследия.

Культурному наследию посвящено большое количество научных работ, раскрывающих его с различных ракурсов, в том числе в контексте его сохранения, понятийного аппарата и нормативно-правового регулирования³. Появившись как понятие в мировой практике в XVII в.⁴, «культурное наследие» долгое время, практически до кон. XIX в., соотносилось с недвижимыми объектами и смешивалось с пониманием исторического памятника. Постепенно, с сер. 1950-х гг., понятие «наследие» становится значительно шире и начинает включать в себя все материальные свидетельства присутствия человека и его окружения.

Содержание понятия «культурное наследие» впервые было раскрыто в Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972 г.)⁵. В нашей стране конвенцию ратифицировали в 1988 г.

Термин «нематериальное культурное наследие» возникло в азиатских странах, было введено понятие «живые сокровища человечества» (living human treasures). Он основывается на простой идее: добиться эффективной передачи наследия можно только в том случае, если оно будет производиться самими носителями культуры⁶.

На рубеже XX—XXI вв. этот принцип был принят на международном уровне и одобрен «Конвенцией об охране нематериального культурного наследия» (2003 г.). Согласно этой конвенции, нематериальное культурное наследие включает *«обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, от-*

дельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздаётся сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека»⁷. В Российской Федерации эта конвенция не ратифицирована, однако некоторые из её положений стали основой для ряда программ стратегического планирования в сфере культуры⁸.

В нашей стране правовую базу в сфере сохранения, изучения и использования этнокультурного наследия составляют Конституция, а также законодательные акты федерального и регионального уровней.

Ил. 1. Семён Александрович и Любовь Николаевна Айпины. Внесены в Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (раздел «Носители, исполнители и мастера фольклора коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры») по приказу Департамента культуры от 15.02.2019 № 09-ОД-28/01-09). Р. Аган. 2019 г.

Согласно ст. 44 Конституции РФ, «каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия...». Официальное понятие «культурное наследие» определено Федеральным законом «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех её народов, их вклада в мировую цивилизацию»⁹. Этот же закон гарантирует народам и иным этническим общностям в Российской Федерации право на «сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания»¹⁰.

Содержательную часть понятия «культурное наследие» раскрывает Закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», однако в нём (в отличие от указанного выше определения, включающего как

Ил. 2. Владимир Семёнович Когончин — председатель одной из первых общин коренных малочисленных народов Севера «Яун-Ях», созданной с целью «сохранить себя как народ». Р. Большой Юган. 2018 г.

материальную, так и духовную сферу) культурное наследие рассматривается только с точки зрения материальных объектов¹¹. Нематериальное культурное наследие, а также вопросы его сохранения, охраны, изучения, использования, актуализации и пропаганды этим законом не урегулированы. Объекты, имеющие ценность с точки зрения этнологии, согласно указанному закону, могут сохраняться только в качестве достопримечательных мест¹².

Отношения некоторых элементов этнокультурного наследия урегулированы такими нормативно-правовыми актами, как:

- Федеральный закон «О народных художественных промыслах» № 7-ФЗ (отношения в области народных художественных промыслов как одной из форм народного творчества, характерной для определённой местности, в пределах которой он исторически сложился и развивается в соответствии с самобытными традициями)¹³;
- Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» № 1807-1 (направлен на создание условий для сохранения, а также равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации)¹⁴;

Ил. 3. Народный мастер России Раиса Петровна Могольчина (1929—2014) за работой. Ваховская береста как один из видов традиционной национальной культуры народов Севера является уникальным явлением в культуре Югры и Российской Федерации. Р. Вах. 2007 г.

— Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 49-ФЗ (отношения в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования для ведения на этих территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни)¹⁵.

В соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» была разработана Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации¹⁶, которая осталась лишь в форме проекта и не была утверждена. В действующих документах стратегического планирования, содержащих приоритетные задачи социально-экономического развития страны, наряду с другими, выделены направления о сохранении культурного и исторического наследия, о поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации. Внимание к этнокультурному наследию прослеживается в таких

Ил. 4. Хранительница этнокультурного наследия Жанна Александровна Хохлянкина в доме своей мамы Р.П. Могильчиной. Р. Вах

государственных программах, как «Развитие культуры и туризма» и «Реализация государственной национальной политики».

Государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 317, реализуется Министерством культуры Российской Федерации¹⁷. В рамках подпрограммы «Наследие» она предполагает реализацию мероприятий по обеспечению сохранности и популяризации объектов культурного наследия. Объекты, имеющие ценность с точки зрения этнологии, попадают (могут попасть) в категорию объектов культурного наследия как достопримечательные места.

Другая государственная программа Российской Федерации — «Реализация государственной национальной политики», утверждённая Постановлением Правительства РФ от 29.12.2016 г. № 1532, реализуется Федеральным агентством по делам национальностей. В рамках подпрограммы «Коренные малочисленные народы Российской Федерации» она указывает своей целью обеспечение поддержки коренных малочисленных народов Российской Федерации, включая сохранение и защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни¹⁸. Показателями успешной реализации программы являются:

- «повышение участия общественных организаций коренных малочисленных народов Российской Федерации в решении вопросов, затрагивающих права и интересы коренных малочисленных народов; увеличение количества общественных организаций коренных малочисленных народов Российской Федерации, вовлечённых в реализацию государственной национальной политики Российской Федерации»;
- «повышение качества жизни, уровня занятости, доступа к образовательным услугам, сохранение традиционного образа жизни, создание условий для ведения традиционной хозяйственной деятельности и традиционного природопользования, сохранение традиционной среды обитания в местах расселения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹⁹.

С точки зрения охраны этнокультурного наследия эта программа может быть применена в качестве господдержки инициативы коренного населения в вопросах проведения этнологической экспертизы в местах их проживания, организации национальных общин, реализации различных этнопроектов, содействующих сохранению самобытных культур и традиционного образа жизни.

Учитывая существующую нормативно-правовую основу, этнокультурное наследие можно определить как совокупность материальных и нематериальных объектов, связанных с современной культурой и

имеющих значимость для поддержания и развития самобытности народа. Этнокультурное наследие может функционировать и развиваться как в естественной природной и социальной среде («живая» культура), так и быть частью музейных коллекций или вышедших из бытования элементов культуры. Грань между материальными и нематериальными этнокультурными объектами условна, основная ценность состоит в их взаимосвязях, утрата которых ведет к обезличиванию предметов и потере смысла частицы «этно-». Так, любой элемент материальной культуры, имеющий отношение к сохранению национальной самобытности, как правило, наделён определённым смыслом / эстетикой / связан с обрядами и пр. В свою очередь, большинство элементов духовной культуры выражается в материальных атрибутах.

Поскольку этнокультурное наследие тесно связано с его носителями, то выбор стратегии сохранения может зависеть от этнического состава населения и степени деградации тех компонентов культуры, которые обеспечивают самосохранение и идентичность этнических общностей.

По степени сохранности этнокультурного компонента можно выделить три основные группы.

Первая характеризуется социально-демографическим перевесом сохраняемого этнического компонента (коренного населения). Предметом охраны в этой группе объектов выступает «живая» культура с её жизненным укладом, способом хозяйствования и языком. Сохранение актуально в комплексе, а не отдельными элементами культуры.

Вторая характеризуется маргинальностью носителей этнокультурного наследия. Отсутствие численного перевеса ведёт к постепенной утрате самобытности и растворению в другой культуре. Предметом охраны могут быть отдельные элементы этнокультурного наследия (традиции, топонимия, обряды, фольклор и пр.).

Третья характеризуется отсутствием носителей этнокультурного наследия на конкретной территории. Сохранившиеся элементы культуры по каким-либо причинам вышли из употребления, ещё не археологизировались и имеют ценность для науки. Предметом охраны и изучения могут быть заброшенные стойбища, заброшенные культовые места и пр.

Каждой группе, учитывая разнообразие предмета охраны, может соответствовать тот или иной вариант стратегии сохранения этнокультурного наследия: создание достопримечательных мест, особо охраняемых территорий или заповедников, музеефикация, научная фиксация и государственный учёт.

В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, благодаря особенностям историко-культурного развития территории, этнокультурное

наследие является одним из достояний региона, его стратегическим ресурсом современного социокультурного развития. Охрана, изучение и использование этноресурса, в условиях интенсивного промышленного освоения, должны/могут войти в число приоритетных задач региональной администрации и окружных научных учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смелякова А.В. Этнокультурное наследие как ценность: Аксиологический подход // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2009. — № 2 (14). — С. 103.

² Курьянова Т.С. Сохранение и актуализация культурного наследия: учеб. пособие. — Томск: Издательский дом ТГУ, 2014. — С 36—37.

³ См., например: Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири: дис.... канд. ист. наук. — Томск, 2013; Курьянова Т.С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестн. Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — № 2. — С. 12—18; Курьянова Т.С. Сохранение и актуализация культурного наследия... — 82 с.

⁴ Подробнее об этом см.: Ключевые понятия музеологии / сост. André Desvallées и François Mairesse; пер. на рус. яз. А.В. Урядникова. — М.: ИКОМ, 2012 — С. 59—64 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://icom-russia.com/upload/iblock/532/5323743f731b222714f20ba0205ec238.pdf>. (дата обращения: 10.03.2019).

⁵ В настоящей Конвенции под «культурным наследием» понимаются:

памятники — произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

ансамбли — группы изолированных или объединённых строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

достопримечательные места — произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии. См.: Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972). Париж, 21 ноября 1972 г. / ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 14.01.2019).

⁶ Ключевые понятия музеологии... — С. 61—62.

⁷ Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. / ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv (дата обращения: 14.01.2019).

⁸ Анализ программ стратегического планирования до 2013 г. представлен в статье: Каргин А.С., Костина А.В. Сохранение нематериального культурного наследия

народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Культурная политика / Электронное периодическое издание. — 2008. № 3. — С. 59—71.

⁹ Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Ст. 3.

¹⁰ Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Ст. 20.

¹¹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Ст. 3.

¹² Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Ст. 3.

¹³ Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О народных художественных промыслах».

¹⁴ Федеральный закон от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации».

¹⁵ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

¹⁶ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013—2020 годы».

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»».

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации...»

Ethnocultural Heritage: Definition and Legal Framework

E.N. Danilova

Yekaterinburg

Institute of History and Archeology

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

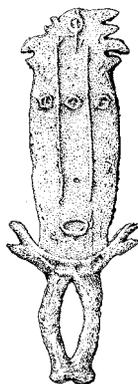
Annotation. The article is devoted to consideration of the concept «ethnocultural heritage», which is the main means of cultural identity of modern communities. The author offers a version of the definition of the ethnocultural heritage and shows the possibility of preserving and using this resource within the existing legal framework. The choice of a preservation strategy depends on the ethnic composition of the population and the degree of degradation of those cultural components that ensure self-preservation and identity of ethnic communities.

Key words. Ethnocultural Heritage, «living human treasures», ethnic resource of the area, legal framework.

E-mail. danilova@northarch.ru

Охранное зонирование исторических территорий в Сургутском районе ХМАО – Югры (из опыта предпроектных работ на Тевлинско-Русскинском нефтепромысле)

Г.П. Ведмидь

г. Сургут
ИКНПЦ «Барсова Гора»

Н.В. Шатунов

г. Сургут
ООО «Гиперборея»

А.А. Рудь

г. Сургут
МУ ИКНПЦ «Барсова Гора»

В.Н. Тюрин

г. Сургут
ООО «Гиперборея»

Аннотация. Статья обращена к наименее разработанной теме в сфере сохранения культурного наследия ХМАО – Югры: охранному зонированию исторических территорий. В ней обобщён опыт исследований в Сургутском р-не, применённый авторами к Тевлинско-Русскинскому месторождению нефти в зоне экономической деятельности ООО «ЛУКойл – Западная Сибирь». Описываемые работы, относящиеся к 2007 г., были поддержаны маркшейдерским отделом ТПП «Когалымнефтегаз». В основу публикации легли результаты полевых историко-культурных изысканий в левобережье р. Тромъеган, природно-ландшафтный анализ территории и оценка воздействия современных техногенных факторов. Авторами был предложен режим содержания зон охраны южной части Тевлинско-Русскинского лицензионного участка, включающий проектно-планировочные ограничения развития нефтепромысла, а также рекомендации по обеспечению сохранности объектов культурного наследия.

Ключевые слова. Сургутское Приобье, исторические территории, охранное зонирование, историко-культурное наследие, техногенное воздействие, проектно-планировочные ограничения, Тевлинско-Русскинское месторождение, ООО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Когалымнефтегаз»

В 2007 г. МУ ИКНПЦ «Барсова Гора» проводило по заданию ООО «ЛУКойл — Западная Сибирь» корректировку зонирования по перспективности выявления объектов культурного наследия лицензионных участков, разрабатываемых ТПП «Когалымнефтегаз». Получение цельного представления о территориальном распространении объектов культурного наследия в зоне хозяйственной деятельности ТПП, совмещённом со схемой нефтедобывающей инфраструктуры, вылилось в замысел апробировать применение к ней наработок по проектированию зон охраны этих объектов. Отметим, что на тот момент проектирование подобного рода в Сургутском р-не применялось лишь к отдельно взятым объектам, а не обширным территориям.

Проектно-планировочный подход — одна из форм пространственного охвата исторических территорий для сохранения сосредоточенных на них культурных ресурсов: археологических памятников, мест проживания и отправления обрядов коренных малочисленных народов Севера, исторических поселений. Данное направление планировочных работ в значительной степени актуализировано интенсивным нефтепромысловым освоением региона, создающим угрозу перечисленным объектам. Финальной стадии проектно-архитектурного решения предшествуют комплексные полевые изыскания, выполняемые по нескольким направлениям. Они формируют целостную картину, позволяющую предложить оптимальный вариант планировочной структуры территорий.

Разработку проекта зон охраны, инициированную МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», поддержал маркшейдерский отдел ТПП «Когалымнефтегаз»¹. В качестве полигона была выбрана местность, приуроченная в основном к бассейну нижнего течения р. Тляттыгун, впадающей слева в Тромъёган — один из основных правых притоков Оби. На тот момент эта местность отличалась, с одной стороны, большим скоплением известных объектов культурного наследия (в первую очередь — археологических), а с другой — незначительным хозяйственным повреждением в сравнении с прочими участками нефтепромысла. В период изысканий полагалось, что южная половина Тевлинско-Русскинского месторождения не планируется к активной перспективной разработке, поэтому она, а точнее юго-западный сектор лицензионного участка, являлась наиболее «безболезненной» для хозяйствующего субъекта в качестве полигона для апробации зонирования. Ниже мы будем использовать прилагательное «южный» как ранее закреплённый в публикации² и архивных материалах.

Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения в Сургутском

р-не ХМАО — Югры разрабатывался авторским коллективом в составе главного архитектора проекта Г.П. Ведмидя, археологов Н.В. Шатунова и Д.В. Бочкарева, этнолога А.А. Рудя и биолога В.Н. Тюрина.

Фактически описываемые изыскания 2007 г. составляли лишь начальную, предпроектную стадию намеченных работ. К сожалению, в дальнейшем, по не зависящим от авторов причинам, они не получили продолжения и не вылились в полноценный рабочий проект. Более того, при составлении наших проектных предложений наиболее «внушительными» нефтедобывающими конструктами в рассматриваемых границах являлись два трансширотных коридора коммуникаций, имевших при своей «масштабности» внятный территориально-локализованный характер без тенденции к радикальному расширению. Сама добыча нефти сосредоточивалась преимущественно вне пределов исследуемой местности. Однако с 2010 г. ситуация начала кардинально меняться: кустовые и иные промышленные площадки (а, соответственно, и их линейные транспортные связующие) стали активно обустраиваться на планировавшейся нами к сохранению территории. Это размещение осуществлялось без специальных планировочных ограничений, а в качестве основного «охранного инструмента» стали в который уж раз использоваться всё те же археологические раскопки.

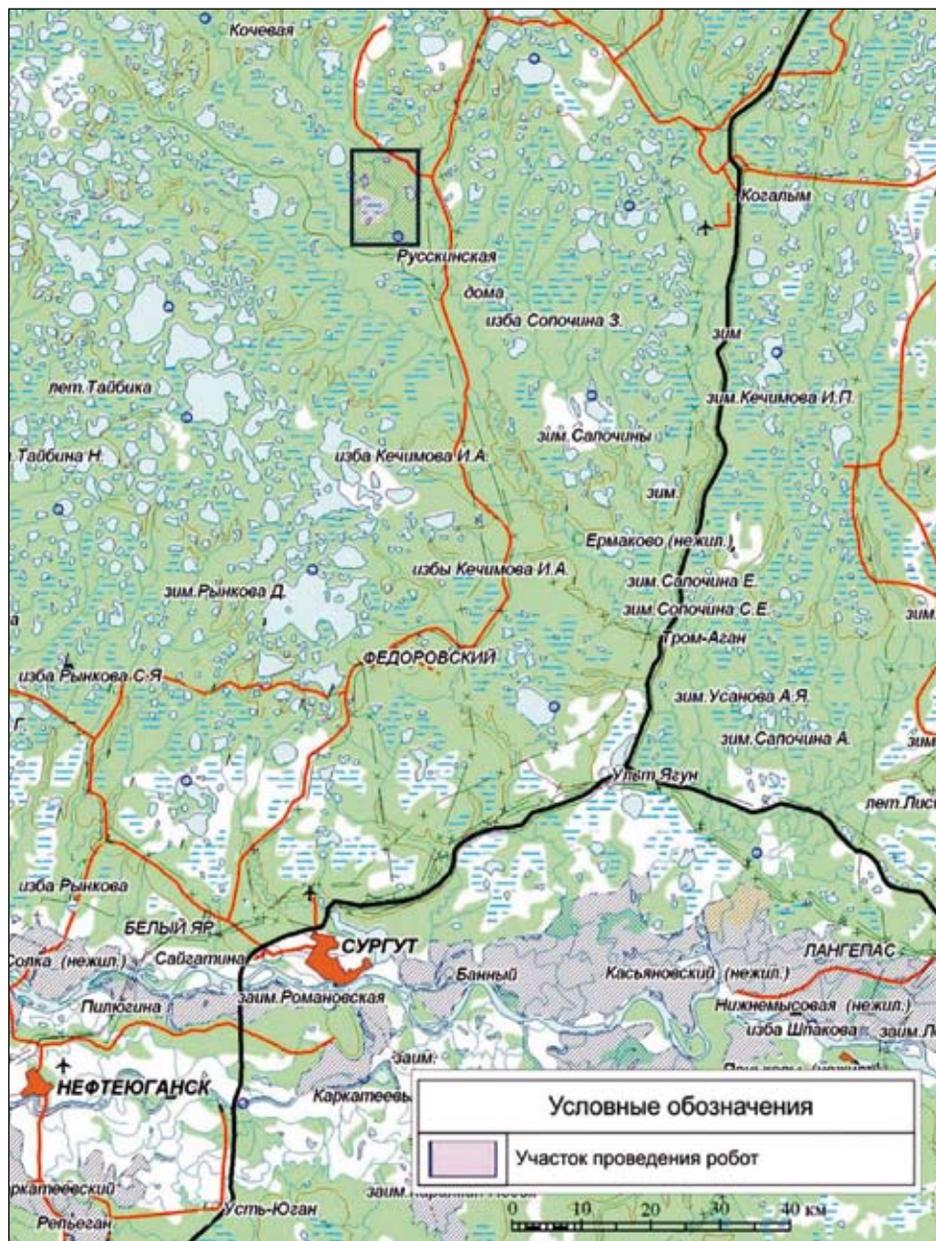
Планируемый участок местности расположен в северной части Сургутского р-на ХМАО — Югры между $62^{\circ}09'$ и $62^{\circ}26'$ северной широты и $73^{\circ}15'$ и $73^{\circ}47'$ восточной долготы (ил. 1). Ближайший крупный населенный пункт — г. Когалым — находится в 40 км восточнее, а районный центр — г. Сургут — в 100 км южнее. Непосредственно с юга примыкает д. Рускинская.

В физико-географическом отношении территория расположена в Сургутской низине Среднеобской низменности Западно-Сибирской равнины. Местность входит в Сургутскую ландшафтную провинцию среднетаёжной подзоны, в так называемый Тромъеганский геоботанический округ грядово-озерковых и грядово-мочажинных болот и приречных сосновых лишайниковых и зеленомошных лесов³.

В геоморфологическом плане поверхность территории представляет собой выположенную озёрно-ледниковую равнину, покрытую преимущественно верховыми болотами и рассечённую лесными долинами средних и малых рек. Рельеф ровный, максимальные перепады в 5—7 м приурочены к подмываемым берегам рек.

Речная сеть принадлежит бассейну Средней Оби, локально — бассейну р. Тромъеган, являющейся крупнейшей на лицензионном участке.

Ил. 1. Карта планируемой территории

К числу крупных рек в пределах местности относятся: левые притоки р. Тромъеган (Тляттыягун — ил. 2—А, Б, Энтль-Имиягун), а также левые притоки Тляттыягуна (Сухмитингьягун, Ай-Сухмитингьягун, Ультильпягун).

На планируемой территории сосредоточено обилие озёр, в основном болотного происхождения, концентрирующихся на плоских междуречьях. Крупнейшие из них: Кетльманлор площадью 9,4 кв. км, Яккунлор — 7,4 кв. км, Инккороплор — 4,6 кв. км, Соромлор — 3,0 кв. км, Ёрзмлор — 2,1 кв. км.

Почвенно-растительный покров имеет типичное для таёжной зоны Среднего Приобья сложение с преобладанием подзолистых и болотно-торфяных типов. Подзолисту соответствуют хвойные, преимущественно сосновые лишайниковые леса, а на торфяных почвах доминируют верховые болота. В пределах планируемой территории хорошо выделяются залесённые речные долины и сильно заболоченные междуречья. Между ними вдоль долин распространены олиготрофные, связанные с бедными почвами, лишайниковые (ил. 2—В) и кустарничково-сфагновые сосняки.

Хронология историко-культурных исследований на рассматриваемой территории по состоянию на 2007 г. освещена ранее авторами в специальной статье⁴. Поэтому мы опустим тему историографии и перейдём к предмету статьи, отражающей три стадии выполнения проектных работ:

А

Б

В

Ил. 2. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Природный ландшафт. 2007 г. А — среднее течение р. Тромъеган. Общий вид. Снято с запада; Б — верховье р. Тляттыягун. Общий вид. Снято с северо-запада; В — сосняки лишайниковые на суходолах вблизи речной долины р. Тляттыягун. Общий вид. Снято с юго-запада. Фото: Г.П. Ведмидь

- а) зонирование по перспективности выявления объектов культурного наследия;
- б) охранное зонирование территории на стадии комплексных научно-исследовательских обоснований;
- в) составление проекта архитектурной планировки зон охраны историко-культурных и природных объектов.

Зонирование по перспективности выявления объектов культурного наследия

Зонирование как региональная нормативно закреплённая процедура применялось в округе в 1995—2007 гг. Оно было предусмотрено в составе первой стадии историко-культурной экспертизы⁵ — анализа исходной документации по отводимым под хозяйственную деятельность землям. Хотя процедура регулировалась Временным положением, она успешно использовалась на протяжении 12 лет, будучи эффективным инструментом взаимодействия в треугольнике: органы государственной охраны объектов культурного наследия — хозяйствующие субъекты — научно-производственные организации и учреждения, работающие в сфере культурного наследия. Несмотря на достаточно длительное и эффективное использование приёма камерального зонирования, публичных оценок его методической ценности высказано немного⁶.

Зонирование территории по перспективности выявления (прогнозируемого расположения) объектов культурного наследия — это один из способов оценки местности, направленный на сохранение памятников истории и культуры (в условиях ХМАО — Югры, главным образом, — археологических) при производстве хозяйственной деятельности. Суть зонирования заключается в определении участков, где с той или иной степенью вероятности могут размещаться эти памятники, и, соответственно, такой деятельности должен предшествовать их поиск.

Результаты камерального зонирования призваны служить основой не только для составления программы полевых исследований, но и для определения планировочных ограничений хозяйственной природопреобразующей деятельности, проектирования пространственной промышленной инфраструктуры и др. При прочих равных условиях предпочтительным подразумевалось размещение промышленных объектов в зоне, неперспективной в отношении обнаружения объектов культурного наследия.

Принципы зонирования обусловлены тем, что места жизнедеятельности как древних и средневековых обществ (объекты археологии), так и современных традиционных хозяйств (этнокультурные объекты)

не распределялись по ландшафту произвольно, а соответствовали и соответствуют определённым традициям и нормам природопользования и расселения. Поэтому в размещении на местности объектов культурного наследия прослеживаются контуры закономерности, выявление которой ставится в качестве одной из главных задач зонирования. При этом зоны, выделяемые на камеральной стадии историко-культурной экспертизы, являются не более чем прогнозируемыми. На стадии натурного обследования их границы должны уточняться вплоть до изменения зональной принадлежности конкретных участков ландшафта.

Двумя основными требованиями к выделению зон являются:

- а) возможность расположения объектов культурного наследия на исследуемой территории исходя из имеющейся практики обнаружения археологических памятников, а также принципов размещения современных этнокультурных объектов на участках ландшафта, сходных с зонированными;
- б) техническая возможность целенаправленного выявления объектов на современном уровне развития полевой археологии.

По вероятности обнаружения объектов культурного наследия зоны делятся на:

- *перспективные* — где возможность их нахождения наиболее велика;
- *малоперспективные* — где их наличие маловероятно, но все же возможно, во всяком случае отдельных категорий: святилищ, могильников, сезонных поселений, промысловых объектов и др.;
- *неперспективные* — где расположение объектов исключено в силу ландшафтно-топографических условий (с учётом накопленного опыта исследований), либо целенаправленный поиск невозможен с помощью современных методов и средств.

Места проживания сообществ, ориентированных на присваивающий хозяйственно-культурный тип, требуют устойчивости в круглогодичном доступе к жизнеобеспечивающим ресурсам, подразумевая как, собственно, их наличие, так и возможность транспортной доступности. Однако этот фактор нельзя абсолютизировать, поскольку *«в позднем Средневековье поселенческие объекты распространяются на территории, на первый взгляд, не очень пригодной для жизни человека: урманные леса в верховьях рек, где водоёмы небогаты рыбой, а концентрация промысловых видов животных, за исключением пушных, невысока»*⁷. Последний пассаж в отношении «мягкой рухляди» нельзя недооценивать, так как конъюнктура потребительского и товарного спроса порой значительно меняла востребованность продуктивности отдельно взятых типов ландшафта.

В целом, согласно практике работ в Среднем и Нижнем таёжном Приобье, а также в таёжной полосе к северу от Сибирских увалов

(территории, характеризующейся единством природно-климатических условий по основным параметрам), подавляющее большинство объектов культурного наследия располагается на сухих незатопляемых площадках с летним доступом к водотокам либо к водораздельным проточным озёрам и болотам. Отдельную категорию представляют объекты, непосредственно связанные с основной водной магистралью — Обью, со своим своеобразием в наборе характеристик.

Предварявшее наши работы зонирование описываемой территории было основано на её ландшафтно-топографическом анализе, направленном на установление возможности заселения человеком в прошлом — это изложено в научной отчётной документации 1996—2000 гг. Итоги исследований 2007 г. составили основу проведённой нами корректировки зонирования по перспективности выявления объектов культурного наследия лицензионных участков, разрабатываемых ТПП «Когалымнефтегаз»⁸. Результаты предшествовавших исследований были скомпилированы воедино, дополнены более поздними сведениями и отредактированы с учётом опыта, накопленного за следующие 8 лет.

Основой для определения зональной принадлежности участков местности стал обобщённый исследовательский опыт полевых работ по поиску объектов культурного наследия в среднеобской тайге. В основном в качестве аналогий привлекались территории с элементами ландшафта, сходными с исследуемыми, а именно — правобережной по отношению к Оби части Среднеобской низменности и южной половины Пурской. Выделенные участки перспективной и малоперспективной зон обосновывались конкретными примерами.

Проведённые работы включали в себя следующие этапы:

1. Анализ литературных, архивных и картографических источников для получения информации об объектах культурного наследия, расположенных на исследуемом участке и сопредельной территории; их функционирование, задокументированное современниками либо выявленное археологическими, этнографическими и топографо-геодезическими полевыми исследованиями.
2. Анализ картматериалов и литературных источников для выявления ландшафтной и природно-ресурсной специфики исследуемой территории.
3. Выявление закономерностей и особенностей в географическом расположении и взаиморасположении объектов жизнедеятельности древнего и современного коренного населения, известных на исследуемой территории либо расположенных в таёжных районах с аналогичным ландшафтом (культурно-хозяйственный тип традиционных обществ охотников и рыбо-

ловов, а, следовательно, характер, местонахождение объектов культурного наследия и частота их встречаемости напрямую связаны с характером окружающей среды).

4. Выделение на исследуемой территории зон, в которых можно прогнозировать наличие объектов культурного наследия, исходя из закономерностей, указанных в п. 3.

Перспективная зона. Археологическим памятникам, а также жилым и культовым объектам коренных жителей таёжной зоны Западной Сибири свойственны определённые стандарты размещения. Большинство из них приурочено к незатапливаемым дренируемым лишайниковым (беломошным) соснякам. Подобные объекты, как правило, удалены от обращённого к руслу края береговых террас (грив) не более чем на 0,20–0,25 км.

Наличие выраженного склона как показателя высотного доминирования над поймой или верховым болотом диагностируется по картматериалам там, где соседние горизонталы и полугоризонталы, обращенные в сторону действующего русла или старицы, изображены вплотную друг к другу.

На проектируемой территории к перспективной зоне отнесены следующие элементы ландшафта:

- прибрежные участки хорошо дренированной надпойменной левобережной террасы Тромьёгана;
- прибрежные участки хорошо дренированных надпойменных террас левых притоков Тромьёгана — р. Энтль-Имиягун и Тляттыгун;
- прибрежные участки хорошо дренированных надпойменных террас левых притоков Тляттыгуна — р. Сухмитингьягун, Ай-Сухмитингьягун и Ультильпьягун — на участках, тяготеющих к устьям.

Малоперспективная зона. Иногда объекты культурного наследия располагаются в местах, не отвечающих требованиям перспективной зоны, но при этом не противоречащих кардинально возможности расположения на них жилых, хозяйственных и культовых объектов таёжных охотников и рыболовов. Речь идёт, например, о зимних поселениях, могильниках и святилищах, режим посещения которых не требовал близости водоёма, о сезонно-доступных площадках, подходящих для использования в качестве временных промысловых стоянок, о промысловых объектах на месте древних звериных троп и миграционных путей, а также об объектах, намеренно вынесенных в труднодоступную местность.

Ещё одно объяснение расположению в малопригодных местах — благоприятные климатические условия в некоторые временные периоды,

когда границы лесных зон, влажностный режим и иные природно-ландшафтные параметры значительно отличались от сегодняшних.

Наконец, нельзя не учитывать, что с началом нефтяного освоения края претерпела трансформацию традиционно сложившаяся система расселения северных народов, что подтолкнуло коренное население к освоению неблагоприятных районов.

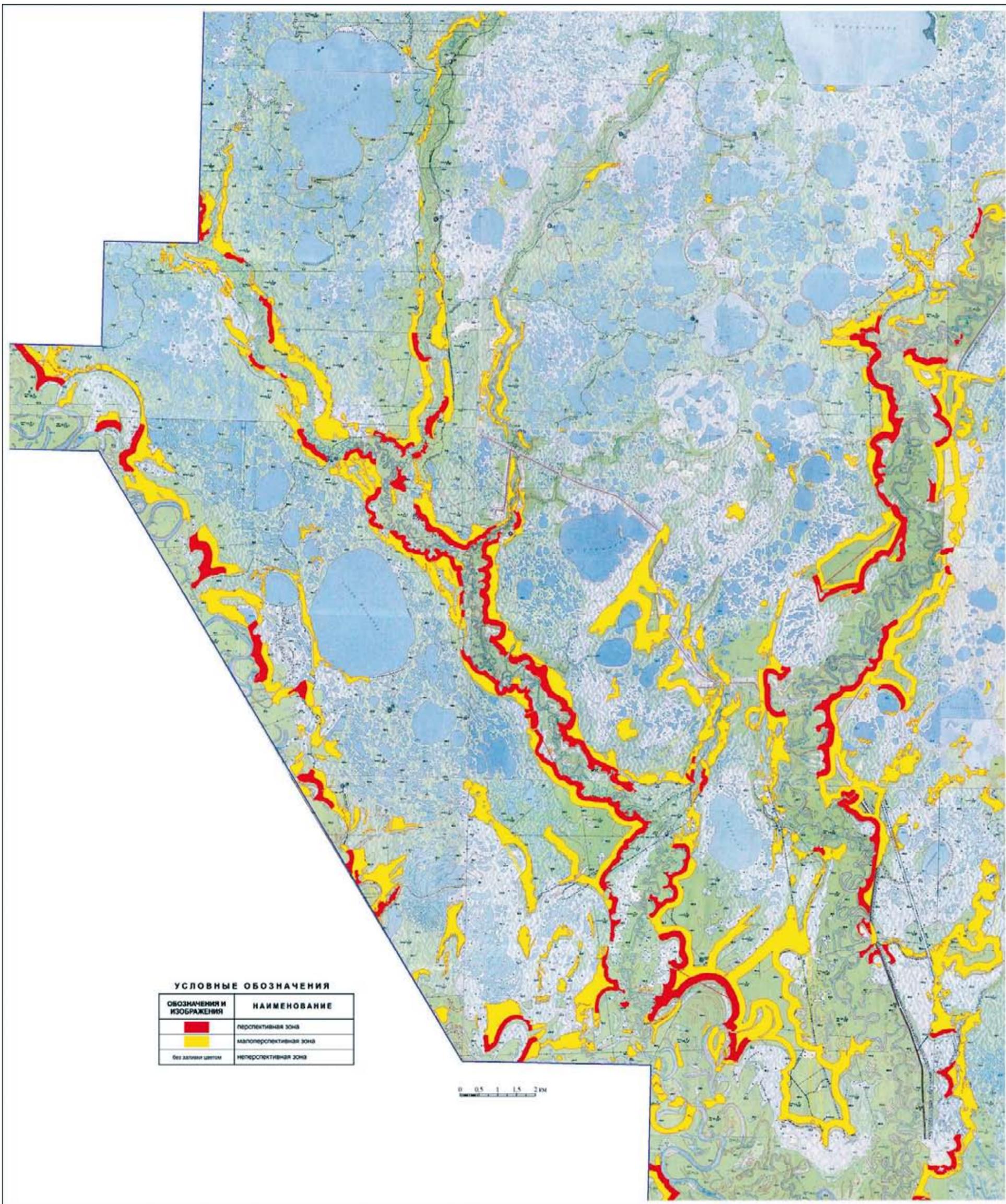
На исследуемой территории к малоперспективной зоне отнесены следующие участки ландшафта:

- подболоченные кромки слабо выраженных участков береговых террас водотоков; в таких условиях объекты культурного наследия чаще всего не встречаются;
- полосы, примыкающие с противоположной от водотоков стороны к перспективным зонам, выделенным по берегам водотоков, то есть «глубинные» участки, удалённые от краёв надпойменных террас более чем на 0,20–0,25 км;
- полосы шириной ок. 0,20–0,25 км, идущие по тыльным краям террас водотоков (зачастую они сливаются в единый массив с предыдущими);
- незаболоченные участки берегов оз. Ёрзмлор, Яккунлор и безымянных на водораздельных пространствах;
- хорошо дренированные гривы на водораздельных пространствах, конфигурация которых позволяет предположительно видеть в них останцы древних надпойменных террас водотоков, в первую очередь — Тромъёгана.

Неперспективная зона. Включает территорию, не вошедшую в границы перспективной и малоперспективной зон. В таких ландшафтно-топографических условиях размещение объектов жизнедеятельности древнего и современного коренного населения невозможно либо вероятность их обнаружения ничтожно мала, а иногда технически неосуществима.

Дело в том, что многие гипотетически существующие памятники физически не доступны нам сегодня. Например, это могут быть слои палеолита, перекрытые более поздними геологическими отложениями, либо более поздние антропогенные остатки, находящиеся в зоне разлива современных рек. Ещё одна категория «недоступных» древностей — болотные памятники: как собственно торфяниковые стоянки, так и комплексы на песчаных гривах, перекрытые более поздними болотными наслоениями.

Преимущество разработанной в ХМАО — Югре методики зонирования по перспективности выявления объектов культурного наследия состоит в том, что уже на предварительном этапе разработки проекта планировки территории она даёт целостную историко-культурную

Ил. 3. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Карта зонирования по перспективности расположения объектов культурного наследия

характеристику обширных участков местности. Исходя из этого, результаты корректировки зонирования Тевлинско-Русскинского месторождения стали отправной точкой для разработки проекта зон охраны в его южной части. На данной стадии была составлена карта зонирования территории по перспективности (прогнозируемого) расположения объектов культурного наследия (ил. 3).

Охранное зонирование территории на стадии комплексных научно-изыскательских обоснований

Целью работы являлось составление планировочных условий для обеспечения сохранения объектов культурного наследия. Для её достижения были поставлены следующие задачи:

- осмотр археологических, этнографических и нефтяных объектов;
- топографо-геодезические изыскания по составлению историко-культурного опорного плана — тематической карты, отражающей расположение объектов культурного наследия;
- масштабные рекогносцировочные маршрутные исследования территории для сбора полевого материала, необходимого для ландшафтной характеристики участка как предпосылки к определению критериев обоснования зоны охраняемого природного ландшафта (с фотофиксацией планируемой и прилегающей территорий);
- анализ космоснимков для оценки состояния природных объектов (лесных и пойменных ландшафтов) с проверкой результатов дешифрирования в полевых условиях.

Основной единицей охранного зонирования выступает не площадь отдельного памятника с прилегающей полосой, а ландшафт, поскольку объекты археологии и этнографии непосредственно связаны с природным окружением — складками рельефа местности, растительным миром и водоёмами. В этом состоит одна из особенностей планирования зон охраны в тайге с её региональными особенностями, отличающимися от природно-ландшафтной и урбанизированной специфики в центральной части России.

Раздел историко-культурной оценки территории в части полевых работ включал в себя изучение литературных источников по истории археологических исследований, анализ картматериалов и материалов зонирования территории по перспективности выявления объектов культурного наследия, а также натурные рекогносцировочные обследования и топографо-археологические изыскания (ил. 4—11). По итогам выполненных работ сложилась целостная картина археологического потенциала, ставшего основой для планировочного структурирования

исторической территории, плотность расположения древностей на которой диктует строгий режим содержания.

Карта расположения археологических объектов на рассматриваемой местности (ил. 4) стала завершающим этапом полевых предпроектных работ, выполняемых в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения. Всего к 2007 г. были выявлены 193 объекта, а в ходе натурного обследования на 19 из них были проведены топографо-археологические изыскания, составлено научное описание. К ним относятся следующие объекты.

– *Селище Тат-Ягун 45* расположено на краю коренной террасы левобережья р. Тляттыягун, в 16,11 км к северу—северо-западу от д. Русскинской. Представлено четырьмя наземными подпрямоугольными площадками, окружёнными внешними ямами. Размеры их варьируют от 1,6х2,1 до 2,1х3,5 м, глубина — от 0,07 до 0,23 м. Состояние памятника удовлетворительное, датировка не определена.

– *Селище Тат-Ягун 46* расположено на краю террасы в левобережье р. Тляттыягун, в 0,16 км к югу—юго-востоку от селища Тат-Ягун 45. Представлено одиночной наземной подпрямоугольной площадкой размерами 15,3х7,8 м, высотой от 0,19 до 0,39 м над окружающей поверхностью. Объект ориентирован по линии запад — восток и окружён внешними ямами, размеры которых варьируют от 2,0х1,0 до 9,4х1,6 м, глубина — от 0,03 до 0,18 м. Состояние селища аварийное. Через объект проходит дорога, накатанная тяжёлой колёсной техникой. Датировка не определена.

А

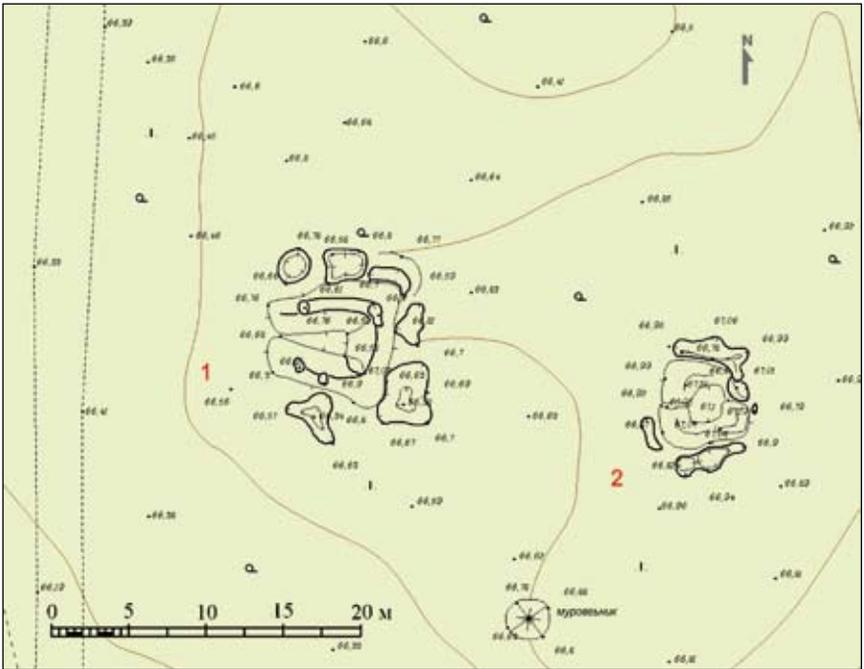

Б

В

Ил. 5. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь. А — селище Тат-Ягун 51. Объект № 1. Снято с запада; Б — селище Тат-Ягун 111. Объект № 2. Снято с юго-запада; В — селище Тат-Ягун XXVIII. Объект № 1. Снято с юго-востока

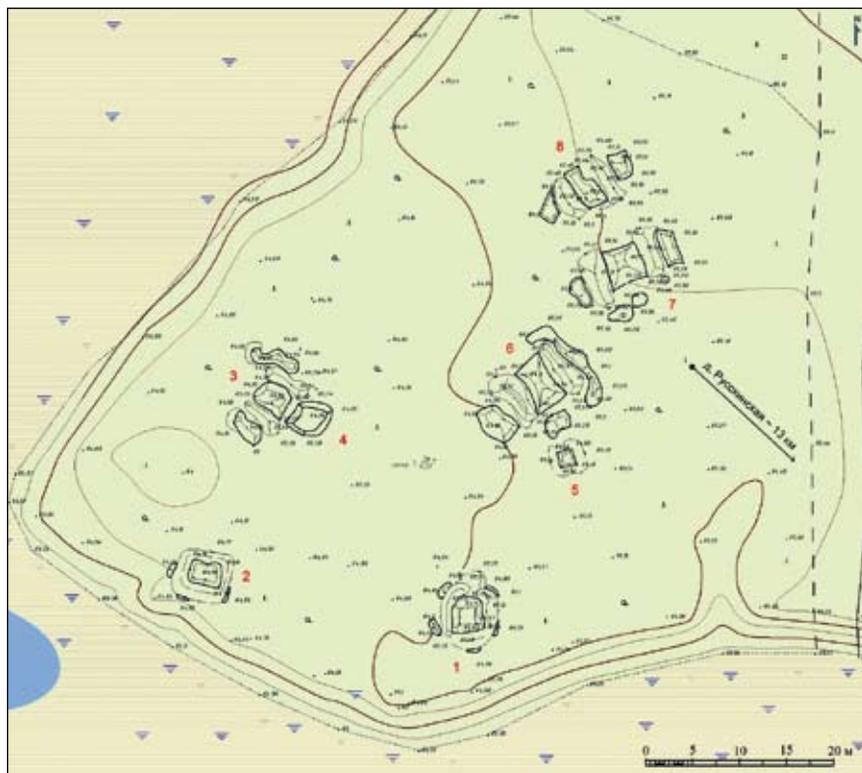

А

Б

Ил. 6. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь. А – селище Тат-Ягун 52. План; Б – селище Тат-Ягун 52. Объект № 1. Снято с востока; В – селище Тат-Ягун 53. План; Г – селище Тат-Ягун 53. Объект № 6. Снято с севера

В

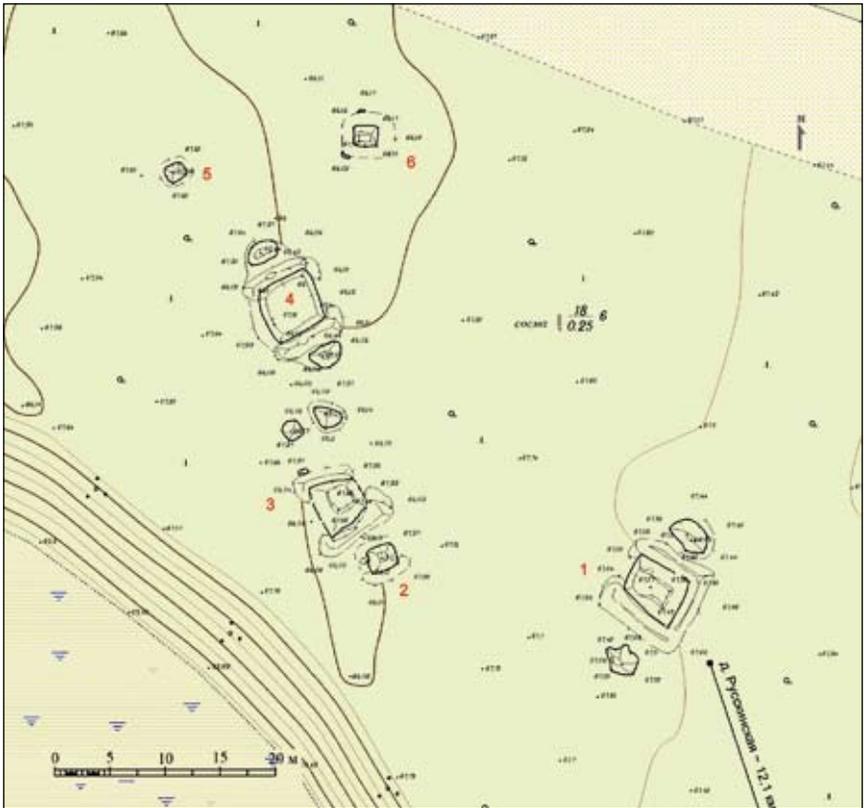

Г

– *Селище Тат-Ягун 51* (ил. 5–А) расположено на левобережье р. Глятьягун в центре коренной террасы, на краю оврага, в 13,87 км к северу–северо-западу от д. Рускинской. Представлено двумя хорошо выраженными впадинами подквадратной формы, с обваловкой. Объект № 1 ориентирован по линии юго-запад – северо-восток, размерами в плане 5,3х4,6 м и глубиной 0,32 м. Обваловка: ширина до 1,5 м, высота 0,45 м. Объект № 2 ориентирован по линии юго-восток – северо-запад, размерами 5,4х4,3 м, глубиной 0,23 м, ширина обваловки 1,7–2,1 м, высота 0,23–0,52 м. Имеются 3 внешние ямы. Состояние памятника хорошее. По внешнему виду объекты можно отнести к Новому времени.

– *Селище Тат-Ягун 52* (ил. 6–А, Б) расположено в 13 км к северу–северо-западу от д. Рускинской, на удалении 3,25 км к югу–юго-востоку от северного моста через р. Глятьягун и в 4,5 км к югу–юго-востоку от ДНС-2. Памятник состоит из двух впадин: одна имеет трапециевидные в плане очертания с максимальными размерами 7,5х8,3 м; а вторая – аморфная, с размерами 7,0х7,0 м, окруженная обваловкой. Состояние памятника хорошее. Датировка не установлена.

А

– *Селище Тат-Ягун 53* (ил. 6—В, Г) состоит из восьми объектов и расположено на удалении 12,25 км к северу—северо-западу от д. Рускинской, в 4 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыягун и в 5,25 км к югу—юго-востоку от ДНС-2. Все объекты хорошо выражены в рельефе. Состояние среднее. Датировка не определена.

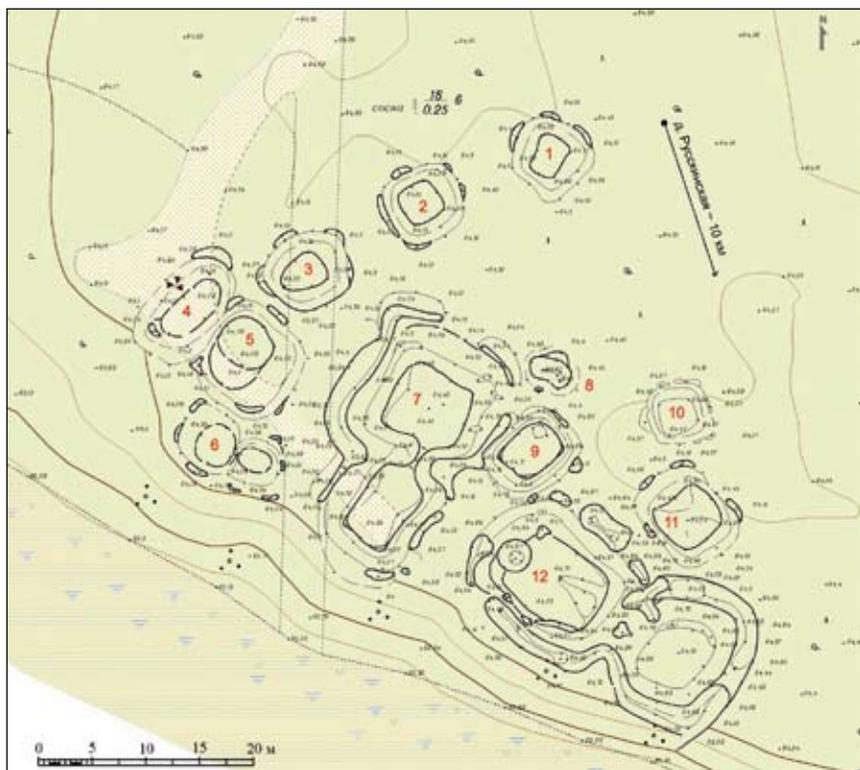
– *Селище Тат-Ягун 56* (ил. 7) расположено на высокой береговой террасе левого берега р. Тляттыягун на удалении 12,1 км к северу—северо-западу от д. Рускинской, в 5 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыягун и в 6,25 км к югу—юго-западу от ДНС-1 Тевлинско-Рускинского нефтепромысла. Памятник состоит из шести хорошо выраженных в рельефе впадин. Состояние памятника хорошее. Датировка не установлена.

– *Селище Тат-Ягун 59* (ил. 8) расположено в 10,2 км к северу—северо-западу от д. Рускинской на удалении 6,5 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыягун, что в 3,25 км к западу от ДНС-1. Памятник состоит из двенадцати археологизированных остатков древних построек, компактно расположенных у края террасы на левобережье р. Тляттыягун. Все объекты хорошо выражены на поверхности. Два из них

Б

Ил. 7. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. Селище Тат-Ягун 56. А — план; Б — объект № 1. Снято с северо-востока. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь

А

Б

нарушены тяжелой колёсной техникой. На площадке № 4 обнажены артефакты — фрагменты керамики. Состояние памятника плохое. Культурно-хронологическая привязка — вожпайская культура, кон. IX—X в.

— *Селище Тат-Ягун 60* (ил. 9) состоит из шести археологических объектов и расположено в 10 км к северу—северо-западу от д. Рускинской на удалении 6,5 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыягун, в 3 км к западу от ДНС-1 Тевлинско-Рускинского нефтепромысла. Среди них наиболее крупным является 8-образная в плане жилищная площадка, хорошо выраженная в рельефе. На двух объектах видны следы тяжелой колёсной техники. Состояние памятника среднее. Датировка не определена.

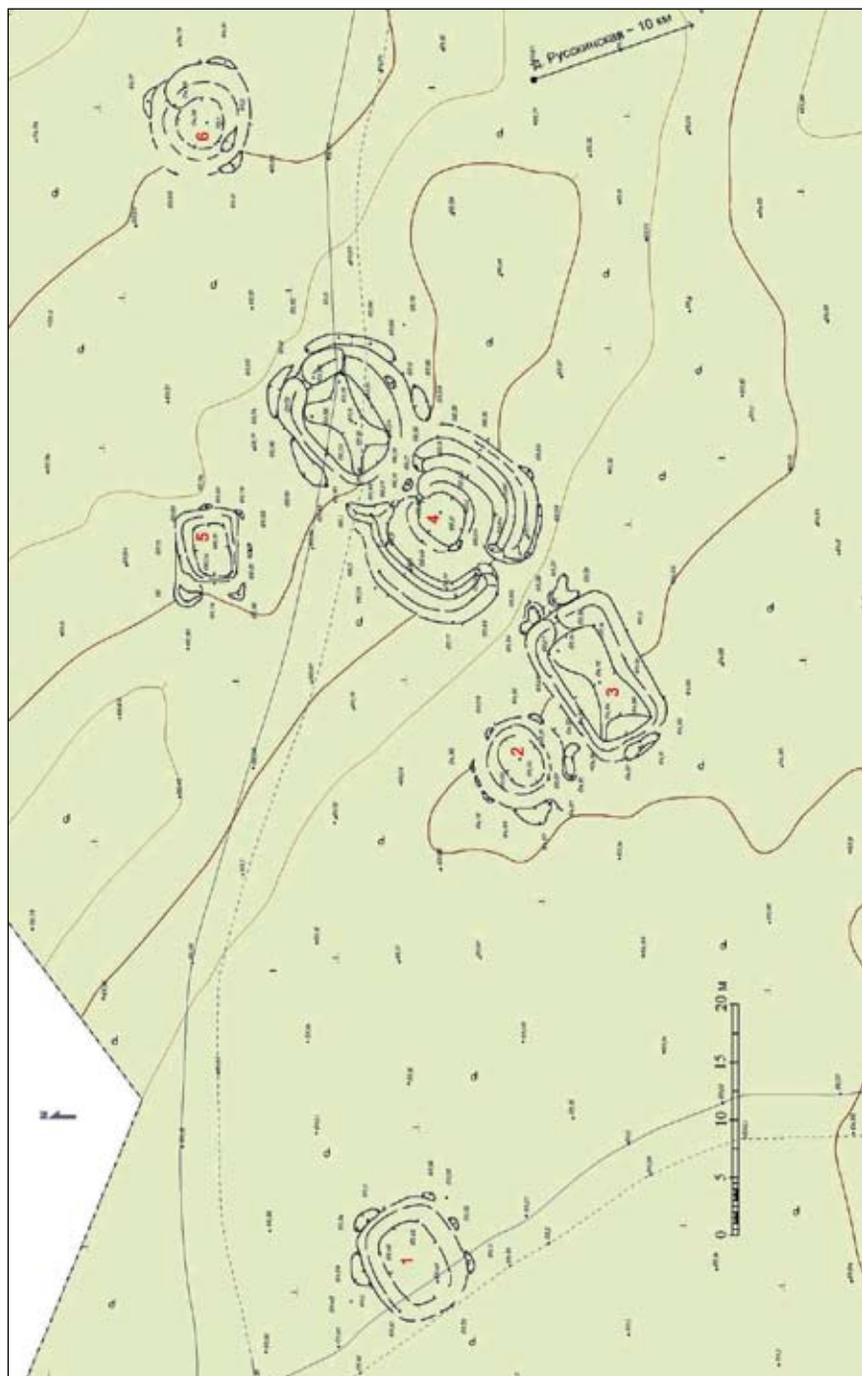
— *Селище Тат-Ягун 70* расположено на краю коренной террасы правобережья р. Тляттыягун, в 16,32 км к северу—северо-западу от д. Рускинской. Представлено одиночной подпрямоугольной впадиной размерами 5,3х4,7 м, глубиной 0,42 м и с обваловкой, ширина которой 2,14 м, высота 0,27 м. Объект ориентирован по линии восток—юго-восток — запад—северо-запад. Состояние памятника хорошее. Датировка не определена.

— *Селище Тат-Ягун 71* расположено на мысовидном выступе коренной террасы в правобережье р. Тляттыягун, в 15,81 км к северу—северо-западу от д. Рускинской. Представлено тремя впадинами подпрямоугольной формы с обваловками и наземной площадкой. Объекты № 1 и 2 имеют общую

В

Ил. 8. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. Селище Тат-Ягун 59. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь. А — план; Б — объект № 7. Снято с юго-запада; В — керамика из разрушенного культурного слоя

А

обваловку, с юго-запада к последней примыкает объект № 3. Состояние памятника хорошее. Датировка не определена.

– *Селище Тат-Ягун 111* (ил. 5–Б) расположено в центре коренной террасы левобережья р. Тляттыгун, в 15,21 км к северу–северо-западу от д. Рускинской. Представлено пятью наземными площадками, окружёнными внешними ямами, размеры которых варьируют от 1,7x1,3 до 8,2x2,6 м и глубиной от 0,08 до 0,37 м от окружающей поверхности. Состояние памятника аварийное. Часть объектов разъезжена тяжёлой колёсной техникой. Датировка не определена.

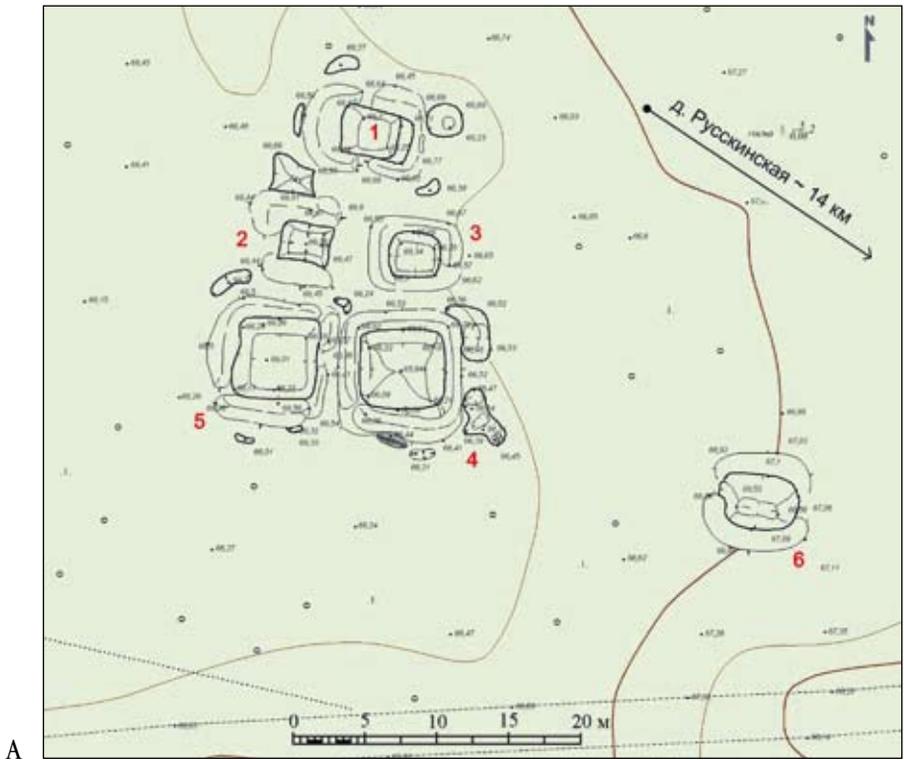
– *Селище Тат-Ягун 112* расположено на коренной террасе левобережья р. Тляттыгун, в 14,85 км к северу–северо-западу от д. Рускинской. Представлено хорошо выраженной подпрямоугольной впадиной размерами 5,8x4,6 м, глубиной 0,62 м, окружённой обваловкой. Состояние памятника хорошее. По внешнему виду можно датировать его Новым временем.

– *Селище Тат-Ягун 114* расположено на удалении 14 км к северу–северо-западу от д. Рускинской, в 2,2 км к югу–юго-востоку от северного моста через р. Тляттыгун и в 3,2 км к югу–юго-западу от ДНС-2 Тевлинско-Рускинского нефтепромысла. Памятник состоит из семи наземных площадок, две из которых (№ 1 и 2) слабо читаются в рельефе. По найденным фрагментам керамики время существования селища можно отнести к раннему железному веку (предположительно втор. пол. I тыс. до н. э.).

Б

Ил. 9. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. Селище Тат-Ягун 60. А – план; Б – объект № 4. Снято с юга. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь

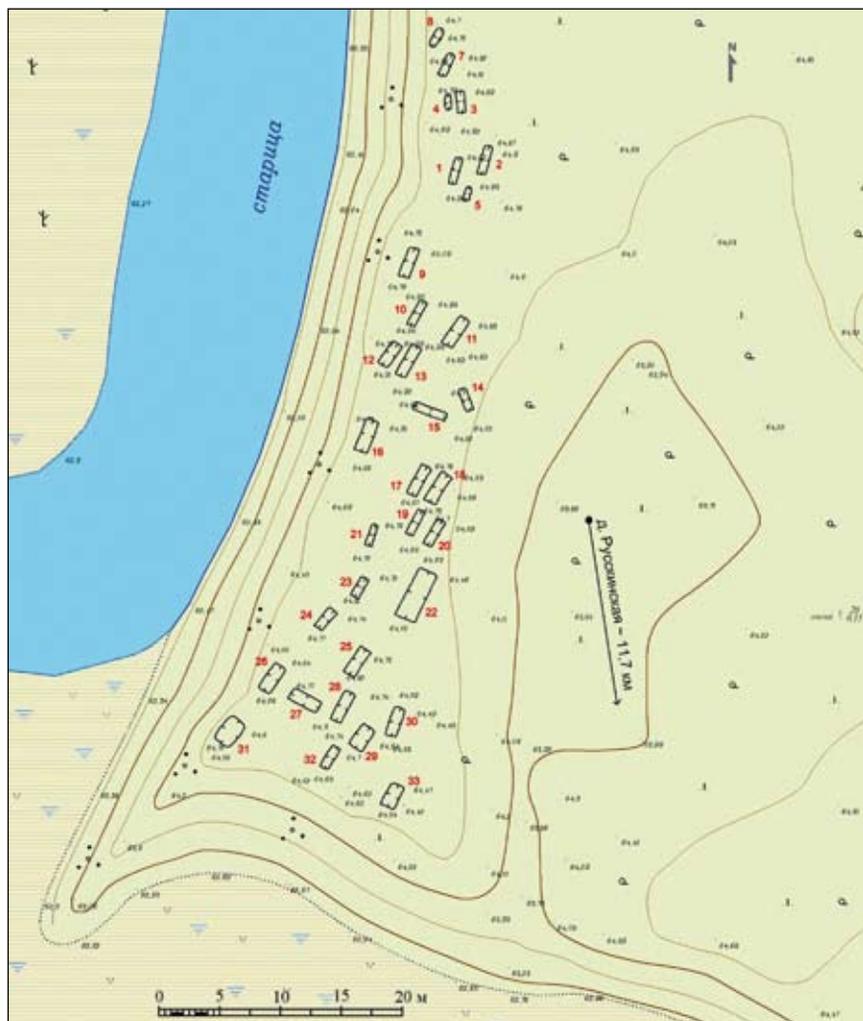

А

Б

Ил. 10. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. Селище Тат-Ягун 115. А — план; Б — объект № 6. Снято с запада. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь

А

Б

Ил. 11. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Объекты археологического наследия. Могильник Тат-Ягун 54. А — план; Б — общий вид. Снято с севера. 2007 г. Фото:

Г.П. Ведмидь

— *Селище Тат-Ягун 115* (ил. 10) представлено шестью впадинами, компактно расположенными в 14 км к северу—северо-западу от д. Русскинской, в 2,3 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыгун и в 3,3 км к югу—юго-востоку от ДНС-2. Все объекты хорошо читаются в рельефе, имеют выразительную обваловку с глубокими (от 0,9 до 1,5 м) подкидными ямами. Состояние памятника хорошее. Датировка не установлена.

— *Селище Тат-Ягун 116* расположено в 14 км к северу—северо-западу от д. Русскинской, в 2,4 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыгун и в 3,3 км к югу—юго-западу от ДНС-2. Состоит из одной слабо выраженной округлой впадины диаметром 19,0 м и глубиной 0,15 м. Имеется обваловка шириной свыше 6 м и высотой до 0,15 м. В центре незначительное понижение рельефа до 0,15 м. На юге слабо читается входная часть. Состояние памятника среднее. Датировка не определена.

— *Селище Тат-Ягун XXVIII* (ил. 5—В) расположено на мысовидном выступе коренной террасы левобережья р. Тляттыгун, в 16,35 км к северу—северо-западу от д. Русскинской. Представлено одиночной подпрямоугольной впадиной размерами 4,9x3,91 м, глубиной 0,37 м, без обваловки, ориентированной по линии юго-восток — северо-запад. Состояние объекта хорошее, датировка не определена.

— *Одиночная впадина Тат-Ягун 55* расположена на возвышенности коренной террасы левобережья р. Тляттыгун в 11,25 км к северу—северо-западу от д. Русскинской, в 5 км к югу—юго-востоку от моста через р. Тляттыгун и в 6,25 км к югу—юго-западу от ДНС-2. Имеет диаметр 4,8 м, глубину 0,80 м, слабо читаемую обваловку шириной до 1,0 м. Состояние объекта хорошее. Датировка не установлена.

— *Одиночная впадина Тат-Ягун 117* расположена в 14 км к северу—северо-западу от д. Русскинской, в 2,5 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыгун и в 3,4 км к югу—юго-востоку от ДНС-2. В 40 м западнее находится селище Тат-Ягун 116. Впадина имеет размеры 2,6x3,0 м, глубину 0,30 м, внешнюю обваловку высотой до 2,0 м. Состояние памятника среднее. Датировка не установлена.

— *Могильник Тат-Ягун 54* (ил. 11) расположен в 11,7 км к северу—северо-западу от д. Русскинской, в 4,5 км к югу—юго-востоку от северного моста через р. Тляттыгун и в 6 км к югу—юго-западу от ДНС-2. Памятник насчитывает свыше 30 объектов — подпрямоугольных впадин от грунтовых захоронений. Намогильные сооружения отсутствуют. Общее состояние памятника среднее, не считая повреждения впадины № 1, нанесённого в 2006 г. нефтяной компанией «Петроальянс Сервисис Компани Лимитед» в ходе выполнения сейсмозаведочных работ. Датировка XVII—XIX вв.

Таковы основные результаты полевых археологических исследований, проведенных на планируемом участке в летний сезон 2007 г.

Раздел оценки состояния территории традиционного природопользования. В кон. XVI в. процесс формирования княжеских центров обских угров был прерван российской колонизацией. В становлении этнической общности хантов значительную роль играли войны, целью которых было завоевание территорий, захват женщин, рабов, оленей, а также установление даннических отношений. При этом основными хозяйственными занятиями были рыболовство, охота, собирательство и оленеводство⁹.

Территория бассейна р. Тромъеган и Аган в кон. XVI в. входила в состав объединения, возглавляемого князем Бардаком. С приходом русских и основанием в 1594 г. Сургутского острога княжество утратило былую политическую самостоятельность и вошло в состав Сургутского уезда в качестве Бардаковой волости. Б.О. Долгих после анализа русских письменных источников XVI—XVII вв. пришёл к выводу, что население Бардаковой волости было хантыйским с невысокой плотностью населения. Так, в 1625 г. на её территории в архивных русских источниках было зафиксировано 14 юртов, 89 плательщиков ясака, а всё коренное население составляло 360 чел.¹⁰ В кон. XVII в. бассейн Тромъегана выделился в отдельную административную единицу — Тромъеганскую волость. Ю.Б. Симченко, исследуя родовые эмблемы («тамги» или «знамёна») народов Сибири XVI — нач. XVII в., отмечает, что представители Бардаковой волости, а позднее и Тромъеганской в течение целого столетия на документах ставили общий родовой знак — рисунок оленя¹¹. Северными соседями жителей Бардаковой волости была «асидская (кунная) самоядь», подчинявшаяся Бардаку, а после потери княжеством политической самостоятельности, платившая ясак русским¹². Большинство исследователей видит в «асидской самояди» предков лесных ненцев, до сих пор населяющих верховья Лямина, Казыма, район оз. Нумто и бассейны р. Надыма и Пура.

Русская колонизация и основание Сургута внесли существенные коррективы в жизнь аборигенов. В течение последних четырёх веков отмечается постоянный приток пришлого населения, что, естественно, вносит изменения в экономическую, социальную и духовную сферы коренных народов.

После вхождения Сибири в состав Русского государства число межэтнических конфликтов на территории Сургутского Приобья сократилось. Но мелкие стычки между оседлыми и кочевыми аборигенами имели место и в сер. XVIII в. Сведения о них отразились в русских архивных документах¹³. Эти же исторические сведения до сих пор

просматриваются в фольклоре тромьеганских и аганских ханты, где кочевники предстают как воинствующий «северный народ»¹⁴.

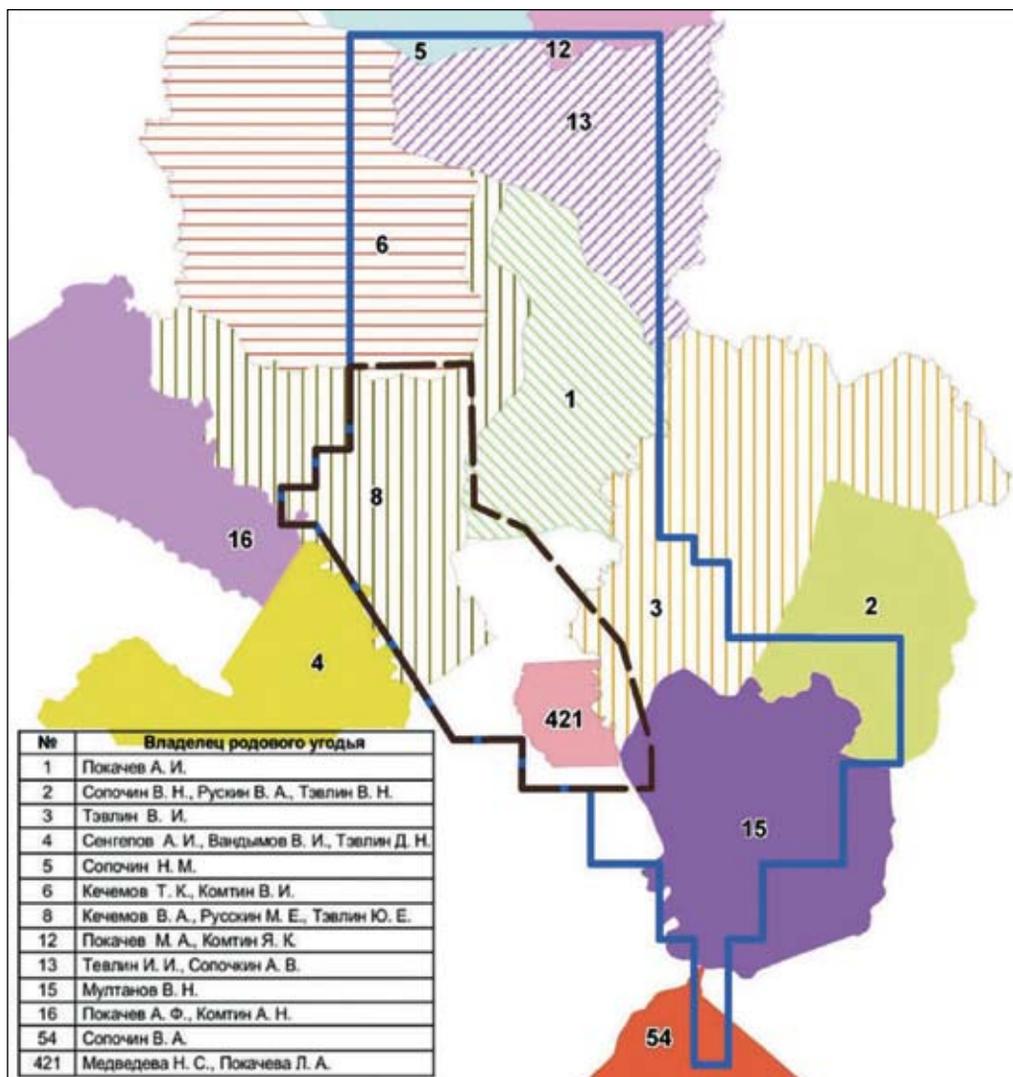
Согласно материалам ревизии 1764 г., в Тромьеганской волости проживало 316 чел. (148 мужчин и 168 женщин), по ревизии 1782 г. — 342 чел. (161 мужчина и 181 женщина). А согласно переписи 1816 г., здесь насчитывался 341 чел. (176 мужчин и 165 женщин)¹⁵.

Наиболее полные сведения о характере природопользования хантов на исследуемой территории собраны в кон. XIX в. А.А. Дуниным-Горкавичем. Описывая бассейн р. Тромьегана, он изображает черты хозяйственного уклада и быта оборигенов: *«Население Тром-Югана и его притоковъ состоит исключительно изъ оленеводов; безоленныхъ въ этой местности нѣтъ. Поэтому выборъ мѣста для постановки зимнихъ юрть находится у нихъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго обилия въ известномъ мѣсте необходимаго для оленей корма. Зимой тромь-юганские остяки проживаютъ въ стороне отъ рѣки, въ бревенчатыхъ юртахъ, расположенныхъ на берегахъ и боровыхъ островахъ. Весну и лето населеніе, за малымъ исключеніемъ, не живетъ при Тромь-Югане, а располагается у рѣчекъ, въ берестяныхъ чумахъ... Население Тромь-Югана занимается исключительно рыболовством, [которое производится] круглый годъ мордами в небольшихъ притокахъ, сетями и небольшими неводами...»*¹⁶.

Из описанных автором юртов тромьеганских хантов в границы Тевлинско-Русскинского месторождения попадают три:

- *Тулокъ-Пелять-пуголь* (находились на левом берегу р. Тромьегана, в 20 верстах выше по течению от устья р. Лимпасъ, и в 10 верстах ниже по течению от устья р. Име-Яхъ (сегодня — р. Энтль-Имиягун);
- *Ингль-Урей-пуголь (Рыскины)* (находились на правом берегу р. Тромьегана, в 5 верстах выше по течению от устья р. Име-Яхъ и в 7 верстах ниже по течению от устья р. Лета-еган (сегодня — р. Тляттягун);
- *Покачева Григория Васильевича* (находились на левом берегу р. Тромьегана, в 22 верстах выше по течению от устья р. Сукуръ-Яхъ (сегодня — р. Суккюрагун) и в 12 верстах ниже по течению от устья р. Няланка-еганъ (сегодня — р. Нятлонгаягун).

Современное состояние традиционной культуры и характер природопользования хантов. Традиционная культура коренного населения бассейна Тромьегана, составной частью которого является планируемая территория, за последние тридцать лет претерпела значительные изменения. В частности, наблюдается ее трансформация, связанная с нефтепромысловым освоением района. На данный процесс большое влияние оказывают следующие факторы:

Ил. 12. Тевлинско-Рускинское месторождение. Схема расположения территорий традиционного природопользования

А

Б

Ил. 13. Тевлинско-Русскинское месторождение. Территория традиционного природопользования № 8. А — летнее стойбище хантов на берегу р. Тляттыгун. На заднем плане — ЦПН. Снято с юго-запада. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь; Б — подворье стойбища О.А. Рускина. Снято с юго-запада. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь; В — семья Е.А. Рускина во время трапезы. 2003 г. Фото: А.А. Рудь

- изменение демографической ситуации в регионе (коренное население в данный момент составляет значительное меньшинство, что способствует трансформации мировоззренческих основ их культуры);
- появление инженерных коммуникаций, сокращение площадей охотничьих промысловых угодий, пастбищ, сокращение численности зверя, рыбы влекут за собой отход от традиционных форм жизнеобеспечения, использования оленного транспорта и веками устоявшихся путей сообщения;
- договорные отношения с недропользователями ведут к переосмыслению отношения к традиционному природопользованию, переориентации коренного населения на современные средства, материалы и продукты;
- проживание представителей коренного населения в городах и посёлках вне стойбищ нарушает механизм передачи традиции от старшего поколения к младшему.

Следует отметить, что сохранение культовых объектов-святилищ регулируется законодательством как федерального, так и окружного уровней¹⁷. Главная задача состоит в том, чтобы обеспечить оптимальные условия жизнедеятельности в условиях, когда нефтепромысловое освоение территорий традиционного природопользования носит интенсивный характер.

В

А

Б

Ил. 14. Тевлинско-Рускинское месторождение. Территория традиционного природопользования № 8. Традиционные формы хозяйства. 2003 г. Фото: А.А. Рудь. А — Е.А. Рускин устанавливает slopeц на боровую дичь; Б — рыбалка неводом в старице р. Тляттыгун; В — Е.А. Рускин проверяет ставные сети на р. Тляттыгун

По сведениям 2004 и 2007 гг. непосредственно на проектируемом участке, а также в его окрестностях расположено 8 территорий традиционного природопользования (ТПП) Русскинской сельской администрации — № 1Р, 3Р, 5Р, 10Р, 13Р, 21Р, 22Р, 37Р. На этих ТПП числятся семьи, ведущие традиционный образ жизни и занимающиеся исконным хозяйством и промыслами. Достоверных сведений о характере природопользования и хозяйственного цикла семей на ТПП № 1, 3, 5, 10, 21, 22 в данный момент не имеется. В пределах исследуемого участка они занимают незначительные площади и располагаются по периферии (ил. 12). Непосредственно в границы планируемых зон охраны входят территории хозяйственной деятельности семей ТПП № 8 — А.Е. Русскина (ил. 13), П.В. Русскина, Ю.Е. Тэвлина, А.В. Кечимова и А.Е. Русскина.

В настоящее время доходы коренного населения включают четыре источника:

- продукты традиционного природопользования;
- доходы от реализации на рынке традиционных продуктов (ягод, кедровых орехов, рыбы, мяса оленины);
- социальные выплаты;

В

— материальные компенсации, полученные абorigенами от недропользователей в результате действующих между ними экономических соглашений.

При этом сокращение доли продуктов традиционного природопользования и увеличение зависимости от материальных компенсаций характеризуют общую тенденцию для нефтедобывающего региона.

Рыболовство. Из традиционных видов промысла хантов в наибольшей степени сохранилось рыболовство. Основная часть улова идёт на собственные нужды: в пищу людям, собакам, для прикорма оленей зимой в форме муки либо сушёной рыбы. Лишь небольшая доля улова реализуется на рынке.

Летом и зимой практикуется заборное рыболовство на небольших притоках Тромъегана и Тляттыягуна, неводная рыбалка в старицах рек, а также рыбалка ставными сетями (ил. 14—Б, В) в старицах и озёрах. В частности, у семей Е.А. Русскина, А.Е. Русскина и А.В. Кечимова два последних вида добычи рыбы применяются чаще, в то время как у П.В. Русскина и Н.К. Русскина заборное рыболовство имеет больший удельный вес. В их хозяйстве насчитывается 8 рыболовных заборов.

Охота. В настоящее время охота имеет подсобное значение: промышленно охотятся белка, выдра, лиса, которых добывают ружьём, реже капканами. В течение тёплого времени года имеет место добыча водоплавающей птицы, а в середине лета на озёрах — на линных лебедей. На протяжении всего года ведётся добыча боровой дичи, которая производится ружьями, слопцами (ил. 14—А), обмётом (сетями). Практически все продукты охоты идут на собственные нужды. Следует отметить общую для региона тенденцию уменьшения количества добываемой дичи. Причиной тому выступает как снижение численности зверя, птицы и дичи, так и то, что природные ресурсы эксплуатируются не только коренным населением, но и жителями г. Когалыма, д. Русскинской, пгт. Фёдоровский. Свободный их доступ удалось предотвратить путём установки контрольно-пропускного пункта на Тевлинско-Русскинском месторождении.

Собирательство в данный момент занимает значимое место в хозяйстве хантов, имея при этом товарную направленность. Главная составляющая этого вида промысла — сбор ягод (черники, брусники, клюквы), а также кедровых орехов, которые реализуются на рынке. В частности, семья Н.К. Русскиной реализует до 10—20 мешков брусники в год.

Оленеводство хантов в границах планируемой территории находится в упадочном состоянии. При этом об его успешном бытовании

в прошлом имеются исторические и этнографические сведения, подтверждением чему служат строения, связанные с оленеводством: корали, ограды, загоны для оленей, оленье дома и нарты, повсеместно фиксирующиеся при натурном обследовании местности. Необходимо отметить, что применяемая в прошлом модель глубинно-таёжного оленеводства, имеющего транспортную и затем продуктивно-мясную направленность, подразумевает наличие у хозяев небольших стад — до 50 голов. По имеющимся данным, на август 2003 г. оленей было: у А.Е. Русскина — 4 головы, у Ю.Е. Тэвлина — 10. В 1980-х гг. О.А. и О.А. Русскины держали ок. 7—10 оленей. Выпас их проводился в бору, ныне почти полностью занятому вахтовым посёлком Тэвлин, а также производственными базами ТПП «Когалымнефтегаз». Такое же количество оленей имели родители П.В. Русскина во втор. пол. XX в. Самое большое количество — около 50—60 голов — держали родители Е.А. Русскина в районе оз. Яккунлор в сер. XX в.

На момент обследования олени были только у семьи Ю.Е. Тэвлина, родовые угодья которой наиболее отдалены от нефтепромысла и потому редко посещались работниками нефтепромысла. Главная причина упадка оленеводства заключается в промышленном освоении территории, в результате чего значительно уменьшилась кормовая база. Строительство автомобильных дорог, инженерных коммуникаций и переориентация хантов на современные виды транспорта повлекли за собой невостребованность транспортного оленеводства.

Современные процессы. В данное время коренное население широко использует снегоходы, моторные лодки, мини-электростанции, бензопилы и другую технику. При этом производство традиционных средств передвижения — обласов, дощатых лодок-неводников — практически прекратилось. Изготовление оленьих нарт замещается изготовлением саней для снегоходов. В строительстве часто используются современные материалы (рубероид, дорнит), неизбежно вносящие определённую долю новаций в традиционное зодчество. Изменения коснулись и рациона питания. Местному населению стало доступным многообразие продуктов, предлагаемое сегодняшней жизнью. Из традиционных продуктов в рационе сохранились рыба, отчасти мясо промысловых животных, птиц и домашних оленей. Близость к населённым пунктам часто приводит к отказу от изготовления хлеба на стойбищах. Таким образом, общая тенденция в нефтедобывающем регионе характеризуется отходом коренных жителей от традиционной системы природопользования и промыслов, их маргинализацией и культурной ассимиляцией.

А

Б

Ил. 15. Тевлинско-Рускинское месторождение. Культурные объекты хантов. А — святилище *Келмэнг Яун Кот-Мых*. Снято с юга, 2003 г. Фото: А.А. Рудь; Б — родовое кладбище Русских. Снято с юго-востока, 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь

Культовые объекты. На территории Тевлинско-Русскинского месторождения на момент обследования было известно о 7 святилищах коренного населения, из которых лишь на одном не зафиксировано активной культовой деятельности. В пределах планируемой территории находилось 5 святилищ, описанных ниже.

— Священное место *Глятты Яун Оум (Ури)* — Покачёвской Реки Устье (Старица). Занимает приустьевые мысы р. Гляттыгун и почитается хантами р. Тромъёган. На правом развешаны приклады ткани светлых расцветок и шкуры жертвенных оленей; на левом — приклады тёмной ткани. В 1996 г. зафиксировано 3 ритуальных изображения *Кын Ики*, выполненных из листов жести и шкур жертвенных оленей. Здесь ханты проводят коллективные моления и жертвоприношения (*мыр*). Священное место функционировало на протяжении всего XX в.

— Священное место *Энтль Рэп* — Большой Яр. Находится на левом берегу р. Гляттыгун, почитается жителями этой же реки. Активная культовая деятельность прекратилась во время размещения разведочной нефтяной скважины и сейчас происходит эпизодически. Н.К. Сопочина сообщает: «Когда ездим по реке, иногда там делаем пори (угощение), иногда вешаем на деревья отрезки ткани (светлого цвета, с узорчиками, цветочками). Угощение делаем на берегу, в верхнем конце яра, у воды. Мужчины ткань несут наверх. Женщины наверх не ходят, нельзя».

— Святилище *Оккэн Колхэн Ко Кот-Мых* — Главного Шубного Мужчины Дом-Земля. Занимает наиболее высокую часть суходольной гривы в левобережье р. Гляттыгун, почитается жителями этой реки. Функционировало на протяжении всего XX в. На территории священного места фиксируются приклады ткани. На западном склоне гривы обнаружена культовая фигурка лошади размерами 12х17 см, завёрнутая в пёструю ткань. В южной части возвышенности найдены остатки лабаза¹⁸.

— Священное место *Келмэнг Яун Кот-Мых* — С пристанью Реки Дом-Земля (ил. 15—А). Приурочено к левой надпойменной террасе р. Кетльманьягун (левого притока р. Гляттыгун) и посвящено лесным богам — хранителям этой реки. Около сухой сосны стоит кедр диаметром ок. 20 см, на нижних ветках которого и на стволе закреплены приклады — куски ткани голубого, синего и зелёного цветов. Внизу у корня кедра лежат куски старой ткани, монеты. От Н.К. Русскиной записан фольклорный сюжет о связи *Келмэнг Яун Кот-Мых* со священным местом *Оккэн Колхэн Ко Кот-Мых*¹⁹.

— Место обрядовых действий на северной оконечности д. Русскинской включает берег Тромъёгана с прилегающим к нему участком поймы. Здесь на деревьях были зафиксированы многочисленные отрезки ткани разных расцветок, несколько платков, на земле — скопление мелкого мусора и тары из-под спиртного. По сведениям информаторов, в этом месте проходит зимняя снеговая дорога. Коренное население обряды совершает,

как правило, зимой, перед выездом из деревни на стойбища — в благодарность за плодотворную поездку в деревню и за удачный путь домой. Персонифицированным божествам жертвуют отрезки ткани соответствующих расцветок. В данном случае налицо возрождение традиции, так как длительное время подобных ритуальных действий в черте д. Рускинской не фиксировалось.

К категории культовых объектов коренного населения относятся и 4 кладбища:

- Правобережье р. Тляттыгун. Не менее 13 могил, 5 из которых — детские. По сведениям О.А. и Е.А. Рускиных, здесь захоронены их родственники — два сына, родители, два брата Е.А. Рускина (ил. 15—Б).
- Левобережье р. Тляттыгун. Не менее 8 захоронений. По сведениям П.В. Рускина, часть могил принадлежит его родственникам.
- Левобережье р. Тляттыгун. Две могилы. Сведений о похороненных нет.
- Левобережье р. Тляттыгун. Одиночная могила. Сведений о похороненных не имеется²⁰.

К следующей группе сакральных объектов относятся хранилища костей медведя, связанные с культом этого животного у тромъёганских и аганских хантов. По их представлениям, медведь — священное животное, требующее уважения к себе как при жизни, так и после смерти. Поэтому медвежьи кости нельзя рубить, хранить их нужно в местах, укрытых от других зверей. Жители Тромъёгана содержат их в небольших лабазах. Если эти лабазы находятся в границах стойбища, то они приурочены к его сакральному участку²¹. В границах рассматриваемой территории зафиксировано 2 лабаза:

- Правобережье р. Тляттыгун, около остатков зимнего стойбища Е.А. Рускина 1970—1980-х гг.²².

2. На противоположном берегу реки, около стойбища А.В. Кечимова.

Ещё одна группа этнокультурных объектов — почитаемые и памятные места. Здесь не происходит ритуальных действий, отсутствуют материальные свидетельства культовой практики, но они почитаются в силу тех или иных причин. Это могут быть места избегания, где действуют разнообразные табу — от запрета на местожительство до запретов ступать или даже смотреть на эту территорию. Такие места могут быть значимыми в силу своей «явленности», связи с жизнедеятельностью мифологических персонажей, с реальными историческими событиями или со знаменательными случаями или явлениями недавнего прошлого. Часто с этими местами связаны легенды и предания. Памятные и почитаемые места предстают составной частью духовной культуры хантов и имеют значимость в её системе²³.

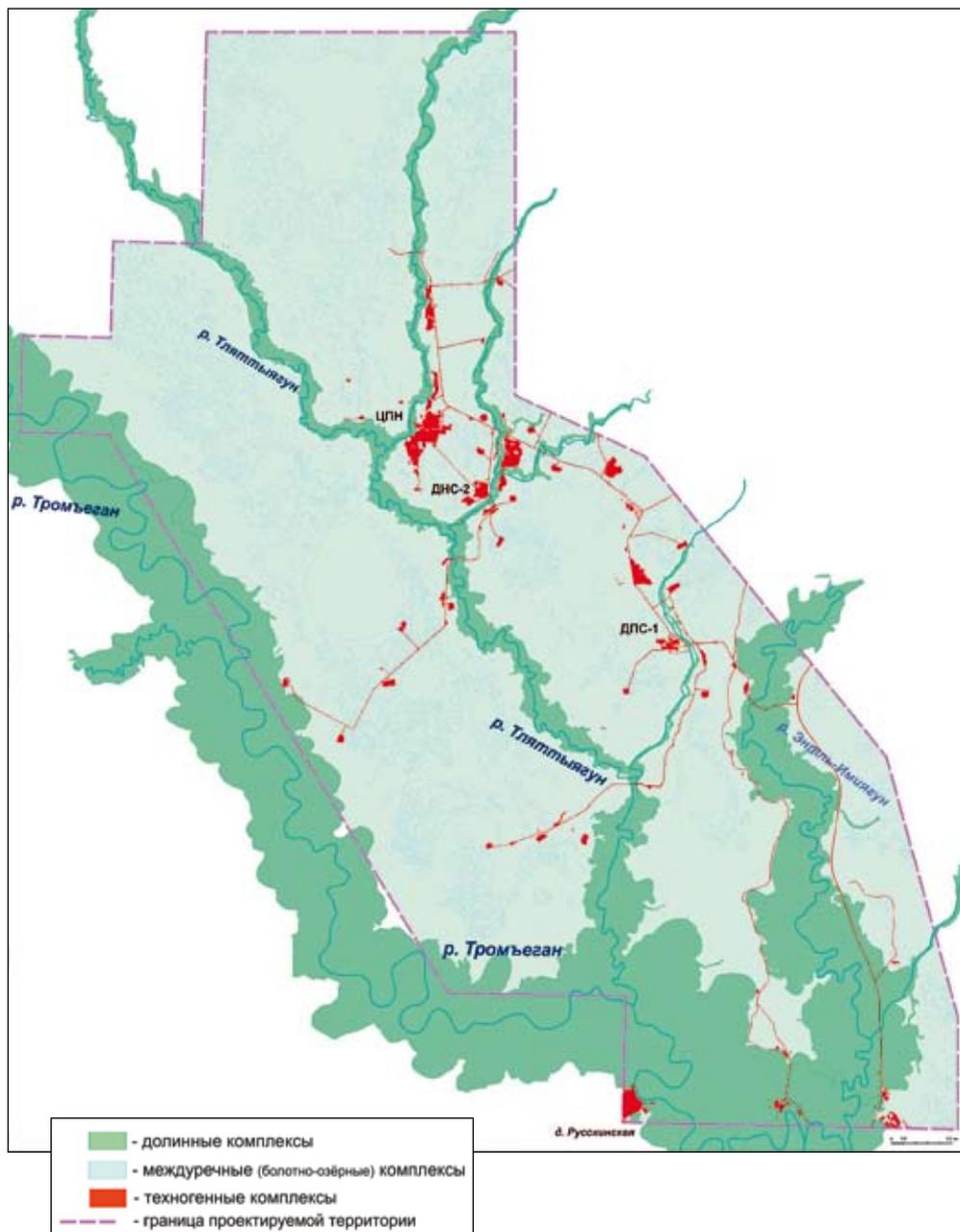
— Объект избегания под названием «Глухариного Песка Поворот» включает плёс и петлю Тромъёгана с прилегающим к ним участком поймы. Плёс именуется «Прямица перед длинным поворотом», а сама излучина — «Длинный (или Глухариного песка) поворот». По сведениям Е.А., О.А. и А.Е. Русскиных, здесь *«нельзя останавливаться на стоянку и ночёвку ...очень нехорошее место»*²⁴. Зафиксированы истории о людях, нарушивших эти запреты, и поплатившихся за это несчастьями²⁵.

— Памятное место «Северных Людей Дорога». Включает полосу, меридионально пересекающую Тромъёган. По информации хантов, здесь проходила одна из дорог воинствующих в прошлом *Аvus ях* — Северных людей. От Е.А. и А.Е. Русскиных получены следующие сведения: *«При переправе через реку Авус ях делали жертвоприношение и вешали рога оленей, когда ехали обратно — тоже делали. Рога есть и на том, и на другом берегу»*²⁶. К этому необходимо добавить: такие дороги, пролегающие с севера на юг, известны во многих местах Сургутского правобережья Оби и используются до сих пор.

Наконец, последняя группа этнографических объектов — это поселенческие и хозяйственно-промысловые сооружения, действующие поныне (II ед.) либо оставленные совсем недавно и ещё не успевшие окончательно руинироваться. Сюда входят места как постоянного, так и сезонного проживания коренного населения, включающие жилые, хозяйственные и культовые постройки, а также сопутствующую им инфраструктуру:

- стационарные дома (срубной, каркасно-столбовой и других конструкций);
- временные жилища (чумы, балаганы, палатки, шалаши);
- подсобные постройки (наземные и надземные лабазы, бани, навесы, хлебные печи, кухни, хранилища для рыбы, гаражи, загоны для оленей, туалеты, конуры для собак и др.);
- участки изготовления транспортных средств (обласов, нарт);
- участки заготовки сырья для хозяйственных нужд (древесины, глины, мха-сфагнума, берёсты и пр.);
- сооружения, связанные с оленеводством или рыболовством;
- приспособления для ведения пассивной охоты (засеки для зверей, слопцы на боровую дичь и хищников).

Каждое стойбище (юрт) может включать многообразие архитектурных форм и сочетаний различных объектов. Именно они отражают динамику традиции и инновации в материальной культуре хантов, представляют интерес как предмет исторических и архитектурных исследований. В рамках сохранения культурного наследия требуется охрана не только уникальных, но и типичных объектов, особенно на-

Ил. 16. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Схема ландшафтных комплексов

ходящихся в комплексе с другими историко-культурными объектами (археологическими, действующими культовыми).

Раздел оценки состояния природно-ландшафтной среды²⁷ фиксирует характеристику природно-территориальных комплексов, включающих структуру природных и техногенных объектов, которая обусловлена геоморфологическими особенностями территории. Они связаны как с природными процессами, так и с деятельностью человека и представлены тремя группами — это:

- *долинно-речная* (преимущественно лесная),
- *междуречная* (как правило, болотная),
- *техногенная* (поверхности в виде карьеров и насыпей).

В совокупности эти группы образуют пространственный каркас местности, который отражает специфические особенности ландшафта на участке планируемого освоения территории (ил. 16). Ниже приведена характеристика указанных групп, в расчётах площадей которых использованы материалы лесоустройства, а также данные по антропогенно-изменённым поверхностям, полученные в ходе натурального обследования (табл. 1).

Долинно-речная группа природных объектов (табл. 1—1) занимает 98 кв. км, или около 23 % исследуемого участка, и отличается доминированием лесной растительности, покрывающей 72 % речных долин. В них преобладают сосновые, преимущественно кустарничково-зеленомошные леса на аллювиальных оподзоленных почвах площадью 3392 га, или 48% от лесов долины, занимающих наиболее дренируемые участки.

Природные объекты речных долин имеют важное археологическое, этнокультурное и природоохранное значение. Протекающие по ним реки служат наиболее удобными транспортными артериями, где сосредоточен основной источник питания местного населения — рыба. Долина изобилует и водоплавающей дичью. Наконец, здесь сосредоточены практически все запасы кедровых орехов, а также основные ягодные ресурсы в виде клюквы, брусники, черники. С биологическими ресурсами и водными артериями связаны основные поселения коренных жителей. В последнее время, в связи с возросшей техногенной нагрузкой на придолинные сосняки междуречий, откуда коренное население оказалось практически вытесненным, значительно возросла роль речных долин, поскольку они выступают благоприятной средой обитания аборигенов. Природоохранное значение долин связано, прежде всего, с защитой водных артерий от загрязнения и сохранением гидрологического режима.

Таблица 1

**Южная часть Тевлинско-Русскинского месторождения
Структура природных и техногенных объектов**

№ п/п	Геоморфологическая группа	Природные комплексы / площадь (га)	Примечания
I	 Долинно-речная группа	1. Леса кедровые с берёзой и сосной – 1948; 2. Леса берёзовые с кедром и сосной – 1754; 3. Болота переходные – 1942; 4. Руслу рек – 359; 5. Старицы – 227; 6. Иные (отмели и пр.) – 12; 7. Нарушения (без карьеров и насыпей) – 194; 8. Леса дренируемые – 5579	Для долинных комплексов характерно участие кедровых лесов, покрывающих 1948 га (20 % от лесов долины), что составляет 94 % всех кедровых лесов участка
II	 Междуречная группа	1. Леса заболоченные – 2685; 2. Болота верховые комплексные – 17128; 3. Озёра внутриболотные – 6011; 4. Нарушения (без карьеров и насыпей) – 661	
III	 Техногенная группа	1. Насыпи – 429 2. Карьеры – 130	Насыпи занимают 429 га. Из них площадные объекты охватывают 103 га: ЦПС – 80 га, ДНС – 23 га, автодороги – 171 га, кусты скважин – 82 га, штабели песка – 31 га, разведочные скважины – 2 га, другие объекты – 2 га, селитебная территория д. Рускинской – 37 га

Междуречная группа природных объектов (табл. 1–II) без учёта антропогенных новообразований в виде карьеров и насыпей занимает 320 кв. км, или ок. 76 % участка. Характеризуется сочетанием территориально преобладающих озёр, верховых болот и придолинных сосновых лесов.

Использование местным населением междуречных пространств связано, прежде всего, с сосновыми суходольными борами. Здесь пролегают основные сухопутные маршруты коренного населения и крупных животных. Боры служат кормовой базой домашних оленей. К суходолам приурочены почти все археологические объекты и основная масса этнокультурных. К сожалению, суходольные леса подверглись значительной техногенной нагрузке при размещении объектов обу-

стройства месторождения и транспортных путей, что существенно усилило пирогенный фактор воздействия (пожары). Коммуникации фрагментируют оленьи пастбища, блокируют маршруты миграции животных и существенно затрудняют передвижение местного населения, вынуждая его перемещаться в речные долины. Для сохранения боров необходим запрет на неорганизованное движение технологического транспорта, смещение проектируемых коммуникаций к границе с болотами или вынесение на заболоченные леса, ограничение посещения работниками нефтяной компании указанных территорий во избежание неумышленных поджогов.

Техногенная группа объектов представляет собой искусственно созданные образования рельефа, включающие карьеры (табл. 1—III) и различного рода насыпи. Данный вид нарушений вынесен в отдельную группу из-за сопоставимости указанных техногенных процессов с естественными геологическими процессами, т. е. болотообразованием, формированием долин и пр. Антропогенные формы поверхности в целом занимают 559 га или, 1,3 % от площади участка. Несмотря на незначительность площадей, они существенно влияют на облик территории.

Антропогенно изменённые поверхности для природной среды могут иметь также положительное значение. Карьеры служат местообитанием для водоплавающих птиц, а на обочинах насыпей поселяются пионерные виды растений, откуда они распространяются на другие нарушенные участки, способствуя ускоренному зарастанию открытых поверхностей. Вместе с тем антропогенно изменённые поверхности, особенно дорожные насыпи, оказывают негативное воздействие, препятствуя миграции животных и естественному стоку болотных вод. Со стороны насыпей происходит загрязнение и запыление окружающей территории.

Техногенная нагрузка на природную среду и оценка состояния территории — раздел, обозначивший источники воздействия, анализ которых был осуществлён с позиции двух уровней:

- а) общая оценка состояния территории;
- б) анализ состояния на локальных участках местности.

На исследуемый период 2007 г. основная часть техногенных объектов сосредоточивалась в северо-восточной оконечности рассматриваемого сектора месторождения — это ЦПС, ДНС-1, ДНС-2, 33 кустовых площадки с примерно 210 скважинами, 30 одиночных разведочных скважин, 18 открытых карьеров. На таких крупных объектах, как ЦПС, ДНС-1, ДНС-2, зафиксированы 3 горящих факела. На юге, вблизи д. Русскинской расположена площадка ГСМ. Указанные выше локальные техногенные объекты соединены линейными коммуникациями. В

их числе: газопроводы (45 км), нефтепроводы (183 км), автомобильные дороги с покрытием (47 км), ЛЭП выше 6кВ (252 км; из них ЛЭП-500 — 16 км, ЛЭП-220 — 16 км, ЛЭП-110 — 15 км, ЛЭП-35 — 52 км, ЛЭП-6 — 153 км).

Дальнейшая перспектива развития нефтепромысла предполагалась в южную сторону, на описываемый момент довольно слабо затронутую техногенным воздействием. Планировалось разместить 34 кустовые площадки, пробурить 5 разведочных скважин и одну поисковую.

Техногенные объекты как источники воздействия. В ходе обустройства месторождений нарушения природных объектов возникают по двум причинам: при размещении и строительстве объектов нефтепромысла, а также при их последующей эксплуатации. На первом этапе негативное влияние обусловлено в основном механическим повреждением поверхности, во втором — возрастает угроза загрязнения, теплового воздействия и нарушения гидрологического режима. Источники техногенного воздействия, согласно классификации по их территориальному размещению, периоду и характеру воздействия, делятся на 5 основных групп, описанных ниже (табл. 2).

Таблица 2

**Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения
Примеры объектов – источников техногенной нагрузки
на окружающую природную среду**

№ п/п	Источники воздействия	Характер воздействия
I	 Факелы сжигания попутного газа	Стационарные источники химического и теплового воздействия
II	 Устройство скважин, нефтепроводов и автодорог	Потенциальные источники длительного и аварийно-опасного воздействия

<p>III</p>	 <p>Устройство сухоройных карьеров и насыпей грунтовых дорог</p>	<p>Катастрофическая трансформация поверхности 5 (А5). – См. ниже</p>
<p>IV</p>	 <p>Устройство временных грунтовых дорог</p>	<p>Сильная трансформация поверхностного покрова 4(А). – См. ниже</p>
<p>V</p>	 <p>Неорганизованные проезды и пожары (стихийные источники)</p>	<p>Слабая, умеренная трансформация (в виде гари) 1 (А1) – 2(А2). – См. ниже</p>

К наиболее заметным *стационарным источникам воздействия*, обуславливающим постоянные химическое загрязнение атмосферного воздуха и тепловое воздействие, относятся факела сжигания попутного газа, которых на территории отмечено три: на ЦПС, ДНС-1 и ДНС-2 (табл. 2–I).

Мобильные источники воздействия, связанные в основном со строительством промышленных объектов, вызывают преимущественно

механическое нарушение поверхности и почвенно-растительного покрова. Сопутствующее им химическое загрязнение атмосферного воздуха при работе техники является незначительным. При строительстве этот вид воздействия является управляемым и заранее прогнозируемым.

Потенциальные источники длительного воздействия (табл. 2—II) обусловлены коммуникациями, приводят к блокированию территорий, препятствуя ходу естественных процессов, прежде всего, движению поверхностных и грунтовых вод на заболоченных участках. Указанные техногенные объекты на заболоченной территории приводят к нарушению естественных процессов, особенно гидрологического режима, и, как следствие, стимулируют подтопление вдоль инженерных коммуникаций. При размещении последних важно учитывать направление стока болотных вод, что определяется по аэрофотоснимкам и космоснимкам с использованием данных о рельефе. Разумно до начала строительства иметь картографический слой так называемых линий стекания, отражающий территориальное распределение поверхностного стока. По этой информации определяется оптимальное ориентирование коммуникаций и размещение в местах концентрации стока водопропускных сооружений.

Потенциальные аварийно-опасные источники (табл. 2—II) относятся к категории наиболее опасных из-за непредсказуемости последствий и характера поражения. Наибольшую угрозу представляют трубопроводы для перекачки агрессивной жидкости, нефтепроводы (прежде всего напорные) и водоводы транспорта подтоварных вод. При их порывах, как правило, происходит значительное поражение растительного покрова, загрязнение почв и водных объектов. В местах разлива растительность обычно гибнет полностью.

К *стихийным источникам воздействия* относятся в первую очередь пожары (табл. 2—V). Их возникновение на 90 % связано с присутствием человека. Как правило, это неумышленные поджоги, чему в немалой мере способствует техника. Распространение огня связано в основном с придолинными залесёнными участками, занятыми сосняками лишайниковыми. Лишайник в сухую погоду является прекрасным горючим материалом, и огонь распространяется очень быстро. В основном это низовые пожары, не затрагивающие древесный ярус и обычно не повреждающие его фатально.

Общая оценка состояния территории определена согласно методике, которая фиксирует основные признаки нарушения в виде трансформации экосистем (табл. 3):

Таблица 3

Южная часть Тевлинско-Русскинского месторождения
Оценка состояния территории
по основным признакам трансформации экосистем

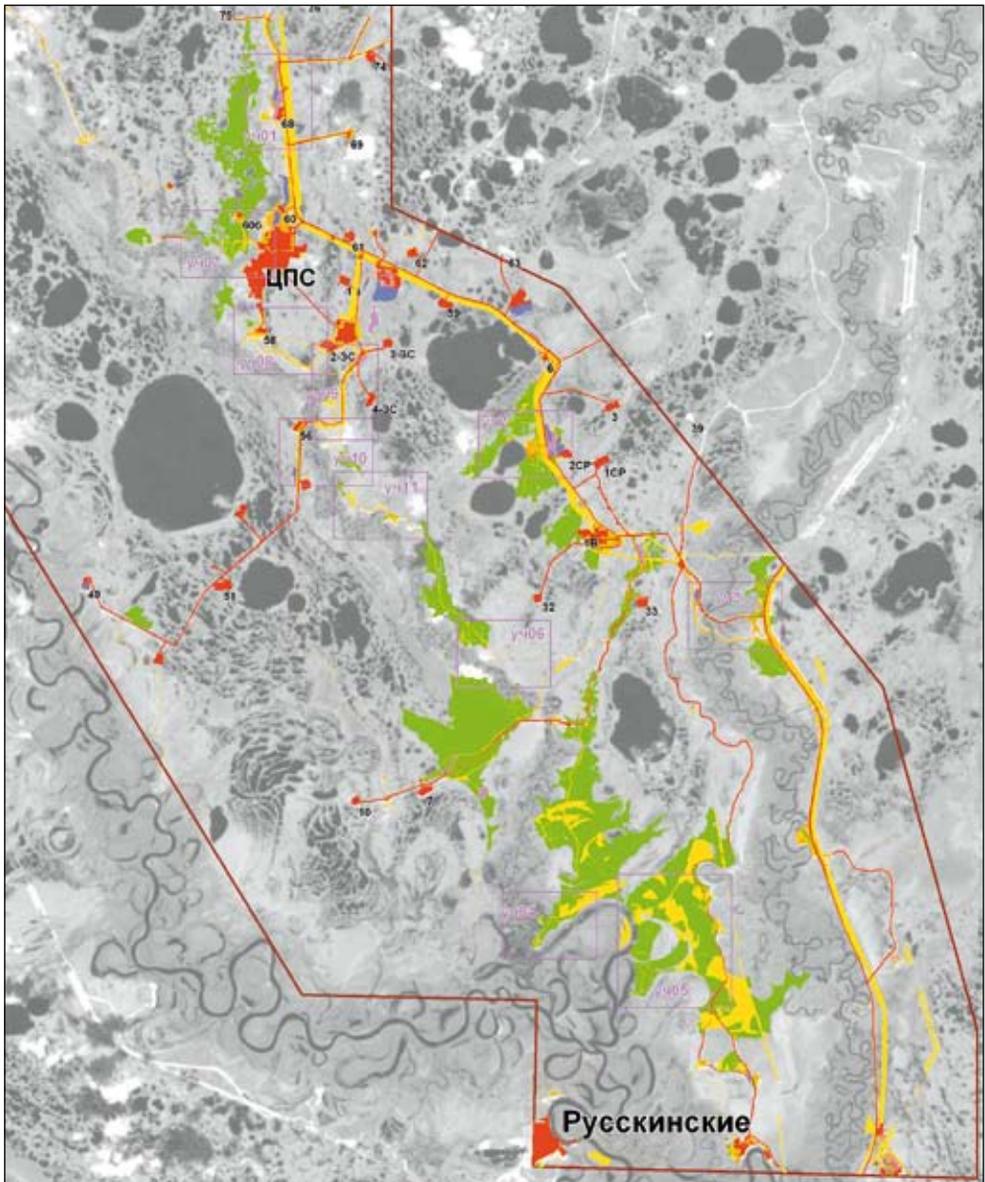
Обозначение		Интенсивность воздействия
	1 (A1)	<i>Слабая трансформация</i> – вытаптывание, разрушение дернины, уплотнение верхних горизонтов
	2 (A2)	<i>Умеренная трансформация</i> – вытаптывание, разрушение дернины, уплотнение верхних горизонтов, изменение видов в отдельных ярусах
	3 (A3)	<i>Умеренная (обратимая) трансформация</i> , ведущая к разрушению сообщества – вырубки, перекапывание поверхности, влекущее за собой формирование природных сообществ с последующим восстановлением исходного состояния
	4 (A4)	<i>Сильная (необратимая) трансформация</i> – изменение режима экологических факторов, полное разрушение почвенного покрова, формирование не характерных для исходных местообитаний типов растительных сообществ; восстановление возможно только после снятия нагрузки
	5 (A5)	<i>Катастрофическая трансформация</i> , обусловленная рытьём карьеров, созданием насыпей, т. е. полное уничтожение прывенно-растительного покрова, а также экотопа; восстановление до исходного состояний невозможно ни при каких условиях

Для этой цели применялся метод дистанционного зондирования земной поверхности путём использования 4-канальных космоснимков Quik Bird высокого разрешения – видимые каналы, ближний инфракрасный канал. По результатам их дешифрирования определены участки, подвергшиеся техногенной нагрузке, дана оценка степени нарушенности местности и составлена карта состояния территории на юге Тевлинско-Русскинского лицензионного участка площадью 424,5 кв. км. Дешифрирование показало, что нарушения охватили территорию в 1656 га. В целом же планируемая территория подвержена умеренному воздействию. Основные изменения произошли в результате механического и пирогенного факторов.

Катастрофические изменения (A5), связанные с карьерами и насыпями, затронули 558 га (табл. 2–III). Для строительства насыпей создано свыше 90 сухоройных карьеров и выемок, включая 2 гидро-карьера.

Сильные трансформации (A4) приурочены к местам прокладки трубопроводов, временным дорогам и промплощадкам, которые в совокупности охватывают площадь 312 га (табл. 2–IV).

Изменения с умеренной трансформацией (A2, A3), связанные, как правило, с вырубками и пожарами, распространены на площади

931 га. Сгоревший древостой отмечен в основном в пойме — в лесах с плотным подлеском и хорошо развитым травяным покровом, которые способствуют интенсивному горению и сильному повреждению древесного яруса.

Слабые нарушения (А1) сопровождаются низовыми пожарами, неорганизованными проездами и, в меньшей мере, рекреацией. Наибольшие площади оказались под гарями (табл. 2—V). В целом они связаны с суходолами, покрытыми преимущественно лишайниковыми сосняками. Территории, по которым прошли низовые пожары, значительны по площади и составляют 1977 га.

Анализ состояния природных объектов на локальных участках местности проведён на 11 рассредоточенных фрагментах (ил. 17), покрывающих 3650 га, или 8,6 % от площади территории. На них отмечено ок. 35 % нарушений. Участки неоднородны как по структуре природных объектов, так и по техногенной нагрузке. Они выбирались для оценки характера повреждения почвенно-растительного покрова и поверхности с указанием причин антропогенного воздействия. Конечной целью анализа было прогнозирование нарушений при дальнейшем обустройстве площади месторождения, предупреждение о последствиях и разработка мер по минимизации нагрузок. В таблице 4 дана краткая характеристика нарушенности на 11 упомянутых фрагментах.

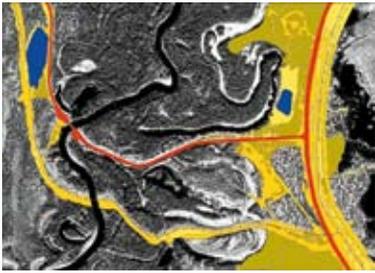
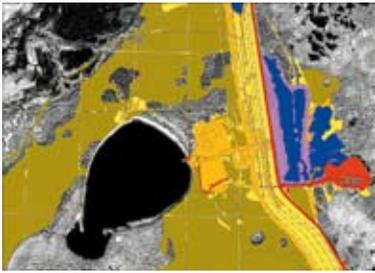
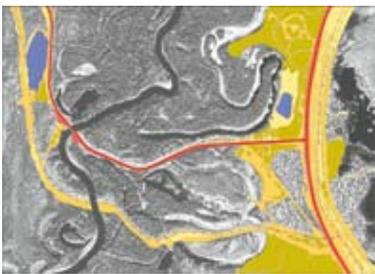
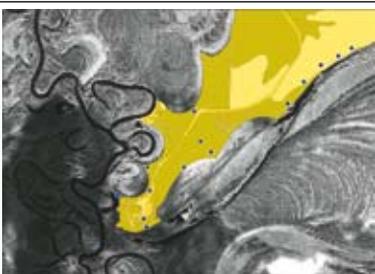

Ил. 17. Южная часть Тевлинско-Русскинского месторождения. Схема расположения обследуемых локальных участков

Таблица 4

Южная часть Тевлинско-Русскинского месторождения
Характеристика состояния локальных участков

№ п/п	Участок	Состояние поверхностного покрова
I		<i>Участок 1</i> – площадь 301,0 га. Занят сильными повреждениями почвенно-растительного покрова (42,0 %). Они вызваны коридором коммуникаций, автодорогой, трубопроводами, ЛЭП, кустовой площадкой К-68 и сухоройными карьерами. Леса пройдены низовыми пожарами, нерегулярными проездами и присутствием людей. Болота нарушены коридором коммуникаций
II		<i>Участок 2</i> – площадь 303,0 га. Отмечены нарушения, охватывающие 50,0 % его площади: низовые пожары (А1) на площади 83,0 га (55,0 % всех нарушений). Умеренная трансформация (А3) растительного покрова занимает 25,0 га (17,0 % всех нарушений) и связана с обустройством коридора коммуникаций и сейсмопрофилей. Сильная трансформация (А5) отмечена вдоль инженерных коммуникаций
III		<i>Участок 3</i> – площадь 305,0 га. Охвачен коридором коммуникаций, затронувшим 76,0 га (25,0 % участка). Сильные нарушения (А4) связаны с прокладкой трубопроводов, занимающих 27,0 га (36,0 % всех нарушений). Изменения рельефа (А5) составляют 11,4 га (15,0 %) – это автодороги (7,6 га), 2 сухоройных карьера площадью 3,8 га. Умеренные нарушения (А3) связаны с коридором коммуникаций на площади 14,0 га (19,0 % от нарушений); слабые – обусловлены низовыми пожарами – 18,0 га (24,0 %) и неорганизованными проездами – 4,0 га (6,0 %). Слабые нарушения (А2) – 23,0 га (30,0 %)
IV		<i>Участок 4</i> – площадь 304,0 га, в районе скважины Р-7. Подвержен сильной (А4) рекреационной деятельности, вызвавшей распространение гарей. На площади 58,0 га (19,0 % от площади участка). Основное место занимает гари – 52,0 га, или почти 90,0 % от площади нарушений на участке. Слабые нарушения (А2) охватывают 35,0 га (59,0 % от площади нарушений), на 18,0 га (30,0 %) исходный покров уничтожен полностью – А4 сильные нарушения. Механические воздействия связаны с проездами автотранспорта

Продолжение табл. 4

V		<p>Участок 5 – площадь 729,0 га, в районе скважины Р-240. По восточной оконечности проходит автодорога. Нарушения охватывают 409,0 га (56,0 % территории участка) и связаны с автодорогой, занимающей 4,8 га (1,2 %) и сухой карьером – 0,6 га (0,1 %). Полностью уничтожен почвенно-растительный покров и изменён рельеф</p>
VI		<p>Участок 6 – площадь 303,0 га, в районе скважины Р-17. Через него проходит грунтовая дорога, имеется сухой карьер. Общая площадь нарушений составляет 47,0 га (16,0 % от участка). Основная доля нарушений приходится на гари (А 2 низовые пожары) – 40,0 га (85,0 % всех нарушений). Изменения с умеренной трансформацией (А3) охватывают 3,6 га (7,6 % от нарушений)</p>
VII		<p>Участок 7 – площадь 304,0 га. Здесь расположен ЦПН – крупнейший промузел на месторождении. За счёт этого отмечается высокий уровень нарушения природной среды (почти 42,0 %). Основные нарушения (А3) связаны с низовыми пожарами – около 62,0 га (48,0 % от всех нарушений). Катастрофическая трансформация (А5) обусловлена наличием ЦПН – 33,0 га (26,0 % от нарушений) и сухой карьерами – 2,0 га (1,5 %). Сильная трансформация (А4) – 21,0 га (16, 2%) связана с ЦПН и автодорогами</p>
VIII		<p>Участок 8 – площадь 304,0 га. Здесь отмечено невысокое поражение поверхности и почвенно-растительного покрова, которое обусловлено присутствием двух кустовых площадок К-58 и К-2эс. К ним проложены автодороги, в том числе из насыпного грунта. Это повлекло за собой полную трансформацию поверхности в виде смещения грунта на площади 5,5 га (16,0 % от площади нарушений)</p>

IX		<p>Участок 9 – площадь 303,0 га. Охвачен механическим вмешательством на площади 56,0 га (18,0 % от площади фрагмента). Они концентрируются вокруг промплощадок К-23с и К-43с, вдоль автодороги и коридора коммуникаций; представлены вырубками, преимущественно вдоль коридоров коммуникаций. Площадь нарушений охватывает 20,0 га (36,0 % от всех нарушений). Сильная трансформация (А4) сопровождается полным разрушением почвенно-растительного покрова – 16,0 га (29,0 %). Катастрофические изменения (А5) обнаружены на 19,0 га (33,0 % от нарушений) и связаны с сухоройными карьерами – 5,0 га (9,0 %) и насыпями</p>
X		<p>Участок 10 – площадь 302,0 га. Характеризуется нарушениями, которые обусловлены коридором коммуникаций, сетью автодорог, кустовыми площадками К-56 и К-41, гидрокатьером. В целом нарушено 42,0 га (ок. 14,0 % всей территории). Сильные нарушения (А4) связаны с местами прокладки трубопроводов и дорогами – 13,5 га (32,0 % от площади нарушений). Катастрофические нарушения (А5) охватывают 10,4 га (25,0 % от нарушений) в виде насыпи – 7,0 га (17,0 %), сухоройных карьеров – 3,3 га (8,0 %). Умеренные нарушения (А3) сопутствуют трубопроводам – 7,6 га (18,0 % от нарушений). Слабая трансформация (А1 – гари, механические воздействия с поражением живого напочвенного покрова) составляет 10,6 га</p>
XI		<p>Участок 11 – площадь 303,0 га. Отличается слабым (А1) поражением – 19,0 га (6,3 %). Нагрузка вызвана сважиной Р-16 и временной дорогой, занимающей 4,7 га (25,0 % от площади всех нарушений). Сильная трансформация (А4) – дорога с развезженными участками охватывает 7,3 га (39,0 % нарушений). Умеренная трансформация (А3) находится вблизи автодороги, составляя 3,7 га (19,0 %). Слабая трансформация (А1) определена на 42,0 % территории (8,1 га). Площади, пройденные огнем, – 6,4 га (34,0 % от площади нарушений)</p>

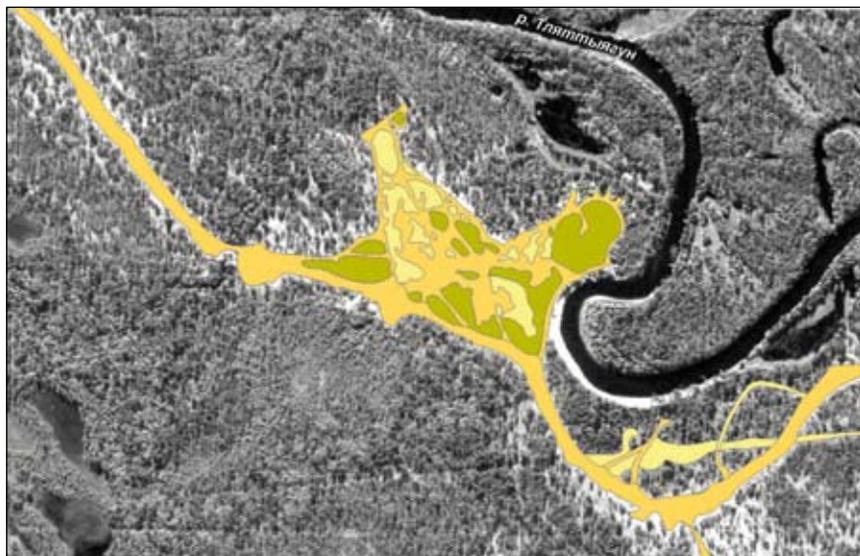
Раздел оценки планировочной структуры месторождения и визуальное раскрытие территории. На момент обоснования проектного решения основу планировочной структуры составлял комплекс технологических объектов, связанных с добычей углеводородного сырья. К таковым относятся:

- площадные объекты (разведочные и кустовые площадки, ДНС-1, ДНС-2, ЦППН, БПО);
- линейные объекты автомобильного сообщения (сеть асфальтобетонных и грунтовых автодорог);
- линейные объекты инженерных коммуникаций (газо-, нефтепроводы, водоводы, ЛЭП).

Большинство промышленных объектов, как было отмечено, расположено на восточной и северо-восточной оконечностях планируемой территории, занимая левобережье р. Сухмитингьяун и Тляттыгун. Пространственно-техногенный каркас образует ряд площадных объектов: ДНС-1, ДНС-2, ЦППН, кустовые площадки, соединенные сетью подъездных асфальтобетонных и грунтовых дорог. На правобережье р. Тляттыгун, куда ориентировано дальнейшее расширение месторождения, были проложены две крупные грунтовые дороги. Одна из них, пересекая р. Тляттыгун в 0,5 км к югу от устья р. Ай-Сухмитингьяун, вела от ДНС-2 на юг — юго-запад и соединяла кустовые площадки К-56, К-41 и др. Вторая, пересекая р. Тляттыгун в 0,5 км к югу от устья р. Ультылыгьяун, следовала по направлению к двум кустовым площадкам и сухоройному карьере. Въезд на Тевлинско-Русскинское месторождение со стороны р. Энтль-Имиягун с КПП расположен на восточной оконечности планируемого участка на удалении 1,5 км от автострады Сургут — Ноябрьск.

Промышленную планировку территории, сложившуюся в ходе эксплуатации месторождения, можно охарактеризовать, как минимум, с трёх позиций:

- во-первых, сложившаяся схема, образованная размещением нефтяных кустов, разведочных скважин (включая хаотичную сеть подъездных грунтовых дорог к ним, а также к другим площадным объектам), говорит о том, что изначально не было целостного проектного плана обустройства месторождения;
- во-вторых, на рассматриваемой территории среди дорог абсолютно преобладают грунтовые;
- в-третьих, низкий уровень культуры производства негативно отразился на санитарно-техническом состоянии большинства производственных объектов, что наблюдается при обустройстве кустов нефтяных скважин, организации

А

Б

Ил. 18. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Локальный участок № 11 (фрагмент). Хаотичная сеть грунтовых дорог в районе скважины Р-16. Общий вид. А — план-схема участка (космоснимок); Б — снято с севера, 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь

работ на гидро- и сухоройных карьерах, при застройке площадок под ДНС, ЦППН, БПО, прокладке линейных сооружений. Всё перечисленное негативно сказывается на состоянии окружающего почвенно-растительного покрова и общем санитарно-гигиеническом состоянии территории.

Удручающее впечатление производит эксплуатируемая сеть грунтовых дорог (ил. 18), которые можно подразделить на две категории. Первая — магистральные, шириной до 12 м, как собственно грунтовые, так и с песчаной отсыпкой дорожного полотна. Другая — хаотично проложенные в прилегающих лесных массивах. Обе категории взаимосвязаны и взаимно дополняемы своей эксплуатационной непрактичностью. Магистральные, особенно в ненастье, становятся труднопроходимыми из-за образовавшейся глубокой колеи. В этой связи транспорт зачастую использует для проезда обочины, нанося тем самым непоправимый урон как природному, так и археологическому наследию. Дополнением ко всему служит неконтролируемый и безответственный проезд транспорта по лесным массивам вдоль рек с целью поиска мест для «непосредственного контакта с природой», т. е. организации нефтяниками отдыха, рыбной ловли и охоты.

Таким образом, можно констатировать отсутствие планировочной схемы дорожно-транспортной сети как таковой, закономерным следствием чего стало нерегулируемое, неконтролируемое использование суходолов вдоль водотоков, спонтанно приспособленных для проезда.

Исключение составляет восточная-северо-восточная часть территории, где за последний период времени были устроены асфальтобетонные магистрали, соединяющие объекты нефтепромысла (ил. 19—А). Начиная от КПП, они следуют на северо-запад к ДНС-1, ДНС-2, ЦППН, а далее — на север. В существующую планировку они внесли определённую строгость и функциональную целесообразность. Однако на фоне хаотично разъезженных грунтовых проездов и сильно нарушенного почвенно-растительного покрова общая схема плана остается запутанной, далекой от оптимальной.

В итоге следует подчеркнуть: освоение территории осуществлялось на основании данных геофизических и геологоразведочных изысканий, определивших контуры залегания углеводородного сырья, но формирование транспортной инфраструктуры при этом начиналось спонтанно. Дорожная схема вытекала из уже имеющейся сети подъездных путей к полевым лагерям, сейсмопрофилям, а также трассам перевозки оборудования к скважинам поискового и разведочного бурения. Прокладывание этих линейных объектов в каждом конкретном случае

А

Б

Ил. 19. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Техногенный ландшафт. 2007 г. Фото: Г.П. Ведмидь. А — линейный ландшафт, образованный инженерными коммуникациями и автодорогами. Снято с юга; Б — ландшафт с отрицательными эстетическими характеристиками (свалка); В — ландшафт с положительными эстетическими характеристиками (обустроенная площадка скважины К-2р)

преследовало свои узкие задачи, не связанные друг с другом. Дальнейшая добыча углеводородного сырья велась без регулярного плана обустройства нефтепромысла. Всё это, в конечном счёте, отрицательно сказалось как на общем состоянии местности, так и на сохранности объектов археологического и этнокультурного наследия. На тот момент (2007 г.) руководящим документом являлась «Схема кустования Тевлинско-Русскинского месторождения нефти» М 1:25 000.

Визуальное раскрытие планируемой территории призвано наглядно отобразить процессы, произошедшие на всех этапах освоения месторождения. Для получения достоверной картины местности работы выполнялись с учётом трёх уровней, включающих:

- анализ космо— и аэрофотоснимков;
- осмотр и фотофиксацию местности с воздуха;
- детальный осмотр состояния территории на локальных участках.

Результаты визуальной оценки отображены на чертежах, совмещённых как с тематическими картами, так и самостоятельно относящихся к данному разделу. Для наглядности представленного материала выделены две качественные категории участков местности сообразно их визуальному восприятию.

Участки с *отрицательными* эстетическими характеристиками в подавляющем большинстве связаны с повсеместно заметными следами индустриальной деятельности — заброшенными производственными и вспомогательными объектами: кустовыми площадками с прилегающими окрестностями, существующими и заброшенными гидро- и сухоройными карьерами, свалками бытового и промышленного мусора и пр. (ил. 19—Б).

В

Участки с *положительными* эстетическими характеристиками — это, как правило, территории, сохранившие своё естественное состояние и не подвергшиеся активному техногенному воздействию и пожарам. Несмотря на то, что в большинстве случаев природный и техногенный ландшафты резко контрастируют, будучи взаимоисключающими, в ряде случаев можно отметить положительную тенденцию к обустройству промплощадок (ил. 19—В).

Общее эстетическое восприятие территории на освоенных участках нефтепромысла можно оценить как неудовлетворительное. Это вызвано разрушающим природообразующим воздействием на окружающую среду.

Составление проекта планировки зон охраны историко-культурных и природных объектов

Раздел архитектурно-планировочного решения зон охраны предполагалось составить на основе обобщения всего массива материалов, полученного на этапе предпроектного обоснования территории и сформированного *археологическим, этнокультурным, техногенным и природно-ландшафтным* факторами. В совокупности они обусловили общий характер планировочной структуры.

Археологический фактор должен был стать определяющим в планировочной организации южной части Тевлинско-Русскинского месторождения. Сравнительный анализ упоминавшихся ранее схем зонирования по перспективности выявления объектов культурного наследия, легших в основу нашей корректировки в 2007 г., с «Картой расположения археологических объектов» и с планом проектно-планировочного решения (ил. 20) иллюстрирует следующее.

Материалы камерального историко-культурного прогнозирования и итогов последующих полевых изысканий наглядно демонстрирует, что методика выделения зон по перспективности поиска древностей во многом себя оправдывает. Свидетельством этому служат результаты натурного обследования. В частности, обозначенная ранее перспективная зона наличия археологических объектов вдоль р. Тляттыягун преимущественно совпадает с их установленным местоположением в реальности. Сообразно этому *зону охраны памятников со строгим режимом содержания* предполагалось в проекте планировки выделить именно в местах их фактического либо возможного сосредоточения. Она простирается преимущественно по надпойменным террасам р. Тляттыягун. Правила не бывает без исключений — это р. Энтль-Имиягун, протекающая вдоль восточной границы проектируемой

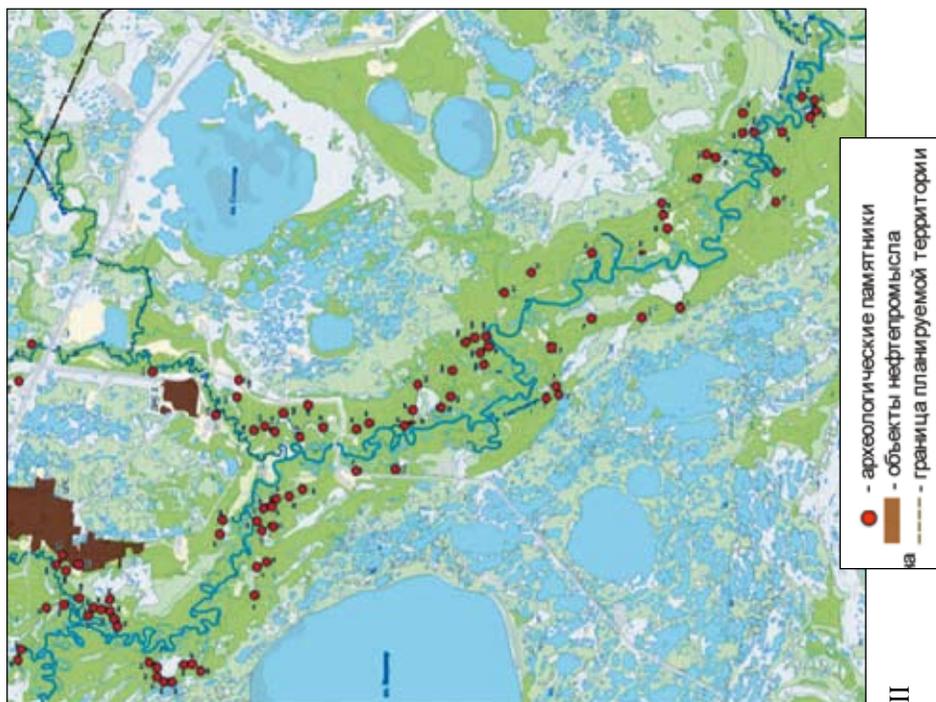

территории, где памятники исчисляются единицами, притом, что на современный взгляд общий природно-ландшафтный характер этих двух притоков Тромъегана почти не различается²⁸.

Этнокультурный фактор следует за предыдущим по значимости функционально-планировочной организации территорий, в пределах которых ведётся традиционное природопользование. Особый режим их регулирования направлен на сохранение среды обитания коренных жителей, непосредственно связанной с природным окружением. Система современного расселения, как и расселения людей в прошлом, обусловлена спецификой биологических ресурсов и гидросистемы. Основную роль играют речные долины, где сосредоточен главный источник питания в виде рыбы, водоплавающей птицы, запасов кедрового ореха и ягод. Реки — удобные транспортные артерии, а прилегающие к ним суходольные леса служат кормовой базой для домашних оленей и сухопутными маршрутами миграции крупных животных. В долине р. Тляттыгун находятся особо почитаемые места — святилища. В проекте делается существенный акцент на их сохранение в условиях возрастающей техногенной нагрузки. Для обеспечения самодостаточности среды обитания проектом предусматривалось создание *сети рекреационных территорий*, рассредоточенных вдоль р. Тляттыгун, Энтль-Имиягун и Тромъеган. На этих участках должна исключаться любая природопреобразующая деятельность. Технологические разрывы между ними (зоны регулируемой застройки) назначались для устройства промышленных коммуникаций.

Техногенный фактор отражает состояние планируемой территории, характеризуя культуру производства хозяйствующего субъекта ТПП «Когалымнефтегаз». Оценке техногенного воздействия на окружающую природную среду нашим проектом уделено значительное место. Результаты анализа показали, что площадь Тевлинско-Рускинского месторождения нефти и газа является наглядным и, к сожалению, отрицательным примером, который довольно убедительно демонстрирует негативный характер техногенных воздействий.

Природно-ландшафтный фактор тесно взаимосвязан с вышеперечисленными. Согласно геоморфологическим особенностям местности, структура природно-территориальных комплексов состоит из двух групп: долинно-речной (преимущественно лесной) и междуречной или болотно-озёрной. Образуя пространственный каркас местности, они обусловили характер выделяемых зон охраняемого ландшафта. К ним относились речные долины, в частности р. Тляттыгун, а также лесные массивы, прилегающие к междуречью. Охранный режим со-

Ил. 20. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения (фрагмент центрального сектора). Стадии охранного зонирования территории: I) схема зонирования по перспективности выявления объектов культурного наследия; II) карта расположения выявленных археологических объектов; III) планировочное решение зон охраны объектов культурного наследия

III

держания для этих территорий необходим по целому ряду причин. Выполняя водоохранную и лесозащитную функции, они являются средой обитания коренного этноса. Здесь сосредоточена основная часть археологического и этнокультурного наследия. Наряду с этим в окончательном проектом решении предусматривался учёт и влияние техногенного воздействия, отрицательно сказывающегося на состоянии суходольных лесов, что требует организации охранных мероприятий при дальнейшем освоении территории.

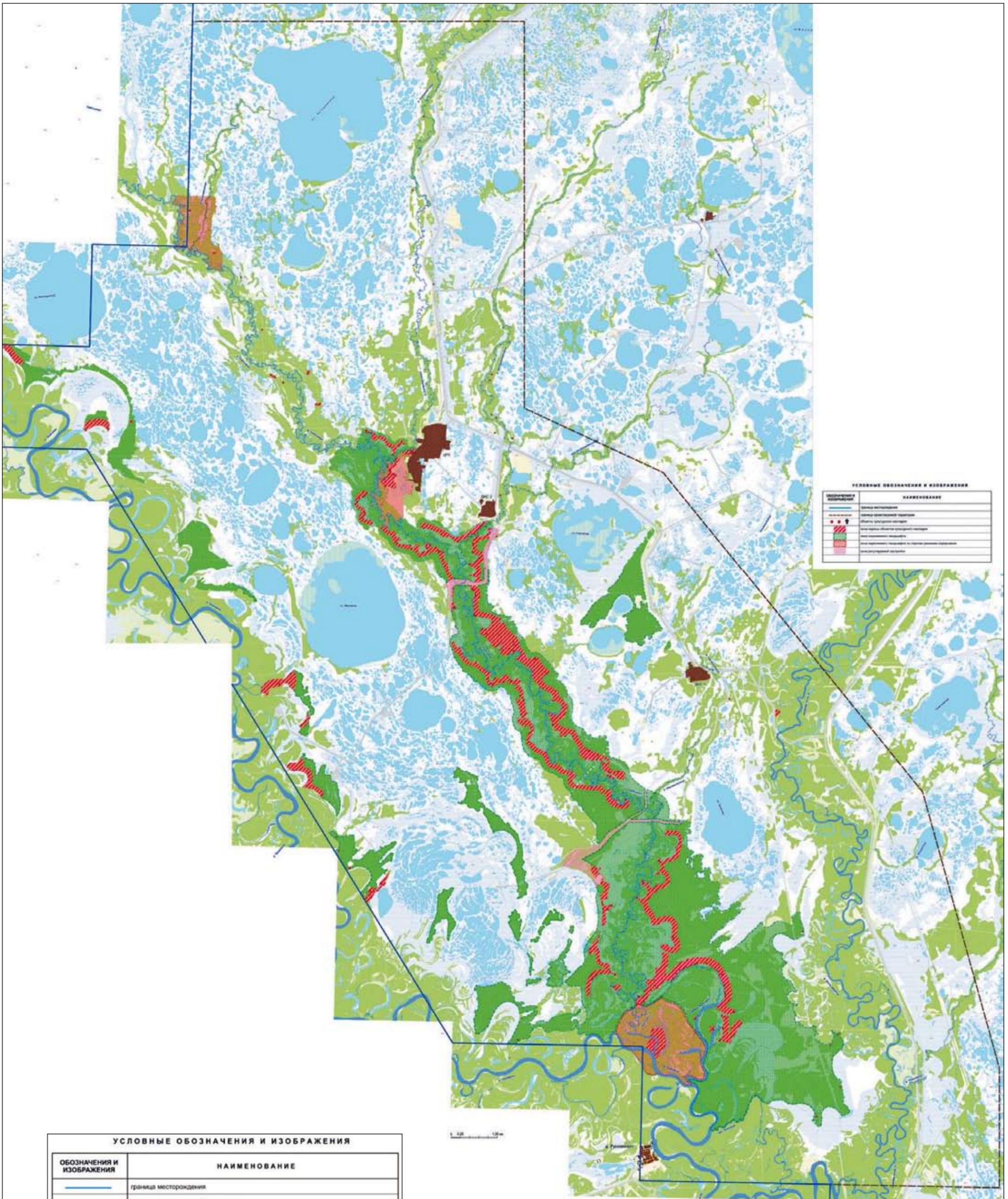
Эстетический фактор предполагает, как минимум, три аспекта. Один из них направлен на сохранение особо ценных природных ландшафтов, уникальных уголков «нетронутой» природы, обладающих наиболее живописными качествами. Второй касается промышленной среды, которая должна формироваться с учётом требований технической эстетики. Третий аспект отражает соотношение между естественно сложившимся (природным) и вновь созданным (техногенным) ландшафтами. Антагонизм между ними — характерная особенность нефтепромышленного освоения на тот момент. Причина кроется в низком уровне производственной культуры. Соблюдение режима содержания охранных зон, указанных в проекте, позволило бы улучшить эстетические качества природной среды. Что касается дальнейшей перспективы, то данный вопрос требует отдельной, более детальной проработки. В особенности это относится к подходам по формированию индустриального ландшафта, требующим повышения его эстетической выразительности.

По итогам обоснования территорий зон охраны историко-культурного и природного наследия в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения предполагалось подготовить следующую научно-проектную документацию, отражающую весь ряд подразделов в виде тематических карт:

- зонирования территории по степени вероятности нахождения объектов историко-культурного наследия;
- расположения памятников археологического наследия;
- расположения объектов этнографии, включая сакральные объекты культового назначения;
- наличия природных комплексов;
- нарушенности планируемой территории;
- основного чертежа зон охраны объектов культурного наследия.

Архитектурно-планировочная структура проектного решения, поисковый (эскизный) вариант которого представлен на чертеже (ил. 21), состоит из трёх компонентов:

- зона охраны комплекса объектов культурного наследия со строгим режимом содержания;

Ил. 21. Южная часть Тевлинско-Рускинского месторождения. Архитектурно-планировочное решение зон охраны объектов культурного наследия

- зона охраны природного ландшафта;
- зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности.

Их совокупность в системе территориального планирования должна составить одну из функциональных зон с особым режимом содержания, согласно которому перечень планировочных ограничений направлен на выполнение главной цели — сохранение культурного ландшафта, предотвратив его окончательное уничтожение.

Природно-ландшафтная ситуация во много обусловила не только общую пространственную направленность зон охраны по линии юго-запад — северо-восток, но и параметры планировки их территорий — протяженность, ширину, конфигурацию плана, характер очертаний внешней границы. Центральную планировочную ось образует долина водной артерии р. Гляттыягун, вдоль правого и левого берегов которой и должны были простираться территории зон охраны. Согласно проектному замыслу, границы зон охраны планировалось приурочить к суходольным лесным массивам, которые на фоне болотно-озёрного ландшафта служили естественными рубежами, а также визуальными ориентирами на местности.

Зона охраны археологических памятников со строгим режимом содержания, следуя полосой шириной от 0,10 до 0,25 км вдоль поймы, обрамляет очертания не только современного русла, но и повторяет профили древней береговой линии (старицы) р. Гляттыягун.

Зона охраны природного ландшафта, тянется полосой, занимая промежуточное пространство между зоной охраны археологических памятников и болотно-озёрными массивами, к ним прилегающими. Суходольные лесные массивы рассматривались естественными рубежами, конфигурация которых во много приурочена к очертаниям существующих лесонасаждений. При этом болотно-озёрный ландшафт, как доминирующий и образующий фоновую среду по отношению к суходолам, отводился для размещения нефтепромысловых объектов.

Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности, разделив ранее обозначенные территории на участки, рассматривались в качестве транзитных коридоров, связующих северо-восточную и юго-западную площади Тевлинско-Русскинского нефтепромысла. В их створе размещались инженерные коммуникации, автодороги, ЛЭП и другие технологические объекты.

В виде текстового дополнения к чертежам и схемам планировки был разработан режим содержания территорий. В частности, в пределах зон охраны объектов культурного наследия запрещается:

- сбор предметов и исторических ценностей с поверхности и проведение несанкционированных раскопок;
- предоставление в пользование земель, не связанных с их целевым назначением;
- нарушение, изменение ландшафта и почвенно-растительного покрова;
- засорение, захламление, загрязнение территории и акватории рек отходами и продуктами хозяйственной деятельности;
- устройство мест отдыха;
- разведение огня вне отведённых мест;
- деятельность, угрожающая снижением или уничтожением экологических и эстетических качеств природных комплексов;
- проезд тяжёлой колёсной и гусеничной техники;
- ведение геологоразведочных и поисковых работ, использование акватории под гидромеханизированные карьеры;
- проведение научных исследований без специального разрешения окружного государственного органа охраны объектов культурного наследия;
- рекреационная деятельность во время проведения научных исследований;
- ловля рыбы, охота, а также использование для этих целей плавсредств, палаток, обустройство биваков.

В охранной зоне по специальным проектам возможно:

- выполнение работ, связанных с сохранением и благоустройством территории, которая должна формировать природную среду и выступать компонентом внешнего окружения объекта охраны;
- установка информационных стендов, относящихся к объекту охраны, а также других форм благоустройства, вызванных требованиями современного использования, но не нарушающих природный ландшафт

Зона охраняемого природного ландшафта — территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий хозяйственную деятельность, строительство новых промышленных объектов, кроме рекультивации в целях сохранения и восстановления природного ландшафта, включая водоёмы, леса и открытые пространства, визуально связанные с объектами культурного наследия.

На территории зоны охраняемого природного ландшафта **запрещается:**

- предоставление в пользование земель, не связанное с целевым назначением территории;
- лесовырубка, кроме санитарной;
- свалка строительного и бытового мусора;
- проезд любых видов транспортных средств;
- устройство трасс перетаскивания промышленного оборудования как в летний, так и в зимний периоды;

- ведение геологоразведочных и поисковых работ;
- любительский лов рыбы, охота, сбор ягод и дикоросов туристами для личного потребления;
- установление палаток, обустройство биваков;
- проведение научных исследований без специального разрешения окружного государственного органа охраны объектов культурного наследия.

В пределах зоны охраняемого природного ландшафта разрешается:

- нахождение лиц, совершающих обряды, связанные со святилищем, использование ими плавсредств, оленьих упряжек и снегоходов в зимний период времени, для совершения поминчества к святилищу;
- проведение научных исследований по специальному разрешению окружного государственного органа охраны объектов культурного наследия.

Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности — территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность в целях снижения воздействий на объекты охраны.

В пределах зоны регулируемой застройки и хозяйственной деятельности запрещается:

- движение транспорта вне технологических объектов и дорожной сети;
- ведение хозяйственной деятельности за пределами зон отвода территорий под технологические объекты;
- устройство полигонов хранения и переработки нефтесодержащих отходов;
- нахождение работников месторождений за пределами производственных площадок;
- свалка строительного и бытового мусора.

На территории зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности разрешается:

- производство земляных работ, а также иная природопреобразующая хозяйственная деятельность по согласованию с государственным органом охраны объектов культурного наследия;
- производство работ только по технологиям, способным предотвратить аварийные разливы нефти;
- выполнение работ, связанных с рекультивацией нарушенных земель.

Во избежание пожароопасных ситуаций используемая техника должна быть оснащена искрогасителями. Также необходимо применять технологии, способствующие минимальному изменению природных объектов (нарушению гидрологического режима на болотах, береговой эрозии, дефляции на суходолах). Важно избегать загрязнения окружающей территории при обустройстве и эксплуатации участков месторождений.

Помимо всего прочего, *проектно-планировочные ограничения и рекомендации* должны были стать руководством при проектировании и дальнейшем размещении промышленных объектов. Их целесообразно смещать к границе суходолов с более увлажненными участками, поскольку здесь вероятность дефляционных процессов (выдувание грунта) минимальна, а скорость восстановления растительного покрова выше, чем для лишайниковых сосняков. Необходимость сохранения последних во многом обусловлена высокой концентрацией в них археологических объектов.

С этими лесными массивами в основном связан и пирогенный фактор, в них пройдено огнём 1700 га, или 30,5 % лесов указанного типа. Общая площадь поражения пожарами достигает 2200 га, или 57,0 % от площади всех нарушений. Воздействие пожара негативно влияет, прежде всего, на кормовую базу оленей в зимний период времени. На восстановление напочвенного лишайникового покрова уходит от 30—40 до 90 лет. Данное обстоятельство обуславливает необходимость соблюдения строгих противопожарных мер, включая ограничение посещения окружающей территории персоналом нефтепромысла в пожароопасное время.

При дальнейшем обустройстве месторождения по состоянию на 2007 г. требовалось переместить 19 из 41 проектных площадок кустов нефтяных скважин и коммуникаций к ним на верховые болота. При этом во избежание подтоплений следовало учитывать направления стока болотных вод, ориентируя коммуникации по возможности вдоль линий стекания.

Эксплуатация месторождения несла и продолжает нести потенциальную угрозу территории из-за наличия нефтепроводов и водоводов. Их порывы приводят к загрязнению значительных площадей. Для предотвращения распространения загрязнений необходима их локализация и вынос трубопроводов за пределы речных долин и прилегающих к ним участков, максимально исключая неизбежное пересечение водотоков. На перспективу важна разработка модели растекания загрязнения по рельефу с учётом уклонов, состава грунтов, степени увлажнения, характерных особенностей жидкости. Представляется полезной организация наблюдений за участками возможного загрязнения с привлечением материалов дистанционного зондирования (аэрофотоснимков и космоснимков) и средств авиатрулирования.

Особое место в охране нужно отвести речным долинам, где природопользование отчасти ограничено водоохранными зонами. Кроме того, вдоль Тромъегана установлена дополнительная зона защитных

лесов шириной от 1 до 3 км. Значимость долин обусловлена наличием археологических памятников, проживанием близ рек коренного населения, наличием источников пищевых ресурсов в виде рыбы, водоплавающей дичи, ягоды и кедровых орехов (94 % всех охраняемых кедрачей, покрывающих 20 % площади долин).

Наряду с этим, по итогам проведённого анализа южной части Тевлинско-Русскинского месторождения был предложен следующий ряд неотложных охранных мероприятий, согласно которым необходимо:

- разработать «Проект обустройства Тевлинско-Русскинского месторождения», уделив существенное внимание планированию и строительству сети асфальтобетонных дорог;
- исключить практику эксплуатации грунтовых дорог, спонтанно устраиваемых по суходолам в лесных массивах;
- регулярно проводить рекультивацию нарушенных участков и поддерживать на должном уровне санитарно-гигиеническое состояние территории;
- усилить административный контроль над злостными нарушителями режима передвижения транспортных средств вне магистральных автодорог;
- в планировочной структуре обустройства месторождения предусмотреть рекреационные места, выполняющие санитарно-защитную функцию, что должно существенно снизить антропогенную нагрузку на окружающую природную среду;
- исключить свободный доступ к водным и другим природным объектам, где отмечены неорганизованные места пребывания людей с целью добычи дичи, рыбной ловли, отдыха; наряду с этим предусмотреть для работников обустроенные рекреационные места, установив регламент их содержания;
- избегать расположения промышленных объектов в долинно-речном природном комплексе как особо значимом ландшафтном образовании, защищающем объекты культурного наследия и выполняющем экологическую и эстетическую охранные функции;
- упорядочить выемку грунта из сухоройных карьеров, «рваные» контуры которых повсеместно наблюдаются на месторождении;
- формировать внешний облик объектов индустриального ландшафта согласно требованиям технической эстетики;
- повышать культуру производства работ как одного из важных факторов отношения человека к окружающей природной среде.

В ходе дальнейшего обустройства нефтепромысла в организации планировки необходимо учитывать этнокультурный фактор, предусмотрев для этого комплекс мер:

- соблюдать требования к условиям проживания хантов в местах их традиционного обитания;
- сохранять культовые места — святилища, кладбища и другие сакральные объекты;

- бережно относиться к природно-ландшафтному окружению как основе поддержания и развития традиционного природопользования;
- исключить свободный доступ работников к охотничьим угодьям и местам выпаса оленей коренного населения.

В целях обеспечения оптимальных условий жизнедеятельности коренного населения представляется целесообразным создание *сети природо-сберегающих территорий*, рассредоточенных вдоль р. Глятты-гун, Энтль-Имиягун и Тромъеган, где бы исключалась любая индустриальная деятельность. Технологические разрывы между ними следовало бы планировать для размещения промышленных коммуникаций.

В заключение авторы отмечают следующее.

Безусловно, публикация вышеприведённых наработок превентивного планирования промышленного освоения территорий была бы более востребованной десятилетие назад. К сожалению, имевшийся тогда шанс практической реализации планов на Тевлинско-Русскинском месторождении был упущен. Тем не менее мы сочли разумным поделиться результатами прошлых работ, исходя из принципа: «лучше позже, чем никогда».

Изыскательская практика в условиях западносибирской тайги сталкивается с очевидным противоречием двух доминант, которое порой кажется неразрешимым. С одной стороны, это сочетание беспрецедентного сосредоточения сохранившихся археологических памятников (дополняемых масштабностью и колоритностью «живых» этнокультурных объектов) и территориально гигантских природных ресурсов. С другой — узконаправленность эксплуатации обозначенных ресурсов, продиктованная исторически кратковременной экономической выгодой, ориентированной на доход от реализации углеводородного сырья.

Если обозначенное противоречие нельзя полностью разрешить, то нужно попытаться его, по крайней мере, уравновесить. Применительно к «своеобразности» Тюменского Севера результативность (хотя бы частичная) в сохранении исторических объектов и территорий может опираться на три позиции, которым и была посвящена данная статья:

- а) зонирование по перспективности выявления объектов культурного наследия, практическая отдача которого подтверждена временем;
- б) охранное зонирование на стадии комплексных научно-изыскательских обоснований;
- в) архитектурно-планировочное решение зон охраны объектов на обширных территориях, аргументированное для достижения главной цели — создания благоприятных условий сохранения культурного и природного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаем признательность Н.К. Азарову, занимавшему тогда должность главного маркшейдера, за понимание важности предложенных работ и содействие в их реализации

² Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Шатунов Н.В. Итоги исследований комплекса объектов культурного наследия в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2008. — Вып. 6. — С. 56—71.

³ Атлас Тюменской области. Вып. 1. — М.; Тюмень, 1971. — С. 56.

⁴ Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Шатунов Н.В. Итоги исследований комплекса объектов культурного наследия... — С. 56—71.

⁵ Введена распоряжением главы администрации ХМАО от 30.03.1995 № 250-р; не смешивать с государственной историко-культурной экспертизой, предусмотренной современным федеральным законодательством.

⁶ Зайцева Е.А. Методика камерального зонирования как фактор обеспечения сохранности объектов археологии в условиях интенсивной хозяйственной деятельности на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. — М.: ИА РАН, 2008. — Т. 3. — С. 118—120; Зайцева Е.А. Методика камерального зонирования территории в системе охраны объектов археологии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (некоторые итоги и перспективы) // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2010. — № 2. — С. 120—124; Шатунов Н.В. О достоверности камерального выделения историко-культурных зон // Северный Археологический конгресс. Тез. докл. 9—14 сентября 2002 г. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига, 2002. — С. 431—432.

⁷ Карачаров К.Г. Хозяйство населения средней Оби в период позднего средневековья // Обские угры. Мат-лы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. — С. 232.

⁸ Шатунов Н.В. Отчёт о НИР: Корректировка зонирования лицензионных участков ТПП «Когалымнефтегаз» ООО ЛУКойл — Западная Сибирь» по перспективности выявления объектов историко-культурного наследия. — Сургут, 2007. — БИИКФ Сургутского р-на. — Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 422.

⁹ Главатская Е.М. Ханты в составе русского государства в XVII—XX вв. // Очерки истории традиционного природопользования хантов (материалы к атласу). — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 77—122.

¹⁰ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: АН СССР, 1960. — С. 79, 85.

¹¹ Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII в. — М.: Наука, 1965. — С. 120—124.

¹² Древний город на Оби: История Сургута. — Екатеринбург: Тезис, 1994. — С. 105.

¹³ Древний город на Оби... — С. 212—214.

¹⁴ Рудь А.А. Северные соседи восточных ханты: данные по материалам этнографических экспедиций в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 236—243.

¹⁵ Древний город на Оби... — С. 210, 257–258.

¹⁶ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. — М.: Либерия, 1996. — Т. II: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — С. 432.

¹⁷ В п. 5 ст. 10 Закона № 82-ФЗ от 30.04.1999 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» обозначено, что лица, относящиеся к малочисленным народам, вправе «...соблюдать свои традиции и совершать религиозные обряды, не противоречащие федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации, содержать и охранять культовые места». Это же положение отражено в законе ХМАО — Югры № 92-оз от 08.11.2005 «О святыщах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», где в ст. 3 определено понятие святыща: «Под святыщем коренных малочисленных народов... понимается элемент природного ландшафта, считающийся священным местом в силу его значимости для религии и для отправления религиозных обрядов данных народов...».

¹⁸ Гусев С.А. Отчёт о НИР: Археологические исследования в северо-восточной части Сургутского района в 2003 г. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 4736. Д-796. — Л. 39–40; Гусев С.А. Итоги археологической разведки 2003 года в бассейне р. Тляттыягуна (окрестности д. Рускинской Сургутского района ХМАО) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — Вып. 2. — С. 447–448.

¹⁹ Гусев С.А. Итоги археологической разведки 2003 года... — С. 447.

²⁰ Гусев С.А. Отчёт о НИР: Археологические исследования в северо-восточной части Сургутского района в 2003 г. — Л. 40, 124.

²¹ Рудь А.А. Сведения о медвежьем промысле в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2007. — Вып. 4. — С. 99–107.

²² Шатунов Н.В. Отчёт о НИР: Археологическое обследование земельных участков в зонах хозяйственной деятельности на территории Сургутского района ХМАО в 2001 г. — Сургут, 2002. — Кн. 1. — БИИКФ Сургутского р-на. Ф. Р-4. Д. 133; Шатунов Н.В. Отчёт о НИР: Археологическое обследование земельных участков в зонах хозяйственной деятельности на территории Сургутского района ХМАО в 2001 г. — Сургут, 2002. — Кн. 3. Т. 1. — БИИКФ Сургутского р-на. Ф. Р-4. Д. 135. С. 42. Рис. 108; Рудь А.А. Аннотированный список к полевым картматериалам этнографических экспедиций 2002–2003 гг. — Сургут, 2004. — БИИКФ Сургутского р-на. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 49. С. 41.

²³ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. 2. — С. 64–66; Дмитриева Т.Н. Топонимическая картина территории проживания хантов // Очерки истории традиционного природопользования хантов (Материалы к атласу). — Екатеринбург, 2002. — 2-е изд., испр. и доп. — С. 142; Кардаш О.В. Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области летом 1995 г. — Екатеринбург, 1996. — БИИКФ Сургутского р-на. Ф. Р-4. Д. 88.

²⁴ Рудь А.А. Аннотированный список... — С. 42.

²⁵ Устное сообщение А.С. Сопочиной (г. Лянтор ХМАО — Югры).

²⁶ Рудь А.А. Северные соседи восточных ханты: данные по материалам этнографических экспедиций в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 236–243.

²⁷ Тюрин В.Н. Проект зон охраны комплекса объектов историко-культурного наследия в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения в Сургутском районе ХМАО — Югры. Анализ техногенного воздействия на природную среду. — Сургут, 2007. — БИИКФ Сургутского р-на. — Ф. Р-1. Оп.1. Д. 505.

²⁸ Разумным отступлением посчитаем сравнение с двумя сопоставимыми водотоками западнее Сургута — р. Минчимкиной (впадает справа в обскую протоку Ионину) и Быстрым Кульёганом (левым притоком р. Минчимкиной). При абсолютно равнозначном потенциале с точки зрения полевой археологии и сопоставимой степени полевого обследования на одной найдены единицы памятников, а вторая ими изобилует (количество селищ и городищ превышает 100 ед.). В качестве возможного объяснения такой ситуации нельзя не привести наблюдение В.И. Стефанова, подметившего интересную закономерность: при разведочных работах 1994—1995 гг. на Быстром Кульёгане рыбалка была успешной, а на Минчимкиной разочаровывала. Стало быть, объяснение может лежать на поверхности: постоянное проживание удобнее там, где наличествует стабильный пищевой ресурс (а вот причины наличия/отсутствия этого фактора лежат уже в области гидрологии и ихтиологии).

**Conservation zoning of historical territories
of the KhMAO-Ugra Surgut region
(from the experience of pre-project works
at the Tevlinsko-Russkinsky oilfield)**

G.P. Vedmid'

Surgut

Municipal Autonomous

Agency «Barsova Gora»

N.V. Shatunov

Surgut

LLC «Hyperborea»

A.A. Rud'

Surgut

Municipal Autonomous

Agency «Barsova Gora»

V.N. Tyurin

Surgut

LLC «Hyperborea»

Abstract. The proposed article addresses the least developed topic in the sphere of caretaking the cultural heritage of the KhMAO-Ugra: conservation zoning of historical territories. It summarizes the experience of this kind of research in the Surgut district, applied by the authors to the Tevlinsko-Russkinsky oilfield, which is being developed by “ LUKoil-Western Siberia” Co. Ltd. The described

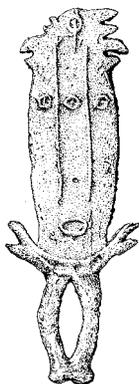

works related to 2007 were supported by the Mine surveyor department of the Chamber of Commerce and Industry «Kogalymneftegaz».

The publication was based on the results of field historical and cultural investigation on the left bank of the Tromyegan river, natural landscape analysis of the presenting region and assessment of the impact on the designated area of modern man-made factors. As a result of the presented works, the authors proposed the maintenance regime for the protection zones of the southern part of the Tevlinsko-Russkinskoy license area, provided design planning restrictions, as well as recommendations for ensuring the preservation of cultural heritage sites.

Key words. Surgut Ob region, historical territories, protective zoning, historical and cultural heritage, technogenic impact, design planning restrictions, Tevlinsko-Russkinskoye oil field, LLC «LUKOIL – Western Siberia», TPP «Kogalymneftegaz»

E-mail. v-g-p-56@yandex.ru; giperboreja-05@rambler.ru; raa@bk.ru; tyurin_vn@mail.ru

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Каюковская культура эпохи раннего неолита в контексте расселения человека на Севере Западной Сибири (по материалам исследований 1999–2002 гг.)

О.В. Кардаш, Г.П. Визгалов

г. Нефтеюганск

Сургутский государственный университет;

Институт археологии и этнографии СО РАН

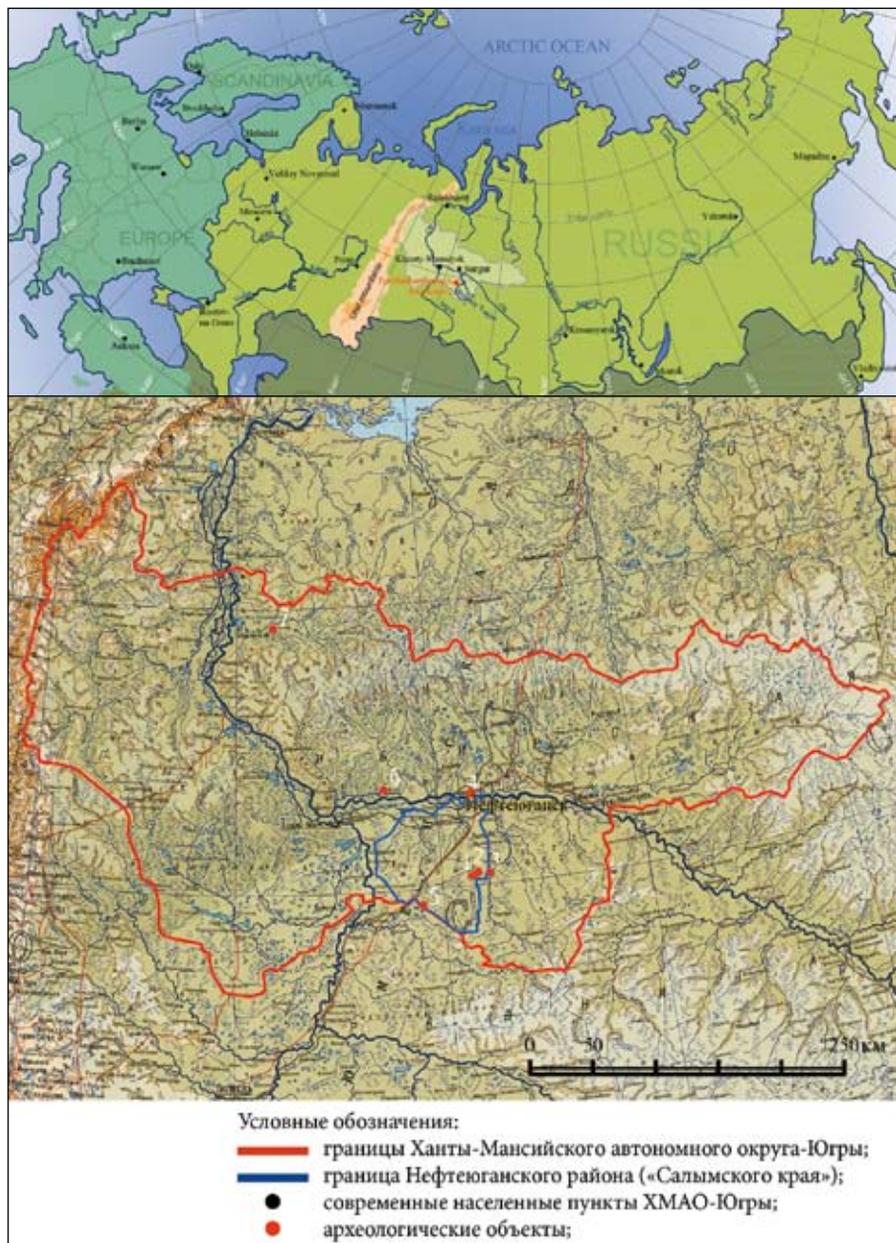
Аннотация. С рубежа VII–VI тыс. до н. э. на Севере Западно-Сибирской равнины появляются десятки поселений, число которых со временем возрастает и не уменьшается до эпохи Средневековья. По числу археологических памятников ХМАО — Югра превосходит сопредельные регионы с аналогичными ландшафтными условиями (например, Республику Коми и Пермский край). Высокая плотность населения региона в ранние эпохи является уникальной особенностью Югры. Этот феномен до сих пор остается крайне мало исследованным. Изучение памятников каюковской культуры эпохи раннего неолита позволяет значительно продвинуться в решении данной проблемы. Некоторые результаты исследований представлены в настоящей статье.

Ключевые слова. Север Западно-Сибирской равнины, р. Обь, р. Большой Салым, р. Большой Юган, юрты Пунси, ранний неолит, каюковская культура.

Введение

Северная Азия во все эпохи характеризовалась крайне неравномерным расселением человека, однако наши знания археологического материала позволяют утверждать, что численность стоянок общин охотников, рыболовов и собирателей в эпохи неолита, бронзы или раннего железного века превосходит количество населённых пунктов коренных жителей этой территории, известное нам по статистическим данным XIX в.¹ С эпохи раннего неолита на рубеже VII–VI тыс. до н. э. на Севере Западно-Сибирской равнины появляются сотни поселений, число которых со временем возрастает и не уменьшается до

Ил. 1. Поселенческие комплексы каюковской археологической культуры (кон. VII — сер. VI тыс. до н. э.) и культурно-хронологически близкие им: 1 — Каюково 1; 2 — Каюково 2; 3 — Качнисап 2; 4 — Барсова Гора II/96 (?); 5 — Самсоновское 5; 6 — Мишкино 5; 7 — Амня 1

эпохи Средневековья. Это позволяет говорить о формировании стабильного по численности населения и его вероятной преемственности. В раннем голоцене на данной территории сформировалась лесная зона, характерная для северо-запада Азии — Западной Сибири. Этот ландшафт и биоценозы не изменились до настоящего времени (ил. 1).

Большая часть таёжной зоны Западно-Сибирской равнины — пространство между 58° и 65° северной широты, административно относится к Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. Площадь его территории составляет 535000 кв. км. На сегодня в регионе выявлено ок. 6000 памятников археологии. В этом числе — жилые, хозяйственные, промысловые и культово-ритуальные объекты, начиная с периода позднего палеолита².

По количеству археологических памятников ХМАО — Югра превосходит сопредельные регионы с аналогичными ландшафтно-климатическими условиями. Например, к западу — в сопредельной с Югрой таёжной зоне Северо-Востока Европы — в Республике Коми и Пермском крае, общей площадью 576137 кв. км, где поиски археологических древностей ведутся уже более 100 лет, в общей сложности зарегистрировано только 2459 объектов (649 — в Республике Коми, 1810 — в Пермском крае)³. А к северу от Югры — в зоне северной тайги и тундры Крайнего Севера Западной Сибири — в Ямало-Ненецком автономном округе, площадью 750000 кв. км, на госучёт поставлено 580 объектов⁴. Высокая плотность населения таёжной зоны Западной Сибири в древности, особенно в ранние эпохи, — уникальная особенность территории нынешнего ХМАО — Югры. Однако этот феномен остаётся неизученным.

По опыту собственных наблюдений за более чем тридцатилетний период исследований таёжной зоны Севера Западной Сибири можем констатировать: из указанного выше числа объектов археологии Югры ок. 3000 памятников можно отнести к эпохам неолита — бронзы (VII—II тыс. до н. э.). Заметим, что количество памятников эпохи палеолита и мезолита крайне мало. В среднем к неолиту (с VII тыс. по IV тыс. до н. э.) может относиться примерно 1500 поселений — в среднем ок. 350—400 памятников на одно тысячелетие. Достоверно радиоуглеродным методом ¹⁴C неолитический возраст определён примерно для 15 памятников археологии (ок. 1 %), возраст остальных определён по методу сравнительной типологии. С учётом тенденции увеличения количества поселений от ранних к последующим периодам к раннему неолиту (VII—VI тыс. до н. э.) мы ориентировочно относим от 100 до 200 поселений.

Приводя статистические расчёты, мы оперируем преимущественно предположительными данными, но не только ими. Установление точного радиоуглеродного возраста лишь памятников эпохи неолита, используя только материалы зондажа, — это программа нескольких десятилетий. Также следует отметить малую изученность территории северной тайги, где ежегодно выявляется ок. 100 новых археологических объектов. Кроме этого, стационарные полевые исследования последнего десятилетия выявляют объекты (культурный слой) неолитического периода, не фиксируемые на поверхности в форме остатков сооружений (ям или впадин).

Мы считаем ошибочным изучение и представление неолита Севера Западно-Сибирской равнины только несколькими узко датированными памятниками, без учёта всего статистического контекста, поскольку точное количество объектов и возраст каждого из них, возможно, не будут определены в обозримом будущем.

Существование относительно большого числа поселений, появившихся в регионе с эпохи раннего неолита, было возможно только при наличии богатых и стабильных пищевых ресурсов. Именно это позволило сформироваться относительно большой по численности и длительной по времени группе населения, что нельзя назвать характерным явлением для северных широт Евразии и Северной Америки.

Каюковская археологическая культура

Каюковская археологическая культура, которой в основном посвящена данная статья, — одна из малоисследованных ранненеолитических культур Севера таёжной зоны Западной Сибири. На данный момент территориально эта культура локализуется в районе среднего течения р. Оби и в бассейнах р. Большого Салыма и Большого Югана, в Нефтеюганском и Сургутском р-нах ХМАО — Югры. Базовый памятник — городище Каюково 2.

В настоящее время из всего числа (мин. 100) памятников раннего неолита известно четыре объекта, достоверно относящихся к каюковской археологической культуре. Ещё три объекта культурно-хронологически близки им (ил. 1). Это круг наверняка шире, однако неолитические памятники только вводятся в научный оборот — зачастую только по иллюстрациям сложно оценить реальные связи археологических предметов из разных комплексов.

Базовый памятник, по результатам раскопок которого была выделена каюковская культура, — это укреплённое «поселение Каюково 2»⁵. Оно было открыто в 1991 г., исследовалось в 1999—2002 гг.⁶ В 2018 г.

раскопки были продолжены силами совместной российско-германской археологической экспедиции⁷. Три других памятника — это расположенное рядом поселение Каюково 1, а также поселение Качнисап 2 на р. Большом Югане и поселение Микишкино 5 на р. Оби (близ устья р. Балинской).

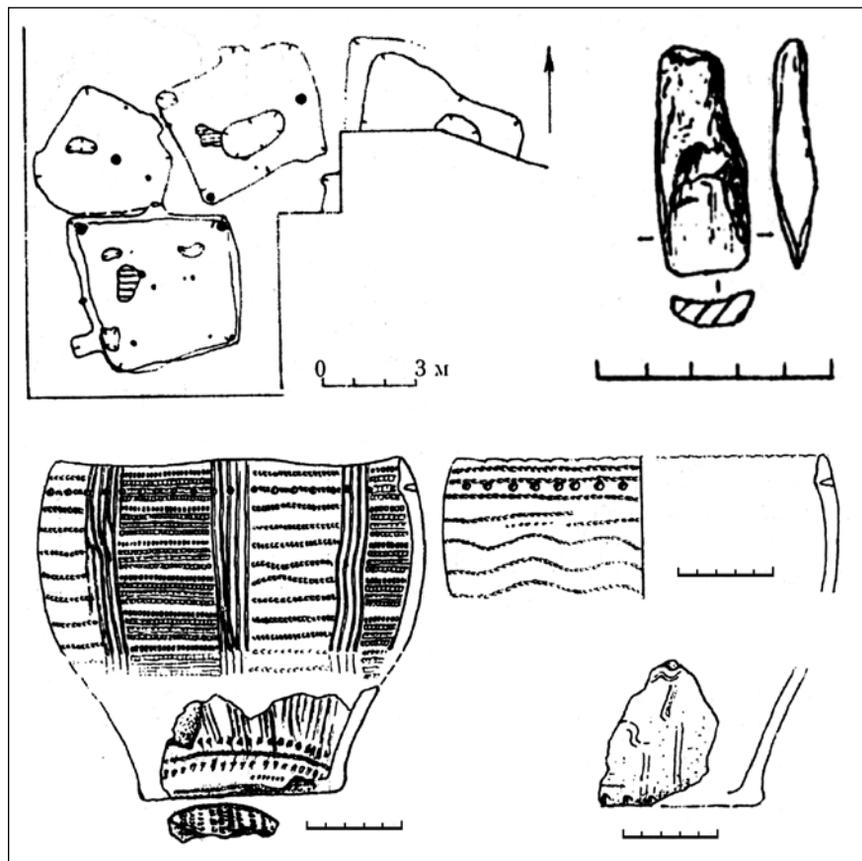
К числу культурно-хронологически близких памятников мы относим поселение Самсоновское 5 (Нефтеюганский р-н ХМАО — Югры), городище Амня 1 (Белоярский р-н ХМАО — Югры)⁸ и поселение Барсова Гора II/9б (Сургутский р-н ХМАО — Югры)⁹. Последний памятник частично был изучен в 1988—1989 гг. стационарными раскопками под руководством А.А. Михалёва. Без веских оснований, в большей степени умозрительно вещевой комплекс этого поселения (ил. 2) был датирован ранним бронзовым веком (кон. II тыс. до н. э.)¹⁰. Предложенную датировку надо признать предварительной, поскольку определения возраста памятника с использованием изотопного метода (¹⁴C) не производились, а обоснованная периодизация памятников эпохи неолита для территории Средней Оби в то время попросту отсутствовала. Первая периодизация памятников эпохи бронзы была выполнена С.Ф. Кокшаровым немного позже и для сопредельной локальной территории — для бассейна р. Конды¹¹. Представляется, что А.А. Михалёв, обнаружив при раскопках памятника сосуды с плоскими днищами, учёл только этот единственный признак, который при корреляции его с хронологической схемой С.Ф. Кокшарова дал основание датировать (подчеркиваем — предварительно) поселение Барсова Гора II/9б бронзовым веком. Это предварительное хронологическое определение, попав в научный оборот, без осмысления и критического обсуждения стало транслироваться в новых хронологических периодизациях древностей Средней Оби¹². При этом Ю.П. Чемякин, относя указанный памятник к эпохе ранней бронзы, отметил сходство посуды поселения Барсова Гора II/9б с сосудами каюковской культуры¹³. Мы считаем, что поселение Барсова Гора II/9б предварительно можно отнести к кругу памятников, культурно близких каюковской археологической культуре, но окончательное решение требует дополнительных исследований памятника, прежде всего радиоуглеродного анализа.

В целом поселения *каюковской культуры* можно охарактеризовать как жилые или оборонительно(?)-жилые комплексы, включающие группу из 5—6 построек с регулярной планировкой. Два из них — Каюково 2 и Качнисап 2 — имеют кольцевую планировочную структуру; Барсова Гора II/9, вероятно, тоже имело кольцевую плани-

ровку; поселение Каюково 1 — линейную (двухрядную уличную). Вкратце эту культуру характеризует несколько основных признаков:

- поселения из комплекса 5—6 построек, объединённых регулярной планировкой;
- наличие керамической посуды специфической формы и орнаментации, с плоским дном.

Ил. 2. Поселение Барсова Гора II/96 — памятник, культурно-хронологически близкий каюковской археологической культуре. Материалы из раскопок А.А. Михалёва 1988—1989 гг. По: Михалёв А.А. Новый памятник эпохи раннего металла в Сургутском Приобье // Пробл. финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1992. — С. 100—105; Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. — Рис. 26, 27

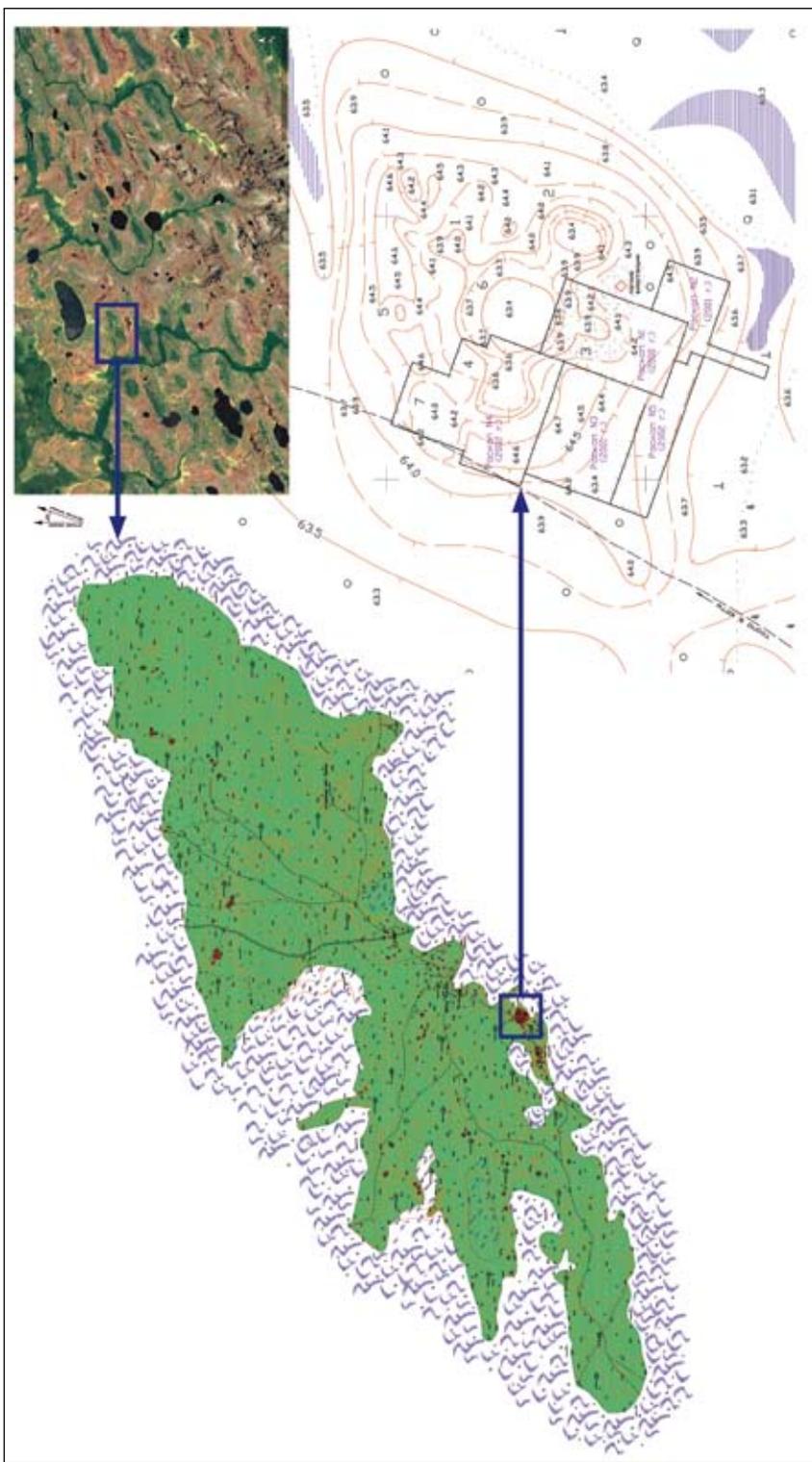
Подробнее об этом мы скажем ниже. Керамическая посуда, близкая каюковской, встречается и на других памятниках Севера Западной Сибири, например на поселении Чёртова Гора. Но такие материалы не анализировались в комплексе, и связать их уверенно с каюковской культурой мы пока не можем.

Из памятников каюковской культуры мы подробнее представим *оборонительно-жилой комплекс Каюково 2*, который наиболее изучен стационарными раскопками и запланирован к дальнейшим раскопкам. Памятник находится близ оз. Большое Каюково, на водоразделе р. Большого Салыма и Большого Югана (левых притоков р. Оби), в Нефтеюганском р-не ХМАО — Югры. Свое название памятник получил по родовой фамилии хантов Каюковых, проживающих близ данного объекта в юртах Пунси.

Территория представляет собой озёрно-болотную слабо рассечённую равнину (ил. 3). Болото относится к разряду выпуклых, верховых, ежегодный вертикальный прирост мха составляет 6 см, а торфа — ок. 1 мм. По сведениям биологов, в неолитическую эпоху здесь была иная ландшафтная ситуация: на месте болота с юго-восточной и восточной сторон гривы находилась пойма водостока, поросшая лесом. Склон гривы в сторону водостока был довольно крутым (под 45 градусов), и — по данным стратиграфического разреза болота — пойма начиналась в непосредственной близости от городища. Перепад высот между древней поймой и современной площадкой городища составляет 3—5 м¹⁴.

Памятник открыт и впервые обследован разведочной группой Г.П. Визгалова в 1999 г.¹⁵ Первые стационарные раскопки осуществлялись в 2000—2002 гг. экспедицией под руководством О.В. Кардаша и Л.В. Ивасько. Летом 2018 г. исследования были продолжены международной экспедицией, организованной АНО «Институт археологии Севера» и НПО «Северная археология — 1» с участием Института истории и археологии УроРАН (рук. Н.М. Чаиркина) и Institut für Ur- und Frühgeschichte Christian-Albrechts-Universität zu Kiel (рук. Х. Пицонка).

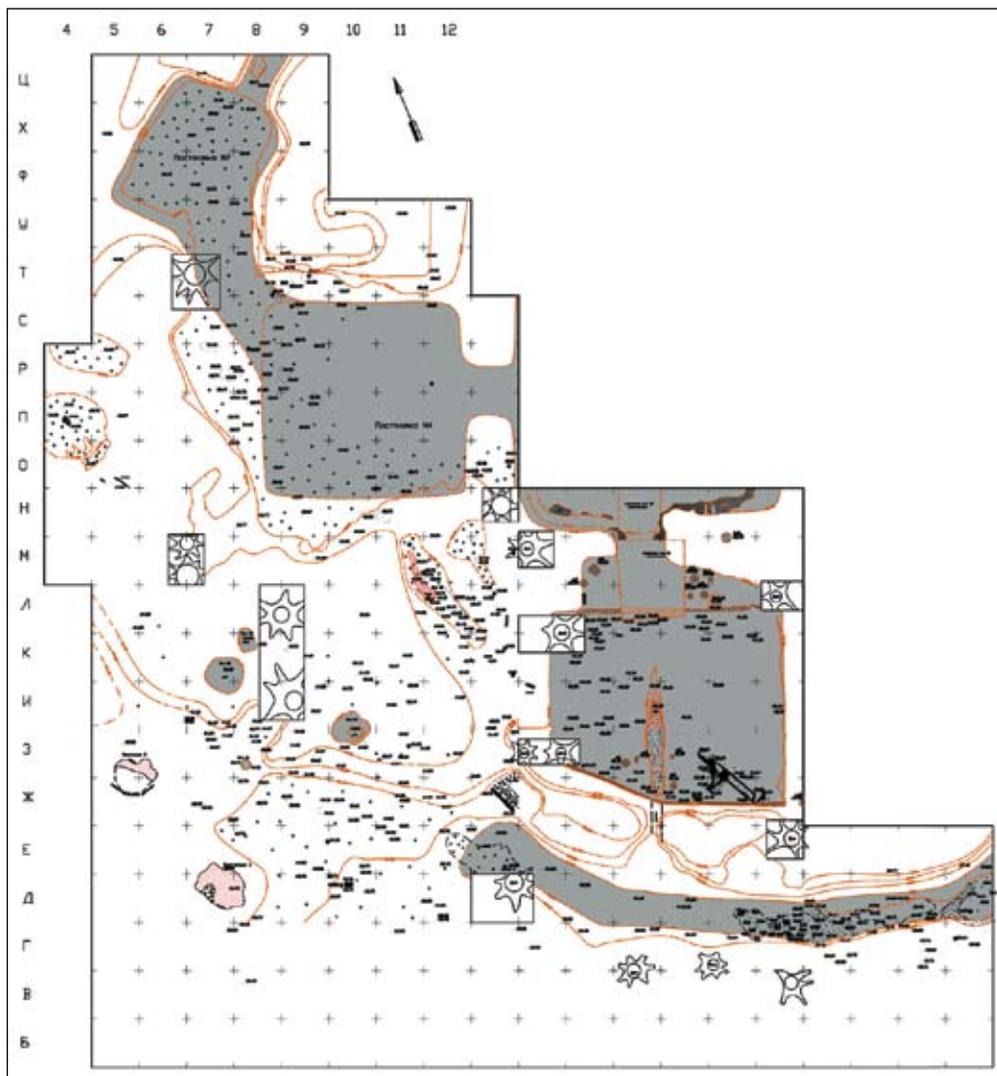
Линейные размеры археологического объекта с прилегающей территорией составляют 35x35 м, площадь памятника — ок. 1100—1200 кв. м. Изученная раскопками площадь территории памятника — 270 кв. м. В 2000—2002 гг. полностью изучены два жилых строения и одна постройка нежилого назначения, связанная с конструкцией наружной стены/коридора (ил. 4). Также исследован участок за границами жилого комплекса, где выявлены сооружения, связанные с хозяйственной деятельностью населения. Изучение памятника затруднено высоким

Ил. 3. Городище Каюково 2. Обзорная схема места нахождения и план памятника. А — локализация места нахождения Каюковского бора на водоразделе р. Большого Сальма и Большого Югана; Б — локализация места нахождения городища Каюково 2 в южной части Каюковского бора; В — топографический план городища Каюково 2, совмещённый со схемой раскопов 2000—2002 гг.

уровнем грунтовых вод, пропитавших нижнюю часть культурного слоя. Это произошло вследствие заболачивания окружающих водоёмов в течение нескольких тысячелетий.

Время функционирования городища Каюково 2 определялось изотопным методом датирования по ^{14}C . За три года раскопок радиоугле-

Ил. 4. Городище Каюково 2. План раскопок 2000–2002 гг., совмещённый с детализацией остатков жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений

родный анализ был сделан для 10 образцов, но наиболее ранние даты были получены только из образцов, залежавших на максимальной глубине. Представим два из них, которые прошли перекрестное датирование в лабораториях СО РАН (г. Новосибирск) и ИИМК РАН

Ил. 5. Городище Каюково 2. Раскоп 1. 2000 г. Постройка 3. Сгоревшие конструкции: слева — остатки стены, справа — остатки рва (коридора-лабиринта)

Ил. 6. Городище Каюково 2. Раскоп 1. 2000 г. Постройка 3. Сгоревшие остатки стеновой конструкции

(г. Санкт-Петербург) (ил. 10). Первый образец — абсолютный калиброванный возраст:

— СОАН-4800 - 6020-5375 BC (кон. VII — сер. VI до н. э.),

— Ле-6206 - 5739-5635 BC (нач. V тыс. до н. э.).

Второй образец — абсолютный калиброванный возраст:

— СОАН-4801 - 6020-5375 BC (кон. VII — сер. VI до н. э.),

— Ле-6207 - 5611-5479 BC (сер. VI тыс. до н. э.).

Данные радиоуглеродного анализа позволяют локализовать период функционирования городища Каюково 2 в пределах перв. трети VI тыс. до н. э. Морфология культурного слоя и отсутствие фактов перестроек свидетельствуют о непрерывном существовании древоземляного сооружения Каюково 2 короткий промежуток времени — не более 100 лет и позволяют определить его как однослойный памятник.

Архитектурный аспект жилого комплекса Каюково 2 представляет наибольший интерес. Отметим важную особенность почв Севера Западной Сибири — это пески и супеси. В таком грунте остатки древних поселений хорошо выражены в микрорельефе. Это позволяет выявить архитектурные особенности как отдельных сооружений, так и планировочной структуры посёлков ещё до производства раскопок (ил. 4–6).

Из поселений каюковской культуры три (Каюково 2, Качнисап 2, Барсова Гора II/9) имеют кольцевую планировочную структуру, одно (Каюково 1) — линейную или уличную двухрядную. Отметим, что массово первые поселения с элементами фортификации появляются в регионе в позднем бронзовом веке (XIV–IX вв. до н. э.), а оборонительно-жилые комплексы с регулярной планировкой ещё позднее — в раннем железном веке (VIII–VII вв. до н. э.). Жилые комплексы каюковской культуры, имеющие регулярную планировочную структуру и элементы фортификации, представляют отдельное явление в архитектуре древнего населения Севера Западно-Сибирской равнины.

Архитектура. Остатки жилого комплекса Каюково 2 выглядели на поверхности как остатки пяти сооружений в виде углублений (ям) — большой центральной, соединенной коридорами с четырьмя другими. В плане остатки сооружения образовывали крестообразную структуру диаметром ок. 35 м (ил. 3, 4).

В результате раскопок выявились особенности сооружения, которые не фиксировались на поверхности. С западной стороны был обнаружен «вход» на внутреннюю площадку жилого комплекса, промаркированный парными кострищами и ямами. Центральная постройка была квадратной

в плане, размерами ок. 6,0х6,0 м и имела ориентацию фасадов по оси северо-запад — юго-восток (углами близко к осям север — юг / запад — восток). Центральное строение соединялось коридорами размерами 2,0х1,0 м с остальными четырьмя жилыми постройками комплекса, каждая из которых имела прямоугольную форму и размеры примерно 4,0х5,0 м (ил. 4).

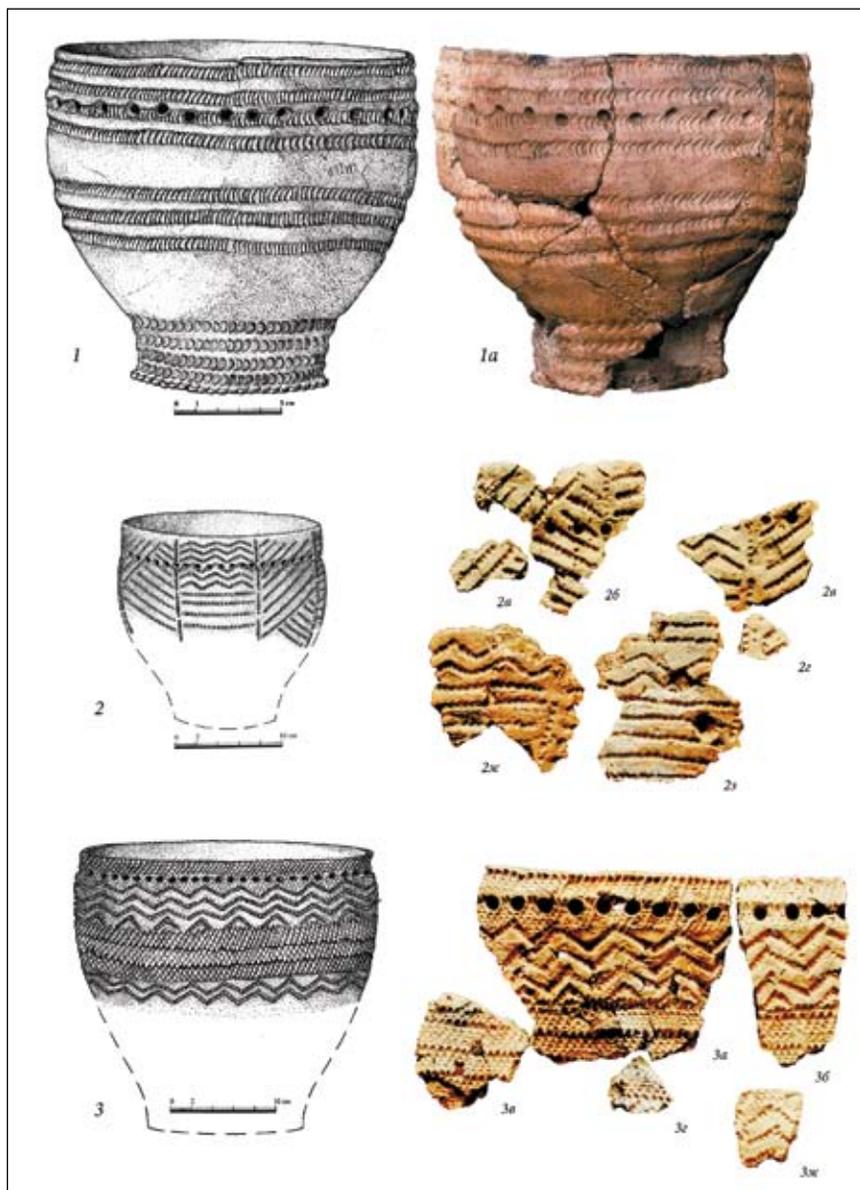
Раскопанные сооружения интерпретируются как жилища-полуземлянки с котлованом глубиной ок. 1,0—1,2 м, земляными стенами и центральным очагом. Земляные стены удерживались несъёмной опалубкой из набора тонких брёвен, установленных вертикально (ил. 5, 6). Их основания фиксировались в узкой канавке, выкопанной по периметру котлована. Плоская кровля была засыпана грунтом и снабжена проёмом для дымоудаления, который, вероятно, мог служить и дополнительным (надочажным) входом.

Было выявлено сооружение в виде канавы шириной и глубиной 1,0—1,5 м, опоясывающей большую часть площадки жилого комплекса по наружному радиусу. Это сооружение содержит остатки деревянных конструкций, в связи с чем его можно интерпретировать как опалубку наружной стены или крытого тоннеля-коридора, ведущего из северо-западной постройки 4 к западному входу в жилой комплекс (ил. 12).

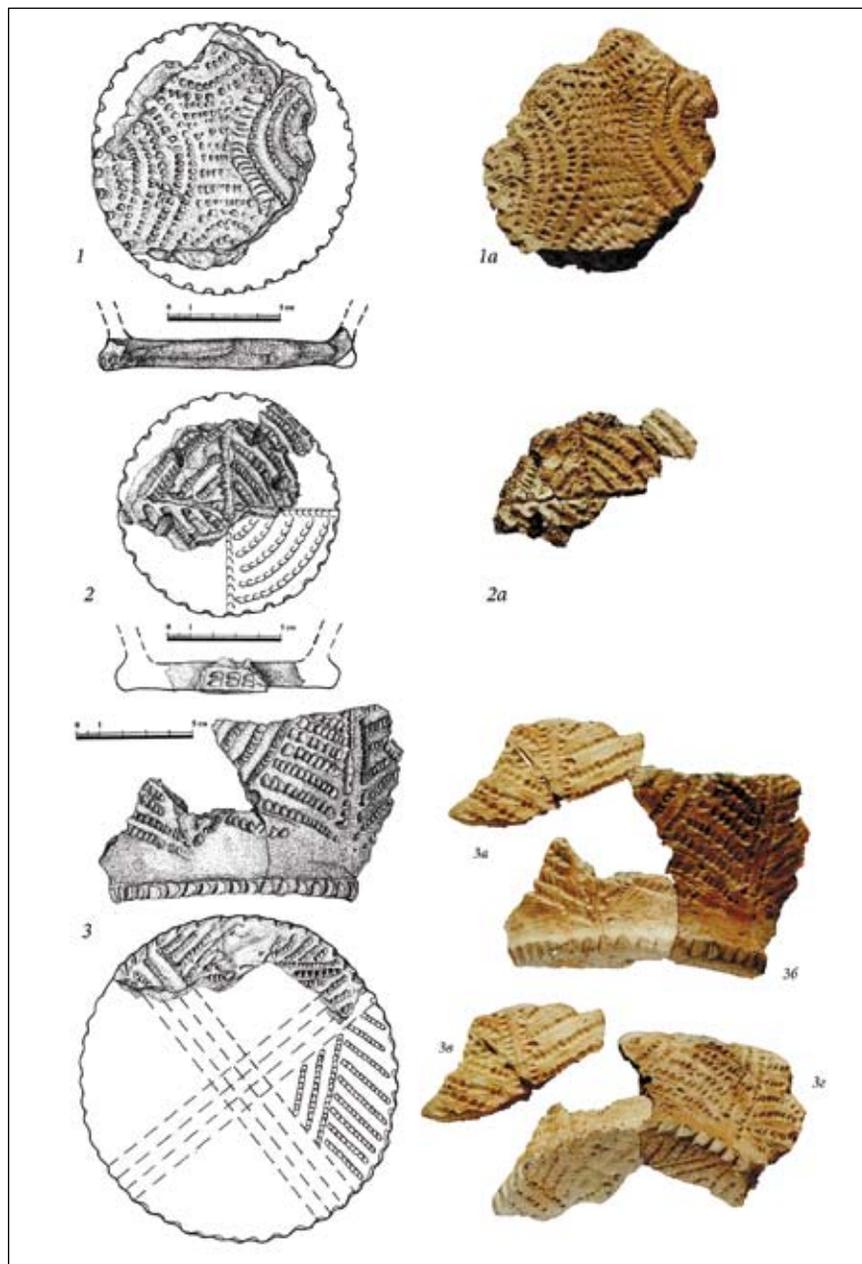
Особо значим факт того, что все сооружения, включая наружную стену-тоннель, были преднамеренно сожжены. Факт сожжения подтверждается отсутствием большого числа целых предметов (сосудов), которые могли остаться при случайном пожаре, а также следов огня во всех помещениях, включая изолированные, что свидетельствует и об одновременном возгорании, и об одновременном окончании пожара вследствие обрушения конструкций.

Вещевой комплекс составляют ок. 1170 ед. артефактов, преимущественно это фрагменты примерно 90—95 керамических сосудов. Вся посуда по форме и орнаментации представляет однородный комплекс. Доминируют сфероконические сосуды с широкой открытой горловиной и цилиндрическим плоским дном (ил. 7, 8). Имеются единичные сосуды (2—3 экз.) нетипичной формы, но с идентичным орнаментом — это горшки с острым и округлым дном. Стенки толстые, характеризуются рыхлой структурой и разной цветностью ввиду низкотемпературного обжига.

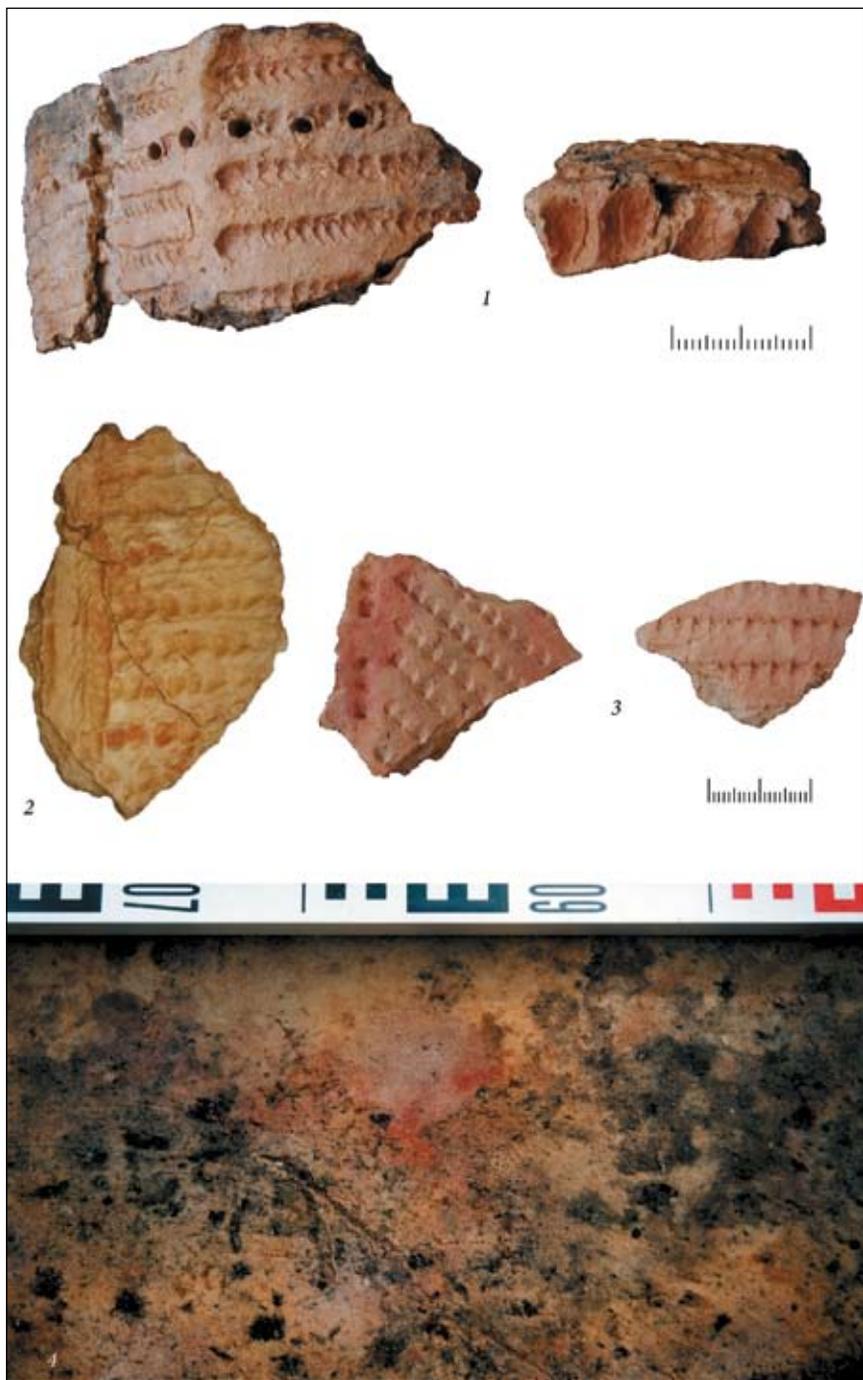
Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда (ил. 7). У большинства горшков оттисками пальца образован волнистый край. Ниже, верхнюю часть обрамляет один пояс крупных ямочных вдавлен-

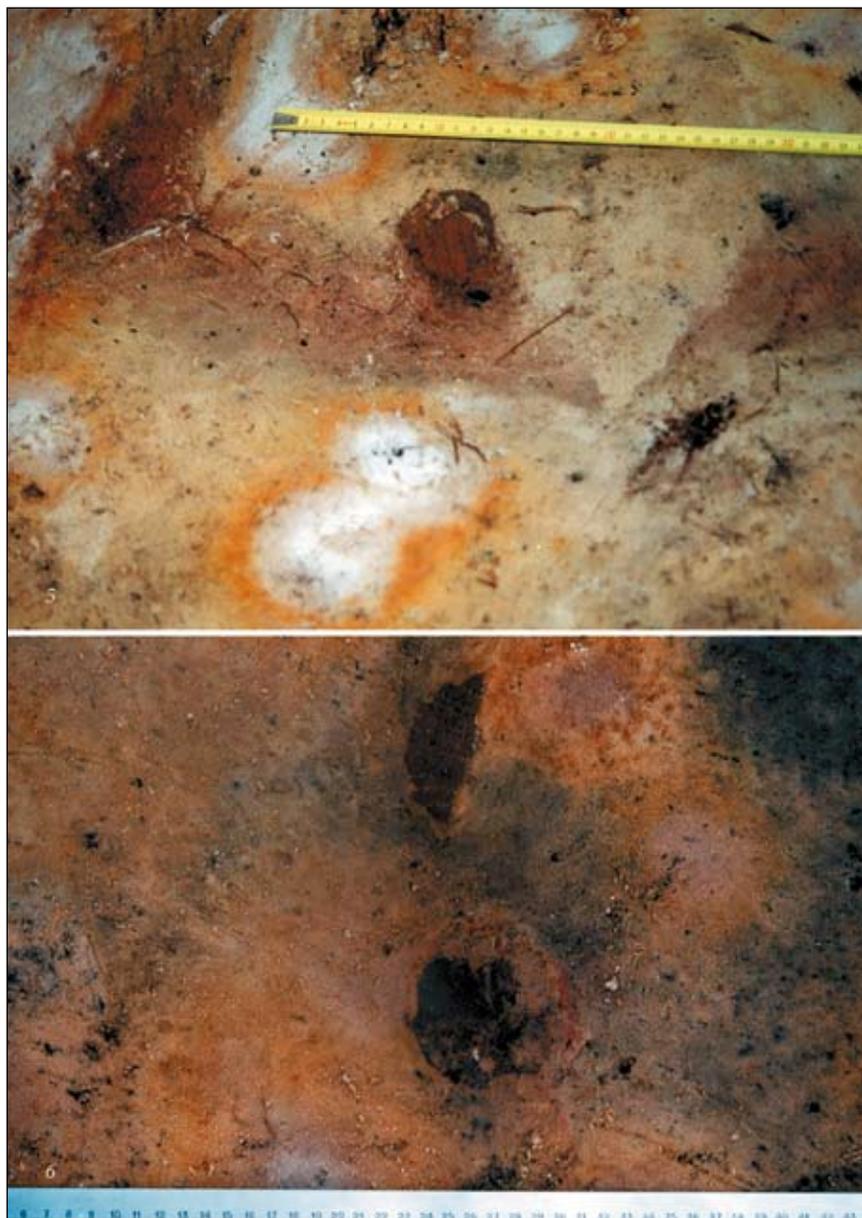

Ил. 7. Городище Каюково 2. Керамические сосуды: артефакты и графические реконструкции. 1 — сосуд № 1 (найден в фундаменте конструкции стены или коридора-лабиринта); 2, 3 — сосуды № 3 и 4 (из конструкции № 3)

Ил. 8. Городище Каюково 2. Днища керамических сосудов со знаково-символическими изображениями. 1 — с изображением «лабриса»; 2, 3 — с изображением символа солнца

Ил. 9. Городище Каюково 2. Находки пятен охристого красителя. 1–3 — фрагменты керамических сосудов со следами охристого красителя; 4 — пятно охристого красителя в культурном слое жилища № 4; 5, 6 — фрагменты керамических сосудов в пятнах охристого красителя

ний. Орнаменты преимущественно линейные, из параллельных рядов, выполненных путём вдавления орнамента (стека) с отступанием — «отступающая палочка». Гребенчатый штамп используется редко — в основном как разделительный. Важной особенностью является многообразие орнаментальных композиций (ил. 7). Имеются вертикальные, горизонтальные, диагональные и чешуйчатые композиции и вариации из них. По крайней мере, часть сосудов была окрашена охрой (ил. 9).

Все плоские днища орнаментированы символическими изображениями — лабриса или солнечного креста, — широко распространенными в неолите — бронзовом веке Передней Азии, Средиземноморья и Причерноморья (ил. 8). Часто днища с символами сохранялись и использовались после того, как сосуд был разбит.

Из числа других керамических изделий следует отметить объёмные скульптуры (ил. 10—11). Их четыре: три фрагмента фигурок птиц (предположительно гуся) и одна, возможно, изображает человека. Форма головки и орнаментация края близки женским скульптуркам трипольской культуры Юго-Восточной Европы.

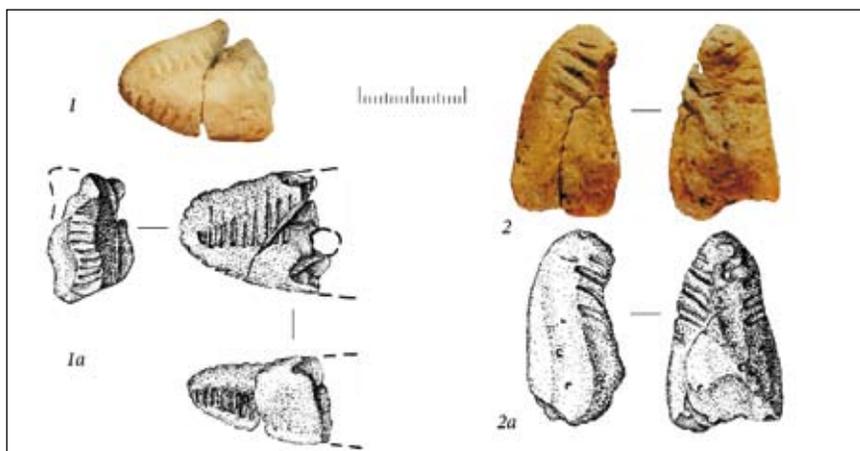
Каменных изделий немного, не более 50 экз. Это шлифованные орудия и абразивы. Тёсла с продольным желобом и ножи в форме серпа специфичны и не встречаются на других неолитических памятниках региона. Орудия изготовлены из пород камня, отсутствующих на Севере Западной Сибири, но распространенных на Южном Урале и в Казахстане.

Выводы

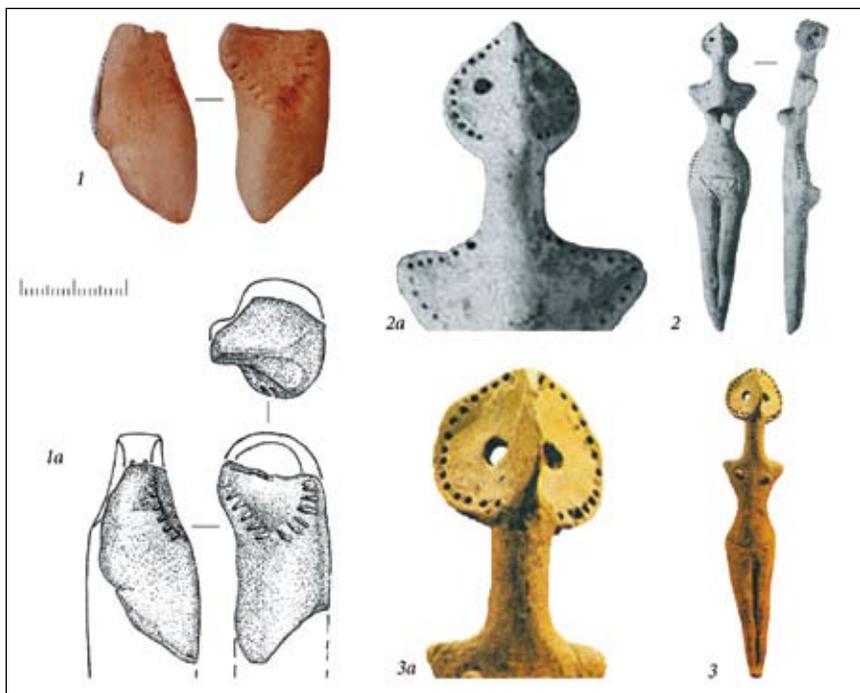
Поселение Каюково 2 характеризуется набором уникальных признаков, не характерных для подавляющего большинства неолитических памятников на территории Югры.

1. Сложная архитектурно-планировочная организация построек, которая выглядит чужеродной для Севера Западной Сибири. Такие оборонительно-жилые комплексы не характерны для культур простых обществ древних охотников и, вероятно, связаны с обществами, имевшими более сложную социальную организацию. Создание подобной системы обороны может свидетельствовать о том, что население было пришлым и принесло с собой фортификационные знания для организации своего существования во враждебной среде.

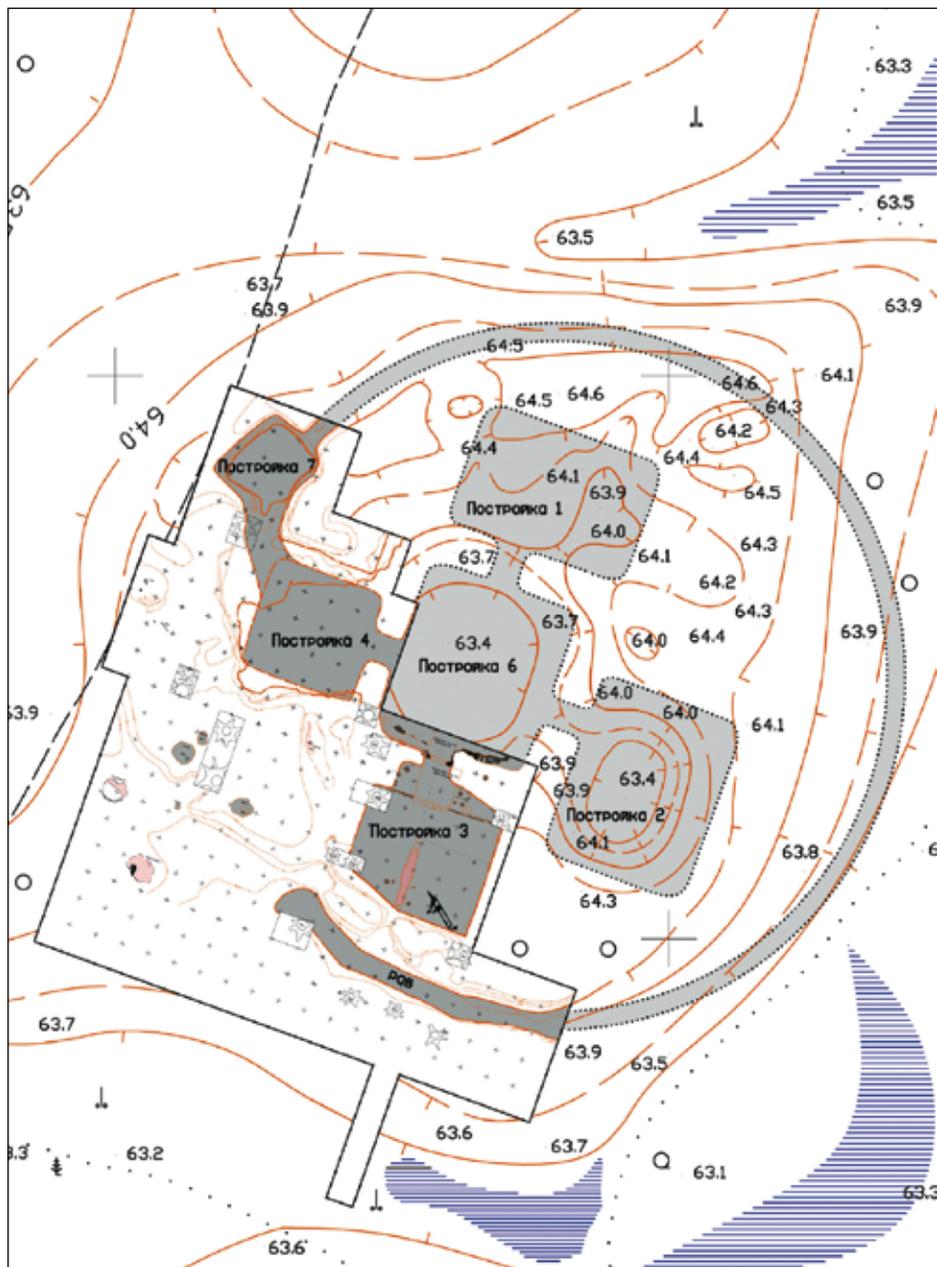
2. Определенные аналогии, которые сложные постройки Каюково 2 обнаруживают в архитектуре древних доземледельческих обществ Передней Азии — например в Гёбекли Тепе на юго-востоке Турции¹⁶.

Ил. 10. Городище Каюково 2. Фрагменты ритуальных керамических скульптур водоплавающей (?) птицы — гуся (?)

Ил. 11. Ритуальная керамическая скульптура. 1 — фрагменты ритуальной керамической антропоморфной скульптуры с городища Каюково 2; 2—4 — женские керамические статуэтки трипольской культуры (V — сер. IV тыс. до н. э.)

Ил. 12. Городище Каюково 2. План сооружений из раскопов 2000–2002 гг., совмещённый с реконструкцией планировочной структуры оборонительно-жилого комплекса

Абсолютного тождества нет, но есть два общих локальных элемента:
— архитектурно-пространственная организация сооружений внутри круга;
— наличие спирального обходного коридора по наружному радиусу (ил. 12).

Расстановка жилищ по кругу со свободным пространством в центре известна по всему миру, она практиковалась в обществах, стоявших на разных ступенях развития, в том числе у первобытных охотников, рыболовов и собирателей¹⁷. Тем не менее и эта архитектурная традиция, и археологическая культура, в которой эта традиция представлена, для Севера Сибири выглядят чужеродными и, скорее, привнесёнными с южных территорий, нежели автохтонными.

3. Форма сосудов и, особенно, орнаментальные и знаково-символические композиции (изображение лабриса, солнечного креста) в декоре, окрашивание сосудов охрой — эти детали также находят параллели в археологических материалах ранних эпох центрально-евразийских культур. Несмотря на некоторую близость материалов городища неолитическим комплексам Среднего Урала, существующие отличия и значительное удаление памятника от территории восточно-уральского пенеппена не позволяют относить Каюково 2 к среднеуральским культурам¹⁸.

4. Наличие каменных орудий специфической формы (топоров с продольным желобом, серповидных ножей) из пород камня, происходящих с территории Южного Урала или Казахстана.

Мы хотели бы в сибирском неолитоведении обозначить проблему существования обществ с особыми социальными структурами, не соответствующими общеизвестным родовым или соседским общинам охотников и собирателей. Один из признаков таких обществ — оборонительно-жилые комплексы со сложной архитектурой.

Перечисленные выше признаки позволяют предполагать происхождение или связь населения, оставившего городище Каюково 2, с кругом археологических культур Передней Азии и Юго-Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Зап. РГО по отделу статистики. — Т. II. Вып. 2. — СПб., 1911. 214 с.

² Сведения о количестве объектов культурного наследия по данным государственного учёта / Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-

Мансийского автономного округа — Югры / Госкультухрана Югры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya/>

³ Выявленные объекты культурного наследия (по состоянию на 14.03.2019 г.) / Управление Республики Коми по охране объектов культурного наследия/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://okn11.rkomi.ru/pages/vyavlennye_obekty_kulturnogo_naslediya/; Информация об объектах культурного наследия, расположенных на территории Пермского края / Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nasledie.permkrai.ru/deyatelnost/informatsiya-ob-obektakh-kulturnogo-naslediya-raspolozhennykh-na-territorii-permskogo-kрая/>

⁴ Отчёт по форме федерального статистического наблюдения № 1—ОПИК «Сведения об объектах культурного наследия» за 2018 г. / Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nasledie89.yanao.ru/documents/reports/28096/>

⁵ Сложная фортификация жилого комплекса Каюково 2 была выявлена только в результате стационарных раскопок 2000—2002 гг. Поэтому в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации памятник фигурирует не как «городище», а как первоначально названное «поселение Каюково 2» (№ 861640607890006) — см.: Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации / Официальный сайт Минкультуры России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/>

⁶ **Ивасько Л.В.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки городища Каюково 2 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2000 г. — Нефтеюганск, 2001. — 148 с. — Архив НПО «СА—1». Ф. 1. Д. 51; **Ивасько Л.В., Кондрашов А.Н.** Укрепленное поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестник культуры. — Ханты-Мансийск, 2001. — № 21. — С. 2—3; **Ивасько Л.В.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки городище Каюково 2 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2001 г. — Нефтеюганск, 2002. — 120 с. — Архив НПО «СА—1». Ф. 1. Д. 111; **Ивасько Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2 в Среднем Приобье // Северный археологический конгресс. Тез. докл. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — С. 52—55; **Ивасько Л.В.** Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. — С. 7—25; **Ивасько Л.В.** Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 228—229; **Ивасько Л.В.** О каюковской археологической культуре // Барсова гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 112—122.

⁷ **Vizgalov G., Kardash O., Lips S., Piezonka H.** Complex architectural structures of the early Neolithic of the North Siberia (based on materials from the ancient settlement Kayukovo 2) // International Open Workshop Socio-Environmental Dynamics over the Last 15,000 Years: The Cre-ation of Landscapes VI. Kiel University, March 11-16, 2019. Programme and abstracts. — Kiel, 2019. — P. 35, 36.

⁸ **Стефанов В.И., Борзунов В.И.** Неолитическое городище Амня 1 (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 93—111.

⁹ Михалёв А.А. Новый памятник эпохи раннего металла в Сургутском Приобье // Пробл. финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1992. — С. 100—105; Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. — С. 37—40, 133. Рис. 26, 27; Чемякин Ю.П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 198—213.

¹⁰ Михалёв А.А. Новый памятник эпохи раннего металла в Сургутском Приобье... — С. 100—105.

¹¹ Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во: УрГУ, 1991. — С. 92—101. Рис. 1, 2.

¹² Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 23—26; Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья... — 2002. — С. 25—28. Рис. 7; Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 37—38.

¹³ Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 38.

¹⁴ Ивасько Л.В. Отчёт о НИР: Археологические раскопки городище Каюково 2... — С. 28.

¹⁵ Проектно-изыскательские работы на территории строящегося природно-исторического парка «Пунси». — Нефтеюганск, 1999. — Т. 1: Выявление и обследование объектов историко-культурного наследия архитектурно-ландшафтного комплекса «Большое Каюково» в Нефтеюганском р-не Ханты-Мансийского автономного округа летом 1999 г. — 154 с.

¹⁶ Шмидт К. Они строили первые храмы: Таинственное святилище охотников каменного века: Археологические открытия в Гёбекли Тепе = Sie bauten die ersten Tempel: Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: Die archaologische Entdeckung am Gцbekli Tepe / Клаус Шмидт; Пер. с нем. А. С. Пашенко. — СПб.: Алетейя, 2011. — 320 с.; Коллинз Э. Гёбекли-Тепе: Происхождение богов. — Rochester, Vermont (USA) — Toronto (Canada): Bear & Company, 2014 г. — 432 с.

¹⁷ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Рос. археология. — М., 2013. — № 4. — С. 30.

¹⁸ Ивасько Л.В. Отчёт о НИР: Археологические раскопки городище Каюково 2 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2001 г. — С. 28.

**Kayukovo culture of the early Neolithic in the context
of human resettlement in the North of Western Siberia
(based on the materials of 1999-2002 investigations)**

O.V. Kardash, G.P. Vizgalov

Nefteyugansk

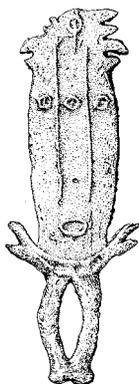
Surgut State University

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Annotation. At the turn of the 7th – 6th mill. BC dozens of settlements appeared in the North of the West Siberian Plain and this number was constantly increasing until the Middle Ages without any decrease. The Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra by the number of archaeological sites surpasses the adjacent regions with similar landscape conditions, for example, the Komi Republic and the Perm Krai. The high population density of the region in the early periods is a unique feature of Ugra. This phenomenon remains poorly studied. The investigation of the archaeological sites of the Kayukovo culture of the early Neolithic makes it possible to come significantly closer to solving this problem. Some research results are presented in this paper.

Keywords. North of West Siberian Plain, Ob River, Bolshoy Salym River, Bolshoy Yugan River, Pungsi yurts, early Neolithic, Kayukovo culture

E-mail. kov_ugansk@mail.ru; vizgalovgp@mail.ru

Курганы с кольцевым рвом как элемент культовой практики населения эпохи бронзы (археологические факты в свете обско-угорских этнографических параллелей)

С.В. Сотникова

г. Надым

ООО «Центр археологических исследований»

Аннотация. В статье для интерпретации курганов с кольцевым рвом использованы материалы синташтинской и андроновской (алакульской) культур. На основании аналогий из обско-угорской этнографии высказано предположение, что кольцевые рвы сооружались с учётом использования их в культовой практике. Весной во время таяния снега и паводка рвы наполнялись водой. Это привлекало к ним перелётных водоплавающих птиц, с которыми, вероятно, были связаны представления о душе-птице и её возрождении.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Казахстан, эпоха бронзы, синташтинская культура, алакульская культура, курган, кольцевой ров, аналогии из обско-угорской этнографии.

На территории евразийских степей в курганах эпохи бронзы получают распространение рвы, расположенные под насыпью или окружающие её. Для интерпретации назначения кольцевого рва обратимся к синташтинским и андроновским (алакульским) погребальным сооружениям. Однако прежде следует дать краткую характеристику курганов с кольцевым рвом более ранней ямной (древнеямной) культурно-исторической общности, учитывая, что некоторые исследователи предполагают возможное участие ямного населения (на позднем этапе своего развития) в сложении синташтинской культуры. Устройство кольцевых рвов в ямных курганах осуществлялось на большой территории, но особенно часто они встречаются на Среднем Дону¹.

С.В. Иванова по материалам ямных памятников Северо-Западного Причерноморья выделяет ряд особенностей курганов с кольцевым рвом. Традиционно рвы соотносятся с первой курганной насыпью, но

есть случаи, когда они окружают вторую, третью и даже четвертую насыпь. Чаще ров кольцевой, реже с перемычками. Диаметр рвов в среднем колеблется в пределах 10–30 м, но есть исключения. Ширина — от 0,5 до 2,0–2,5 м, в нескольких случаях зафиксированы рвы шириной 5,0–7,0 м. Глубина чаще всего достигает 0,5–1,5 м. С.В. Ивановой отмечена следующая особенность: могилы с неординарным погребальным обрядом были окружены двойными рвами. Это — кенотаф из могильника Каланчак (курган № 3, погребение № 9) и расчленённые погребения из могильника Тирасполь (курган № 3, погребения № 12 и 13)².

Курганы с кольцевым рвом получили распространение также в ямных (древнеямных) памятниках степного Приуралья: могильник Пятилетка (курган № 3, курган № 5 основное погребение № 2, курган № 6 основное погребение № 2); могильник Нижнепавловский (курган № 1 основное погребение № 2, курган № 3 основное погребение № 2)³, Большой Болдыревский курган⁴ и т. д. Следует отметить, что Н.Л. Моргунова признаёт, что на позднем этапе своего развития носители ямной культуры степного Приуралья могли участвовать в формировании аркаимо-синташтинского комплекса⁵.

Относительно назначения кольцевого рва исследователями были высказаны различные точки зрения. К.Ф. Ковалёва считает, что необходимо обратиться к поиску объяснения формы курганной насыпи и окружающего её рва, в большинстве своем представляющих в плане окружность. Опираясь на статью В.Н. Топорова и М.Б. Мейлаха, посвящённую семантике понятия «круг» в мифологической картине мира⁶, она отмечает, что форма курганной насыпи и окружающего её рва *«выражает идею единства, бесконечности и одновременно законченности, поскольку “круг как фигура, образуемая правильной кривой линией без начала и конца, ориентирована в любой своей точке на некий невидимый центр... ограничивает внутреннее и конечное пространство, но круговое движение, образующее это пространство, потенциально бесконечно”*. *Во временном плане идея круга находит ещё большее воплощение, знаменуя собой годовое и суточное движение солнца, объединяющего цикличность пространства с цикличностью времени, что получило воплощение в кромлехах, кольцевых рвах, круглой в плане форме курганных насыпей»*⁷. Насыпь воспринималась как аналог Мировой горы, объединяющей небо и подземный мир, как граница освящённого пространства, защищавшего умершего от действия вредоносных сил. Это действие усиливалось

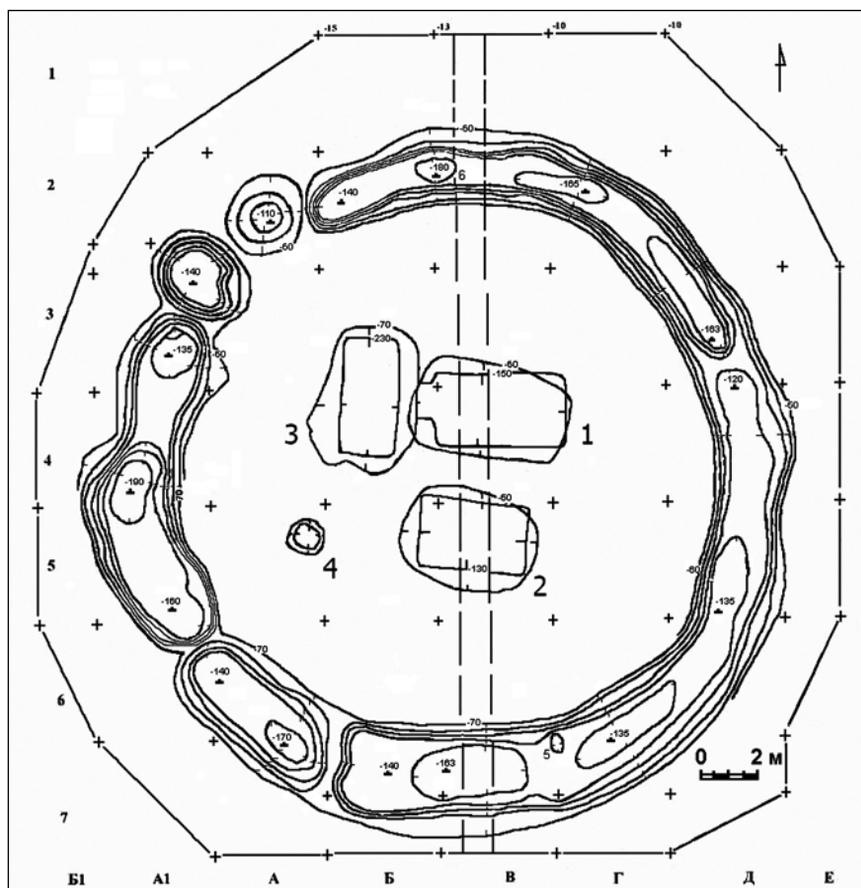
обведением насыпи рвом. Одновременно это была преграда между «тем» и «этим» мирами⁸.

С.В. Иванова высказала предположение, что среди покойных существовали лица, наделённые, по мнению окружающих, как положительной, так и отрицательной магической силой. Погребение последних требовало особых ритуалов для защиты социума от их воздействия — окружение захоронения магическим кругом (ров, кромлех, обкладка)⁹.

Э.Р. Усманова на материалах андроновских (в основном алакульских) могильников Лисаковской округи (Казахстан, Костанайская обл.) выделяет два основных назначения рва — практическое и ритуально-символическое. Практическое назначение рва проявляется, прежде всего, в том, что из него брался грунт для сооружения курганной насыпи. «Ров своей формой и вырытым объемом организовывал пространство — площадку — для совершения захоронения... Ров — это деталь конструкции всего погребального сооружения»¹⁰. Ритуально-символическое значение рва проявлялось, по мнению Э.Р. Усмановой, в защитно-магической функции, что подчеркивалось различными ритуальными действиями, материализованные остатки которых находят в его заполнении. Это относится ко рвам крупных сооружений — курганов-оград. Скорее всего, некоторое время ров стоял открытым. Относительно большая глубина таких рвов мешала людям заходить внутрь и совершать ритуалы. С этим, по-видимому, связано сооружение небольших уступов-ступеней, сделанных по стенкам больших рвов и облегчающих спуск—подъём. Кроме того, как полагает исследовательница, ров выполнял функцию границы между живыми и умершими¹¹. Символическое значение рва также могло проявляться в следующем. Если учесть, что ров некоторое время оставался открытым, то в нем могла скапливаться вода. На этот факт указывают потеки и гумусированные слои почвы на дне. Это кольцо в конструкции кургана могло символизировать один из основных элементов мироздания — воду¹².

С целью ритуально-символической интерпретации назначения кольцевого рва обратимся к курганам синташтинской и алакульской культур эпохи бронзы, так как алакульское население генетически связано с синташтинским. Рассмотрим курганы, где фиксируются рвы, расположенные под насыпью или окружающие погребальную площадку. В могильнике Степное 1 (Южное Зауралье) синташтинский курган № 1 являлся одним из самых крупных, диаметр насыпи составлял ок. 26 м,

высота — 0,2 м (ил. 1). В процессе исследования погребальной площадки в центральной части на уровне материка были зафиксированы контуры трёх центральных могил № 1–3, жертвенной ямы № 4 и кольцевого рва, опоясывающего центральные погребения. Диаметр рва составлял 24–25 м. В его северо-западном секторе имелись две перемычки, в остальной части ров был образован цепью продолговатых углублений различной конфигурации. Глубина и ширина рва на разных участках сильно варьировали. Ширина в верхней части достигала

Ил. 1. Могильник Степное 1. Курган 1. Общий план. По: Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное 1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 9. Рис. 5). Выкопированы только те объекты, которые имеют отношение к содержанию публикуемой статьи

4 м, глубина — 1,2 м от уровня материка. Профилировка стенок была плавной, покатой, дно округлым. Ров имел неоднородное слоистое заполнение. В нижней части его заполнения располагалось множество тонких перемежающихся слоёв супеси различного цвета — от чёрного до жёлто-коричневого, образовывавшихся, как полагает Е.В. Куприянова, в процессе стекания в ров паводковых, дождевых вод¹³.

Для интерпретации назначения рва, окружающего подкурганную площадку с могилами, представляется допустимым привести достаточно отдалённые аналогии, которые сохранились в японских письменных источниках. В «Кодзики» и «Нихон сёки» есть известная легенда о том, что душа отважного воителя Ямато-такэру после его погребения в кургане превратилась в большую белую птицу (лебедя). Сын Ямато-такэру, государь Тюай, повелел по всем провинциям страны изловить «белую птицу» и вскормить её в пруду у гробницы отца. Для него изловили несколько птиц. Действительно, в японских дворцовых прудах и во рвах с водой, окружавших гигантские царские курганы, гнездились водоплавающие птицы, которых подкармливали, чтобы они не улетали далеко. Даже сейчас на гигантских «царских» курганах, где сохранилась хотя бы часть опоясывающих их ровов с водой, всё ещё гнездятся водоплавающие, в том числе белые птицы — лебеди, гуси, цапли, журавли, утки. В древности глиняные изображения (ханива) таких птиц изготавливали в массовом порядке и устанавливали непосредственно во рвах вокруг курганов или на их вершине¹⁴.

Прямое перенесение этнографических данных на археологический материал невозможно. Однако вполне допустимо предположение, что весной во время таяния снега и паводка кольцевые рвы курганов наполнялись водой, что привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц — гусей, лебедей, уток. Возможным подтверждением данного предположения могут служить находки в ограде № 2 Лисаковского IV могильника¹⁵. В ограде № 2, относящейся к эпохе бронзы, после снятия грунта на уровне материка (–50 см) были отмечены очертания могильной ямы и двух полукольцевых ровиков, которые были вытянуты вдоль могилы в направлении запад — восток. Ровик № 1 располагался в южной половине конструкции. В плане имел выпукло-вогнутые очертания размерами 7,0х1,5 м, глубиной 0,2 м. Ровик № 2 был сооружён в северной половине конструкции (–35 м), его глубина 0,2–0,3 м. Погребение находилось в центре сооружения и было сильно нарушено норами грызунов. Коридорообразные проходы нор фиксировались с разных сторон ямы. Могильная яма имела размеры 3,5х2,0х0,5 м и

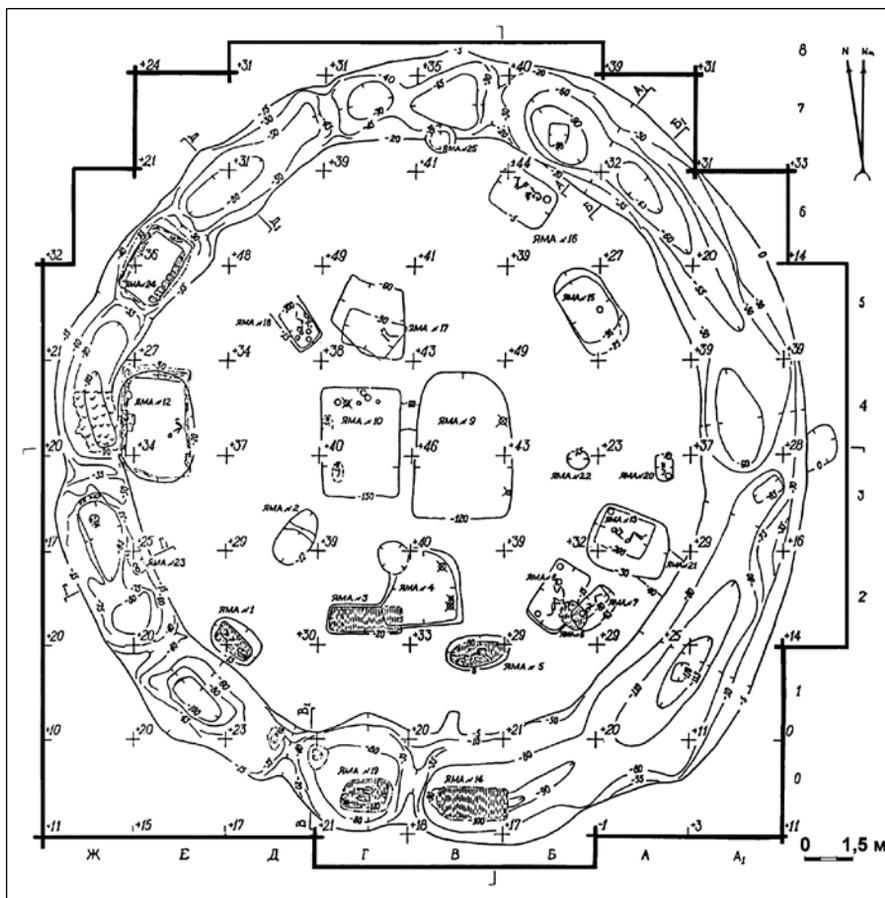
была ориентирована по линии север—северо-запад — юг—юго-восток. Почти по центру очертаний ямы был обнаружен камень достаточно внушительных размеров — 0,6х0,7х0,3 м, лежавший плашмя. Под ним обнаружена выкладка из костей человека (—100 см): кости таза, берцовые (малая и большая), несколько фаланг стопы. По мнению Э.Р. Усмановой, в погребение было совершено проникновение, кости были выложены подобным образом специально и закрыты большим камнем. Кроме того, в проходе норы с северной стороны найдена хорошо сохранившаяся скорлупа от четырех яиц. Э.Р. Усманова полагает, что они принадлежали утке (?), так как утки могут использовать норы грызунов для высиживания яиц¹⁶. Значимым представляется то, что нора с гнездом утки находилась в пределах погребального сооружения эпохи бронзы, окружённого полукольцевыми ровиками.

Имеется также подтверждение того, что рвы вокруг курганов эпохи бронзы сооружались с учётом использования их в культовой практике, связанной с птицами. В Лисаковском III могильнике на дне рва, окружавшего курган-ограду № 7, было обнаружено «навершие» из пяточной кости лошади, длиной 105 мм, шириной 45 мм. У данного изделия, по описанию Э.Р. Усмановой, *«округлая суставная верхняя часть и нижняя часть с отростками горизонтально подрезаны. В нижней боковой части слегка обозначена выемка, внутри полости кости имеется дополнительное отверстие. Общим своим видом кость напоминает образ птицы. Найдена она на дне рва и, возможно, использовалась в качестве навершия в каких-то церемониях, происходивших во время совершения погребального обряда...»*¹⁷.

Ров кургана-ограды № 7 представлял собой достаточно сложное сооружение. Он имел форму кольца с двумя проходами. Последние располагались напротив друг друга по линии юго-запад — северо-восток. Ширина рва варьировали от 1,5 до 2,0 м. Его окончания имели овальную форму. В них на дне фиксировались дополнительно устроенные углубления или ямы. В северо-западном секторе, где было найдено «навершие», ров резко расширялся и своими очертаниями уходил за границы раскопа, образуя подобие площадки на дне. Её фиксируемая часть была овальной формы размерами 4,0х2,0 м. Кроме того, в юго-восточном секторе в заполнении рва обнаружены плиты и камни, уложенные плашмя в четыре выкладки. Все эти конструктивные детали, по мнению Э.Р. Усмановой, могли быть связаны с ритуальной практикой¹⁸. Керамика из погребений Лисаковского III могильника — алакульская с влиянием фёдоровских традиций (амангельдинский тип)¹⁹.

Становление культовой практики, объединяющей кольцевой ров с образом птицы, вероятно, происходит гораздо раньше, ещё в период существования ямной культуры, в степном Приуралье, что подтверждается материалами Большого Болдыревского кургана (№ 1) (ил. 2). Этот объект имел в диаметре 64 м и высоту 5–6 м. Ров опоясывал курган по всей окружности, достигая глубины от уровня древней поверхности до чистой глины — 2,0–2,5 м. Его ширина составляла ок. 16 м. Могила располагалась в центре кургана. Размеры пятна — 3,3х3,0 м, вокруг него, на поверхности материка прослежен настил из

Ил. 2. Большой Болдыревский курган. Погребение 1. Общий план. По: Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. – Вып. IV. – С. 61. Рис. 3

травы и коры с посыпкой охрой шириной 50–70 см. Глубина могилы достигала –2,5 м от уровня материка. В районе дна размеры ямы сокращались до 2,5x1,6 м.

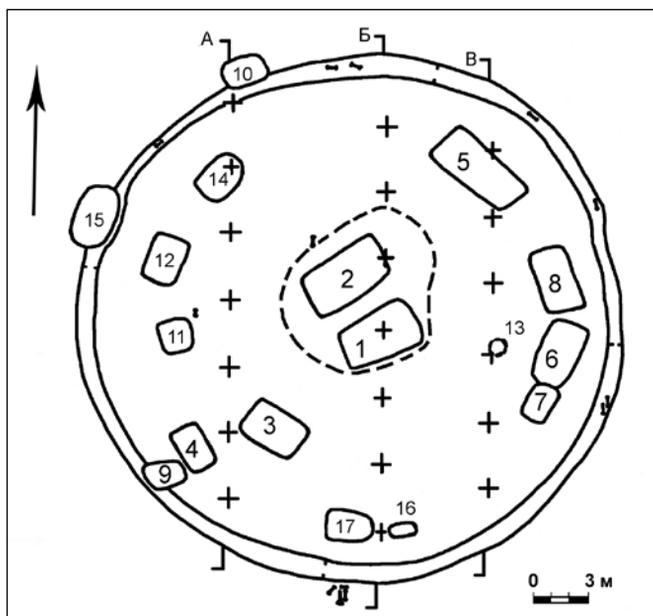
На дне ямы обнаружено непотревоженное захоронение мужчины в возрасте 35–40 лет, на правом боку, в слабо скорченном положении, головой на восток. Кости рук были вытянуты вдоль туловища, кости кистей рук зажаты между костями ног. Перед захоронением труп, видимо, туго запеленали. Под костяком по всему дну прослеживалась подстилка толщиной ок. 5 мм, сплетённая из растительных волокон. Меньшую площадь, чем подстилка, занимало покрывало поверх скелета, также сплетённое из растительных волокон и накрытое, кроме того, слоем коры. Покрывало и подстилка имели чёрный цвет. Лицо погребённого было открыто, голова приподнята и покоилась на подушечке из куска глины. На лбу и вокруг черепа прослеживался венчик из коры белого цвета. Из такой же белой коры на покрывало от плеч погребённого была наложена аппликация в виде расправленных крыльев птицы. По краям «крылья» имели бортик высотой ок. 8 см. Весь скелет поверх покрывала был обильно посыпан порошком ярко-красной охры, особенно интенсивно в области черепа, тазовых костей и ступней.

Погребённого сопровождал богатый инвентарь. У головы находился медный нож-кинжал. Напротив костей ног со стороны южной стенки был расположен целый комплекс предметов: крупная галька-тёрочник, два медных четырёхгранных шила, медный наконечник копья в деревянном чехле, три куска сильно окисленного железа, видимо, бывших какими-то предметами. Все эти вещи находились под покрывалом и группировались вокруг диска из расплющенного железа, на который были положены кварцитовый скребок и небольшая чашечка из мела, заполненная порошком железной руды. Весь комплекс был обильно засыпан красной охрой. На уровне живота погребённого, также под покрывалом, в интенсивном слое охры было обнаружено биметаллическое орудие, основу которого составляла медная втулка с закреплённым в ней железным лезвием и деревянной рукоятью. Рядом находилась железная стамеска. Оба предмета изготовлены из метеоритного железа, взятого от двух разных метеоритов. Железная руда, которая находилась в чашечке из мела, происходит из месторождений на территории Оренбургской обл. По мнению Н.Л. Моргуновой, человек, погребённый в кургане № 1, имел высокий социальный статус и, возможно, сочетал при жизни две общественные функции — вождя племени (рода) и жреца²⁰.

Для интерпретации синташтинских курганов с кольцевым рвом представляют интерес находки в некоторых погребениях таких курганов костей водоплавающих птиц. В могильнике Каменный Амбар 5 (Южное Зауралье) курган № 2 перед началом раскопок имел диаметр 22 м, высоту 0,6 м (ил. 3). Насыпь перекрывала площадку, ограниченную рвом почти безупречно округлых очертаний. Диаметр рва по внешнему краю равнялся 31–32 м, ширина (на материке) — в среднем 1,0 м, глубина от уровня дневной поверхности — 0,5 м. Заполнение рва гумусно-песчаное, на отдельных участках рва прослежено чередование чистых глинистых и гумусно-илистых прослоек.

В кургане исследовано 16 могильных ям и одно погребение (№ 13) на уровне погребённой почвы. Две ямы располагались в центре площадки (№ 1, 2), 11 ям (№ 3–8, 11–14, 17) — по кругу в пределах рва. Эти погребения и ров исследователи относят к раннему (синташтинскому) периоду функционирования кургана. По прошествии некоторого времени была присоединена группа поздних (петровских) могил (№ 9, 10, 15), они размещались на линии рва, частично прорезая его²¹.

Ил. 3. Могильник Каменный Амбар 5. Курган 2. Общий план. По: Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара: Изд-во Сам. гос. пед. ун-та, 1995. — С. 179. Рис. 2

Для интерпретации назначения рва представляет интерес синташтинская могила № 5. Могила размером 5,6х2,2—2,5 м и глубиной в материке 1,15 м была ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Яма подверглась ограблению. В непо потревоженном участке заполнения у юго-восточной стенки на 0,4 м выше дна зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде слабого тлена белесого цвета, уложенного поперёк длинной оси ямы. На уровне перекрытия размещались: в восточном углу — два черепа лошади; у середины юго-западной стенки — скелет жеребёнка (без дистальных частей ног), череп и хвост взрослой лошади. В грабительском вкопе встречены кости конечностей трёх особей лошади, черепа и кости ног двух овец, кость крыла гуся. На дне у юго-восточной стенки находился череп животного из вида крупного рогатого скота.

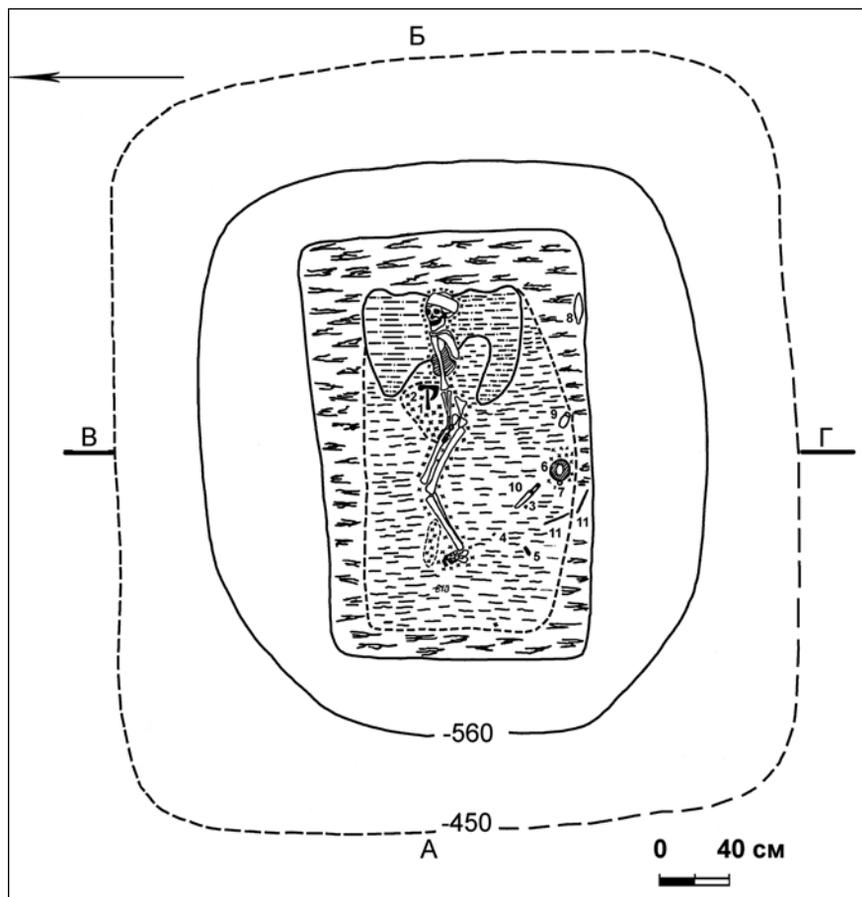
В могиле было захоронено 8 человек. В юго-восточной половине дна ямы, которая пострадала меньше, зафиксированы останки мужчины (?) 17—18 лет, мужчины 25—27 лет, двух индивидов 13—16 лет, ребёнка 1,5—2,0 лет. Судя по немногим костям ног, сохранившим первоначальное положение, имело место захоронение как на левом, так, возможно, и на правом боку, головой во всех случаях на юго-запад, т. е. поперёк длинной оси ямы. В северо-западной половине в заполнении обнаружены кости мужчины 22—24 лет, ребёнка 2 лет, подростка 13—16 лет.

Несмотря на ограбление, могила сохранила разнообразный инвентарь. Почти не потревоженный комплекс находился в северо-западной части дна. Он включал два сосуда, бронзовое тесло и шило, спиралевидную обмотку ременной рукояти плети, пест из яшмовидной породы. В юго-восточной половине дна могилы обнаружены бронзовые наконечник копыя, колечко, крючок, фрагмент спиралевидной обмотки (?), обломок пластинчатого орудия, 4 псаля из рога лося, 2 «тёрочника» из кварцевого порфира и яшмовидной породы, 3 кремниевых наконечника стрел, фаланга животного из породы крупного рогатого скота с бронзовой скобкой. В южном углу находилось компактное скопление из 147 астрагалов (овца — 111 экз., сайга — 27 экз., косуля — 6 экз., крупный рогатый скот — 2 экз., кабан — 1 экз.). Всего в могиле обнаружено не менее 8 сосудов²². Весьма значимой представляется находка костей крыла гуся на перекрытии могилы, так как могила № 5 и ров этого кургана относятся к одному (раннему) периоду функционирования данного погребального сооружения.

Наибольший интерес представляют материалы синташтинского кургана № 25 Большекараганского могильника (Южное Зауралье)

(ил. 4). Перед началом раскопок курган № 25 представлял собой участок пахотного слоя диаметром ок. 20 м и высотой 0,3 м. В результате раскопок выявлена погребальная площадка правильной округлой формы диаметром 18,0–18,5 м, окружённая мощным кольцевым рвом. В преде-

Нумерация вещей на плане:

- 1 – стамеска из железа,
- 2 – составное биметаллическое орудие,
- 3–4 – куски железа,
- 5 – железный предмет неизвестного назначения,
- 6 – железный диск,
- 7 – каменный скребок,
- 8 – медный нож,
- 9 – речная обработанная галька,
- 10 – медное копьё,
- 11 – 2 медных четырёхгранных шила

Ил. 4. Большекараганский могильник. Курган 25. Общий план. По: Зданович Д.Г. *Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника)*. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. – Кн. 1. – С. 19. Рис. 7

лах площадки и во рву выявлено 15 погребений и 6 ям с останками жертвенных животных. Исследователи считают, что комплекс этого кургана формировался в течение длительного промежутка времени, и условно выделяют три основных этапа:

- на первом этапе были сооружены погребения № 7, 16 и, возможно, 20; кольцевой ров ещё отсутствовал;
- второй этап отмечен появлением вокруг площадки рва и оформлением центральной (погребения № 9 и 10) и западной—1 (погребения № 2, 4, 17, 18) групп погребений; центральные ямы, по-видимому, функционировали в качестве склепов;
- третий этап связан с появлением в западной части комплекса могильных ям, впущенных в ров в процессе его затекания грунтом (погребения № 12, 23, 24)²³.

Особого внимания заслуживает ров, обводящий площадку. Д.Г. Зданович отмечает, что ров и центральные погребения образуют в совокупности единую, центрально-ориентированную систему, которая организует всю планиграфию комплекса. Ров был выкопан в один приём, так как нигде не наблюдаются следы его дополнительного углубления и повторных прокопов. Он имел ширину 3—4 м в верхней части и глубину до 1,3 м от уровня древней поверхности. Состоял из 12 секций (по-видимому, его копали по общему плану и разметке, но в виде отдельных ям). В результате исследователь приходит к выводу, что *«функции рва — символические и ритуальные, наличие целой серии перерывов сводит к нулю реальные охранительные функции этого масштабного сооружения»*²⁴.

Безусловно, следует согласиться с этим выводом. Но для интерпретации данного архитектурного сооружения представляют интерес центральные могилы, вокруг которых, собственно, и был сооружён ров. Прежде всего, это погребение № 10, в котором обнаружены кости утки. Очертания ямы в верхней части размыты из-за нор землероев, в районе дна яма имела прямоугольную форму и размеры 3,5х2,5 м. В заполнении встречены фрагменты 6 человеческих костяков: А — мужчина 18—22 лет, Б — женщина 15 (?) лет, В — ребёнок возраста 4±1 год, Г — ребёнок старше 2 лет, Д — ребёнок возраста 1 год±6 месяцев, Е — ребёнок до 6 месяцев (новорожденный). Выявлены кости жертвенных животных — лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Погребальный инвентарь из заполнения представлен фрагментами четырёх сосудов, медным шилом, «лопаточкой» из рога, плоским костяным диском с центральным отверстием, пятью разрозненными кляками корсака, бусинами из камня (15 экз.) и меди (1 экз.).

Вдоль северной стенки ямы сохранился в нетронutom виде участок дна шириной 0,7—0,8 м. Находящиеся здесь предметы были погребены под остатками деревянного перекрытия ямы. Параллельно стенке располагалось 8 сосудов (№ 34—41). Сосуды № 38 и 39 находились внутри сосуда № 37. Сосуд № 36 — деревянный, в виде полусферической чаши. Под ним были расчищены кости утки (исходно — часть тушки). Под сосудом № 41 (миниатюрный острорезберный горшочек с двумя отверстиями на шейке) залегали кости дикого кабана — две первые и две вторые фаланги конечностей двух особей в сочленениях. На костях расчищены две пастовые бусины. Возле сосуда № 41 находился кусок древесной смолы, под ним — медная спиралька и кусочек металла. К северу от этого сосуда находились: медное шильце, ещё один кусок древесной смолы, костяное изделие круглой формы с центральным отверстием и треугольными нарезками по краю, две подвески из клыков лисицы и собаки. Две аналогичные подвески располагались к востоку от сосуда. В северо-восточном углу ямы лежали три каменных наконечника стрелы, в районе северо-западного угла — белемнит. У северной стенки на 60 см выше дна найден медный топор-тесло.

В полу ямы выявлено два детских погребения. Захоронение «Ж» располагалось в юго-западном секторе, в яме размерами 0,60x0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 7—8 см. Ребёнок был захоронен скорченно, на правом боку, головой на север. Прямо под костяком, в ямке стоял сосуд № 42, устье которого было перекрыто бедренными костями скелета. В ногах костяка — семь астрагалов и три фаланги овцы, три клыка корсака. На черепе — дисковидная бусина из серпентинита. Возраст ребёнка 1,5 года ± 6 месяцев. Захоронение «З» располагалось в северо-западном секторе, в яме размерами 0,65x0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 5 см. Ребёнок был захоронен скорченно, на правом боку, головой на север. За спиной лежал набор астрагалов (кабан — 1 экз., овца — 7 экз., коза — 3 экз., сайга — 2 экз.). На черепе — оригинальная каменная бусина с шишечками. Возраст ребёнка 1,5 года ± 6 месяцев²⁵. В данном случае весьма значимым является наблюдение, что центральное погребение № 10 и ров были созданы в одно время. Таким образом, связь ритуального комплекса из погребения, содержащего кости утки, и рва представляется весьма вероятной.

Большекараганское погребение с костями утки и деревянной чашей не единственное в синташтинской культуре. Подобный ритуальный комплекс обнаружен в синташтинском погребении № 35 могильника

Бестамак (Казахстан, Костанайская обл.), где была захоронена женщина 25–30 лет. Могильная яма крупных размеров 3,4x1,9 м ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Над перекрытием зафиксированы костяки двух лошадей ногами друг к другу, головой на северо-запад. У задних конечностей лошадей располагались кости конечностей от четырёх овец. На дне могилы находился костяк женщины скорченно, на левом боку, головой на северо-запад. В области шеи обнаружено 17 пастовых бусин, на левой руке — бронзовый браслет, на черепе — две каменные бусины синего цвета. В головах — 4 сосуда, причём маленький сосуд помещён внутрь самого большого. Под развалом большого сосуда — бронзовый серп. Слева от сосудов, в юго-западном углу найдены проколка и две бронзовые скрепки от деревянного изделия (сохранился древесный тлен). В 0,1 м от них лежали в анатомическом порядке кости крыла утки, а также просверленный астрагал крупного рогатого скота. Также в головах, ближе к центру ямы, лежали два бронзовых ножа, стамесочка с роговой рукояткой и штыковидное орудие. В северном углу рядом с сосудом найдены два каменных наконечника стрелы, каменный пест (?). За спиной — костяное орудие, бронзовый шплинт. В ногах — бронзовая стамесочка с деревянной рукоятью, бронзовая игла, две бронзовые скрепки, костяное пряслице, маленький неорнаментированный сосуд²⁶. Погребение № 35 не было окружено рвом. Однако, как отмечают исследователи, остатки конструкций в виде рвов прослежены в не затронутой разрушением части раскопа²⁷.

Таким образом, связь кольцевого рва, периодически наполнявшегося водой, и культовой практики, связанной с почитанием водоплавающих птиц, достаточно отчётливо прослеживается по материалам синташтинской культуры. Истоки этой традиции, по-видимому, уходят в более глубокую древность. В связи с этим представляет интерес полтавкинский кенотаф с костями водоплавающих птиц. Позднеполтавкинское население, по мнению некоторых исследователей, могло принимать участие в формировании синташтинской культуры²⁸. Полтавкинский кенотаф с костями водоплавающих птиц обнаружен в кургане № 8 Калиновского курганного могильника (Нижнее Поволжье). С северной и восточной сторон кургана был замечен неглубокий ровик (более зелёная растительность). Полтавкинские погребения были впущены в курганную насыпь ямной культуры. Погребение № 32 совершено в яме овальной формы размерами 1,75x1,10x1,30 м, ориентированной по линии запад — восток. В заполнении ямы на глубине 0,95 м наблюдался

слой красной охры мощностью 5—6 см. Кости человека отсутствовали, очевидно, могила представляла собой кенотаф. В северо-восточном углу находилось скопление из 7 костей водоплавающих птиц, густо окрашенных красной охрой. Кости принадлежали трём особям гуся серого, одной особи гуся белолобого, двум особям лебедя-шипунa. Здесь же найден обломок четырёхгранного бронзового шила длиной 1,9 см, точильный камень (на 8 см выше дна могилы), баранья челюсть (на 15 см выше дна могилы) и сосуд. Все предметы были засыпаны красной охрой²⁹.

Учитывая, что большинство исследователей признает индоиранскую принадлежность синташтинского населения, для интерпретации погребений с костями водоплавающих птиц уместно привести аналогии из древних иранских источников. Следует отметить, что в иранском искусстве и мифологии присутствует образ водоплавающей птицы. Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу главой пернатых, она первой принесла слово божье в этот мир. Уже этого, по мнению Ю.А. Рапопорта, достаточно, чтобы предположить, что водоплавающая птица была воплощением божества и некогда играла в мифологии очень значительную роль. Кроме того, он полагает, что образ водоплавающей птицы отражал представление об изначальности водной стихии, которую в авестийском пантеоне олицетворяла богиня Ардви Сура Анахита³⁰.

Наличие ритуальных комплексов, включающих деревянную чашу и кости утки (могильники Большекараганский, Бестамак), жертвенного комплекса с костями крыла гуся (Каменный Амбар 5), кенотафа полтавтинской культуры (Калиновский могильник) с костями от шести особей различных водоплавающих птиц может выступать свидетельством существования представлений о душе-птице, которая возрождается с прилётом водоплавающих птиц в ходе отправления определённых ритуалов. Для подтверждения этого предположения вполне уместно привлечение данных из обско-угорской этнографии, так как, согласно лингвистическим данным, приводимым В.И. Абаевым, начало арио-уральских контактов уходит в глубокую древность³¹.

В культуре обских угров погребальный ритуал, связанный с водоплавающими птицами (утками), имеет отношение к куклам *уыт-акань*. Среди северных хантов и манси был распространён обычай изготавливать такие куклы после смерти умершего. Кукла *уыт-акань* изготавливалась из волос умершего и его родственников. Такие куклы были распространены у берёзовских и казымских хантов³². Кукол

держали дома до прилёта диких уток, а затем сжигали в ходе особого ритуала³³.

Сведения о ритуалах, связанных с куклами *уныт-акань*, имеются в работе К.Ф. Карьялайнена. Он отмечает, что «если на Казыме умирает тот, кто уже научился вязать узлы, с его головы срезают волосы, которые вкладывают в куклу умершего... В солнечные дни её вынимают и сажают на стол во время семейных трапез. Так заботятся о кукле умершего мужчины пятьдесят, а о кукле умершей женщины сорок дней, и в это время не посещают их могилы. По истечении этого срока куклу при необходимости хранят в сундуке до дня сожжения. Но нельзя сжигать, если реки покрыты льдом. Если человек умер поздней осенью, так что дни поминовения (50–40) не закончились до замерзания рек, куклу сжигают только следующей весной во время возвращения диких уток»³⁴. По свидетельству В.Н. Чернецова, «на Оби в Берёзовском и Микояновском районах изображение по прошествии 40 или 50 дней, в зависимости от пола умершего, выносится на окраину селения, где для него строится небольшой шалашик. Кукла помещается в этот шалашик, перед входом которого кладется убитая утка головой на север. Шалашик вместе с куклой сжигается, а утку родственники варят и съедают. Если человек умер осенью или зимой, то изображение его хранят до весны, пока не прилетят утки. Обряд сжигания куклы производится непременно при «верховом», т. е. южном ветре»³⁵. В другой своей работе он отмечает, что кукол сжигали на мысе в специальном шалашике, положив перед ним первую убитую утку³⁶.

Подобный обряд, связанный с уткой, был распространён и у северных манси. По данным Е.И. Ромбандеевой, срезанные с покойного и родственников волосы, разделённые на 4–5 пучков, клали на умершего поперёк. Затем забирали эти волосы и завёртывали в шкурку. Весной их сжигали. Обряд сожжения устраивали с прилётом уток. Для этого строили специальный шалашик, куда клали распределённые в 4–5 пучков волосы и маленькую утку, которую также сжигали. Причём сжигали только так называемую «мансийскую утку» (маленьких размеров). Предполагалось, что сжигаемая утка поможет душе умершего переправиться через Урал, а волосы — через тёплое море до места постоянного пребывания, т. е. до юга. Считалось, что, достигнув берега моря, душа будет жить в этом шалаше³⁷. По материалам Е.Г. Федоровой, в погребальном обряде северных манси утка, сжигаемая вместе с куклой, выступает в роли медиатора, она должна была помочь душе достичь Верхнего мира (южной стороны)³⁸.

Изготовление куклы *упыт-акань* было тесно связано с представлениями о магической силе волос. По данным З.П. Соколовой, волосы человека считались местом обитания души-дыхания «*лили*», которая после смерти человека и проведения соответствующих обрядов вселялась в новорожденного младенца³⁹. Как отмечает В.Н. Чернецов, эта «реинкарнирующаяся душа» связывалась с дыханием и жизненным началом человека и представлялась в образе птицы, живущей у его головы⁴⁰. Возможно, поэтому в обско-угорской традиции сожжение погребальных кукол было приурочено к прилёту водоплавающих птиц (уток), совершающих сезонные перелеты на юг, вскрытию рек и южному («верховому») ветру. Вероятно, только в это время душа могла достичь Верхнего мира. В «тёмный» зимний период годового цикла Верхний мир становился недоступным. Такие представления были широко распространены у сибирских народов. Например, алтайские «белые шаманы» камлали лишь летом, в тёплую погоду, поскольку небо зимой «замерзает»⁴¹.

К этому следует добавить, что ханты особо почитали первую добытую в году утку. Её нельзя было есть, пока от неё не отойдет весь пар. Обычай этот был распространён повсеместно, но только у северных хантов сохранилось объяснение этого ритуала, они связывали его с приглашением божеств к пиршеству и передачей пищи в Верхний мир⁴². Таким образом, в ритуале северных хантов утка выступает также в роли медиатора между людьми и богами.

В.В. Напольских, реконструируя образ женского божества прауральской мифологии (Мать Юга) в контексте гипотетической картины мира древних уральцев, выделяет следующие общие черты: богиня — покровительница деторождения, матерей и младенцев, хозяйка и подательница душ всех живых существ, живёт на юге, на небе. В то же время она живёт и на земле, в доме, возле которого находится озеро с живой водой (здесь происходит излечение или возрождение душ людей и водоплавающих птиц, которые эти души олицетворяют), растёт мировое дерево (берёза), здесь же находится исток мировой реки и начинается Млечный Путь (Дорога Птиц). Мать Юга является хозяйкой водоплавающих перелётных птиц (гусей, лебедей, уток), которые предстают в трёх ипостасях — объект промысла, вестник-связной между людьми и небесными богами, олицетворение душ людей. Как отмечает исследователь, рассматриваемый образ прекрасно вписывается в гипотетическую прауральскую модель мира с горизонтальным его членением относительно Мировой реки, текущей с юга (=неба) на

север (=холодное море), Нижний мир, с особой ролью водоплавающих перелётных птиц в качестве связных между небом и землёй, носителей божественной благодати, летающих (в финно-угорской традиции) по Млечному Пути — Дороге Птиц — небесному отражению Мировой реки. В таком контексте отмеченные специфические черты Матери Юга не только естественны, но и необходимы. Важно, что такие системные взаимосвязи элементов космологии присутствуют не только в пруральской реконструкции, но и в отдельных уральских традициях⁴³.

Таким образом, на основании аналогий из обско-угорской этнографии можно высказать предположение, что рвы вокруг курганов сооружались с учётом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелётных водоплавающих птиц. В синташтинских курганах обнаружены ритуальные комплексы, включающие деревянную чашу и кости утки, жертвенный комплекс с костью крыла гуся. Обско-угорские аналогии позволяют предполагать существование в среде синташтинского населения представлений о душе-птице, возрождение которой было приурочено к наступлению весны, таянию снега, вскрытию рек, прилёту водоплавающих птиц. В ходе отправления определённых ритуалов водоплавающая птица могла выступать в роли медиатора, она должна была помочь душе достичь Верхнего мира.

Истоки этих ритуалов, вероятно, уходят в более глубокую древность, так как в погребении-кенотафе полтавкинской культуры были найдены кости нескольких особей водоплавающих птиц. В ямном погребении Большого Болдыревского кургана умерший был накрыт покрывалом с аппликацией из коры белого цвета в виде расправленных крыльев птицы, отходящих от плеч погребённого, а на лбу и вокруг черепа прослеживался венчик из такой же белой коры.

Вместе с тем следует признать, что погребения с костями водоплавающих птиц (утка, гусь) или с материальными воплощениями образа птицы достаточно редко встречаются в могильниках эпохи бронзы. К тому же эти погребения сопровождаются нестандартным набором инвентаря, что свидетельствует о неординарном статусе умерших. Возможно, в эпоху бронзы погребальные ритуалы, связанные с прилётом водоплавающих птиц и возрождением души, для рядового населения могли иметь другие формы выражения, не всегда фиксируемые на археологическом материале. Не исключено, что такие обряды отправлялись не только на территории могильников, но и на поселениях или на специальных культовых местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ляхов С.В., Матюхин А.Д. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сёл Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. — Оренбург: Оренбургский пед. ин-т им. В. Чкалова, 1992. — С. 116.

² Иванова С.В. Ров как элемент курганной архитектуры в ямных памятниках Северо-Западного Причерноморья // Проблемы археологии и архитектуры. — Т. 1: Археология. — Донецк; Макеевка: ДонНУ, 2001. — С. 38.

³ Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л. Курганы древнеямной культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. — Оренбург: Оренбургский пед. ин-т им. В. Чкалова, 1992. — С. 80—83.

⁴ Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. — Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. — Вып. IV. — С. 55—62.

⁵ Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. — Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. — С. 98.

⁶ Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира. — М.: Сов. энциклопедия, 1997. — Т. 2. — С. 18—19.

⁷ Ковалёва И.В. Социальная и духовная культура племён бронзового века (по материалам Левобережной Украины). — Днепрпетровск: Днепрпетр. гос. ун-т, 1989. — С. 36—37.

⁸ Ковалёва И.В. Социальная и духовная культура племён бронзового века... — С. 52.

⁹ Иванова С.В. Ров как элемент курганной архитектуры... — С. 38.

¹⁰ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Погребальный обряд: позиция и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. — Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. — С. 93.

¹¹ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Погребальный обряд... — С. 93, 95.

¹² Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. — Караганда; Лисаковск: Taimas printhouse, 2005. С. 76—77.

¹³ Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010—2011, 2014 гг.). — Челябинск: Энциклопедия, 2016. — С. 8—10. Рис. 5.

¹⁴ Бакшеев Е.С. Небесные девы, пернатые одежды. Орнитологический код в традиционной японской культуре (на примере мотива «Хагоромо») // Человек и природа в духовной культуре Востока. — М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004. — С. 445—446.

¹⁵ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Описание археологических объектов // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. — Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. — С. 68. Рис. 10—3, 4.

¹⁶ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Описание археологических объектов... — С. 68.

¹⁷ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Погребальный обряд... — С. 126. Рис. 27—7.

¹⁸ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Описание археологических объектов... — С. 61. Рис. 6—3.

¹⁹ Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаксовской округи. Погребальный обряд... — С. 127, 129.

²⁰ Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган... — С. 55–58. Рис. 3–5.

²¹ Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара: Изд-во Сам. гос. пед. ун-та, 1995. — С. 156–157, 171, 179. Рис. 2.

²² Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье... — С. 160–161, 182. Рис. 6.

²³ Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. — Кн. 1. — С. 17, 20, 23, 26–27. Рис. 7.

²⁴ Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника... — С. 27.

²⁵ Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника... — С. 41, 43, 47. Рис. 26.

²⁶ Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Новосибирск, 2009. — № 9. — С. 38–43. Рис. 7.

²⁷ Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак... — С. 34.

²⁸ Кузнецов П.Ф. Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. — Ч. 2. — С. 64–65.

²⁹ Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — № 60. — Т. 1. — С. 343, 349, 352, 411–412, 413.

³⁰ Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). — М.: Наука, 1977. — С. 60, 68.

³¹ Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. — С. 84–89.

³² Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1. — С. 110; Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. — С. 132, 135–136; Соколова З.П. Похороны у казымских хантов // Полевые исследования Института этнографии. 1977. — М.: Наука, 1979. — С. 252.

³³ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов... — С. 110; Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов... — С. 135; Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исслед. и мат-лы по вопросам первобытных религиозных верований. Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 51: Народы Севера. — С. 151.

³⁴ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов... — С. 110.

³⁵ Чернецов В.Н. Представления о душе... — С. 151.

³⁶ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. — М.: Наука, 1971. — Вып. 4–12. — С. 81.

³⁷ Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). — Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. — С. 112–113.

³⁸ Фёдорова Е.Г. Мир умерших у северных манси // Угры. Мат-лы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск: Б.и., 2003. С. 472.

³⁹ Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию док. ист. наук, профессора Л.П. Потапова. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. (Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам, Т. 1). — С. 143.

⁴⁰ Чернецов В.Н. Наскальные изображения... — С. 81.

⁴¹ Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. — М.: Ладога-100, 2003. — С. 212.

⁴² Мифология хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — С. 84.

⁴³ Напольских В.В. К реконструкции прауральской космогонии: Мать Юга (возможность воссоздания образа) // Пробл. антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. — С. 83–84.

**Barrows with annular moats
as an element of the cult practice of the population of the Bronze Age
(archaeological facts in the light
of Ob-Ugric ethnographic parallels)**

S.V. Sotnikova

Nadym

LLC «Center for archaeological research»

Annotation. In the article for interpretation of the barrows with annular moats were used the materials of Sintashta and Andronovo (Alacul) cultures. Based on analogies from Ob-Ugric ethnography, it was suggested that they were built taking into account their use in cult practice. In spring, during the melting of snow and flood, the moats were filling with water. This attracting to the moats of migratory waterfowl, with which, probably, the notions of the soul-bird and its revival were connected..

Key words. Southern Trans-Urals, Kazakhstan, Bronze Age, Sintashta culture, Alacul culture, barrow, annular moat, Ob-Ugric ethnographic parallels.

E-mail. svetlanasotnik@mail.ru

Городище Барсов Городок I/18 – многослойный памятник раннего железного века

Ю.П. Чемякин

г. Екатеринбург

Уральский государственный педагогический университет

Аннотация. В статье рассматриваются материалы раскопок на городище Барсов Городок I/18 в Сургутском Приобье. На памятнике выявлены остатки жилых и хозяйственных построек, оборонительных сооружений. Коллекция содержит керамику четырёх культурно-хронологических горизонтов, охватывающих период позднего бронзового – раннего железного веков. Дана краткая характеристика каждого культурного типа. Материалы памятника подтверждают точку зрения о целесообразности выделения предкулайского (белоярско-васюганского) этапа в раннем железном веке таёжного Приобья.

Ключевые слова. Ранний железный век, Сургутское Приобье, барсовская культура, белоярская культура, калинкинская культура, кулайская культура.

В нач. – сер. 1970-х гг. молодые сотрудники Уральской археологической экспедиции УрГУ (Свердловск) проводили масштабные спасательные работы в зоне строительства железнодорожного моста через р. Обь в урочище Барсова Гора недалеко от г. Сургута (одноименный район Ханты-Мансийского автономного округа). Одновременно в задачи экспедиции входило обследование урочища, выявление археологических памятников и рекогносцировочные раскопки укрепленных поселений с целью создания культурно-хронологической схемы древностей Сургутского Приобья. Уже в 1973 г. нам было известно 56 городищ на Барсовой горе. Важной задачей также являлась выработка методики раскопок в условиях специфичных подзолистых почв, поскольку последняя значительно отличалась от принятой в лесостепной и южнотаёжной зонах, известных нам по предыдущим работам. Это обстоятельство до сих пор не всегда осознаётся специалистами,

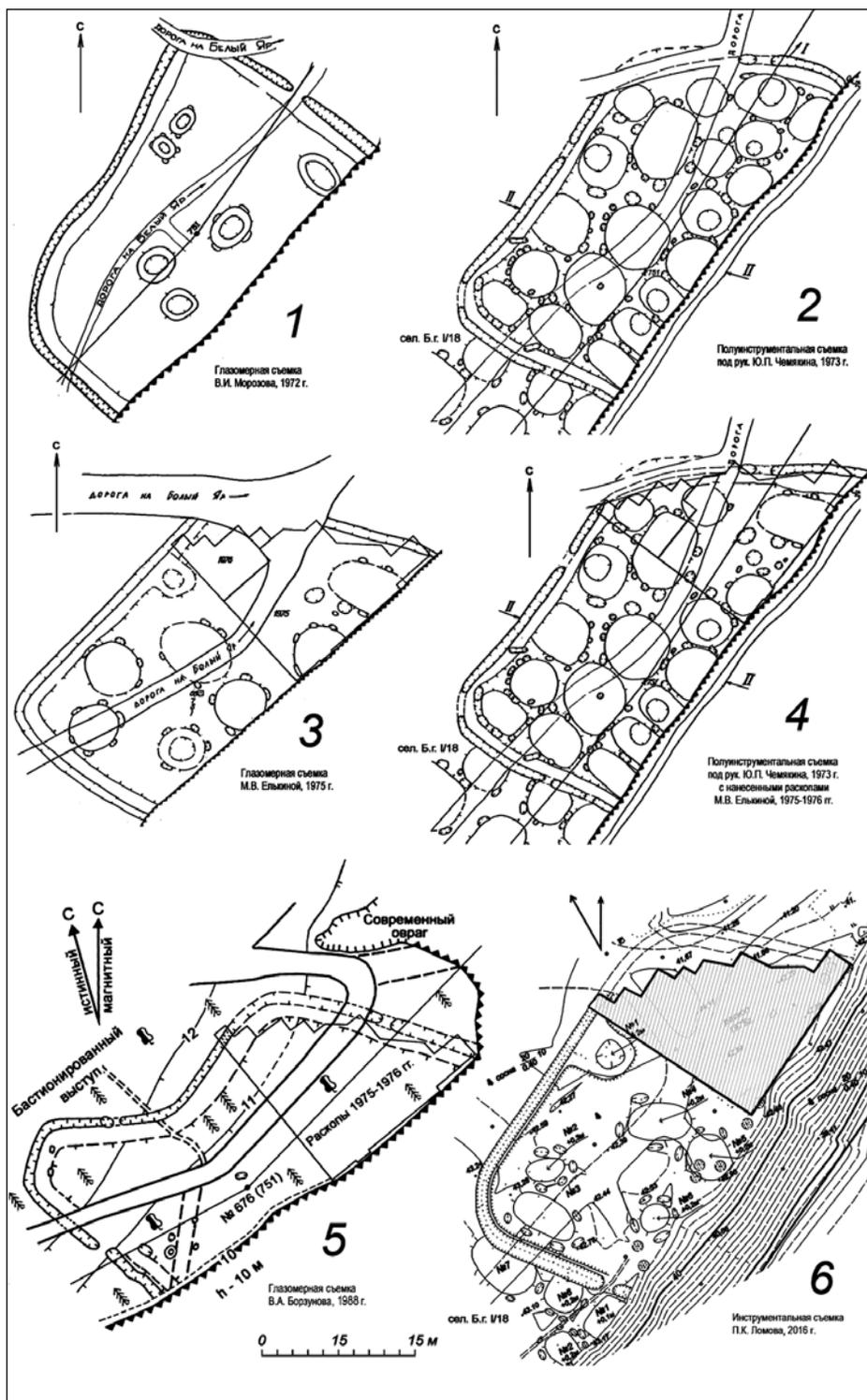
которые впервые приезжают в округ и не знакомы с исследованиями предшественников.

Материалы, накопленные в 1970—1980-х гг., во многом до сих пор не введены в научный оборот. Данной статьей мы частично ликвидируем этот пробел.

В рамках рекогносцировочных обследований городищ в восточной части урочища в 1972 г. работал В.М. Морозов, а в 1973—1974 гг. — автор. В 1975—1976 гг. частичные раскопки ряда городищ предприняла М.В. Елькина. Среди них был Барсов Городок I/18, расположенный между п. Барсово (тогда он назывался п. Мостоотряд—29) и п. Белый Яр. Его пересекают две дороги на Белый Яр¹.

Памятник находится на краю берега протоки Утоплой (правый коренной берег р. Оби), высота которого здесь достигает 14—19 м. К началу раскопок городище было частично разрушено обрывом берега и дорогой. Его площадь ок. 2950 кв. м (78×40 м). Оно имело подтрапециевидную форму и было окружено валом и внешним рвом. Ширина вала составляла 2,5—3,0 м, высота 0,3—0,4 м. Ров имел ширину 1,0—1,5 м и глубину 0,3—0,5 м. В 1973 г. были зафиксированы разрывы рва (проходы?) посередине северной, северо-западной и южной сторон, а также отмечена его незначительная глубина в западном углу (ил. 1—2). К 1988 г. северо-восточная часть памятника была разрушена, сохранился лишь выход с южной стороны (ил. 1—5). При последнем осмотре городища в 2016 г. П.К. Ломовым следы выхода были отмечены ближе к краю берега, чем его предшественниками (ил. 1—6).

Первый план, на котором был отмечен памятник (правда, без названия и нумерации), снят топогруппой С.А. Куклина и Н.Я. Павлова в 1925 г.² В 1972 г. В.М. Морозовым и А. Мазаевым была выполнена новая глазомерная топосъёмка, на площадке городища были отмечены 6 овальных впадин с валообразными окружениями (ил. 1—1)³. При полуинструментальной съёмке памятника в 1973 г. на его площадке зафиксировано до 20 наземных площадок с обваловками, окружённых внешними ямами. Часть площадок имела лёгкие углубления в центре. С юго-западной стороны рядом с городищем выявлено ещё несколько площадок, отнесённых к селищу Барсова Гора I/18 (ил. 1—2). В 1975—1976 гг. М.В. Елькина произвела раскопки восточной части городища, вскрыв ок. 770 кв. м. При этом она откорректировала план памятника, выделив на городище лишь семь площадок и одну впадину с обваловкой (ил. 1—3). От наземных построек сохранились чуть приподнятые (0,1—0,2 м) площадки, окружённые внешними яма-

ми. Углубленная постройка представляла впадину глубиной 0,2 м с валообразным окружением по периметру⁴.

В 1980—1990-х и 2001 гг. памятник осматривался мной, в 1985-м — Н.Н. Новиченковым и А.П. Зыковым. В 1988 г. В.А. Борзунов снял новый глазомерный план сохранившейся части городища, выявив при этом «бастионированный выступ» в северо-западном углу оборонительной системы городища (ил. 1—5). Подобные выступы отмечены им на кулайских городищах Барсов Городок I/4 и Селяярово VI, а также на укреплениях с неопределённой культурной принадлежностью — Соровском XXII и Товгор-Лор IV⁵. Однако новый инструментальный план, снятый в 2016 г. новосибирскими археологами (ил. 1—6)⁶, как и планы В.М. Морозова, Ю.П. Чемякина и М.В. Елькиной, показал, что никакого бастионированного выступа на городище нет. Соответственно, в выводы В.А. Борзунова относительно появления таких выступов на белоярских городищах необходимо внести коррективы. Мне известно лишь одно позднее белоярское городище с башневидным выступом — Барсов Городок I/1 (раскопки Л.Л. Косинской, 1972 г.).

Знакомство с полевой документацией, отчётом 1975 г. (отчёт 1976 г. оказался мне недоступен) и коллекциями показало, что памятник не был понят автором раскопок. К этому времени нашим университетским коллективом под руководством В.Ф. Генинга уже была разработана типология керамики эпох поздней бронзы и раннего железа Сургутского Приобья, в создании которой М.В. Елькина принимала активное участие. В керамической коллекции городища представлены четыре культурно-хронологические группы посуды. Этот факт Маргаритой Васильевной, не заметившей малочисленную кулайскую группу, был интерпретирован следующим образом: *«Встречаемость всех трёх групп керамики на одном памятнике может свидетельствовать об их хронологической близости. В целом городище по аналогии с керамикой, конструкциями жилых помещений и оборонительных укреплений датируется началом железного века (VII—V вв. до н.э.)»*⁷.

Мне же представляется, что площадка, на которой расположено городище, в пределах раскопа заселялась с перерывами четыре раза — в конце бронзового и в раннем железном веках. Характер полевой документации также заставляет критически относиться к выводам

Ил. 1. Городище Барсов Городок I/18. 1 — план 1972 г.; 2 — план 1973 г.; 3 — план 1975 г.; 4 — план 1973 г. с раскопами 1975—1976 гг.; 5 — план 1988 г.; 6 — план 2016 г.

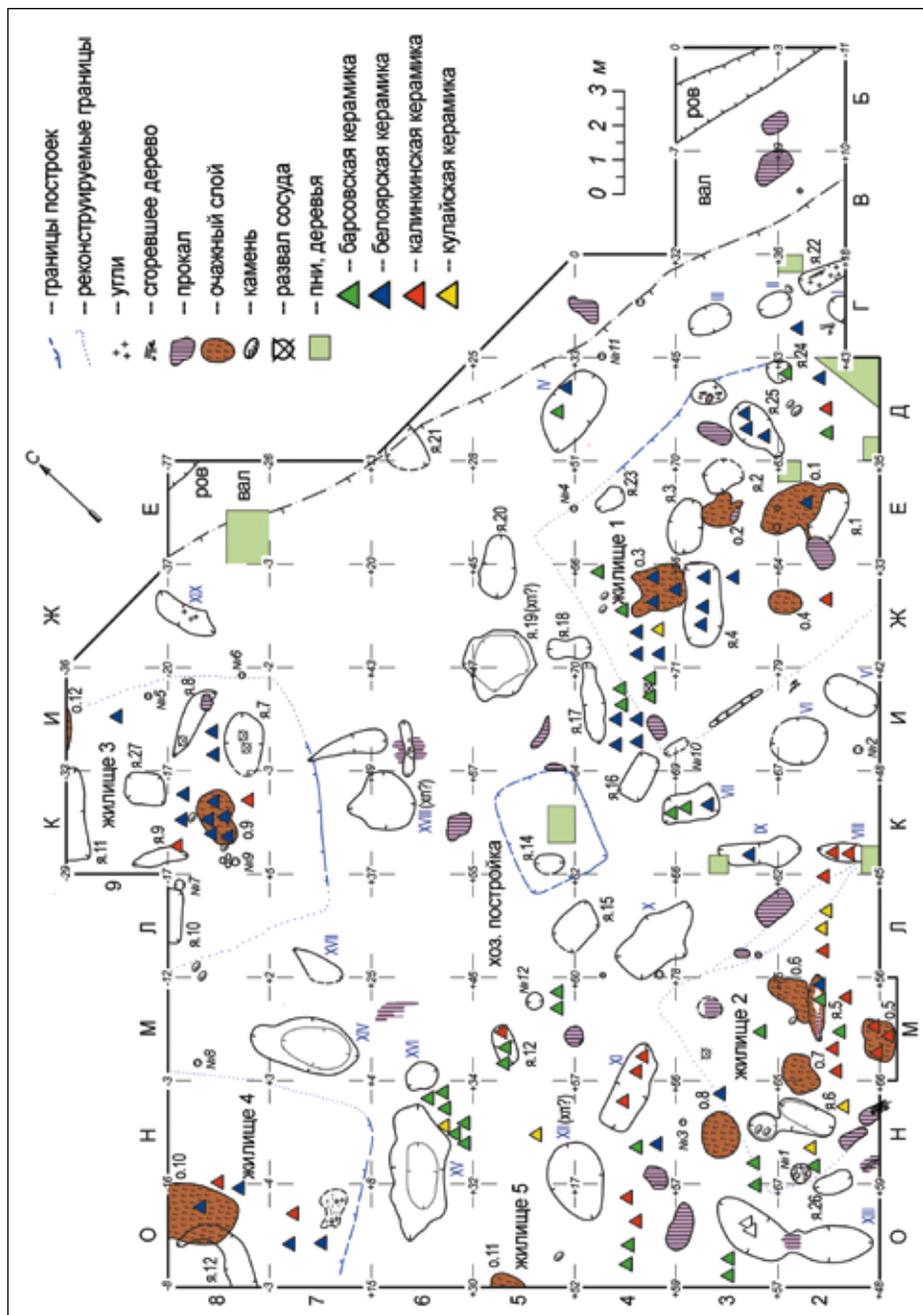

М.В. Елькиной. Однако, повторяюсь, раскопки городища велись в период выработки нами методики исследований памятников в условиях подзолистых почв средней тайги, и далеко не все особенности образования культурного слоя в регионе были понятны.

Раскоп 1975 г. площадью 695 кв. м, ориентированный по линии юго-запад — северо-восток, накрыл две наземные постройки, частично разрушенные береговым обрывом, фрагмент оборонительных укреплений, дорогу и примыкавшие к ней участки (ил. 2). Раскопки велись квадратами 3×3 м путём снятия метрических горизонтов по 5–10 см, выведения участков на один уровень и фиксацией слоев и находок в плане и профиле. С юго-восточной (условно южной) и северо-восточной (условно восточной) сторон каждого участка оставлялись бровки шириной 0,25 м, которые разбирались после снятия профилей. Нивелировка поверхности выполнена через 3 м. За условный 0 был принят северный угол уч. Б/3, примерно соответствовавший среднему уровню современной дневной поверхности за пределами городища с северо-восточной стороны. Соответственно, на большей части раскопа положительные отметки уровня поверхности достигали 0,5 м и более, и только у его северо-западной границы, удалённой от берега, они приобретали отрицательные значения. Перепад высот между северной и южной сторонами раскопа составил 0,8 м, между западной и восточной — 0,5–0,6 м. Абсолютная глубина ям определялась от уровня древней поверхности (пола сооружений). М.В. Елькиной была принята арабская нумерация внешних ям, и римская — остальных, в том числе ям внутри построек. Эта нумерация (только обратная, с обозначением римскими цифрами внешних ям) сохранена мной, хотя в ряде случаев дана иная интерпретация ям.

Стратиграфия в раскопе:

1. Накид — светло-коричневый плотный песок. Мощность 5–25 см. Зафиксирован на поверхности памятника в юго-западной части раскопа.
2. Лесная подстилка и лежавший под ней слой подзола (белого выщелоченного песка) общей мощностью 5–25 см. Зафиксирован на всей площади раскопа, кроме участка, разрушенного дорогой.
3. Культурный слой — супесь различных оттенков от серого до коричневого. Заполняла постройки и некоторые ямы.
4. Жёлтый переотложенный песок из валообразного окружения жилищ и из насыпи вала. Мощность 5–35 см.
5. Погребённая почва (погребённый подзол) — серовато-белый выщелоченный песок с включениями угольков. Мощность 8–15 см.
6. Прокалы — песок красного цвета разных оттенков. Мощность 5–15 см.

Ил. 2. Городище Барсов Городок 1/18. План раскопа 1975 г.

7. Очажный слой — бурая рыхлая гумусированная супесь с включениями угольков и пережжённых косточек.

8. Углистые прослойки.

9. Коричневый плотный песок с ржавыми затеками — ортзанд. Встречался на дне некоторых ям.

10. Материк — песок различного цвета, от жёлтого до тёмно-красного.

В ходе раскопок на памятнике были исследованы остатки минимум пяти наземных жилищ и частично — линия обороны. Ров, подпрямоугольный в сечении, был раскопан на длину чуть более 3 м (уч. Б/2—3, глуб. — 25—35 см). Он имел ширину 1,1—1,2 м, глубину 0,6—0,8 м от древней поверхности и был заполнен белым подзолом, жёлтым песком и, местами, серой супесью на дне (ил. 2). Прослойки серой супеси наблюдались и в подзоле. В заполнении рва ничего не найдено. Развал вала достигал в ширину 3 м. Насыпь сложена из жёлтого песка, аналогичного материковому, с редкими включениями прослоек подзола. Высота насыпи 0,05—0,30 м. В пределах раскопа оборонительные сооружения были ориентированы по линии запад — восток. Под валом на уровне погребённого подзола и чуть выше зафиксированы пятна прокалённого ярко-красного песка с угольками мощностью 0,05—0,12 м. В насыпи вала и в слое погребённого подзола под ним находок не обнаружено. На уч. Д/6 выявлена неправильно-округлая яма 21 диаметром ок. 1,0 м, частично перекрытая валом. Глубина её 0,4 м. Заполнение: возле стенок — белый подзол, в центре — красный песок, аналогичный материковому. Без находок⁸.

При анализе полевых чертежей приходит мысль, что в действительности глубина рва могла быть и больше, поскольку подзол зачастую не отражает истинных размеров руинированных объектов, и это обстоятельство нередко не понимается до сих пор. В природных и антропогенных понижениях он образует мощные клинья естественного происхождения, которые иногда прорезают культурный слой, но не доходят до их дна. В первые годы работ мы воспринимали подзол за заполнение ям, котлованов и иных углублений, отражающее их реальные контуры (некоторые исследователи совершают эту ошибку до сих пор).

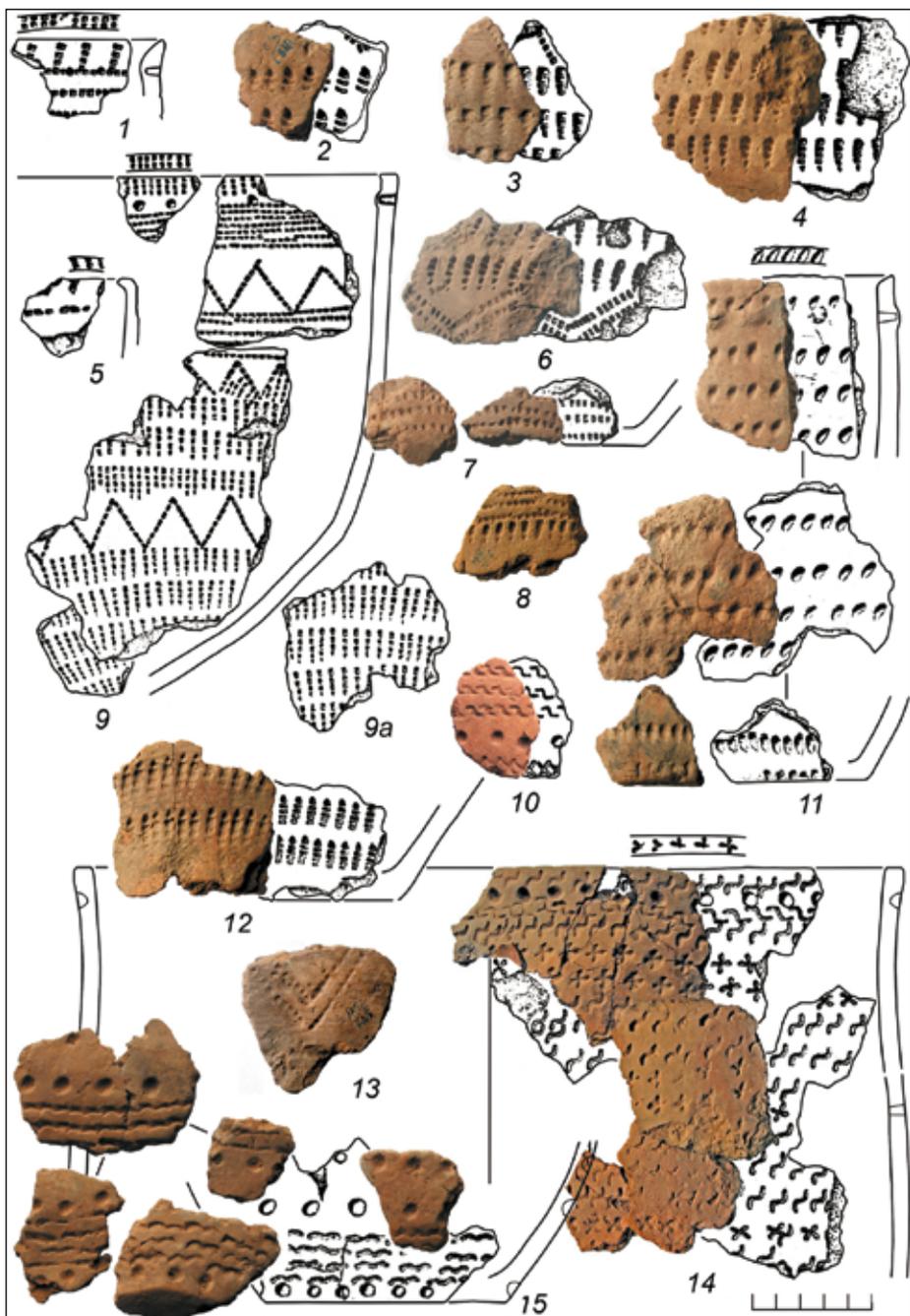
Остатки жилища 1 на поверхности представляли приподнятую с восточной стороны на 0,2 м площадку. С западной стороны она сливалась с окружающей поверхностью. С северной, южной и юго-западной сторон её окружали 5 внешних ям, два небольших углубления отмечены в центре площадки. Юго-восточная часть была уничтожена обрывом

берега. Раскопками зафиксированы остатки наземной постройки, ориентированной длинными сторонами параллельно валу городища, по линии запад — восток (уч. Г—К/2—5). Вдоль южной стены сохранились полоса сажи, остатки сторевшей древесины и, возможно, хозяйственная яма. М.В. Елькина упоминает ещё ямку № 10 от столба, но, на мой взгляд, это всего лишь клин подзола, оставшийся от корня. С внешней стороны этой линии выявлены ямы V—VII размерами от 1,7×0,9 до 1,7×1,3 м и глубиной 0,4—0,7 м. Северная стена, параллельная южной, ограничена внешними ямами I—IV размерами от 0,95×0,70 до 2,25×1,35 м и глубиной 0,3—1,1 м. С западной стороны внешними, вероятно, были ямы 16—18 и 20. Размер сохранившейся части подпрямоугольной постройки в этом случае — ок. 10,0×7,0 м. М.В. Елькина выявила в ней четыре очага в виде линз рыхлой бурой гумусированной супеси с включениями углей, пережжённых костей и, иногда, мелких фрагментов керамики. Они были расположены по длинной оси жилища, причём три из них зафиксированы на глубине +45 см, а один — на уровне +60 см, сразу под лесной подстилкой⁹. Последний (№ 4, уч. Ж/2—3), на наш взгляд, не связан с жилищем и возник позже. Он имел овальную форму, размеры 1,0×0,7 м, мощность 8—10 см и подстилался прокалом мощностью до 7 см.

Очаг 1 (уч. Е/2, глуб. +45+40 см) имел очертания, близкие параллелограмму, размеры 2,0×1,1 м. Мощность слоя бурой супеси достигала 10—12 см, ярко-красного прокала под ним — 5—7 см. С южной стороны к очагу примыкала овальная в плане яма 1 размерами 1,9×1,1 м, глубиной 0,85 м от уровня фиксации. В профиле у неё пологие стенки и уплощенное дно. Заполнение — тёмно-серый и белый выщелоченный песок (подзол), с северной и восточной сторон — заплывы очажного слоя и прокалённого песка, с юго-западной — прокал, у дна коричневый сцементированный песок (ортзанд). Из ямы происходят несколько фрагментов керамики белоярского типа и расколотые закопчённые гальки. В 1 м севернее на глубине +50 см зафиксирована яма 25 (уч. Е/2—3) в виде овального пятна подзола размерами 1,05×0,65 м. На глубине +30 см её размер составил 1,9×1,0 м, глубина 0,43 м. В заполнении отмечены лесная подстилка и белый подзол. Поэтому я не исключаю, что размер ямы был больше зафиксированного. Чуть западнее ямы отмечен небольшой прокал с углями.

Очаг 2 (уч. Е/3, глуб. +45 см) имел неправильно-овальную форму, размеры 1,1×0,9 м. Мощность очажного слоя 10 см, прокала под ним 7 см. С северо-западной и северо-восточной сторон к нему примыкали

Ил. 3. Городище Барсов Городок I/18. Керамика барсовской культуры

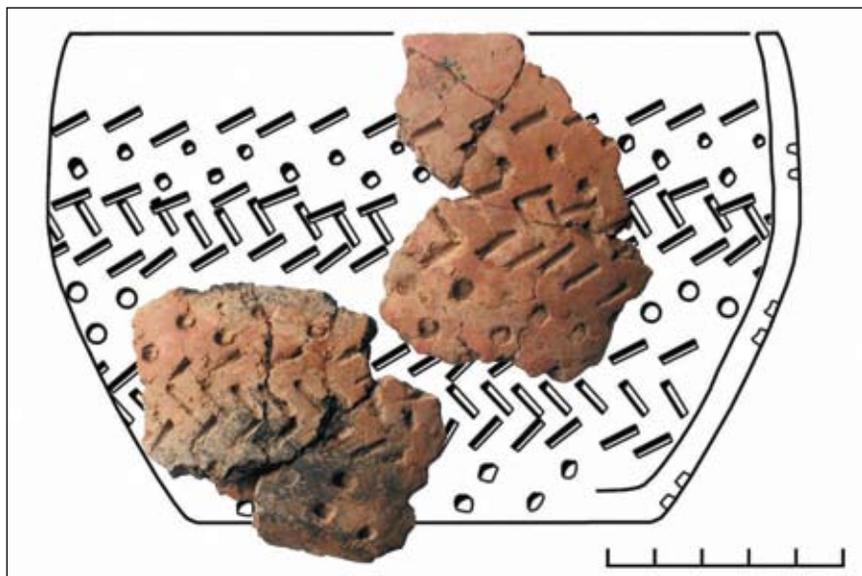
ямы 2 и 3. Яма 2 (уч. Е/3, глуб. +35 см) овальная в плане, размерами 1,2×1,0 м, глубиной 0,25 м. В разрезе параболоидная, заполнена серо-жёлтым песком и (в придонной части) серой супесью. Находок в ней не было. Возможно, она более ранняя, нежели жилище. В пользу этого говорит то, что она зафиксирована на 10 см ниже, чем очаги и другие ямы в жилище. Я допускаю, что даже сам очаг остался от более ранней постройки. Яма 3 (уч. Е/3—4, глуб. +45 см) была хорошо заметна на поверхности. В плане она овальная, размеры 1,5×1,0 м, глубина 0,5 м. Стенки пологие, дно горизонтальное, ровное. Сверху она заполнена белым выщелоченным песком, ниже — жёлтым песком, у дна — серовато-коричневой супесью. В заполнении найдены обломки глиняной белоярской посуды (ил. 6—9).

Очаг 3 (уч. Ж/3—4, глуб. +45 см) подчетырёхугольной формы размерами 1,7×0,8 м. Под очажным слоем мощностью 10—12 см залегал прокалённый песок мощностью 8—10 см. В очаге найдены скопление мелких неорнаментированных фрагментов керамики, а также крупные обломки белоярских сосудов. С юга к очажному пятну примыкала овальная в плане яма 4 (уч. Ж/3, глуб. +45 см) размерами 2,45×1,05 м, глубиной 0,75 м от уровня первой фиксации. Стенки её пологие, дно ровное, горизонтальное. Углубление заполнено сверху белым выщелоченным песком, ниже — жёлтым песком, возле стенок и в придонной части — серой супесью с угольками. В яме найдены обломки белоярской (ил. 5—6) и кулайской керамики, галька. Здесь стоит заметить, что сосуд, отнесённый к кулайской культуре на основании профилировки и, визуальнo, технологии обработки (ил. 12 — б), может оказаться и белоярским.

Внешние ямы по периметру жилища были овальной и подчетырёхугольной формы, размерами от 0,95×0,70 до 2,25×1,35 м и глубиной от 0,4 до 1,1 м. Они возникли в результате присыпки стен снаружи песком. Их заполнение — белый подзол и жёлтый песок, на дне ряда ям (III, IV, VI, VII) — слой серой супеси. Ямы I—IV вдоль северной стены жилища выявлены на уровне +15 см. Отмеченные по пятнам подзола, в действительности они могли иметь бóльшие размеры и глубину. Ямы V и VI на уч. И/2 с южной стороны жилища зафиксированы на глубине +45 см, яма VII — на глубине +20 см. В заполнении двух ям (IV и VII) найдены обломки керамики барсовской и белоярской культур.

Западная граница жилища, по мнению М.В. Елькиной (у нее — северная), «предположительно может определяться ямами 17—20»¹⁰.

Возможно, к ним следует добавить яму 16. Часть из них, действительно, могла ограничивать постройку с внешней стороны. Три ямы — 16—18 — выявлены на глубине +35 см. Яма 16 в юго-западном углу жилища (уч. И—К/4) в плане подпрямоугольная, размерами 1,3×0,75 м, глубиной 0,55 м от древней поверхности. В разрезе подтреугольная, заполненная сверху по центру — белым подзолом, у стенок — серовато-белым погребённым подзолом, в середине — жёлтым песком. Дно её подстилал коричневый плотно сцементированный песок с затёками (ортзандом). Находок в ней не было. Яма 17 (уч. И/4) имела вид канавки с неровными стенками длиной 2,5 м, шириной 0,65 м. В разрезе треугольная, глубиной 0,27 м. Канавка заполнена у стенок белым погребённым подзолом, посередине — серо-жёлтым пестроцветом. Находок в ней не обнаружено. Яма 20 (уч. Е—Ж/5) была зафиксирована на уровне +15 см, что связано с некоторым понижением поверхности к северу. В плане она овальная, размерами 180×90 см. В профиле подпрямоугольная, глубиной 45—55 см от древней (погребённой) поверхности. На дне её залегал светло-серый выщелоченный песок (подзол), перекрытый серо-жёлтым песком и современным подзолом. Что касается ямы 18 (уч. Ж/4—5), то, судя по стратиграфии, она может быть более ранней, чем жилище 1. Яма в плане овальная, размерами 1,25×1,00 м, глубиной 0,5 м.

Ил. 4. Городище Барсов Городок I/18. Сосуд барсовской культуры

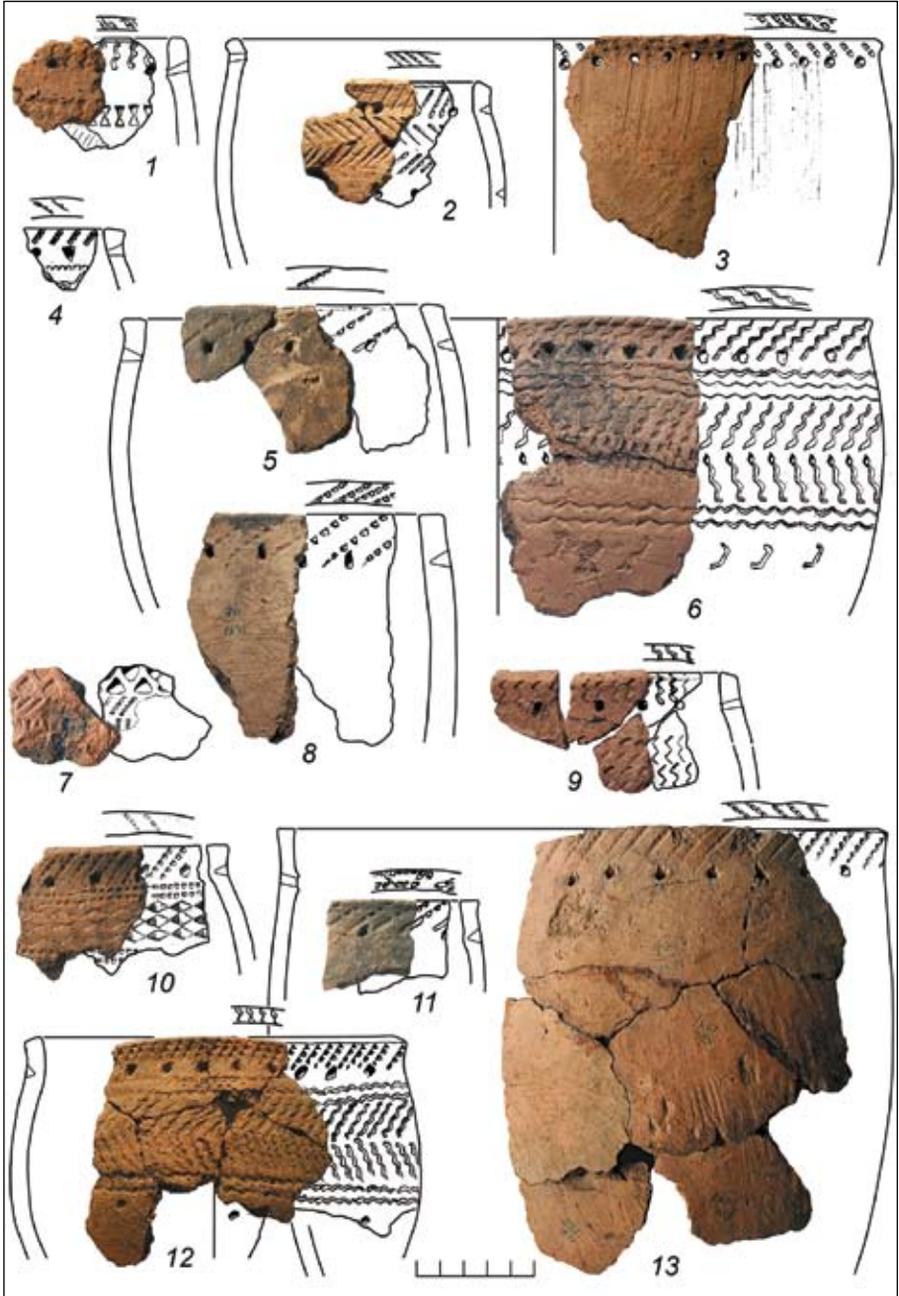

В профиле параболическая, заполнена сверху жёлтым песком, перекрывшим прослойку белого погребённого подзола, в нижней части — серой супесью с углём и прокалом. В заполнении найдены обломки керамики. К сожалению, мы их не могли отождествить.

Яма 19 (уч. Ж—И/5) напротив западной стены жилища 1 наблюдалась на уровне +25 см и была чуть западнее оси, на которой находились другие ямы. Она могла представлять собой лёгкую хозяйственную пристройку к жилищу. Яма была хорошо заметна на поверхности в виде округлого углубления диаметром 2,0 м, глубиной 0,4 м, с крутыми стенками. В плане имела форму пятиугольника средним диаметром 2,0 м, глубину 0,6—0,7 м от уровня древней поверхности. По периметру была окаймлена тонкой полосой погребённого подзола. Стенки её слегка пологие, дно ровное, с наклоном к центру. Яма (постройка?) заполнена вдоль стенок и на дне серой супесью, посередине — серо-жёлтым пестроцветом, сверху — белым подзолом, перекрытым тёмно-серой прослойкой лесной подстилки с включениями угольков.

Анализ полевых материалов и коллекции показывает, что жилище 1 с белоярской керамикой было возведено на месте, где раньше была какая-то постройка барсовской культуры эпохи поздней бронзы. Об этом свидетельствуют находки барсовской керамики преимущественно глубже белоярской. Найдены они и в объектах, зафиксированных ниже, чем белоярские, — в яме 24 (уч. Д/2—3, глуб. +35 см) и внешней яме VII (уч. К/3—4, глуб. +20 см). Были они и в яме IV (уч. Д/4—5). В двух последних, кроме них, присутствовали обломки белоярских сосудов, но в яму VII они могли попасть сверху, в то время как яма IV либо использовалась дважды, либо барсовский фрагмент случайно попал в неё, возможно, при сооружении белоярского жилища. С барсовской постройкой могли быть связаны и очаг 2, и яма 2 (уч. Е/3).

Между жилищами 1 и 2 на поверхности наблюдалось овальное углубление размерами ок. 3,5×2,5 м, глубиной 0,2 м. Раскопками установлено, что оно осталось от слегка углубленной хозяйственной постройки подпрямоугольной формы, размерами 3,2×2,5 м, глубиной до 0,4—0,5 м от уровня погребённой почвы. Первые её очертания зафиксированы на глубине +35 см (уч. К—Л/4—5). Заполнение котлована — жёлтый, вдоль стен серовато-жёлтый песок. В центре постройки пол не выражен, а заполнявший его жёлтый песок практически не отличался от материкового. В юго-западном углу постройку пререзала яма 14 овальной формы, размерами 0,87×0,60 м, глубиной 0,4 м от уровня погребённой почвы. Слой внутри неё представлял собой подзол, с вос-

Ил. 5. Городище Барсов Городок I/18. Жилище 1. Керамика белоярской культуры

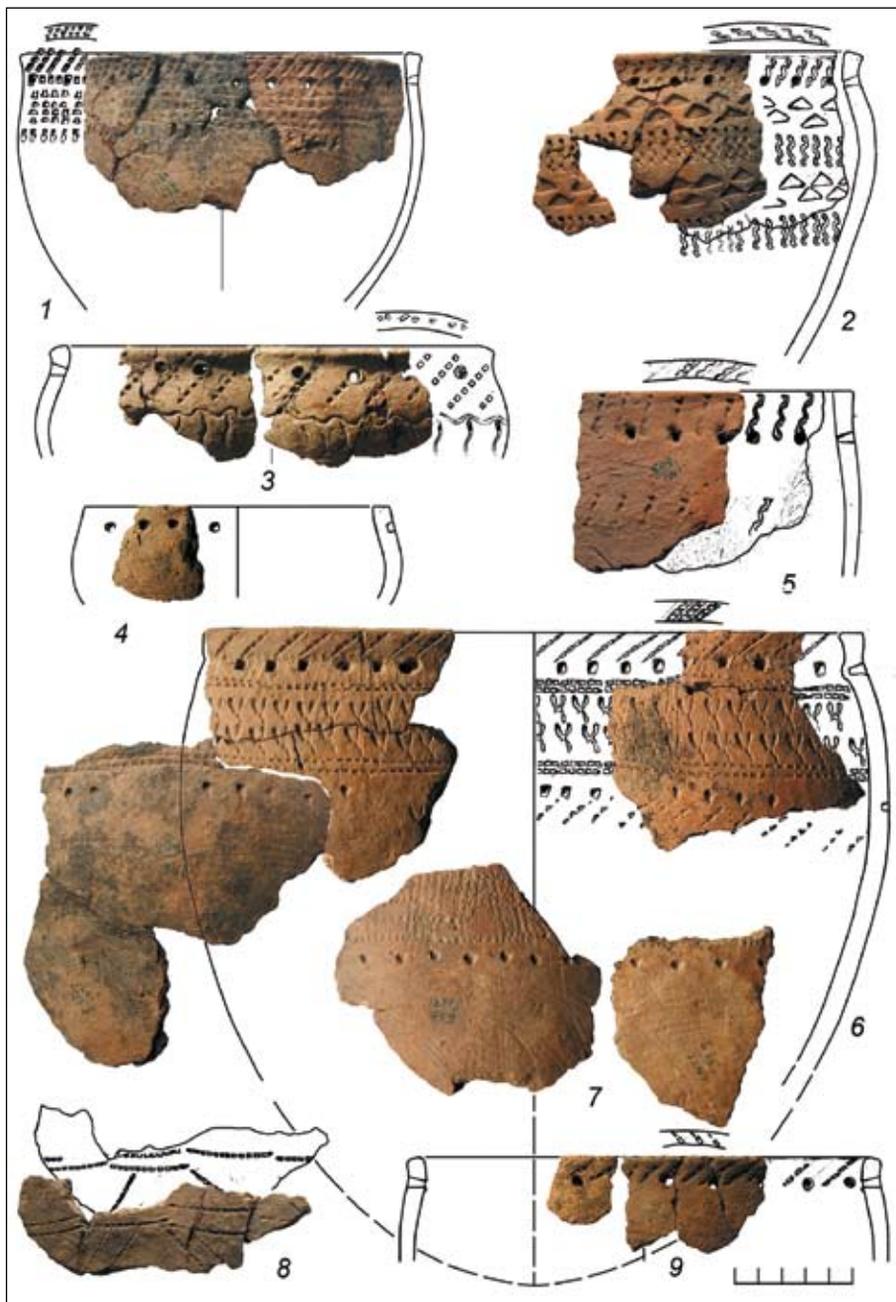

точной стороны в яму сползала погребённая лесная подстилка чёрного цвета. На «западном» профиле уч. К/5 в отчёте М.В. Елькиной над погребённым слоем отмечен прокал¹¹, но на плане он отсутствует. Находок ни в ней, ни в самой постройке не обнаружено. Последнюю окружал погребённый подзол. Поскольку хозпостройку частично нарушила яма 14, а сама хозпостройка, очевидно, одновременна яме 16, можно сделать вывод, что это строение относится к белоярскому периоду городища. Объекты, подобные ему, известны и на других белоярских памятниках.

М.В. Елькина пишет, что *«вокруг сооружения зафиксировано три ямы и несколько небольших прокалов»*¹². Однако, кроме ямы 15 (уч. К/4—5), выявленной на глуб. +35 см в 0,8 м южнее постройки, других ям рядом с ней не отмечено. Анализ «северного» профиля уч. Л/4 показывает, что эта яма возникла позже постройки. Она имела подовальную форму, размеры 1,4×1,0 м, глубину 0,35—0,4 м от древней поверхности и была заполнена светло-серой супесью с оподзоленными прослойками. Стенки и дно её неровные. Ямы 16 и 17, по описанию Елькиной же, относятся к жилищу 1.

Белоярская керамика найдена и в жилище 3, находившемся примерно в 6 м к западу от жилища 1, на более низком участке памятника. В отчёте М.В. Елькиной отмечено, что на поверхности оно не фиксировалось, и в 1975 г. было вскрыто частично (уч. Ж—Л/6—9). В то же время на плане 1973 г. на этом месте отмечена приподнятая площадка (ил. 1—2). По мнению М.В. Елькиной, восточная и южная границы жилища маркировались внешними ямами XVII—XIX¹³. На полу жилища сохранились участки погребённой почвы, что может говорить о каком-то покрытии его. На уч. К/7 выявлено западение, заполненное серой супесью, его границы на других участках терялись (возможно, это фрагмент юго-восточной стены). В 3 м северо-западнее него расчищены остатки очага 9 в виде линзы бурой гумусированной супеси с включениями углей и пережжённых косточек, размерами 1,6×1,06 м (уч. К/8, глуб. —35 см). Её мощность — 13 см, прокала под ней — 6 см. С северной стороны к очажному слою примыкал погребённый подзол, свидетельствующий о наземном характере конструкции. Рядом с очагом лежали два камня, выявлены ямка от столба (?) и пятна сажи, в которых найдены капельки бронзы. В очажном слое обнаружены обломки белоярской керамики (ил. 7—1, 5), расколотые и обожженные гальки.

Восточнее очага 9 находилась овальная яма 7 (уч. И/8, глуб. —15 см) размерами 1,80×1,10×0,45 м, параболоидная в профиле, заполненная

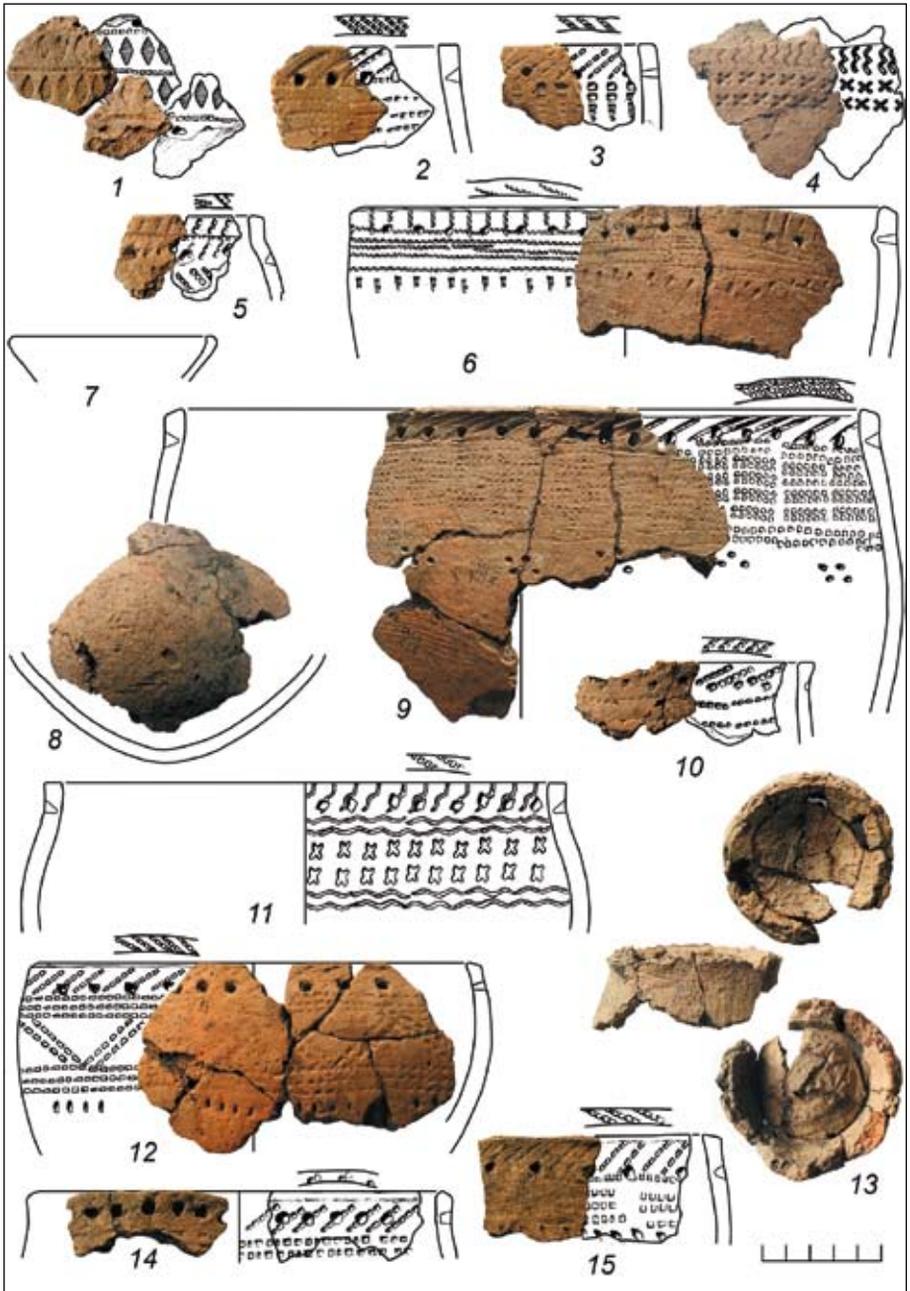
Ил. 6. Городище Барсов Городок I/18. Жилища 1 (2–9) и 3 (1). Керамика белоярской культуры

серо-жёлтым песком, а у стенок и на дне — серой супесью с тонкой углистой прослойкой. В ней найдены развалы двух сосудов (ил. 7—6, 9). Рядом, чуть северо-западнее, выявлено углубление 8 (уч. И/8, глуб. — 15—20 см) вытянутой формы, размерами 2,25×0,60 м, треугольное в сечении, глубиной 0,15 м. Его заполнение — серо-жёлтый песок, с восточной стороны — прокалённый, с углем. В нём обнаружен развал ещё одного сосуда (ил. 6—1). Фрагменты этого же горшка, предположительно, найдены и в жилище 1. В 0,8 м северо-западнее очага и в 0,5 м западнее углубления 8 на полевом плане М.В. Елькиной зафиксировано овальное, близкое к прямоугольному, светло-жёлтое углубление размерами ок. 1,5×1,0 м¹⁴, характеристика которого отсутствует в отчёте. Углублению присвоен номер 27. На его дне наблюдались угольки. Западнее очага отмечено углубление 9 (уч. К/8—9, глуб. — 35 см) размерами 1,60×0,50×0,15 м с вертикальными стенками и ровным дном, заполненное серо-жёлтым пестроцветом и (на дне) погребённым подзолом. В его заполнении сверху лежал камень. В 1 м юго-западнее углубления обнаружена яма 10 (уч. Л/8, глуб. — 50 см), вошедшая в раскоп лишь частично, на ширину 0,45 м. Длина её 1,6 м, глубина 0,5 м. У ямы наклонные стенки и ровное, горизонтальное дно. Заполнение — серо-жёлтый пестроцвет, вдоль стенок и на дне — серая супесь.

Еще одна яма — № 11 — выявлена у северо-западного края раскопа на уч. К/9 (глуб. — 70 см), рядом с очагом 12. Вскрытая часть имела подпрямоугольную форму, размеры 2,65×0,70×0,30 м. Яма была заполнена жёлтым песком с клином подзола в верхней части и серо-жёлтым пестроцветом у дна. Очаг 12 раскопан также частично, его фрагмент длиной 1,2 м и шириной 0,1 м зафиксирован у самого края раскопа (уч. И/9, глуб. — 40 см). Мощность слоя бурой супеси до 8 см, под ней отмечен прокол. Не исключено, что очаг 12 (а возможно, и ямы 9, 11) датируется иным временем, чем жилище 3. Керамика, найденная в заполнении этой постройки, включая очаг 9 и ямы 7 и 8, относится к белоярской культуре. Но на уч. К/8, в т. ч. и в яме 9, найдены обломки двух сосудов калинкинской культуры (ил. 11—4). Калинкинская керамика найдена и в раскопе 2, примыкавшем к раскопу 1 с северо-западной стороны. Достаточно вероятно, что на этом участке памятника с каким-то перерывом были построены сначала белоярское, а затем калинкинское жилища. Однако микростратиграфия в полевой документации не отражена.

В предполагаемых границах жилища 3 М.В. Елькиной отмечены четыре ямки от столбов (№ 5—7, 9). Три из них зафиксированы на

Ил. 7. Городище Барсов Городок I/18. Жилища 3 (1–10, 13) и 4 (11–12, 14–15). Керамика белоярской культуры

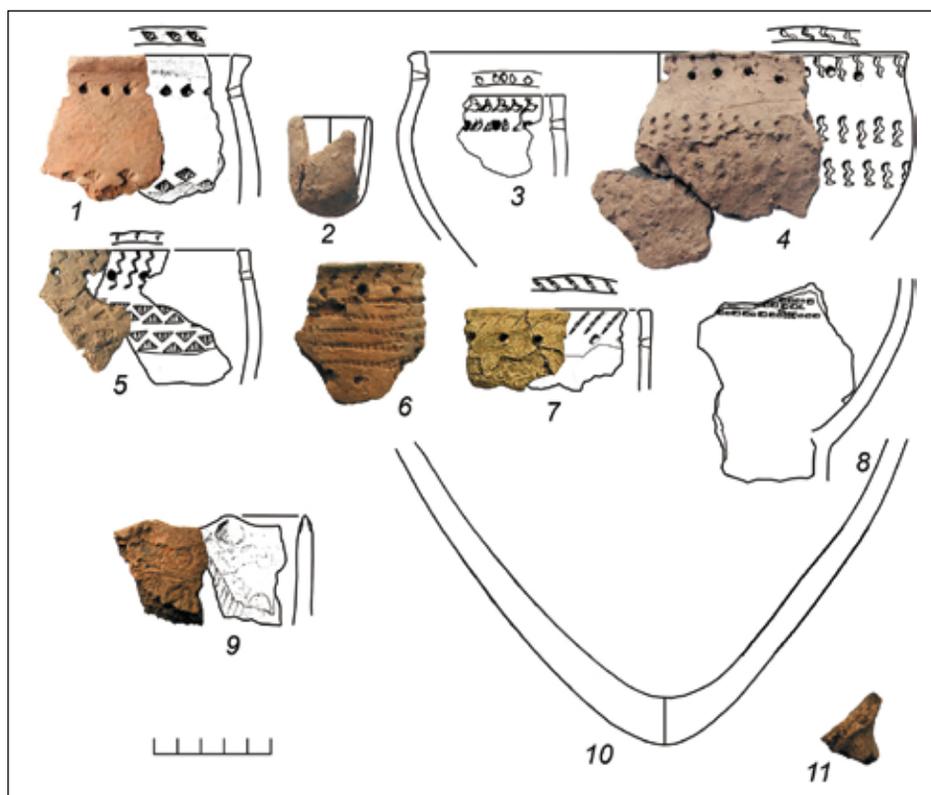
уровне —35 см, одна (№ 6) на уровне —15 см. В разрезе все они параболоидные, три заполнены белым подзолом, а ямка № 9 — прокалённым песком с углем. Возможно, последняя как-то связана с жилищем, в то время как остальные могли остаться от корней деревьев.

К жилищу 3 были отнесены три внешние ямы. Яма XVII (уч. Л—М/7, глуб. 0 см) подтреугольной формы, размерами 1,65×0,72 м, в профиле также треугольная, глубиной 0,5 м, заполнена белым подзолом. Яма XVIII (уч. К/6—7, глуб. +20 см) округлой с небольшим выступом формы, диаметром 1,8 м, глубиной 0,25 м. В разрезе трапециевидная с ровным уплощенным дном, заполнена серо-жёлтым пестроцветом с включениями углей. Судя по профилю, яма могла остаться от какой-то небольшой хозяйственной постройки, форма которой, в силу близости по цвету и структуре её заполнения и материка, не установлена. Рядом с ямой, но на 20 см выше, зафиксированы две канавки. Канавка на уч. И/6 размерами 1,6×0,3 м, глубиной 0,3 м, трапециевидная в профиле, была заполнена белым выщелоченным песком с углями и прокалом возле стенок. Канавка на уч. И/6—7 каплевидной формы, длиной 2,30 м, наибольшей шириной 0,65 м, глубиной 0,40 м, также трапециевидная в профиле. Была заполнена белым выщелоченным песком и серой супесью с углем на дне. Обе канавы, судя по стратиграфии, были более поздними, причём вторая могла остаться от выворотня дерева. Яма XIX (уч. Ж/8—9, глуб. —50 см) овальной формы, размерами 2,0×0,7 м, глубиной 0,3 м. В разрезе полого — параболоидная, заполнена белым подзолом и серой супесью в придонной части. В отчете указан ещё красный прокаленный песок с углем, но на чертежах этот слой отсутствует. Фиксация ямы на низком уровне связана с понижением рельефа поверхности в этом месте.

Жилище 4 также на поверхности не наблюдалось, поскольку данный участок берега был разрушен дорогой. Но на плане 1973 г. здесь отмечена крупная наземная площадка (ил. 1—2, 4). Интересно, что на одном из полевых планов 1975 г. здесь также была отмечена площадка, позже не включённая в чистовой чертеж¹⁵. М.В. Елькиной раскопана часть наземной постройки, окружённой внешними ямами (уч. М—О/6—8). В ней обнаружены остатки очага 10 (уч. О/8, глуб. —15 см) в виде линзы рыхлой бурой супеси с пережжёнными костями и углями мощностью 10—20 см; её подстилал прокал мощностью 5—18 см. Северо-западная часть очага оказалась за пределами раскопа, размер вскрытой части 2,0×1,6 м. Из очага происходят обломки керамики, тиглей, три камня. Рядом с очажным слоем, частично заходя под него, наблюдалась изо-

гнутая канавка длиной в пределах раскопа ок. 3 м, шириной до 0,7 м, глубиной 0,25 м, заполненная серо-жёлтым песком и очажным слоем. В заполнении найдены обломки керамики белоярской культуры. На уч. Н—О/7, возможно, зафиксирован фрагмент юго-восточной стены в виде слабого западения (до 5 см) серо-жёлтого песка, границы которого дальше терялись. В 0,3 м к северо-западу от него отмечено аморфное пятно жёлтого песка с включениями угольков.

С жилищем 4 М.В. Елькина связала три внешние ямы. Яма XIV (уч. М/7—8, глуб. —20 см) в плане близка грушевидной. Длина её 3,15 м, наибольшая ширина 1,50 м. Стенки пологие (в поперечном профиле крутые), неровные, дно наклонное, наибольшая глубина 0,98 м. Яма заполнена жёлтым песком и (вдоль стенок) серой супесью, на дне прослойка тёмно-коричневой рыхлой супеси мощностью до 10—12 см; в центре ямы крупный клин белого подзола. Яма XV (уч. Н—О/6,

Ил. 8. Городище Барсов Городок I/18. Жилище 4 (8) и раскоп 1 (1—7, 9—11). Керамика белоярской культуры

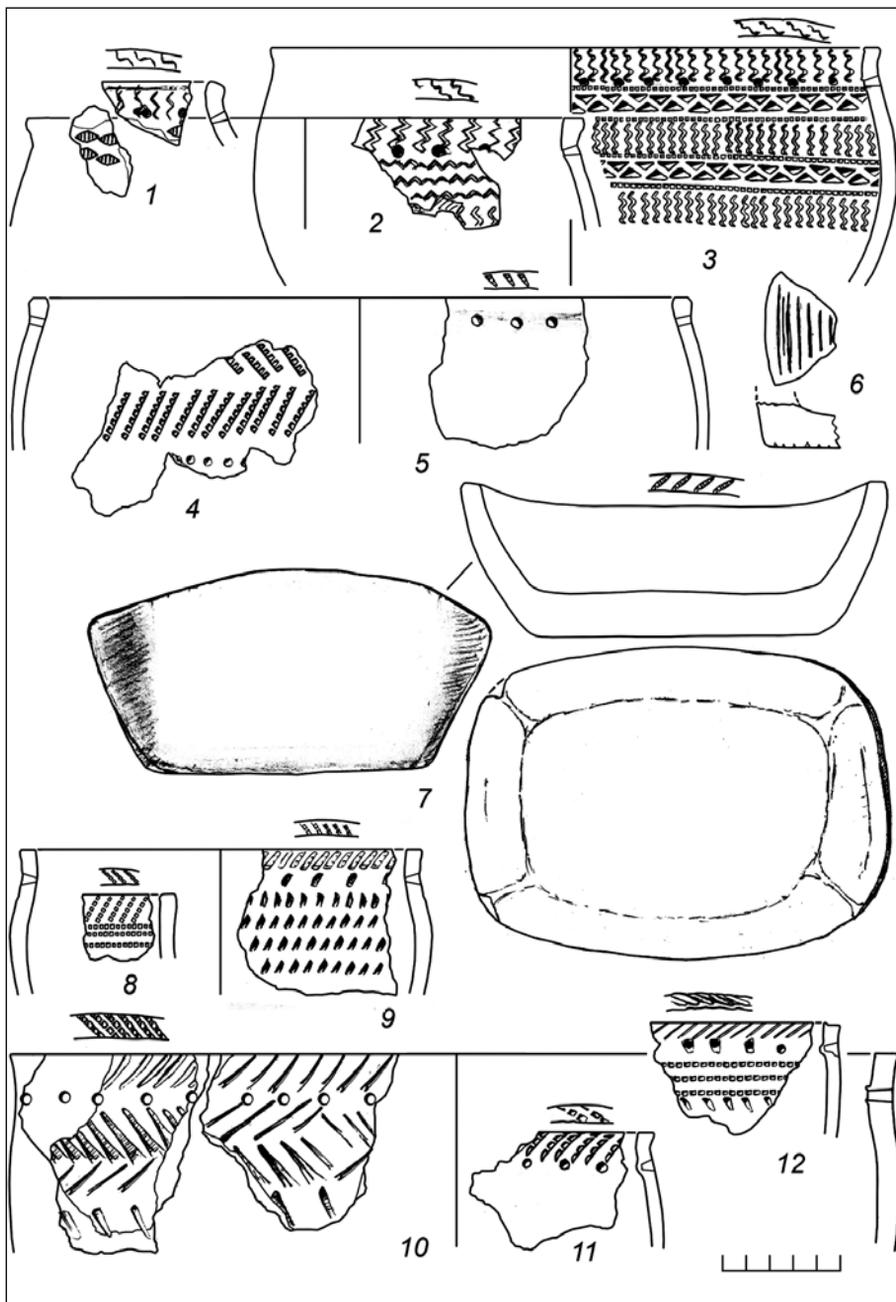

глуб. 0 см) имела форму неправильного вытянутого пятиугольника длиной 4,00 м, шириной 1,50 м, глубиной 0,93 м. Стенки пологие, дно параболоидное. Заполнена белым выщелоченным песком (подзолом) с углем, в придонной части — жёлтым песком с прослойками серой супеси. В яме найдены обломки белоярской керамики, тиглей. Яма XVI (уч. М—Н/6, глуб. —15 см) округлой формы, диаметром 0,9 м, глубиной 0,3 м. Заполнена белым подзолом, в придонной части — жёлтым песком с прослойкой серой супеси. Она находилась рядом с ямой XV, но зафиксирована на 15 см ниже. Учитывая, что на уровне —15—20 см отмечены ямы XIV, XVI и очаг 10, можно предположить, что они относятся к жилищу 4, а внешняя яма XV связана с другой постройкой. В этом углу раскопа, вокруг очага 10, кроме белоярской, найдена керамика калинкинской культуры. С другой стороны, надо иметь в виду, что яма XV находилась на приподнятом участке поверхности.

В 1976 г. М.В. Елькиной были продолжены исследования жилищ 3 и 4 (последнее — частично), но местонахождение полевой документации и отчёта об этих работах мне не известно.

Других объектов, которые можно однозначно связать с белоярским укрепленным посёлком, в пределах раскопа 1975 г. нет. Таким образом, на городище раскопаны три белоярских жилища, из которых лишь одно вскрыто почти полностью. Это были наземные постройки, скорее, прямоугольной формы. Размер одной из них чуть превышал 10×7 м, другие, видимо, были близки ей и по конструкции, и размерами. Во всех сооружениях на полу в разной степени сохранился погребённый подзол, главным образом вдоль стен, под обваловками. Внутри построек были 1—2 очага, располагавшихся вдоль их длинной оси, и ямы разного назначения (анализ доступной документации показал, что при наличии в жилищах более двух очагов, часть из них, вероятнее, датируется другим временем). Ям от столбов практически нет, или же они не позволяют реконструировать конструкцию, с которой связаны. Снаружи стены жилищ утеплялись песчаной присыпкой, в результате чего образовались внешние ямы и обваловки (валообразные окружения построек). Тот факт, что последние иногда достигали почти середины жилищ, перекрывая подзол, можно интерпретировать в пользу наклонных стен, а также какого-то покрытия пола.

Часть внешних ям использовалась в хозяйственных целях или под мусор. Нередко такие ямы имели большие размеры, плоское дно и находились в углу жилища. Они известны на многих белоярских поселениях. Над ними могли возводить какое-то перекрытие, т. е. эти ямы

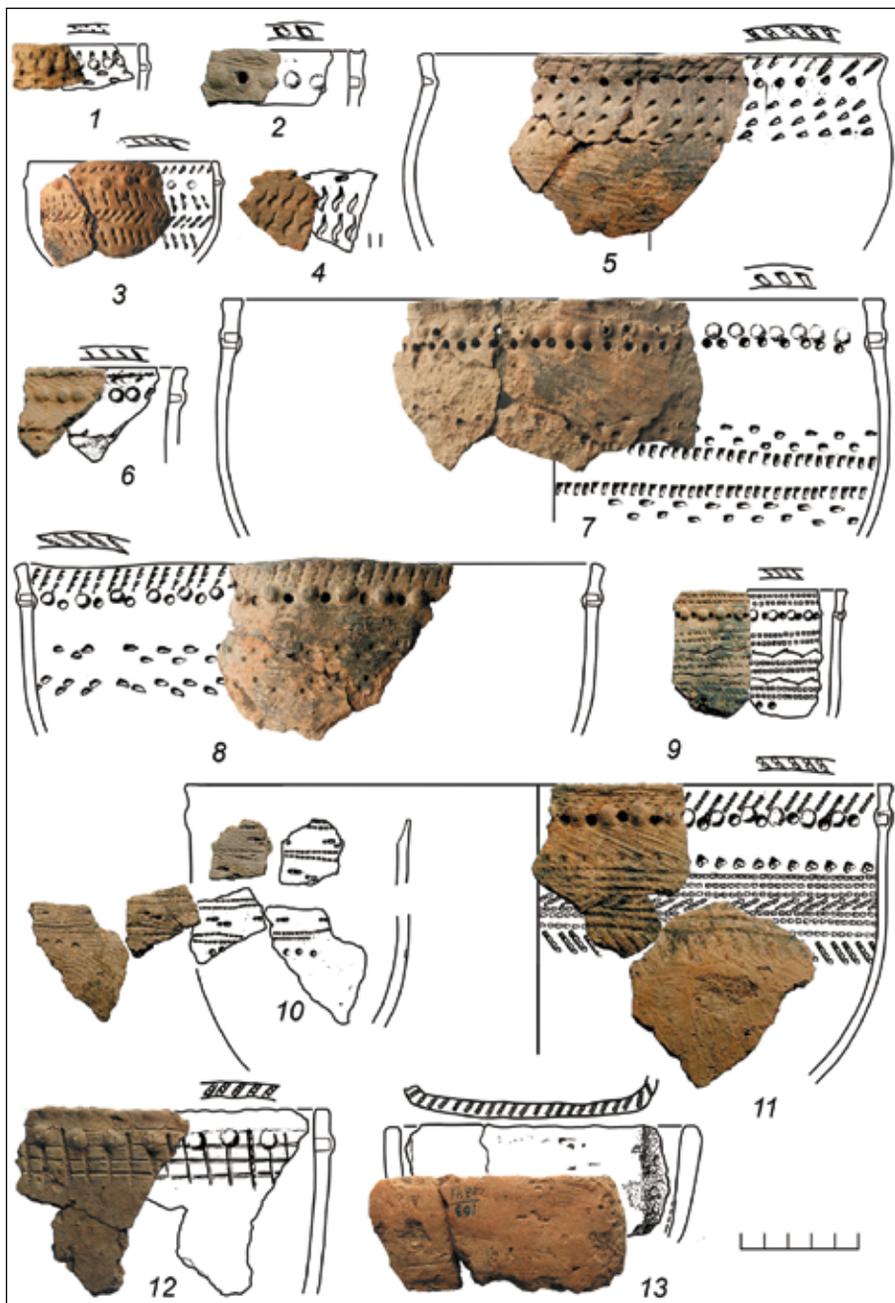
Ил. 9. Городище Барсов Городок I/18. Раскоп 2. Керамика белоярской культуры

представляли собой хозяйственные пристройки к жилищу (типа шалаша?). В некоторых из них найдены обломки сосудов, тиглей. Возможно, такими пристройками были яма 19 около угла жилища 1 и яма XVIII напротив жилища 3. Они имели углубленные котлованы диаметром ок. 2,0 м. Кроме того, выявлены и хозяйственные постройки, стоявшие отдельно от жилых — например, сооружение между жилищами 1 и 2. Прямоугольные, небольших размеров, с углубленным котлованом, без очага, они достаточно типичны для белоярских памятников. Правда, датировка данной постройки белоярским временем не однозначна, она может быть связана и с калинкинским поселением.

Количество белоярского материала, собранного на памятнике, в первую очередь керамики, свидетельствует об относительной долговременности городища. Плотность же застройки, её кажущаяся неупорядоченность, скорее всего, говорят об имевшихся перестройках в период его функционирования. Однако выявить микрохронологию построек, особенно по имеющейся документации, невозможно. В то же время можно отметить, что на других известных белоярских городищах, как береговых, так и лесных (Барсов Городок I/2, Барсов Городок I/3, Барсов Городок I/10, Барсов Городок I/14, Барсов Городок III/1, Барсов Городок III/7, Ермаково XIV и др.), исследователи отмечают следы большого количества построек и беспорядочную застройку. Обломки белоярских сосудов найдены не только в описанных жилищах, но и между ними, а также в жилище 2, где основной керамический комплекс связан с калинкинской культурой.

Жилище 2 (уч. Л—О/2—4) на поверхности представляло собой округлую площадку с ровной поверхностью, приподнятую на 10—15 см и окружённую пятью (у М.В. Елькиной в отчёте — четырьмя)¹⁶ внешними ямами. Её южная часть уничтожена обрывом берега. Постройка оказалась полностью наземной. Стены, по мнению М.В. Елькиной, проходили примерно в 1,5 м от внешних ям¹⁷. Возможно, их маркируют некоторые прокалы и углистые полосы, зафиксированные по периметру жилища, а также ямка № 1 от углового столба (?). Однако данных о наличии угловых столбов в подобных постройках у нас практически нет, как нет и других аналогичных ямок в жилище 2. Трудно определить форму жилища. С одной стороны, все известные нам постройки калинкинской культуры на Барсовой горе и в окрестностях д. Сайгатина были прямоугольными¹⁸. С другой стороны, по мнению А.И. Бобровой и С.И. Рудковского, на поселении Моховая 83 ими было исследовано жилище калинкинской культуры типа чума,

Ил. 10. Городище Барсов Городок I/18. Жилище 2 (1–11) и яма 12 (12–13).
Керамика калинкинской культуры

округлое в плане¹⁹. Исходя из расположения внешних ям, жилище 2 можно представить и круглым, и прямоугольным. Во втором случае его ширина ок. 7 м, длина превышала 7 м, продольной осью оно было ориентировано по линии запад — восток. В жилище выявлены четыре очага (№ 5—8), но, на наш взгляд, только два-три из них были частью его интерьера.

Очаг 5 (уч. М/1—2, глуб. +35 см) частично уничтожен обрывом берега. Представлял собой линзу бурой гумусированной супеси размерами 1,20×0,95 м, мощностью 5—10 см. Под ней обнаружено углубление с покатыми стенками и горизонтальным дном, глубиной 45 см, заполненное сверху белым выщелоченным песком (подзолом), ниже — серовато-жёлтым и коричневым песком, возле дна — серой супесью. И в очажном слое, и в заполнении углубления найдены обломки калининской керамики (ил. 10—3, 7). Очаг 7 (уч. М—Н/2) зафиксирован на глуб. +50 см сразу под почвенным слоем и подзолом в виде линзы бурой гумусированной рыхлой супеси с углями и пережжёнными костями, лежавшей на погребённом подзоле. Размер её 1,20×0,85 м, мощность слоя 10—15 см. Очаг 8 (уч. Н/3, глуб. +50 см), как и предыдущий, зафиксирован сразу под слоем подзола, представлял собой округлую линзу бурой гумусированной супеси диаметром 1,0 м и мощностью 10 см. Под ней находился прокол мощностью 5—8 см, частично перекрывавший остатки погребённого подзола. Расположение очага близко к внешним ямам XI и XIII не позволяет реконструировать жилище прямоугольным. Или следует признать, что эти ямы связаны с другой постройкой (что не исключено). Однако проверить это можно только последующими раскопками. Описанные очаги находились практически на одной линии, параллельно длинным (?) стенам жилища. Очаги 7 и 8 лежали на глуб. +40 см, в то время как основание очага 5 было на уровне +25 см. Это могло быть связано с падением слоя под береговой обрыв (очаг находился на самом краю).

На площадке жилища 2 был расчищен ещё один очаг — № 6 (уч. М/2—3). Его верхняя часть была зафиксирована на глубине +50 см. К сожалению, кроме разреза через его край в северной бровке, других сечений очага нет. Судя по бровке, его основание также лежало на погребённом подзоле. Он представлял собой подтреугольную линзу бурой рыхлой гумусированной супеси с вкраплениями углей и пережжённых костей. Размер её 1,65×0,75 м, мощность 10 см. В ней найдены обломки керамики и расколотые гальки. Рядом обнаружен камень размерами 18×14×7 см. Южнее очага находилось углубление

5 (уч. М/2, глуб. +35 см) в форме канавки размерами 1,9×0,5 м, заполненное подзолом с прокалом и угольками; с северной стороны в него сползла бурая супесь — слой из очага 6. В заполнении углубления найдены обломки керамики и тиглей. Неполнота коллекции не позволяет однозначно определить принадлежность очага и углубления, но часть фрагментов отнесена к белоярской культуре (ил. 8—9).

К западу от очага 7 находилось углубление 6 (уч. Н/2—3, глуб. +25 см) неправильной в плане формы и разнородное по заполнению. На глубине +20 см оно распалось на две ямы. Северо-западная, округлой формы, размерами 0,75×0,65 м, была заполнена сверху подзолом (15 см), внизу — бурой гумусированной очажной супесью (20—25 см), вероятно, попавшей туда из очага 7. В заполнении обнаружено два больших камня. Юго-восточная яма на глубине +5 см имела овальную форму, размеры 1,65×0,65 м. В разрезе у неё были слегка пологие стенки и ровное дно, глубина до 75 см от уровня первой фиксации. Заполнение: сверху — серовато-жёлтый песок, ниже — жёлтый песок, на дне — тонкие прослойки серой супеси. В северном профиле уч. Н/2 она перекрыта погребённым подзолом. Скорее всего, эти ямы одновременны: первая (северо-западная, 6а) — связана с очагом 7 и жилищем 2, вторая (6б) — более ранняя. На уч. Л/2—3 под погребённым подзолом (под полом жилища) на глубине +50 см отмечен прокол подпрямоугольной формы размерами 110×50 см, мощностью до 18 см.

Ещё одна яма № 26 овальной формы, размерами 110×50 см, глубиной 35 см от поверхности погребённой почвы, заполненная серовато-жёлтым песком с серыми прослойками у дна и вдоль стенок, зафиксирована на месте предполагаемой южной стены жилища, рядом с ямкой № 1 от столба (?), но на 10 см ниже последней (уч. Н—О/2, глуб. +25 см). Её связь с жилищем осталась невыясненной.

На уч. М/3 на поверхности погребённой почвы обнаружен развал сосуда²⁰. Однако, судя по коллекционной описи, с этого участка происходят всего 4 фрагмента керамики и «каменное тесло» (мной не найдено).

Как уже отмечалось, вокруг жилища выявлено пять внешних ям (VIII—XI, XIII). Все они вытянуто-овальной или подпрямоугольной формы, размерами от 2,45×0,70 до 4,70×1,00—1,20 м, глубиной 0,25—0,90 м, были заполнены жёлтым и серо-жёлтым песком, серо-коричневой супесью с углем, серовато-коричневым пестроцветом, на дне — серой супесью, в т. ч. с угольками. В верхней части всех ям песок выщелочен (представлял собой белый подзол). В заполнении ямы

XIII найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики эпохи раннего железа.

На площадке под археологизированными остатками жилища 2 и к западу от него, кроме калинkinской, обнаружены фрагменты сосудов барсовской культуры эпохи поздней бронзы, а также четырёх-пяти белоярских сосудов. Уже говорилось, что под слоем погребённого подзола в жилище 2 были выявлены яма бб и прокал. Возможно, ещё один ранний прокал зафиксирован на уч. К/2—3 между ямами VI и IX. Ясно, что под жилищем 2 сохранились следы более ранней постройки. Она могла относиться как к позднему бронзовому веку (барсовская культура), так и к началу эпохи железа (белоярская культура). Что касается самого жилища 2 с калинkinской керамикой, то нельзя исключать, что оно было сооружено на белоярском городище рядом с жилищем 1. С одной стороны, для калинkinских памятников характерна плотная застройка. С другой стороны, по нашему мнению, калинkinская культура синхронна белоярской на протяжении всего своего существования в Сургутском Приобье²¹. Однако фактов смешанных поселений до сих пор не известно, и я с большой осторожностью допускаю такую возможность. Керамика калинkinской культуры в небольшом количестве найдена и в других местах раскопа, в т. ч. в пределах жилищ 1, 3, 4.

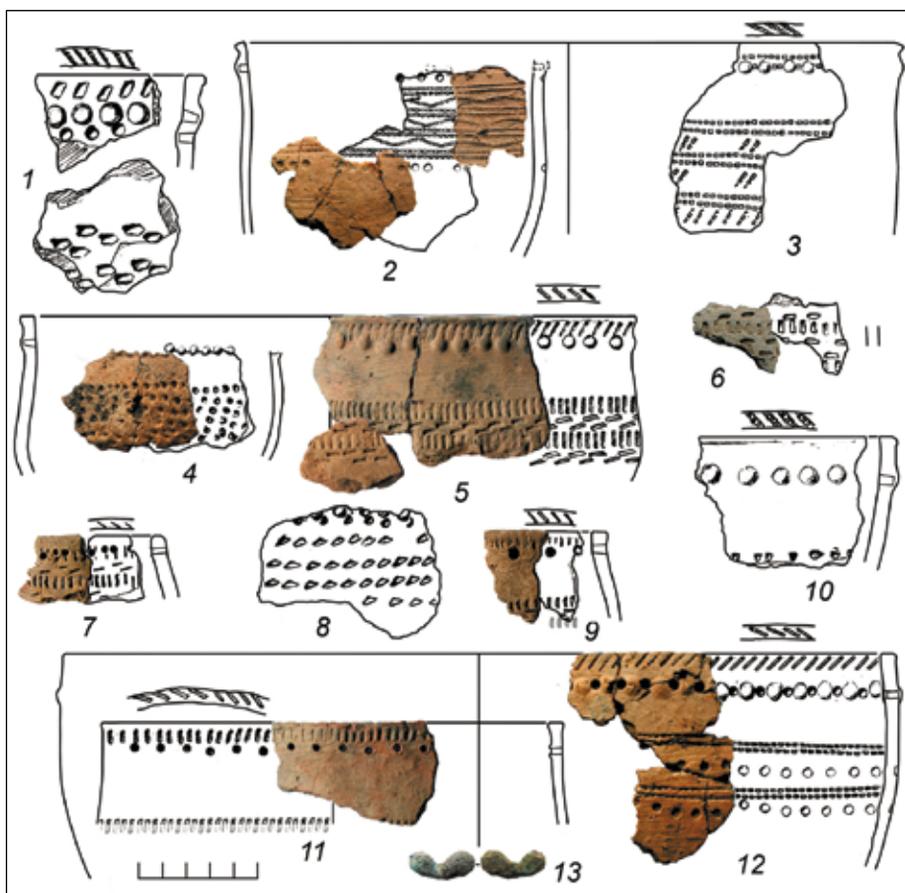
Следует упомянуть находки ещё нескольких фрагментов от 5—6 кулайских сосудов (ил. 12). Они обнаружены на площадках жилищ 1 и 2, а также на межжилищном пространстве. Не исключено, что на территории городища юго-западнее раскопа во втор. пол. раннего железного века мог возникнуть кулайский посёлок. Кроме того, рядом расположены кулайские городища Барсов Городок I/17 и Барсов Городок I/20, а также ряд селищ, и кулайская керамика могла быть принесена на это место обитателями упомянутых поселений.

М.В. Елькиной отмечены на памятнике следы ещё одной постройки — жилища 5 (уч. Н—О/4—6). На поверхности оно не просматривалось. Раскопом вскрыта небольшая часть наземной постройки — очаг в виде линзы бурой супеси и внешняя яма XII.

Очаг 11 (уч. О/5) зафиксирован, по М.В. Елькиной²², на уровне 0 см у юго-западной стенки раскопа. Но, судя по «западному» профилю линии О, его верх находился на уровне +25 см, а основание на +10 см; пол же, судя по тем же чертежам, был на глубине +15+20 см²³. Относительно древней поверхности он был углублен на 25 см. На дне углубления наблюдалась тонкая (7—8 см) прослойка древесного

угля и проквал. Выше, на уровне пола жилища, залегал слой бурой рыхлой гумусированной супеси с пережжёнными костями и углем, размерами в пределах раскопа 1,00×0,38 м. В 1 м восточнее очага на полу жилища лежал камень размерами 18×15×7 см.

Яма XII (уч. Н—О/4—5, глуб. 0 см) была хорошо выражена в рельефе. В плане имела округлую форму, диаметр ок. 1,7 м, глубину 0,47 м от древней поверхности. В разрезе трапецевидная, дно ровно горизонтальное, заполнение — белый подзол. Мы не исключаем, что она не доисследована, а подзол образовался позже, в углублении от уже заплывшей древней ямы. Большие размеры и ровное дно позво-

Ил. 11. Городище Барсов Городок I/18. Раскоп 1 (2, 4–7, 9, 11–12), раскоп 2 (1, 3, 8, 10). Керамика калининской культуры. Раскоп 2 (13). Слиток бронзы

ляют видеть в яме пристройку к жилищу, аналогичную ямам XVIII и 19. В этом случае вряд ли она одновременна очагу 11, а скорее, образовалась позже него.

В 6 м восточнее очага выявлена яма 12 (уч. М/5, глуб. +10 см) овальной формы, размерами 1,2×0,7 м и глубиной 0,45 м от уровня фиксации. В профиле она параболоидная, заполнена серовато-жёлтым песком, вдоль стенок и на дне — белым подзолом с угольками. В заполнении найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и, предположительно, калинkinской культуры (ил. 10—12, 13).

Внешняя яма XV (уч. Н—О/6, глуб. 0 см), по представлению М.В. Елькиной, являлась общей для жилищ 4 и 5²⁴. Однако без новых раскопок это не доказуемо.

Отсутствие каких-либо находок в границах раскопанной части предполагаемого жилища 5 делает невозможным его датировку. Если же яма XV относится к нему, то следует учитывать, что в ней найдены обломки белоярских сосудов. Необходимо также иметь в виду, что вокруг очага 11 в радиусе 6—8 м залежали обломки барсовской посуды эпохи бронзы, а большие наземные жилища этого времени, размерами до 15×15 м, нам известны²⁵.

Документация о раскопках 1976 г. оказалась нам недоступной. Неизвестно, сохранилась ли она, а если сохранилась, то где место её хранения. М.В. Елькина работала в то время в Тюменском государственном университете и заказывала Открытый лист от этой организации. В ИИ РАН отчёта за указанный год нет. Коллекция, сформированная раскопками 1976 г., хранилась в Тюменском областном краеведческом музее, и в своё время мною были сделаны зарисовки многих сосудов из раскопа 2, однако вернуться к этой коллекции и завершить работу не удалось. Судя по собранным материалам, площадь раскопа была не менее 117 кв. м. Он продолжал к северо-западу раскоп 1 (на плане дана моя реконструкция раскопа — ил. 1—4, 5). Таким образом, им, как минимум, было доисследовано жилище 3 и частично вскрыто жилище 4. На рисунках представлены сосуды белоярской культуры, что соответствует материалам 1975 г. раскопок (ил. 9). Кроме них, в раскопе 2 были найдены обломки четырёх емкостей калинkinской культуры (ил. 11—1, 3, 8, 10).

В коллекции 1975 г. фигурируют 867 ед. хр. Однако при шифровке была допущена ошибка, и шестисотые номера повторены дважды. Кроме того, под одним номером был зашифрован развал сосуда, состоявший из 27 фрагментов. Основу коллекции составляют обломки

глиняных сосудов. Кроме них, найдены 36 фрагментов тиглей и 19 камней. Керамика представлена четырьмя культурно-хронологическими комплексами — барсовским (эпоха поздней бронзы), белоярским и калинкинским (белоярско-васюганский этап раннего железного века) и кулайским (кулайский этап раннего железного века).

Самым ранним на городище является керамический комплекс барсовской культуры (ил. 3, 4). Он представлен фрагментами минимум 12 сосудов, из которых один реконструирован полностью, а три — частично²⁶. В коллекции есть ещё две верхние части и четыре плоских днища. От остальных ёмкостей сохранились обломки стенок. В этой выборке четыре банки (ил. 3—1, 5, 11; 4), горшок с относительно высокой почти вертикальной шейкой (ил. 3—14) и чашевидный сосуд, у которого переход от стенки к придонной части оформлен в виде сглаженного ребра (ил. 3—9). Поверхность ёмкостей, как правило, хорошо заглажена, в глине примесь шамота. Из шести сохранившихся венчиков три плоских прямых (ил. 3—9, 14; 4), два скошенных внутрь (ил. 3—1, 11) и один уплощенный с внутренним карнизиком (ил. 3—5). Они украшены крестовым (один), гладким (два) и гребенчатым штампами.

Поверхность сосудов полностью покрыта орнаментом, однако из-за мелкогабаритности фрагментов композиции практически не восстанавливаются. Оттиски гребенчатого штампа встречены на семи сосудах (не считая большого числа мелких обломков керамики, покрытых отпечатками «гребёнки»), три украшены ямками по тулову (ил. 3—10, 15; 4) и ещё четыре — ямками или жемчужинами (в одном случае) под венчиком. По два сосуда декорированы уточковидным (ил. 3—10, 14), гладким (ил. 3—11; 4) и крестовым (ил. 3—10, 14) штампами; на одном есть оттиски штампа в виде птички (ил. 3—15; подобный штамп, как и «уточка», будут широко распространены в кулайский культуре).

На фрагментах 12 сосудов, вошедших в статистику, мы насчитали 49 элементов узоров (100 %). Они представляют собой горизонтальные пояски разнонаклонных оттисков штампов. Доминируют правонаклонные оттиски (14,3 %) и прерывистые ряды ямочных вдавлений или отпечатков штампа типа креста (16,4 %). Поскольку орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, то нередко пояски образуют широкие зоны: зоны вертикальных оттисков составляют 10,2 %, зоны правонаклонных поясков — 8,2 % узоров, единственная зона левонаклонных оттисков — 2,0 %. Также единичны горизонтальная ёлочка, горизонтальные линии. Узоры разбиваются рядами ямок — как горизонтальными, так и расположенными в шахматном порядке. На одном

сосуде такой ряд в верхней части заменён жемчужинами (ил. 3—11). Ямки с жемчужинами в рассматриваемой выборке занимают 20,4 %. Гребенчатым штампом выполнено 38,8 % узоров, штампом в виде уточки — 16,3 %. При этом, как отмечалось выше, «гребёнка» присутствует на 8 сосудах, а «уточка» — на двух. Гладким штампом сделано 12,2 % узоров, и крестовым — 8,2 %.

Хотя весь описанный комплекс мы отнесли к барсовской культуре, нельзя исключать, что, по крайней мере, часть фрагментов, украшенных «гребёнкой», может датироваться более ранним временем. Возможно также, что эта коллекция отражает ранний этап формирования барсовской культуры, этап, когда фигурные штампы ещё не получили широкого распространения.

Наиболее многочислен белоярский комплекс, с которым мы связываем существование городища (ил. 5—9). В нём выделены 53 сосуда, 48 из них представлены верхними частями. При этом, судя по данным отчёта и сверки коллекционной описи, не все черепки сохранились. В жилище 1 найдены обломки 22 сосудов (ил. 5, 6), в жилище 3 — 9—10 сосудов (ил. 7—1—10, 13), среди которых обломки округлого дна, поддона и крупные фрагменты горшка из жилища 1 (ил. 6—1), в жилище 4 — 4 ёмкости, в т. ч. на поддоне (ил. 7—11—12, 14—15; 8—8). Черепки от 8 сосудов происходят из межжилищного пространства и из жилища 2 (ил. 8 — 1—7, 9—10). Обломки более чем 10 емкостей найдены в раскопе II (ил. 9), то есть, предположительно, в жилищах 3 и 4 (минимум 4 сосуда из этого раскопа представлены небольшими фрагментами венчиков, не включёнными в обработку).

У 31 ёмкости реконструируется котловидная форма (ил. 5—1—6, 8—11 и др.). Сосуды слабо профилированные, иногда с отогнутым наружу венчиком, создающим подобие короткой шейки, и со среднераздутыми плечиками. Одиннадцать горшковидных сосудов с короткой, едва отогнутой шейкой близки котловидным и по форме, и по орнаментации (ил. 5—12—13, 6—1, 5 и др.). В жилище 3 обнаружен фрагмент открытой чаши диаметром 8 см (не исключено также, что это обломок поддона — ил. 7—7). Два сосуда близки чашевидным с прямыми стенками, представляя переходную форму от котловидных к горшковидным (ил. 8—7; 9—12). С площадки жилища 2 происходит обломок прямостенного сосуда с ушком, который мы также склонны относить к белоярскому времени (ил. 8—9). Часть миниатюрной прямостенной баночки найдена в межжилищном пространстве в раскопе 1 (ил. 8—2). Днища практически отсутствуют, но, судя по профилировке ряда ёмкостей

и неорнаментированным фрагментам, а также двум сохранившимся экземплярам, были округлыми или приострѣнными (ил. 7–8, 8–12). В коллекции есть обломки двух-трѣх поддонов (ил. 7–13; 8–8, 13).

Большинство сосудов относительно небольшие. Разброс диаметров по венчику от 10 до 39 см, средний диаметр 23 см. Внешняя поверхность под орнаментом, как правило, хорошо заглажена. Ниже и с внутренней стороны часто наблюдаются расчѣсы от гребенчатого штампа или щепы. Основной примесью к глине является шамот. Очень редко, наряду с ним, фиксируются дресва и охра.

Большая часть венчиков котлов и горшков (из 42 экз.) плоские, среди них есть прямые (38,1 %) (ил. 5–8, 13 и др.), расширяющиеся (28,6 %) (ил. 5–4, 6, 10 и др.) и прямые скошенные наружу (26,2 %) (ил. 5–2–3, 9, 12 и др.); ещё три имели уплощенно-округлую форму (7,1 %, ил. 5–1; 6–9). На локальных участках венчиков двух сосудов присутствуют небольшие карнизки. Среди венчиков 29 (69,0 %) украшены отрисками гребенчатого штампа: с наклоном влево (20 экз. = 47,6 %), вправо (5,5 экз. = 13,1 %), вертикальными (2 экз. = 4,8 %) или горизонтальными (1,5 экз. = 3,6 %). На венчике одного сосуда наблюдалась смена наклона отрисков штампа (ил. 5–11). На втором месте по частоте использования стоит змейковидный штамп — 10 венчиков (23,8 %), в их числе отпечатки с наклоном влево 7 экз. (16,7 %), вправо 2 экз. (4,8 %) и вертикальные (1 экз. = 2,4 %). По одному венчику (по 2,4 %) украшены отрисками шнура и ромба, ещё один был без узоров.

Орнаментация на тулове проанализирована у 48 ёмкостей, включая фрагменты стенок. Соответственно, у части из них композиции не полные. У сосудов украшались шейка и плечико, редко узоры заходили на верхнюю часть тулова. Преобладают отриски гребенчатого штампа. Они зафиксированы на 35 ёмкостях (72,9 %). Змейковидный штамп применялся на 7 сосудах (14,6 %, ил. 5–6, 12 и др.), треугольный и ромбический — на четырёх каждый (8,3 %) (ил. 5–7, 10 и др.). Среди последних есть как гладкие, так и со штриховкой внутри. Отриски птичковидного (ил. 5–9 и др.), мелкоструйчатого (ил. 9–2, 3) и гладкого (ил. 9–9, 10, 12) штампов присутствуют на трёх сосудах каждый (по 6,3 %). Единичны отпечатки крестового (4,2 %) (ил. 6–6; 7–11), биконического (ил. 5–1) и скобковидного (ил. 5–6) (по 2,1 %) штампов. Один сосуд украшен шнуровым орнаментом (ил. 7–6), два — только пояском из ямок по верху плечика (ил. 6–4; 9–5). На 6 сосудах (12,5 %) ямки входят в орнаментальные композиции (ил. 5–12; 6–6, 7; 7–9 и др.).

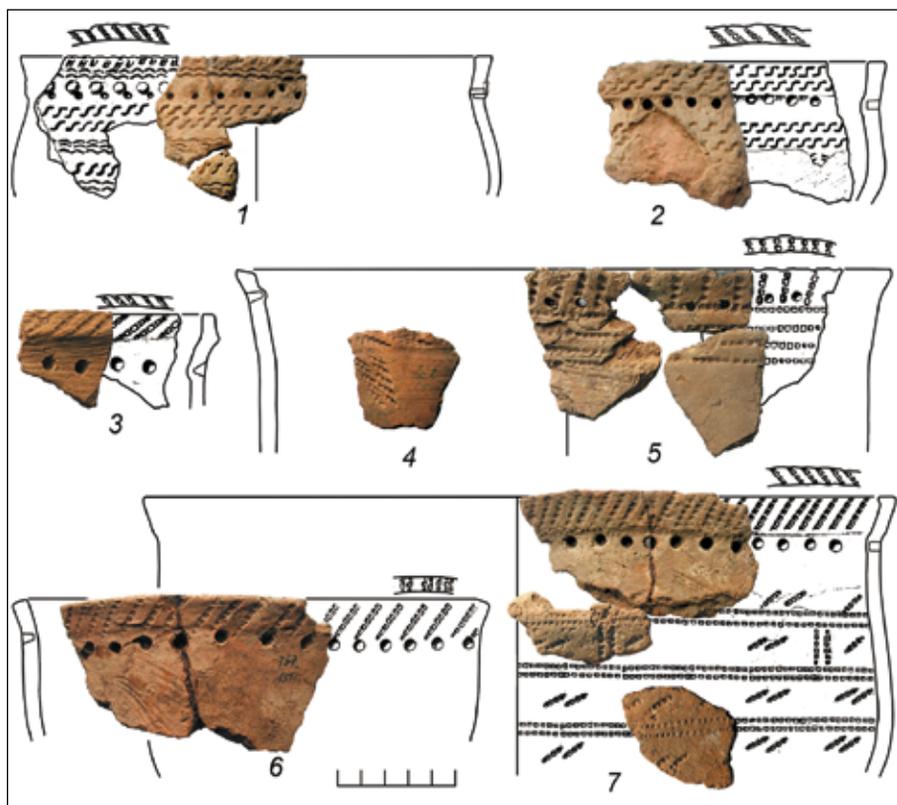
Узоры представляют собой горизонтальные пояски разнонаклонных оттисков различных штампов. Всего нами выделены 136 поясков (100 %) на 48 сосудах и их фрагментах. Резко доминируют пояски однорядных правонаклонных оттисков (36,4 %). Пояски вертикальных оттисков составляют 15,8 %, одно-, двух- и трёхрядные горизонтальные линии — 7,4 %, 8,1 % и 5,1 % соответственно. 6,6 % узоров приходится на пояски левонаклонных оттисков, 5,9 % — на ряды взаимопроникающих фигур (ил. 5—7; 6—2; 8—1, 3; 9—3). На 8 сосудах орнаментальные композиции заканчиваются одинарными рядами ямок разной формы (ил. 5—12; 6—6, 7; 7—12), на 5 — вертикальными оттисками гладкого или гребенчатого штампа, ещё на 4 — фестонами из ямок или гребенчатых оттисков. Причем в одном случае фестоны образуют небольшие параллелограммы (ил. 7—9).

Для всех сосудов, кроме оригинальных ёмкостей, характерны пояски ямок округлой (63,0 %, в их числе сквозные — 41,4 %), нечёткой подтрапецевидной или треугольной (30,4 %) формы в основании шейки или на перегибе профилированного плечика («разделительные пояски»). Выявлено также по одному случаю (по 2,2 %) квадратных, ромбических и прямоугольных ямок в разделительных поясках.

Черепок ещё одного сосуда, хотя и был обнаружен в жилище 2, отнесён к белоярской культуре по аналогии с ёмкостями, найденными на селищах Барсова Гора III/1 и Барсова Гора I/40²⁷. Это неорнаментированный фрагмент шейки с округло-приострѐнным венчиком с «ушком», образованным пальцевым защипом (ил. 8—9). Внешняя поверхность у него гладкая, внутренняя заглажена щепой. В глине примесь шамота.

Интересны четырёхугольные чаши. Стенки их чуть выпуклые, отогнуты наружу. Одна чаша найдена в раскопе 2, её размер 9,0×6,5×3,2 см (ил. 9—7). В этом раскопе преобладает белоярская керамика. От второй сохранилась одна стенка. Длина её 9,3 см, высота ок. 5,2 см (ил. 10—13). Чаша найдена в яме 12 между жилищами 2, 4 и 5 и могла принадлежать как белоярскому, так и калинкинскому комплексам. Учитывая, что в этой же яме, наряду с барсовскими фрагментами, найден обломок прямостенного сосуда с оригинальной орнаментацией, украшенного жемчужинами (ил. 10—12), я склонен относить и чашу, и этот сосуд к калинкинской культуре. Венчики у обеих чаш плоские прямые, украшены оттисками гребенчатого штампа. Подобные сосуды известны как в белоярских комплексах (городище Барсов Городок I/14)²⁸, так и в калинкинских (городище Барсов Городок I/13)²⁹.

С калинкинской культурой мы связываем комплекс минимум из 25 сосудов (сохранилось 19 венчиков), происходящих в основном из жилища 2. Фрагменты калинкинских сосудов обнаружены также в жилище 3, не менее 40 фрагментов от четырёх ёмкостей найдены в раскопе 2 (ил. 10, 11). Форма реконструируется у 16 сосудов. Среди них шесть чашевидных (с прямыми или отогнутыми наружу стенками — ил. 10—8, 9, 11, 12; 11—3, 10), четыре слабо профилированных горшковидных (ил. 10—5; 11—1, 5, 11), пять котловидных (ил. 10—3, 7; 11—7, 9, 12), а также четырёхугольная чаша (ил. 10—13). Днища не удалось подклеить, но, судя по имеющимся фрагментам, они были округлыми, за исключением последней чаши. Венчики плоские прямые (7 экз.), расширяющиеся наружу (3 экз.) и в обе стороны (2 экз.), с внешним карнизиком (3 экз.), округлый (1 экз.) и плоские скошенные наружу (3 экз.). Все они украшены наклонными влево отпечатками

Ил. 12. Городище Барсов Городок I/18. Раскоп 1. Керамика кулайской культуры (1—3, 5—7) и средневековая (4)

гребенчатого (9 экз.) или гладкого (8 экз.) штампов. Исключение — сосуды из ямы 12, в т. ч. четырёхугольная чаша, венчики которых декорированы оттисками «гребёнки» с наклоном вправо.

Диаметры по венчику измерены у 9 сосудов, они колебались от 9 до 35 см, средний диаметр 21,5 см. Наружная поверхность вверху, под орнаментом, хорошо заглажена. Ниже и с внутренней стороны обычно расчёсы от гребенчатого штампа или щепы, редко поверхность гладкая. Основной примесью к глине является шамот. В пяти случаях, наряду с ним, фиксируются красные (охристые?) включения. Столько же ёмкостей (точнее, фрагментов от них) содержат в качестве примеси древесину.

Орнамент покрывает верхнюю треть или половину сосудов (шейку, плечико и, иногда, верхнюю часть тулова). Доминируют отпечатки разных вариантов гладкого штампа, присутствующие на 14 сосудах (60,9 % ёмкостей, 45,7 % орнаментов). Гребенчатым штампом украшались 8 сосудов (34,8 %, и 43,2 % орнаментов). Ямки в орнаментальных композициях присутствуют на 6 ёмкостях (26,1 %, 8,6 % орнаментов). На одном фрагменте стенки отмечены оттиски штампа в виде крупной уточки (4,3 %).

Композиции образованы горизонтальными поясками разнонаклонных оттисков различных штампов (на 23 сосудах и их фрагментах — без чаш из ямы 12 — насчитывается 81 поясок = 100 %). Преобладают двух- и трёхрядные горизонтальные пояски — 23,5 % всех орнаментов (присутствуют на 6 сосудах, все выполнены гребенчатым штампом) (ил. 10—9—11; 11—2, 3, 12). Оригинальны пояски из горизонтальных оттисков преимущественно гладкого штампа, расположенных в шахматном порядке (19,8 %, сохранились на 9 сосудах — ил. 10—1, 7, 10; 11—1, 5—7, 9). Эти пояски, часто расположенные между рядами вертикальных или наклонных оттисков этих же штампов, определяют своеобразие калинкинской посуды. Пояски из вертикальных оттисков составляют 18,5 %, правонаклонных оттисков — 14,8 % (вместе с зонами аналогичных поясков — 17,3 %), ещё 6,2 % узоров приходится на горизонтальные зигзаги (ил. 10—9; 11—2). Фестоны и горизонтальные ряды из мелких ямок составляют 7,4 % (ил. 10—9, 10; 11—1, 4, 12). Остальные узоры единичны.

Разделительный поясок в основании шейки, на перегибе профилированного плечика или (у котловидных ёмкостей) в верхней части плечика, представляющий собой горизонтальный ряд из ямок, жемчужин или их комбинаций, на посуде калинкинской культуры разнообразнее, чем

на белоярской. Он сохранился на 20 сосудах и выражен жемчужинами (8 ёмкостей), круглыми ямками, горизонтальным рядом чередующихся ямок и жемчужин и пояском из расположенных в шахматном порядке жемчужин и ямок (по 4 сосуда). Отметим, что ряды жемчужин на керамике предшествующих культур и одновременной белоярской очень редки, в то время как на калинkinской они образуют более половины (до двух третей) разделительных поясков. Калинkinскую керамику отличает также наличие на ряде ёмкостей неорнаментированной зоны под венчиком, до разделительного пояска (ил. 10—2, 7; 11—10) и аналогичной зоны под ним.

Вероятно, с калинkinской культурой следует связать и обломок крупного сосуда с оригинальной орнаментацией из ямы 12 (ил. 10—12, в статистику не был включён). Прямостенный (чашевидный), с прямым плоским венчиком, украшенным правонаклонными оттисками гребенчатого штампа, он декорирован в верхней части четырьмя горизонтальными прочерченными линиями, пересекаемыми вертикальными оттисками длинного гребенчатого штампа. Разделительный поясок у него выполнен жемчужинами. Подобная орнаментация для калинkinской посуды мне неизвестна, но форма и технология его изготовления, жемчужины в разделительном пояске характерны для неё.

Наконец, обломки 6 горшковидных сосудов отнесены к кулайскому периоду (ил. 12). Два из них классические кулайские, с прямым плоским венчиком, в орнаменте которых присутствуют оттиски штампа в виде уточки (ил. 12—1, 2). У трёх, украшенных гребенчатым штампом, по нашим реконструкциям, диаметры по венчику чуть больше диаметров по тулову. У одного из них венчик прямой расширяющийся (ил. 12—7), у другого прямой скошенный внутрь (ил. 12—5), у третьего — скошенный наружу (найденный в жилище 1, он может относиться и к белоярской культуре — ил. 12—6). Ещё у одного горшка — плоский прямой венчик, ярко выраженный воротничок на шейке и орнаментация гребенчатым штампом (ил. 12—3). Он напоминает керамику перегребнинского типа³⁰. Поверхность в верхней части сосудов хорошо заглажена, ниже и с внутренней стороны заметны штрихи от обработки щепой или гребенчатым штампом. В глине примесь шамота или дресвы.

На пяти горшках из шести присутствуют отпечатки гребенчатого штампа, на двух — штампа в виде уточки, на одном — в виде скобки. Причём один сосуд украшен всеми тремя штампами (ил. 12—1). Орнаментальные композиции, как и на керамике других культур эпохи раннего железа западносибирской тайги, состоят из горизонтальных

поясков разнонаклонных оттисков штампов. Разделительные зоны выполнены рядами глубоких округлых ямок, и лишь в одном случае — чередованием ямок и жемчужин.

Я не исключаю, что один из описанных горшков может относиться к калинкинской культуре (ил. 12—7), хотя его профилировка, скорее, кулайская. Сосуд с воротничком на шейке также может быть связан не с кулайской, а с калинкинской или белоярской культурами.

На памятнике найден обломок стенки средневекового горшка, украшенный наклонными и горизонтальными поясками косо поставленных оттисков гребенчатого штампа (ил. 12—4). Такой орнамент характерен в большей степени для посуды карымского и зеленогорского этапов обь-иртышской культурно-исторической общности начала Средневековья³¹. Поскольку средневековые памятники широко представлены на Барсовой горе, то этот черепок мог попасть в слой городища как в Средние века, так и позже. Зеленогорская керамика найдена на городище Барсов Городок I/26, находящемся не так далеко от Барсова Городка I/18³². Средневековые материалы известны на городищах Барсов Городок I/31—32 и Барсов Городок I/21, а также на памятниках в западной части урочища.

В коллекции присутствуют 37 обломков тиглей, найденных во всех жилищах, но максимально — в постройках 1 и 4. Они небольшие, с невысокими бортиками, плоскодонные, яйцевидные в плане. Такие тигли типичны для всех культур раннего железного века Сургутского Приобья. В раскопе 2 на уч. М/9, то есть, предположительно, в пределах жилища 4 белоярской культуры, обнаружен слиточек бронзы (ил. 11—13). В коллекционной описи упоминаются ещё находки двух изделий из камня в яме (жилище 1) и каменного тесла на первом горизонте (жилище 3, уч. М/3), но они оказались нам недоступны.

Знакомство с материалами раскопок на городище Барсов Городок I/18 показало, что данный участок берега неоднократно заселялся в древности. Самые ранние свидетельства пребывания здесь человека относятся к концу бронзового века, примерно к рубежу II—I тыс. до н. э. От этого времени до нас дошли отдельные ямы, возможно, очаги (однозначно отождествить их с первым периодом освоения площадки трудно или невозможно из-за недостатка информации), оставшиеся от разрушенных наземных построек, а также обломки минимум 12 сосудов, сконцентрированные преимущественно в прибрежной части памятника. Надо полагать, что жилища эпохи бронзы были наземными, и их остатки уничтожены более поздними постройками. Кроме

того, методика раскопок того времени (горизонтами по 10, реже 5 см) и незначительные цветовые различия культурных слоёв не позволяли фиксировать микростратиграфию памятника. О ранней позиции комплекса бронзового века говорит и сильная фрагментированность сосудов. Керамика типична для барсовской культуры³³. Можно отметить черепки, украшенные штампами в виде креста и уточки. Пик использования последних придётся на кулайский этап раннего железного века региона.

Основной период функционирования памятника связан с белоярской культурой начала эпохи железа (сер. I тыс. до н. э.). К нему относятся остатки минимум трёх жилищ (1, 3 и 4) и одной или двух хозяйственных построек, а также оборонительные сооружения — ров и вал. Все жилища наземные, подпрямоугольные, с 1–2 очагами, расположенными в центре или вдоль длинной оси построек. В находках белоярский комплекс представлен обломками минимум 53 сосудов и фрагментами тиглей, найденными во всех жилищах. Кроме того, фрагменты белоярских ёмкостей обнаружены в межжилищном пространстве и в жилище 2. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, но об этом — чуть ниже. Форма и орнаментация посуды в целом характерны для третьей стадии в развитии белоярской культуры. Уже отмечалось, что эта стадия, самая продолжительная и представленная наибольшим количеством памятников, может быть разделена минимум на две³⁴, но рассмотрение всех накопленных белоярских материалов ещё далеко от завершения. Сравнительный анализ³⁵ керамических комплексов по программе В.Ф. Генинга³⁶ показал, что сосуды городища Барсов Городок I/18 в большей степени похожи на комплекс керамики Барсова Городка I/2³⁷, нежели на керамику городища Барсов Городок I/1 — предположительно, одного из самых поздних белоярских памятников.

Калинкинская керамическая коллекция на городище — вторая по численности (23–25 ёмкостей и обломки тиглей). Она происходит главным образом из жилища 2, реконструкция которого по имеющимся материалам затруднена. Кроме того, отдельные черепки калинкинских сосудов найдены в жилищах 1, 3 и 4, а также в раскопе 2. Учитывая, что калинкинская культура в Сургутском Приобье сосуществовала с белоярской, возможны две интерпретации данного факта. Мы склоняемся к тому, что калинкинское поселение возникло после запустения и разрушения белоярского городища. Но, как указывалось выше, нельзя исключать и возможность возведения калинкинского жилища в гра-

ницах белоярского городища, хотя подобные ситуации до сих пор не известны. По крайней мере, при дальнейшем исследовании городища Барсов Городок I/18 на решение данного вопроса следует обратить особое внимание, прибегнув, в том числе, к индивидуальной фиксации всех находок. В целом же калинкинская керамическая коллекция с городища типична для этой культуры³⁸.

Наконец, от четвертого периода до нас дошли лишь фрагменты нескольких сосудов кулайской культуры конца раннего железного века (рубеж эр) и, предположительно, очаг. Небольшое число обломков кулайских сосудов могло появиться на исследованной площадке в результате кратковременного посещения этого места в кон. I тыс. до н. э. (форма и орнаментация горшков характерны для ранних этапов культуры). Не исключено также, что здесь существовало кулайское поселение, остатки сооружений которого не попали в границы раскопа. Возможно, к этому периоду относится очаг 4 и некоторые ямы, однако однозначно установить это невозможно.

Раскопки, проведённые на городище Барсов Городок I/18, показали, что этот памятник чрезвычайно интересен для решения многих проблем, связанных с культурогенезом и периодизацией раннего железного века Сургутского Приобья. На нём представлены все археологические культуры этой эпохи в регионе. Очевидно своеобразие белоярской и калинкинской керамики, их отличие от кулайской. В то же время белоярская посуда имеет некоторое сходство с ранней васюганской, также преимущественно баночной (котловидной) или чашевидной формы, в орнаменте которой отсутствуют оттиски «уточки». Этот факт, как и ряд других, позволил выделить в раннем железном веке таёжного Приобья два этапа — предкулайский (белоярско-васюганский) и собственно кулайский³⁹.

При дальнейших исследованиях городища необходимо обращать особое внимание на микростратиграфию памятника, индивидуальную фиксацию материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. — С. 25.

² Носкова А.В. Предисловие публикатора к документам по объектам археологического наследия на Барсовой горе из архива Ф.Я. Показаньева // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — Ил. 2.

³ Косинская Л.Л., Морозов В.М., Шорин А.Ф. Отчёт о разведке и раскопках по берегу протоки Утоплой в районе Барсовой горы. — Свердловск, 1973. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 477526. — С. 58.

⁴ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г. — Свердловск, 1976. — Архив ИА РАН. — Р-1, № 5234. — С. 20. Автор признателен директору археологического музея УрФУ д-ру. ист. наук О.Н. Корочковой и науч. сотр. ПНИЛ УрФУ Н.К. Стефановой за предоставленную возможность работы с полевыми материалами и коллекцией городища Барсов Городок I/18.

⁵ Борзунов В.А. Укреплённые поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков. Лесная зона // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — С. 228; Борзунов В.А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. (Мат-лы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конф.). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 93; Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Рос. археология. — М., 2002. — № 3. — С. 88. Рис. 3—42; Борзунов В.А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 392. Ил. 2—Г.

⁶ Автор благодарен директору ООО «НПО «Северная археология—1» Г.П. Визгалову и науч. сотр. ИАЭТ СО РАН П.К. Ломову за предоставленный план городища.

⁷ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 38.

⁸ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 23.

⁹ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 23—25.

¹⁰ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 23.

¹¹ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — Рис. 24.

¹² Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 32.

¹³ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 33.

¹⁴ Елькина М.В. Полевые материалы о раскопках городища Барсов Городок I/18 (1975 г.). — Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. I, д. 337.

¹⁵ Елькина М.В. Полевые материалы о раскопках городища Барсов Городок I/18 (1975 г.)...

¹⁶ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 28.

¹⁷ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 29.

¹⁸ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. — С. 75—76. Рис. 62, 63.

¹⁹ Боброва А.И., Рудковский С.И. Раскопки селища Моховая 83 — памятника раннего железного века в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский

автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2008. — Вып. 6. — С. 131—133, 136.

²⁰ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 30.

²¹ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии... — С. 77—78.

²² Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 36.

²³ Елькина М.В. Полевые материалы о раскопках городища Барсов Городок I/18 (1975 г.)...

²⁴ Елькина М.В. Отчёт о раскопках поселений на Барсовой горе в 1975 г.... — С. 36.

²⁵ Чемякин Ю.П. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Мат-лы и исслед. культурно-исторических проблем народов Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. — С. 66.

²⁶ В статье использованы, кроме собственных, результаты статистической обработки керамической коллекции городища студентом УрГПУ Н.Д. Меркурьевым.

²⁷ Чемякин Ю.П. Жилище белоярской культуры из Сургутского Приобья // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. — С. 81. Рис. 3—1; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — Рис. 52—11; 54—14.

²⁸ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — Рис. 55—3.

²⁹ Чемякин Ю.П. Городища Барсов Городок I/13 и I/14 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 67. Рис. 4—1; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — Рис. 65—3.

³⁰ Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. — Вып. 25. — С. 208—219. Рис. 5, 6.

³¹ Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. — Рис. 8, 12, 22, 23.

³² Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта... — С. 184—185.

³³ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 50—51. Рис. 35—37.

³⁴ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 70, 73.

³⁵ Меркурьев Н.Д. Сравнительный анализ комплексов керамики укрепленных береговых белоярских поселений Барсов Городок I/1, I/2, I/14 и I/18 // Россия и мир: история и современность: тез. V Всерос. (с междунар. участием) конф. студентов и молодых учёных. — Сургут: РИО Сур. гос. пед. ун-та, 2017. — С. 13—15.

³⁶ Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Сов. археология. — М., 1973. — № 1. — С. 114—135.

³⁷ Чемякин Ю.П., Сосновкин И.Н. Городище Барсов Городок I/2 близ г. Сургута // Вопр. археологии Приобья. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1979. — Вып. 2. (Науч. тр. Тюм. гос. ун-та. — Сб. 64). — С. 118—130.

³⁸ Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 76—77. Рис. 64—67.

³⁹ Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таёжного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. — Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. — С. 218—219; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 60—66.

**The settlement Barsov Gorodok I/18 —
a multilayer monument of the Early Iron Age**

Y.P. Chemyakin

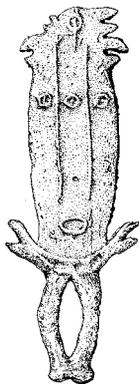
Yekaterinburg

Ural state pedagogical University

Annotation. This article covers excavation materials of the ancient settlement of Barsov Gorodok I/18 in the vicinity of Surgut city. The settlement revealed the remains of residential and farm buildings, as well as fortifications. The excavated collection contains pottery of four cultural-chronological layers, covering the period of the Late Bronze — Early Iron Ages. The article gives a brief description of the structures and findings of each cultural layer. All excavated materials together confirm the point of view of distinguishing the pre-Kulai (or Beloyarsk—Vasyugan) stage in the Early Iron Age of the taiga Ob region.

Key words. Early Iron Age, Surgut Priob'ye, Barsovskaya culture, Beloyarskaya culture, Kalinkinskaya culture, Kulaiskaya culture.

E-mail. yury-che@yandex.ru

Две чаши периода русской колонизации Западной Сибири с Большого Югана и Малого Югана

К.Г. Карачаров
г. Екатеринбург
Индивидуальный предприниматель

Аннотация. В публикации представляются две идентичные по стилю и технике изготовления серебряные чаши XVI в. Одна происходит с р. Большого Югана, вторая — с р. Малого Югана. Первая обнаружена в коллективном погребении нач. XVII в. на городище Частухинский Урий. Вторая найдена «чёрными копателями», скорее всего, на городище Ягут-урий (Караевское). Наиболее вероятными местами производства обеих чаш могут быть либо Османская империя, либо мастерская Московского государства, изготавливавшая предметы в «турецком» стиле.

Ключевые слова. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Большой Юган, Малый Юган, городище Частухинский Урий, городище Ягут-урий, Османская империя, Московское государство, чаша, серебро, чеканка, золочение, чернь, XVI в.

Настоящая публикация посвящена двум серебряным чашам, найденным в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (одна — на р. Большом Югане, вторая — на р. Малом Югане). Не вызывает сомнений, что обе они изготовлены в одной мастерской и, возможно, одним и тем же мастером. Стиль, манера и техника изготовления чаш идентичны.

Несмотря на то, что большеюганская чаша неоднократно публиковалась, находка второй чаши (малоюганской) позволяет взглянуть и на первый предмет несколько иначе.

В предлагаемой работе ставится цель — представить предметы в сравнении, актуализировать информацию о большеюганской чаше и познакомить с малоюганской, а также высказать некоторые соображения по их датировке и атрибуции.

Описание предметов

Большееюганская чаша (ил. 1, 2).

В 1984 г. при любительских раскопках основателя и тогдашнего директора Угутского музея П.С. Бахлыкова на городище Частухинский Урий (Монкысь урий) на р. Большом Югане было найдено три погребения. По информации находчика и собственным работам 1990—1992 гг.¹ на городище Частухинский Урий В.И. Семёнова реконструировала возможное положение человеческих останков и предметов в этих погребениях. По её представлениям, чаша происходит из коллективного погребения № 1, где было похоронено 9 умерших. В комплексе погребений были обнаружены монеты Ивана IV (великий князь московский 1533—1547; царь 1547—1584)².

В нескольких работах В.И. Семёновой имеются довольно подробные описания рассматриваемой чаши³. В 1999 г. директор Угутского музея Е.П. Курочкина (Бахлыкова) любезно предоставила мне возможность детально осмотреть и сфотографировать чашу, найденную её отцом. Это позволило составить своё мнение об этом предмете, отметив некоторые детали, которые не нашли отражение в описаниях В.И. Семёновой.

Диаметр чаши составляет ок. 16,5 см⁴, высота — примерно 2 см. Она выполнена из серебра 920 пробы в технике чеканки, чернения (?) и золочения. В центре расположен золочёный медальон (мишень), заключённый в кант в виде полосы коротких наклонных выпуклых отрезков между линиями выпуклых точек. В нём изображён обращённый влево лев или сфинкс (мифический персонаж с телом льва и лицом человека), окружённый выпуклой линией. Лапы зверя полусогнуты, голова развёрнута в три четверти, S-образно изогнутый хвост поднят вверх. Изображение выполнено в технике басмы (тиснение по матрице). В.И. Семёнова отметила характерные следы края матрицы, окружающие фигуру, — выпуклую линию. К сказанному можно добавить то, что медальон, по крайней мере, один раз был перебит. Об этом свидетельствуют фрагмент изображения и часть выпуклой линии (дуги) от предшествующего оттиска, просматривающиеся снизу и справа от последнего оттиска.

От медальона к краям чаши отходят изгибающиеся вправо так называемые плоские ложки⁵, оконтуренные выпуклыми линиями, — всего 14 штук. В наибольшем расширении ложек по центру имеются жемчужины (выпуклые элементы в виде сферических сегментов). В получившейся розетке позолоченные ложки чередуются с чернёными

(?). Розетка оконтурена таким же кантом, что и на вышеописанном медальоне.

Борт чаши напротив чернёных ложек декорирован сгруппированными по пять вытянутыми арочками (всего 7 элементов), чередующимися с широкими золочёными арочками, расположенными напротив золочёных ложек.

В.И. Семёнова не отмечает в своих описаниях наличие следов чернения. Однако при осмотре чаши в 1999 г. его наличие мне показалось очевидным. К сожалению, в результате недавней варварской

Ил. 1. Серебряная чаша, найденная на городище Частухинский Урий (р. Большой Юган). Общий вид. Фото: К.Г. Карачаров, 2000 г.

Ил. 2. Серебряная чаша, найденная на городище Частухинский Урий (р. Большой Юган). Центральный медальон. Фото: К.Г. Карачаров, 2000 г.

«реставрации» с поверхности предмета были удалены все оригинальные покрытия, что делает невозможным установить доступными объективными методами, было ли чернение на самом деле или его не было.

Не могу согласиться с утверждением В.И. Семёновой, что большеюганская чаша выполнена «на низком ремесленном уровне». За исключением набивки медальона, других бросающихся в глаза погрешностей на предмете нет. Чаша выполнена из высокопробного серебра, все элементы декора, в том числе и перебитый медальон, выполнены отработанными стандартными приёмами. Всё это говорит, скорее, о серийном производстве в относительно крупной мастерской, где незначительные ошибки на массовых изделиях не приводили к их отбраковке.

Будучи не уверенным в атрибуции чаши как русского или прикамского изделия, я согласен с тем, что она попала на Большой Юган в результате сношений с русскими — либо в результате грабежа или как военный трофей, либо в качестве платы за товары или услуги, либо в качестве посольского или представительского дара. Скорее всего, сосуд составляет с найденными на городище Частухинский Урий монетами (1242 экз.)⁶ единый «драгоценный» комплекс, период форми-

рования которого относится к времени правления Ивана IV и Фёдора Ивановича. Справедливо предположить, что и чаша была изготовлена именно в этот период. Наиболее вероятным временем появления этого «драгоценного» комплекса в инородческой среде Обского Севера можно считать период от 1590-х гг. до 1619/1620 гг.⁷

Малоюганская чаша (ил. 3, 4).

В 2018 г. мне удалось заполучить сильно деформированную со значительными утратами пострадавшую от огня чашу, которая с первого же взгляда была соотнесена по стилю с описанной выше чашей с городища Частухинский Урий (Большеюганской чашей). Анонимный находчик, к сожалению, не указал точное место и время находки, однако сообщил, что она происходит с р. Малого Югана.

Благодаря двум жителям Малого Югана удалось получить более подробные сведения о находке⁸. По их словам, чаша была найдена «двумя копателями» в июле 2017 в барсучьей норе на склоне холма, расположенного около двух озер старичного происхождения — *Яун-Катури* (Два сливающихся вместе озера у реки)⁹ и *Йихун-Ури* (Отцовское озеро). «Место это расположено на правом берегу р. Малого Югана, напротив Юганского заповедника, между Юртами Караевыми и Юртами Ачимовыми Первыми, ближе к Ачимовым». На основании полученных сведений наиболее вероятным объектом археологического наследия, на котором мог быть найден рассматриваемый предмет, представляется городище Ягут-урий (Караевское), сведения о котором были получены мною в ходе рекогносцировочного археологического обследования среднего течения р. Малого Югана в 2000 г.¹⁰

Диаметр чаши составляет ок. 20,1–20,7 см, реконструируемая высота — ок. 2,0 см. Она выполнена из серебра в технике чеканки. Из-за того, что чаша сильно обгорела, мне не удалось достоверно установить, имела ли она ранее какие-либо покрытия — позолоту и/или чернь. На некоторых участках поверхности имеется патина зелёного цвета, что, скорее всего, говорит о прежнем залегании чаши в культурном слое совместно с изделием или изделиями из медьсодержащего сплава.

Медальон чаши сильно повреждён и утрачен более чем на половину. По сохранившейся части можно сказать, что он не имел канта. В нечётком рельефе угадывается обращённая влево фигура кошачьего хищника с опущенной головой и развернутой в фас мордой. Из-за деформации об изображении однозначно судить нельзя; возможно, проступающая фигура является лишь игрой света и тени на случай-

ных изгибах металлического листа. Отсутствие окантовки медальона, как на Большоюганской чаше, скорее всего, свидетельствует о его кустарной перечекалке.

Остальное оформление малоюганской чаши отличается от чаши с городища Частухинский Урий лишь в мелких деталях. Так как она крупнее, «плоских ложков» с жемчужинами на ней больше — 20. Ро-

Ил. 3. Серебряная чаша, найденная на р. Малом Югане. Общий вид. Фото: К.Г. Карачаров, 2018 г.

Ил. 4. Серебряная чаша, найденная на р. Малом Югане. Центральный медальон. Фото: К.Г. Карачаров, 2000 г.

зетка из ложек оконтурена кантом в виде полосы коротких наклонных выпуклых отрезков между линиями выпуклых точек — идентичных кантам Большеюганской чаши.

Борт чаши также декорирован семью группами узких вытянутых арочек, разделённых широкими арочками. Только в двух случаях в группах по четыре арочки, а не по пять.

Атрибуция и датировка

Несмотря на явную серийность юганских чаш, найти им близкие аналогии не удалось.

По поводу происхождения Большеюганской чаши, по моим сведениям, определено высказывались только три исследователя — В.И. Семёнова, О.В. Кардаш и Г.П. Визгалов.

В.И. Семёнова предположила русское происхождение чаши. Она ссылается на то, что мотив плоских ложек характерен именно для русской торевтики XV—XVI вв.¹¹ В качестве аналогии приведено золотое блюдо из Оружейной палаты Московского Кремля, изготовленное в 1561 г. и подаренное Иваном IV своей второй жене Марии Темрю-

ковне¹². В пользу версии В.И. Семёновой можно привести ещё одну вещь из Оружейной палаты — серебряный с позолотой жалованный ковш князя И.И. Кубенского. Считается, что он был изготовлен в 1535 г.¹³ Отметим, что с юганскими чашами упомянутые сосуды объединяют только плоские характерно изогнутые ложки, которые были присущи не только русским изделиям.

О.В. Кардаш и Г.П. Визгалов допустили, что чаша с городища Частухинский Урий могла быть изготовлена в мастерской Пермского Приуралья (русско-пермском центре)¹⁴. К сожалению, они не смогли предоставить каких-либо убедительных аргументов, а привлечение в качестве аналогий изделий явно иного круга из комплекса с протоки Горная Суббота¹⁵ ещё больше подорвало доверие к их, возможно, не лишённой смысла гипотезе.

Осознавая риск прослыть агностиком, не могу не высказать своего мнения по поводу атрибуции юганских чаш.

Как уже отмечалось выше, кроме изогнутых плоских ложек, аналогий среди русских изделий ни мне, ни предшествующим исследователям найти не удалось. Нет аналогий и среди известных предметов, которые можно было бы отнести к русско-пермскому центру.

Медальон с «кентавром-сфинксом» на Большеюганской чаше породил у В.И. Семёновой ассоциации с «*какими-то восточными или византийскими образцами*», которые она связала со «*смещением центра православия в Москву*» (!?)¹⁶. Отмечу, что подобный сюжет в оформлении центральных медальонов сосудов несомненно русского производства мне найти не удалось.

Действительно, не только медальон, но и чаша в целом вызывает навязчивые ассоциации с Востоком, точнее, с искусством Османской империи XVI—XVII вв. Чередование золочёных (золотых) и покрытых чернью изогнутых лепестков розетки — характерный изобразительный приём в торевтике Блистательной Порты этого периода¹⁷. Конечно, этот факт не позволяет однозначно локализовать место производства. Тем более, что турецкое влияние на ремесло и Западной, и Восточной Европы было очень велико. Нельзя игнорировать и возможность работы «выездных» мастеров.

В пользу версии поступления чаш с территории Османской империи говорит и то, что импорт из неё предметов роскоши и оружия Московским государством в рассматриваемый период был колоссальным. Даже в Западной Сибири нередки находки изделий, производство которых без особых сомнений можно связать с Турцией. Например, в

могильнике Усть-Балык были найдены три килиджа (в разных транскрипциях — *килидж*, *кылыц*, *килич*, *клыц*)¹⁸, классической «турецкой» формы, характерной для кон. XV — XVI в.¹⁹

Выводы

Датировка производства юганских чаш XVI в. в настоящее время не вызывает сомнений. Стилль и приёмы изготовления характерны для декоративно-прикладного искусства Турции периода Османского правления. Наиболее вероятным представляется то, что они происходят либо с территории самой Османской империи, либо были изготовлены в одной из мастерских Московского государства, находившейся под значительным влиянием турецких эстетических стереотипов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI—XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования) : в 2 т. — Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2015. — Т. 1: Археологические исследования. — С. 37.

² Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. — С. 33–34.

³ Семёнова В.И. Атрибуция чаши из княжеской могилы на городище Частухинский Урий // Науч.-практ. конф. «Словцовские чтения»: Тез. докл. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1992. — С. 8–11; Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 58–59; Семёнова В.И. Атрибуция предметов русского декоративно-прикладного искусства из обско-угорских могильников эпохи Средневековья // Вестн. КемГУКИ. — № 20. — Кемерово, 2012. — С. 200–201.

⁴ В публикации О.В. Кардаша и Г.П. Визгалова указан диаметр 6,5 см, что не соответствует данным из цитируемого ими источника (Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий... — Т. 1. — С. 236).

⁵ В своих публикациях В.И. Семёнова почему-то называет их ложками.

⁶ Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий... — Т. 1. — С. 370.

⁷ Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий... — Т. 1. — С. 371.

⁸ Выражаю благодарность жительнице Юрт Ачимовых Юлии Александровне Ачимовой (2000 г. р.) и жителю Юрт Каймысовых Виталию Алексеевичу Каймысову (2002 г. р.), которые весьма подробно описали все известные им обстоятельства находки чаши.

⁹ Здесь и далее названия географических объектов и перевод даны по версии информаторов.

¹⁰ Карачаров К.Г. Отчёт о НИР: Рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения реки Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 г. / ИАА УрО РАН. — Екатеринбург, 2001. — Научно-производственный архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Д. 25. Инв. № 3153 — С. 68–69. Рис. 2.

- ¹¹ Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий... — С. 59.
- ¹² Семёнова В.И. Средневековые могильники... — С. 96–97.
- ¹³ Ковш. Мастерские Московского Кремля, 1535 г. Серебро, чеканка, резьба, золочение. Принадлежал князю Ивану Ивановичу Кубенскому [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kreml.ru/exhibitions/virtual-exhibitions.dragotsennaya-posuda-drevney-rusi/kovshi-virtiulnaya-vystavka (дата обращения: 20.06.2019).
- ¹⁴ Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий... — С. 236.
- ¹⁵ Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 23–34.
- ¹⁶ Семёнова В.И. Атрибуция чаши из княжеской могилы... — С. 201.
- ¹⁷ Искусство Блистательной Порты. — М.: Московский Кремль, 2008. — С. 54–55.
- ¹⁸ Семёнова В.И. Средневековые могильники... — С. 43–44.
- ¹⁹ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие (в собрании Государственного Исторического музея). — СПб.: ТПГ «Атлант», 2002. — С. 85–88.

**Two bowls of the Russian colonization period in Western Siberia
from the rivers Bolshoj Yugan and Malyj Yugan**

K.G. Karacharov
Yekaterinburg
Individual entrepreneur

Annotation. Two bowls of the Russian colonization period in Western Siberia from the rivers Bolshoj Yugan and Malyj Yugan. There are two silver bowls of the 16th century identical in style and technique of manufacturing in the publication. One of them was found on the river Bolshoj Yugan, the second — on the river Malyj Yugan. The first one was located in the collective burial of the early 17th century on the site Chastuhinsky Uriy. The second one was found by black diggers, probably on the hillfort Yagut-Uriy (Karaevskoye). The most likely place of production of both bowls could be the Ottoman Empire or one of the workshop of the Muscovy, which manufactured items in the «Turkish» style.

Key words. Khanty-Mansiysk autonomous region — Yugra, Bolshoy Yugan, Maly Yugan, Chastuhinsky Uriy site, Yagut-Uriy site, Ottoman Empire, Muscovy, bowl, silver, chasing, gilding, niello, 16th c.

E-mail. mail@karacharov.ru

Нюрнбергские жетоны из археологических памятников Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (каталог)*

А.А. Пушкарёв

г. Томск

Томский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена описанию и изучению археологических находок — нюрнбергских жетонов — с территории ХМАО — Югры. В кон. XVI — XVIII в. эти уникальные артефакты, внешне похожие на монеты, проходили длинный путь из Западной Европы и попадали в культуру аборигенного населения Западной Сибири. В первой части статьи приводится нумизматический и территориально-хронологический анализ источниковой базы жетонов. На территории ХМАО — Югры выявлено преобладание нюрнбергских жетонов XVIII в., в то время как на более южных территориях представлена обратная картина — многочисленные находки жетонов кон. XVI — XVII в. и единичные — нач. XVIII в. Среди исследуемых материалов (в погр. 22 Соровского кладбища) выявлен уникальный случай сочетания двух функций жетонов — и как украшения, и как денежного средства. Во второй части статьи размещён каталог нюрнбергских жетонов с территории ХМАО — Югры.

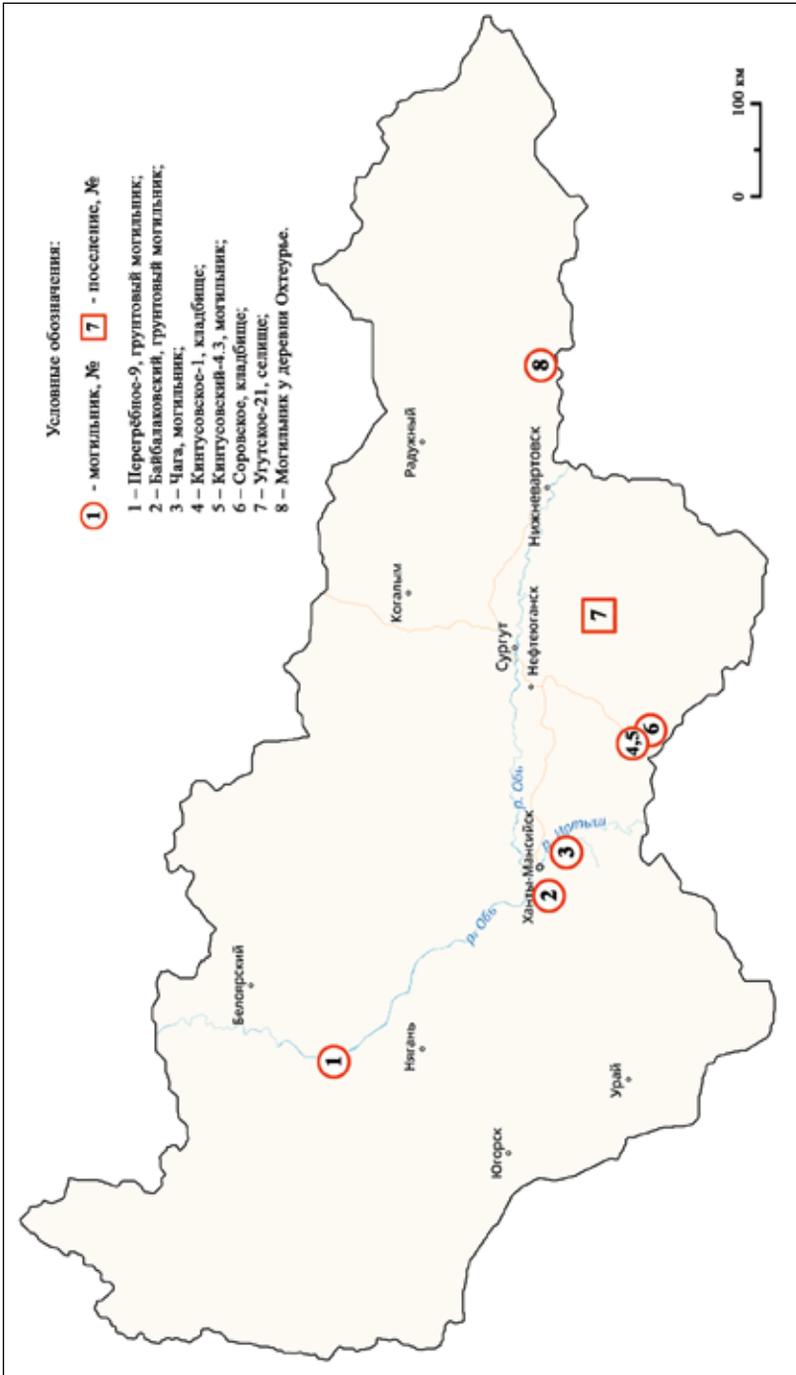
Ключевые слова. Жетон, Нюрнберг, нюрнбергский жетон, нумизматика, Западная Сибирь, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, археологический памятник, могильник, позднее Средневековье, ханты.

Нюрнбергские жетоны являются одной из распространённых, но при этом недостаточно изученных находок на археологических памятниках XVI—XIX вв. Западной Сибири, в том числе ХМАО — Югры. Жето-

---

* Статья выполнена в рамках государственной работы «Обеспечение проведения научных исследований» (задание № 1.8352.2017/ИТР). Автор благодарен коллегам, которые предоставили неопубликованные материалы для данной статьи. Особая благодарность нумизмату Freek Groenendijk (Нидерланды) за помощь в идентификации ряда жетонов, имеющих очень плохую сохранность.

Ил. 1. Нюрнбергские жетоны из археологических памятников ХМАО – Югры. Карта-схема расположения памятников

ны являются монетовидными знаками, которые впервые появились в Западной Европе в XIII в. и изначально использовались в качестве инструмента счёта на специальной доске, называемой абакус (абака). Пик популярности жетонов приходится на XVI — нач. XVII в., когда центром их производства становится г. Нюрнберг. Своеобразие феномена нюрнбергских жетонов заключается в том, что, возникнув на территории Западной Европы, они оказались в итоге адаптированы в культуры аборигенного населения Западной Сибири¹.

В археологии и этнографии жетоны, благодаря своим уникальным датировочным свойствам, являются важнейшим источником по изучению изменений в культуре аборигенного населения Западной Сибири в период русской колонизации².

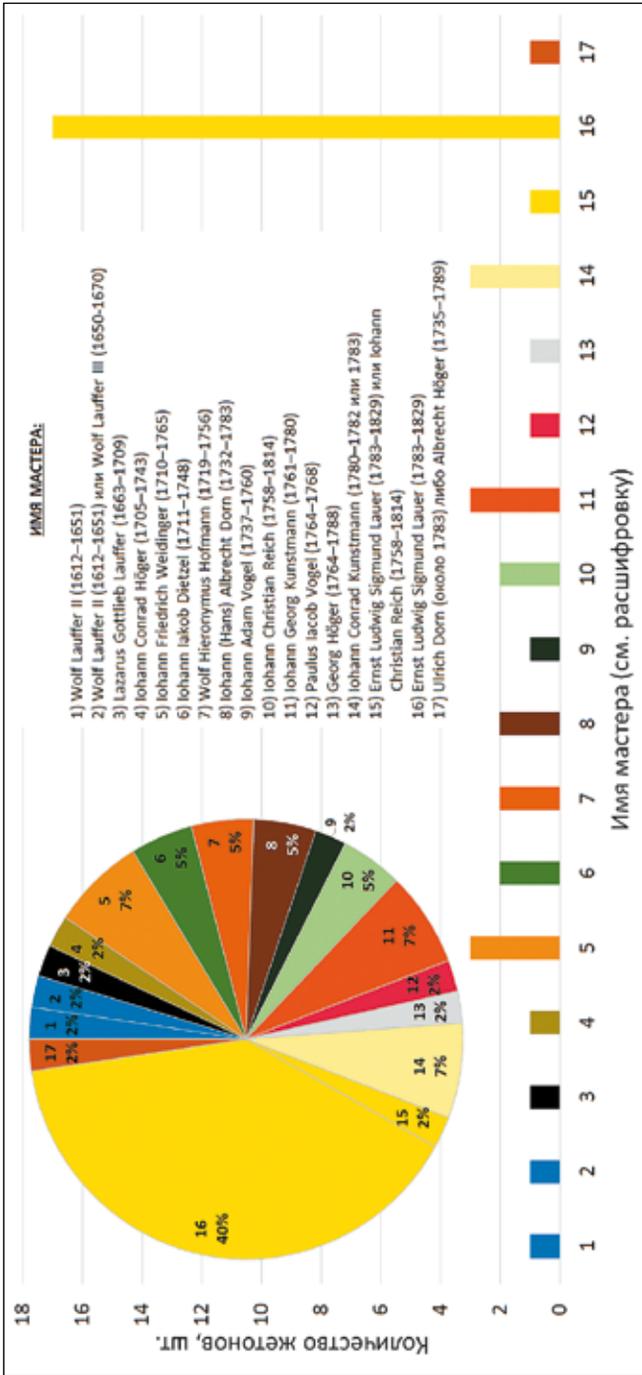
В настоящее время на территории ХМАО — Югры выявлено 43 нюрнбергских жетона, происходящих из 8 археологических памятников (ил. 1). Все они обнаружены на объектах, соотнесённых с конкретным аборигенным населением: 42 экз. из 7 могильников и 1 экз. из поселения. Основная масса жетонов (39 экз.) встречена в составе погребений. Их количество в одном захоронении варьировало от 1 до 16 экз.

Жетоны, обнаруженные на территории ХМАО — Югры, отчеканены 19 мастерами (ил. 2). Наиболее популярной являлась продукция мастера Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783—1829) — 17 экз. (40 % от общего количества). Она найдена в 5 из 8 памятников. Жетоны остальных мастеров встречены в количестве 1—3 экз.

Самые ранние нюрнбергские жетоны на территории ХМАО — Югры отчеканены мастером Wolf Lauffer II (1612—1651). Самые поздние — мастерами Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783—1829) и Johann Christian Reich (1758—1814), они датируются не позднее 1793 г.

Преобладающее большинство этих жетонов отчеканены в XVIII в. — 40 экз. (93 %), оставшиеся 3 экз. (7 %) — в XVII в. Любопытно, что для более южных территорий характерна обратная картина — полное преобладание жетонов кон. XVI — XVII в. и единичные находки экземпляров нач. XVIII в.³ Возможно, это связано с недостаточной изученностью погребальных памятников XVII в. на территории ХМАО — Югры.

В большинстве жетонов (31 экз., или 72 % от общего числа) имеются отверстия для фиксации. На 11 экз. (26 %) отверстия отсутствуют, и в отношении 1 экз. факт их наличия или отсутствия установить не удалось. На всех жетонах отверстия делали по краю, в месте легенды.

Ил. 2. Нюрнбергские жетоны из археологических памятников ХМАО – Югры. Диаграмма распределения жетонов по мастерам их чекана

На основании количества и расположения отверстий относительно друг друга жетоны распределяются следующим образом. Чаще всего в жетонах делали одно отверстие (25 экз.). Некоторые жетоны имеют по два отверстия, расположенных на противоположных сторонах диска (4 экз.). Остальные варианты размещения отверстий единичны: два отверстия рядом (1 экз.); три отверстия (1 экз.).

Необходимо отметить единичный случай обнаружения жетонов без отверстий — это 11 экз. из погребения № 22 Соровского кладбища. Вероятно, эти жетоны не использовались в качестве элемента костюма, а были положены покойному в качестве денежных средств наряду с медными монетами. Любопытно, что в этом же погребении были обнаружены жетоны (5 экз.) с отверстиями. В данном случае наблюдается уникальный случай сочетания двух функций жетонов — украшения и денежного средства.

Важнейшей частью исследования является каталогизация нюрнбергских жетонов. В предлагаемом ниже каталоге впервые объединены все известные находки кон. XVI—XVIII в. на территории ХМАО — Югры.

1. Перегрёбное 9, грунтовый могильник. Располагается на правом берегу Оби, в 3,5 км восточнее п. Перегрёбное (Октябрьский р-н ХМАО – Югры). На памятнике в 1980–1981 гг. проводил раскопки В.М. Морозов, исследовавший 19 захоронений. Общее количество могил не известно. Некрополь перекрывает средневековое поселение, однако Автор раскопок считал, что жетон происходит именно из могильника. В.М. Морозов датирует памятник в рамках XVIII в. – 1950-х гг. Этническую принадлежность могильника автор раскопок определил как северохантыйскую⁴. На территории могильника обнаружен один жетон.

Изображение	Описание	Датировка
	<p>Жетон № 1 <u>Легенда:</u> Ав.: XVI. DG...ET NAV REX (LUD XVI. DG FR ET NAV REX) Рев.: LUST B... DA LAND (LUST BAUT DAS LAND) Под обрезом: не читается <u>Изображение</u>⁵: Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (вправо). Рев.: высокий фонтан в декоративном парке Диаметр: 25,0 мм. Вес: неизвестен. Отверстия: количество неизвестно, так как края обломаны. Предположительно наличие одного отверстия. Контекст обнаружения: сборы с поверхности могильника⁶. Ссылка на нумизматический каталог⁷.</p>	<p>Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829) или Iohann Christian Reich (1758–1814)⁸; тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793); Людовик XVI (1775–1793). Итог: 1775–1793</p>
<p>Условные обозначения: ... – не читаются два и более символа (в легенде); ( ) – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

2. Байбалаковский, грунтовый могильник. Его местонахождение определено приблизительно: в районе протоки Байбалаковской в левобережной пойме р. Оби, немного ниже места впадения в неё р. Иртыша (Ханты-Мансийский р-н ХМАО — Югры). К сожалению, все предметы с памятника происходят из грабительских раскопок, поэтому контекст их обнаружения утерян. О.И. Приступа датировала могильник между XII—XIV и XVI—XVII вв.⁹ На могильнике Байбалаковский обнаружен 1 жетон на территории памятника.

Изображение	Описание	Датировка
	<p>Жетон № 1 <u>Легенда:</u> Ав.: *WOLF·LAVFER·REC_PF...ACHER (*WOLF·LAVFER·RECHPFENGMACHER) Рев.:*·NEYDT·THVT IHM SELBST LEYDT· <u>Изображение:</u> Ав.: имперская держава в драйпасае. Рев.: три короны и три лилии вокруг розетки (лилия сверху). <u>Диаметр:</u> 24,0 мм. <u>Вес:</u> неизвестен. <u>Отверстия:</u> 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> грабительские раскопки¹⁰. <u>Ссылка на нумизматический каталог:</u>¹¹</p>	<p>Wolf Lauffer II (1612–1651). Игор: 1612–1651</p>
<p>Условные обозначения: * – символ в виде розетки = – не читается один символ (в легенде); ... – не читаются два и более символа (в легенде); ( ) – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

3. Чага, могильник. Располагается на берегу р. Согом — левом притоке р. Иртыша (Ханты-Мансийский р-н, ХМАО — Югра). Могильник состоял из двух частей — хантыйской, расположенной вдоль берега протоки, и русской. А.Н. Багашёв, исследовавший могильник в 1986—1987 гг., выделил и раскопал все 60 хантыйских захоронений. Материалы могильника хронологически стыкуются с этнографическими данными. Автор раскопок датирует памятник XVIII — сер. XIX в.¹² В четырёх погребениях могильника Чага обнаружено 14 жетонов.

Изображение	Описание	Датировка
Погр. 17 ¹³		
	<p>Жетон № 1 <u>Легенда:</u> Ав.: ... XV DG FR E N REX (LVD XV DG FR E N REX) Рев.: DIV...EGNA...VOC... (DIVINIS IN REGNA VOCAMUS AVSPICIS) Под обрезом: I I D <u>Изображение:</u> Ав.: бюст французского короля Людовика XV (вправо). На голове лавровый венок. Рев.: Фортуна – богиня удачи, идущая влево, держит развеваящийся парус. Слева от неё плывущий корабль, а справа тонущий. <u>Диаметр:</u> 19,0 мм. <u>Вес:</u> 0,7 г. <u>Отверстия:</u> 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 17; вместе с останками умершего (жен.). Ссылка на нумизматический каталог¹⁴.</p>	<p>Iohann Jakob Dietzel (1711–1748); Людовик XV (1715–1775). Итог: 1715–1748</p>
	<p>Жетоны № 2–4 <u>Легенда:</u> Ав.: ELSQLAVERDRECHERPFENIGQ Рев.: PLVS:VLTRA Под обрезом: -S-L- <u>Изображение:</u> Ав.: солнце, полумесяц и звёзды. Рев.: корабль, плывущий по морю (влево) <u>Диаметр:</u> 19,0 мм. <u>Вес:</u> 0,7 г. <u>Отверстия:</u> в каждом жетоне по одному, на краю. Контекст обнаружения: погр. 17; вместе с останками умершего (жен.). Ссылка на нумизматический каталог¹⁵.</p>	<p>Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829); тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793). Итог: 1783–1793</p>

Погр. 24 ¹⁶		
	<p>Жетон № 5 <u>Легенда:</u> Ав.: ...D XV DG FR ET NAV... (LVD XV DG FR ET NAV REX) Рев.: ...OH-IACOB-DIRT_L-RECH... (IОН-IACOB-DIRTCEL-RĚCH) <u>Изображение:</u> Ав.: бюст французского короля Людовика XV (вправо) по плечи. Рев.: две фигурные буквы «L», перекрещённые между собой. Над ними помещена корона, а по бокам и в центре – три лилии. <u>Диаметр:</u> 18,0 мм. <u>Вес:</u> 0,4 г. <u>Отверстия:</u> количество неизвестно, так как края обломаны, но следы одного отверстия фиксируются. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 24; вместе с останками умершего (7–10 лет). <u>Ссылка на нумизматический каталог</u>¹⁷.</p>	<p>Iohann Iakob Dietzel (1711–1748); Людовик XV (1715–1775). Итог: 1715–1748</p>
Погр. 44 ¹⁸		
	<p>Жетоны № 6-7 <u>Легенда:</u> Ав.: WOLF.HIER-HOFFMANN...CHA-PFEN (WOLF.HIER-HOFFMANN-RECHA-PFEN) Рев.: DVR...KL VCK V KVNST (DVRCH KL VCK V KVNST) <u>Изображение:</u> Ав.: солнце, полумесяц и звёзды. Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). <u>Диаметр:</u> 22,0 мм. <u>Вес:</u> 0,6; 0,7 г. <u>Отверстия:</u> в каждом жетоне по 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 44; вместе с останками умершего (жен.). <u>Ссылка на нумизматический каталог</u>¹⁹.</p>	<p>Wolf Hieronymus Hofmann (1719–1756). Итог: 1719–1756</p>

	<p>Жетон № 8 <u>Легенда:</u> Ав.: LVD...V D G FR...REX (LVD·XV·D·G FR·E·I·REX) Рев.: DVRC...HE VND (DVRCH MV HE VND KVNST) Под обрезом: ...D... (REI·A·D·PF)²⁰ <u>Изображение:</u> Ав.: бюст французского короля Людовика XV (вправо). На голове лавровый венок. Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). <u>Диаметр:</u> 18,0 мм. <u>Вес:</u> 0,8 г. <u>Отверстия:</u> 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 44; вместе с останками умершего (жен.). <u>Дополнительный датировочный материал:</u> в погребении также находились монеты 1771–1777 гг. <u>Ссылка на нумизматический каталог</u>²¹.</p>	<p>Iohann (Hans) Albrecht Dorn (1732–1783); Людовик XV (1715–1775). Итого: 1732–1775</p>
	<p>Жетон № 9 <u>Легенда:</u> Ав.: LVD XVIGF R·ET NA R Рев.: ARMIS NUNC TOTA Под обрезом: I·G·K· <u>Изображение:</u> Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (влево). Рев.: Минерва – богиня мудрости, стоящая с копьем и мечом (вправо). <u>Диаметр:</u> 22,0 мм. <u>Вес:</u> 1 г. <u>Отверстия:</u> 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 44; вместе с останками умершего (жен.). <u>Дополнительный датировочный материал:</u> в погребении также находились монеты 1771–1777 гг. <u>Ссылка на нумизматический каталог</u>²².</p>	<p>Iohann Georg Kunstmann (1761–1780); Людовик XVI (1775–1793). Итого: 1775–1780</p>

	<p>Жетон № 10 <u>Легенда:</u> Ав.: ANN D G RVS SOR IMPERATR (ANNA D G RVS SOR IMPERATR) Рев.: DONAT-VICTORIA-TANTA Под обрезом: I-C-H-RE-PF- <u>Изображение:</u> Ав.: бюст российской императрицы Анны Иоанновны (вправо). Рев.: изображение российской императрицы Анны Иоанновны, сидящей на троне. Возле трона стоит щит с гербом Российской империи. Один мужчина повергает знамя с полумесяцем к подножию трона. Турок протягивает Анне план Азова, а гений победы увенчивает её. Диаметр: 24,0–25,5 мм. Вес: 1,5 г. Отверстия: 2, на краю. Контекст обнаружения: погр. 44; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1771–1777 гг. Ссылка на нумизматический каталог²³.</p>	<p>Iohann Conrad Höger (1705–1743); Анна Иоановна (1730–1740); взятие Азова (1736). Итог: около 1736</p>
	<p>Жетон № 11 <u>Легенда:</u> Ав.: ...V...FR E... (LVD.XV D. G.FR.E-N-REX)²⁴ Рев.: ...VOGEL. (IOH ADAM VOGEL.) Слева над носом корабля: RE справа, над кормой: PF <u>Изображение:</u> Ав.: можно различить только ворот какого-то одеяния (бюст французского короля Людовика XV). Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). Диаметр: 19,0 мм. Вес: 0,4 г. Отверстия: 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 44; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1771–1777 гг. Ссылка на нумизматический каталог²⁵.</p>	<p>Iohann Adam Vogel (1737–1760); Людовик XV (1715–1775). Итог: 1737–1760</p>

Погр. 53 ²⁶		
	<p>Жетоны № 12-13 <u>Легенда:</u> Ав.: GEORG-D-G-M-BR ET REX Рев.: DAT FRVC TVS ... (DAT FRVC TVS DAX) Под обрезаом: _ F W (I F W) <u>Изображение:</u> Ав.: бюст английского короля Георга I (вправо). На голове лавровый венок. Рев.: фруктовое дерево под сияющим солнцем. <u>Диаметр:</u> 18,0 мм. <u>Вес:</u> 0,8; 0,9 г. <u>Отверстия:</u> в каждом жетоне по 2, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 53; вместе с останками умершего (ребёнок). Ссылка на нумизматический каталог²⁷.</p>	<p>Iohann Friedrich Weidinger (1710–1765); Георг I (1714–1727). Итог: 1714–1727</p>
	<p>Жетон № 14 <u>Легенда:</u> Ав.: AUG.III·D G·POL·REX Рев.: MARIA IOSEPH_ (MARIA IOSEPHA) Под обрезаом: RE·I·F·W:PF <u>Изображение:</u> Ав.: бюст польского короля Августа III Фридриха Веттина (вправо). Рев.: бюст жены Августа – Марии (влево). <u>Диаметр:</u> 21,0 мм. <u>Вес:</u> 1 г. <u>Отверстия:</u> 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 53; вместе с останками умершего (ребёнок). Ссылка на описание и изображение: МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7622; Багашёв А.Н. Полевой дневник ... – С. 278–279. Ссылка на нумизматический каталог²⁸.</p>	<p>Iohann Friedrich Weidinger (1710–1765); Август III (1733–1763); Мария (1733–1757). Итог: 1733–1757</p>
<p>Условные обозначения: – не читается один символ (в легенде); ... – не читаются два и более символа (в легенде); ( ) – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

4. Кинтусовское 1, кладбище. Располагается на правом берегу р. Вандрас в 600 м к юго-востоку от п. Салыма (Нефтеюганский р-н ХМАО – Югры). В.А. Дрёмов в 1987 г. исследовал на кладбище 33 объекта (28 погребений). Судя по его описанию, памятник был раскопан полностью. А.И. Боброва датировала захоронения нач. XIX в. – 1930-ми гг. по обнаруженным в них монетам. Этническую принадлежность памятника она связала с салымскими хантами²⁹. На кладбище Кинтусовское 1 обнаружено 8 жетонов, все – в одном погребении.

Изображение	Описание	Датировка
Погр. 31 ³⁰		
	<p>Жетон № 1 Легенда: Ав.: LOUIS X...R...DES FRANSOIS (LOUIS XVI ROI DES FRANSOIS) Рев.: LUST BAUT DAS LA_D (LUST BAUT DAS LAND) Под обрезом: RECH: PFEN _L.S.L. (E.L.S.L.) Изображение: Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (вправо). Рев.: высокий фонтан в декоративном парке Диаметр: 25,0–27,0 мм. Вес: 1,1 г. Отверстия: 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. Ссылка на нумизматический каталог³¹.</p>	<p>Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829); тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793); Людовик XVI (1775–1793); тип портрета Людовика XVI «Constitutional bust» (1791–1793). Итор: 1791–1793</p>
	<p>Жетон № 2 Легенда: Ав.: * IOHANN.CONRAD.KUNSTMANN Рев.: PLU S V LTRA Под обрезом: I C K Изображение: Ав.: солнце, полумесяц и звёзды. Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). Диаметр: 18,0 мм. Вес: 0,7 г. Отверстия: 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. Ссылка на нумизматический каталог³².</p>	<p>Iohann Conrad Kunstmann (1780–1782 или 1783). Итор: 1780–1783</p>

	<p>Жетон № 3 <u>Легенда:</u> Ав.: не читается Рев.: ...HE VND... (DVRCH MV HE VND KVNST) Под обрезом: не читается (REF-A-D:PF)³³ <u>Изображение:</u> Ав.: не читается (бюст французского короля Людовика XV (вправо). На голове лавровый венок). Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). Диаметр: 18,0 мм. Вес: 0,8 г. Отверстия: 2, на краю. Контекст обнаружения: погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. Ссылка на нумизматический каталог³⁴.</p>	<p>Iohann (Hans) Albrecht Dorn (1732–1783); Людовик XV (1715–1775). Итог: 1732–1775</p>
	<p>Жетон № 4 <u>Легенда:</u> Ав.: ELS □ LAVER □ RECHPFENIG □ Рев.: PLVS·VLTRA· Под обрезом: .S.L. <u>Изображение:</u> Ав.: солнце, полумесяц и звёзды. Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). Диаметр: 19,0 мм. Вес: 0,7 г. Отверстия: 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. Ссылка на нумизматический каталог³⁵.</p>	<p>Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829); тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793). Итог: 1783–1793</p>

	<p>Жетоны № 5-6 <u>Легенда:</u> Ав.: LVD.XVI D G FR ET.NAV.RE Рев.: ARMIS.NUNC TOTA Под обрезом: ·I·G·K· <u>Изображение:</u> Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (влево). Рев.: Минерва – богиня мудрости, стоящая с копьем и мечом (вправо). Диаметр: 22,5 мм. Вес: 0,8 г. Отверстия: в каждом жетоне по 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. Ссылка на нумизматический каталог³⁶.</p>	<p>Johann Georg Kunstmann (1761–1780); Людовик XVI (1775–1793). Итор: 1775–1780</p>
	<p>Жетон № 7 <u>Легенда:</u> Ав.: ...REX Рев.: основная легенда не сохранилась. Слева, под носом корабля: RE справа, под кормой: PF Под обрезом: P-I-V· <u>Изображение:</u> Ав.: можно различить только ворот какого-то одеяния, вероятно – это портрет какого-то монарха (вправо). Рев.: контур нижней части корабля, который плывёт по морю (налево). Диаметр: неопределим. Вес: 0,1 г. Отверстия: наличие/отсутствие неизвестно, так как от жетона сохранилось менее 1/3. Контекст обнаружения: погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. Ссылка на нумизматический каталог³⁷.</p>	<p>Paulus Iacob Vogel (1764–1768). Итор: 1764–1768</p>

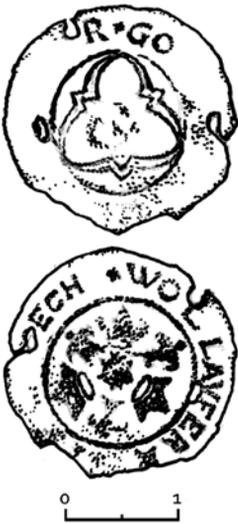

	<p>Жетон № 8 <u>Легенда:</u> Ав.: LVD XV...ET N... (LVD XV D G FR ET N REX)³⁸ Рев.: ...GEORG HOEGER (IÖHANN GEORG HOEGER) <u>Изображение:</u> Ав.: не читается (бюст французского короля Людовика XV). Рев.: Гелиос – бог солнца едет по небу в колеснице, запряжённой двумя конями. Под облаками находится стилизованное изображение земли с засаженными полями. <u>Диаметр:</u> 23,0 мм. <u>Вес:</u> 1,6 г. <u>Отверстия:</u> 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 31; вместе с останками умершего (жен.). <u>Дополнительный датирующий материал:</u> в погребении также находились монеты 1835, 1838, 1842, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. <u>Ссылка на нумизматический каталог</u>³⁹.</p>	<p>Georg Höger (1764–1788). Игор: 1764–1788</p>
<p>Условные обозначения: * – символ в виде розетки; — не читается один символ (в легенде); = – не читаются два и более символа (в легенде); ( ) – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

5. Кинтусовский 4.3, могильник. Расположен на берегу оз. Большой Сырковский Сор на окраине п. Салыма (Нефтеюганский р-н ХМАО — Югры). Могильник является частью комплекса археологических памятников, получивший название «ансамбль Кинтусовское 4». В его состав входят селище, городище, могильник и святилище, которые содержат материалы разных хронологических периодов от эпохи поздней бронзы до XVII в. На могильнике Кинтусовский 4.3 выделены две группы погребений: IX—XII и XIV—XVII вв.⁴⁰

Могильник, как и остальные памятники комплекса, выявил и впервые обследовал в 1911 г. Л.Р. Шульц. Позднее археологические раскопки проводили Л.М. Терехова (1982—1983), К.Г. Карачаров (1992), С.Ю. Пархимович и А.Я. Труфанов (2007—2008). Общее количество вскрытых погребений неизвестно, поскольку материалы полевых работ до сих пор не опубликованы. Поздний комплекс погребений некрополя предположительно связывают с предками хантов⁴¹. При вскрытии погребения 31 могильника Кинтусовский 4.3 обнаружен 1 жетон⁴².

Изображение	Описание	Датировка
Погр. 31 ⁴³		
	<p>Жетон № 1 <u>Легенда:</u> Ав.: *GO...R Рев.: *WOL...LAVFER...ECH (WOLF(F) LAVFER...ECH) <u>Изображение:</u> Ав.: имперская держава в драйпасае. Рев.: три короны и три лилии вокруг розетки (корона сверху). <u>Диаметр:</u> 20,0 мм. <u>Отверстия:</u> 3, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 31; на краю могильной ямы, на уровне тазовых костей погребенного. <u>Ссылка на нумизматический каталог</u>⁴⁴.</p>	<p>Wolf Lauffer II (1612–1651) или Wolf Lauffer III (1650–1670)⁴⁵.</p> <p>Итог: 1612–1670</p>
<p>Условные обозначения: * – символ в виде розетки; ... – не читаются два и более символа (в легенде); ( ) – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

6. Соровское, кладбище. Расположено на западном берегу оз. Соровского (Нефтеюганский р-н, ХМАО – Югра). В.А. Дрёмов в 1987 г. исследовал на кладбище 87 объектов (80 погребений). Судя по описанию, памятник раскопан полностью. А.И. Боброва датировала захоронения нач. 1840-х гг. – 1932 г. по обнаруженным в них монетам. Этническую принадлежность памятника она связывает с салымскими хантами⁴⁶. В погребении 22 обнаружено 16 жетонов.

Изображение	Описание	Датировка
Погр. 22 ⁴⁷		
	<p>Жетоны № 1–11 <u>Легенда:</u> Ав.: LOUIS XVI ROI DES FRANSOIS Рев.: LUST BAUT DAS LAND Под обрезаом: RECH:PFEN E.L.S.L. <u>Изображение:</u> Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (вправо). Рев.: высокий фонтан в пейзажном парке Диаметр: 25,0–27,0 мм. Вес: 1,1; 1,3; 1,4; 1,5 (2 экз.); 1,6 (2 экз.) 1,7 (2 экз.); 1,9; 2,4 г. <u>Отверстия:</u> во всех жетонах отверстия отсутствуют. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 22; вместе с останками умершего (жен.). <u>Дополнительный датирующий материал:</u> в погребении также находились монеты 1775 и 1810 гг. Ссылка на нумизматический каталог⁴⁸.</p>	<p>– Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829); – тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793); – Людовик XVI (1775–1793); – тип портрета Людовика XVI «Constitutional bust» (1791–1793). Итор: 1791–1793</p>
	<p>Жетоны № 12–13 Легенда: Ав.: * ЮНА...CONRAD-KUNSTMANN (* ЮHANN.CONRAD.KUNSTMANN) Рев.: PLU S V LTRA Под обрезаом: · I C K · Ав.: солнце, полумесяц и звёзды. Рев.: корабль, плывущий по морю (влево). Диаметр: 19,0 мм. Вес: 0,7 г. <u>Отверстия:</u> в каждом жетоне по 1, на краю. <u>Контекст обнаружения:</u> погр. 22; вместе с останками умершего (жен.). <u>Дополнительный датирующий материал:</u> в погребении также находились монеты 1775 и 1810 гг. Ссылка на нумизматический каталог⁴⁹.</p>	<p>– Iohann Conrad Kunstmann (1780–1782 или 1783). Итор: 1780–1783</p>

	<p>Жетоны № 14–15 Легенда: Ав.: LUD·XVI·D·G·FR·NAV·REX Рев.: ER ZIERT DAS LAND По обеим сторонам дерева у его корней: RE· PF Под обрезом: REICH Изображение: Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (вправо). Рев.: дерево. Диаметр: 22,0 мм. Вес: 0,7; 0,8 г. Отверстия: в каждом жетоне по 1, на краю Контекст обнаружения: погр. 22; вместе с остан- ками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1775 и 1810 гг. Ссылка на нумизматический каталог⁵⁰.</p>	<p>– Johann Christian Reich (1758–1814); – тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793); – Людовик XVI (1775–1793). Итор: 1775–1793</p>
	<p>Жетон №16 Легенда: Ав.: ...FR·ET·_EX (LUD·XVI·D·G·FR·ET·REX)⁵¹ Рев.: UL...CH...ORN...(ULRICH DORN RP) Изображение: Ав.: не читается (бюст французского короля Людовика XVI). Рев.: Минерва – богиня мудрости, стоящая с копьем и мечом (вправо). Диаметр: 21,5 мм. Вес: 0,6 г. Отверстия: 1, на краю. Контекст обнаружения: погр. 22; вместе с остан- ками умершего (жен.). Дополнительный датирующий материал: в погребении также находились монеты 1775 и 1810 гг. Ссылка на нумизматический каталог⁵².</p>	<p>– Ulrich Dorn (около 1783) либо Albrecht Höger (1735–1789). Итор: 1735–1789</p>
<p>Условные обозначения: * – символ в виде розетки; ... – не читаются два и более символов (в легенде); () – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

7. Угутское 21, селище. Располагается на правом берегу р. Угутки — правого притока р. Большого Югана (Среднее Приобье), в 2,1 км к востоку от зоны застройки п. Угута (Сургутский р-н ХМАО — Югры). Селище Угутское 21 выявлено в 2008 г. Л.Ю. Фефиловой при разведочных работах по берегам р. Большого Югана. Летом 2016 г. на селище А.Ю. Скоробогатова провела спасательные археологические раскопки, в ходе которых выявлено и изучено пять традиционных хантыйских жилищ типа «мыш-кот» (XVIII—XIX вв.) и три ямы-ловушки предположительно эпохи бронзы (втор. пол. II тыс. до н. э.). В межжилищном пространстве выявлено и изучено 23 наземных очага, не выраженных в рельефе. Этническую принадлежность могильника автор раскопок связывает с хантами⁵³. На селище Угутское 21 обнаружен 1 жетон в жилище.

Изображение	Описание	Датировка
	<p>Жетон № 1 Легенда: Ав.: LUDOVICUS· M... (LUDOVICUS· MAGNUS REX) Рев.: LE·REPOS·SVIT . LA (LE·REPOS·SVIT . LA·VICTOIRE) Изображение: Ав.: бюст французского короля Людовика XIV в зрелом возрасте (вправо). Рев.: Секуритас (рим.) — богиня безопасности сидит на стуле вправо в профиль.левой рукой она подпирает свою голову, а правой держит корону, расположенную на её правом колене. Диаметр: 22 мм. Вес: 1,1 г. Отверстия: 1, на краю. Контекст обнаружения: в заполнении жилища № 3 у западной стенки, слева от входа, на нарах; залегал в слое обваловки, непосредственно под дёрном⁵⁴. Ссылка на нумизматический каталог⁵⁵.</p>	<p>— Lazarus Gottlieb Lauffer (1663—1709); — Людовик XIV (1643—1715). Итого: 1663—1709</p>
<p>Условные обозначения: * — символ в виде розетки; ... — не читаются два и более символов (в легенде); ( ) — в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

8. Могильник у д. Охтеурье. Расположен в бассейне р. Ваха — правого обского притока, в окрестностях д. Охтеурье (Нижневартровский р-н ХМАО — Югры). Происходит из грабительских раскопок, поэтому восстановить контекст его обнаружения не представляется возможным. Хантыйские юрты *Охтын-урье-пугол* в 1920-х гг. упомянуты М.Б. Шатиловым⁵⁶. На могильнике обнаружен 1 жетон.

Изображение	Описание	Датировка
	<p>Жетон № 1 Легенда: Ав.: LOUIS XVI RO...FRAN... (LOUIS XVI ROI DES FRANCOI) Рев.: LUST BAUT ... LAND (LUST BAUT DAS LAND) Под обрезом: не читается (Под обрезом: RECH:PFEN ELSL.)⁵⁷. Изображение: Ав.: бюст французского короля Людовика XVI (вправо). Рев.: высокий фонтан в декоративном парке. Диаметр: 25×27 мм. Вес: 1,2 г. Отверстия: 2, на краю (отверстия расположены рядом). Контекст обнаружения: найден в окрестностях д. Охтеурье, скорее всего на территории могильника⁵⁸. Ссылка на нумизматический каталог⁵⁹.</p>	<p>– Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829); – тип жетона «Traditional «flimsy» fabric» (до 1793); – Людовик XVI (1775–1793). Итог: 1783–1793</p>
<p>Условные обозначения: ... – не читаются два и более символов (в легенде); () – в скобках указан наиболее близкий вариант легенды или изображения, заимствованный из опубликованных нумизматических каталогов.</p>		

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкарёв А.А. Нюрнбергские счётные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // Былые годы. — Сочи, 2015. — Вып. 4 (38). — С. 825–833.

² Пушкарёв А.А. Методика датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири // Вестн. Томского гос. ун-та. История. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — № 2 (18). — С. 152–159.

³ Пушкарёв А.А. Нюрнбергские счётные жетоны ... — С. 829.

⁴ Морозов В.М. Некоторые черты погребального обряда хантов Нижней Оби в конце XIX — начале XX вв. // Обряды народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — С. 157–165.

⁵ Графическая информация (рисунок жетона) В.М. Морозова (неопубл.).

⁶ Морозов В.М. Некоторые черты ... — С. 164.

⁷ Mitchiner M. Jetons, Medalllets and Tokens. — London : B.A. Seaby Ltd, 1988. — Vol.1: Medieval period & Nuremberg. — P. 544.

⁸ Идентификация жетона затруднена из-за утраты фрагмента, где была нанесена легенда с инициалами мастера. Однако жетоны с таким изображением аверса и реверса чеканили только два мастера: Ernst Ludwig Sigmund Lauer и Johann Christian Reich.

⁹ Приступа О.И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып.10. — С. 88.

¹⁰ Приступа О.И. Мартиролог предметов археологии... — С. 98. Ил. 44.

¹¹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 483. № 1704—1705; Groenendijk F., Levinson R. A. Nürnberger Rechenpfennige — Nuremberg Jetons: Die Familie Lauffer. — München : Staatliche Münzsammlung München, 2015. — Vol. 2: The Lauffer family ca 1554 — 1712. Mit Nachträgen zu Band I — with Supplement. P. 73. № 241.

¹² Багашёв А.Н. Полевой дневник Иртышской антропологической экспедиции Лаборатории истории, археологии и этнографии. Антропологическая экспедиция Томского гос. университета летом 1987 г. Тюмень, Иртыш // Архив кабинета антропологии ТГУ. — без №. — С. 246, 283; Багашёв А.Н. Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры: Ханты и манси. — М.: ИЭА РАН, 1991. — С. 29.

¹³ МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7622; Багашёв А.Н. Полевой дневник... — С. 261.

¹⁴ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 524. № 1869.

¹⁵ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 549. № 1961—1962.

¹⁶ МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7622; Багашёв А.Н. Полевой дневник... — С. 265.

¹⁷ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 524—525.

¹⁸ МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7622; Багашёв А.Н. Полевой дневник... — С. 274.

¹⁹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 532.

²⁰ Легенда восстановлена по идентичному жетону из коллекции нумизмата F. Groenendijk (Нидерланды). Благодарю господина F. Groenendijk за его бескорыстную помощь в атрибуции некоторых публикуемых жетонов плохой сохранности.

²¹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 536.

²² Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 539.

²³ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 539; Руденко И.В. Нюрнбергские счётные жетоны. Россия. Каталог. — Ростов н/Д: Омега Паблишер, 2012. — С. 112—113. № С.2.5.

²⁴ Легенда восстановлена по идентичному жетону из коллекции нумизмата F. Groenendijk (Нидерланды).

²⁵ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 535.

²⁶ МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7622; Багашёв А.Н. Полевой дневник... — С. 278—279.

²⁷ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 521. № 1853.

²⁸ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 521, 528 № 1886a, 537.

²⁹ Дрёмов В.А. Антропологическая экспедиция Томского гос. университета летом 1987 г. Тюмень, Иртыш // Архив кабинета антропологии ТГУ. — без №. — С. 53; Боброва А.И. Погребальный обряд салымских хантов (по раскопкам В.А. Дрёмова) // Угры: мат-лы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2003 г., Тобольск). — Тобольск, 2003. — С. 38, 40.

³⁰ МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7626; Дрёмов В.А. Антропологическая экспедиция... — С. 180—201, 205.

³¹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 544. № 1940.

- ³² Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 539.
- ³³ Изображения и легенда восстановлены по идентичным жетонам из могильника Чага (жетон № 8) и из коллекции нумизмата F. Groenendijk (Нидерланды).
- ³⁴ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 524—525.
- ³⁵ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 549. № 1961—1962.
- ³⁶ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 539.
- ³⁷ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 535.
- ³⁸ Изображения и легенда восстановлены по идентичному жетону из коллекции нумизмата F. Groenendijk (Нидерланды).
- ³⁹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 529—530.
- ⁴⁰ Северная археология. — Екатеринбург: АМБ, 2010. — С. 30; Эмиргамзаева И.А. История изучения Кинтусовского комплекса // Человек и Север: антропология, археология, экология: мат-лы всерос. конф. (г. Тюмень, 24—26 марта 2009 г.). — Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2009. — Вып. 1. — С. 130.
- ⁴¹ Северная археология... — С. 30; Карачаров К.Г. Отчёт об археологических раскопках памятника Кинтусовское-4 (поселения и могильника), проведённых летом 1992 г. — Екатеринбург, 1993.
- ⁴² Карачаров К.Г. Археология нового времени Севера Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — С. 131. Рис. 1—16.
- ⁴³ Карачаров К.Г. Отчёт об археологических раскопках... — С. 17—18.
- ⁴⁴ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens. P. 483—485; Groenendijk F., Levinson R.A. Nyrnberger Rechenpfennige... — P. 65—74.
- ⁴⁵ По описанию и рисунку невозможно определить, какой именно мастер — Wolf Lauffer II или Wolf Lauffer III — чеканил данный жетон.
- ⁴⁶ Дрёмов В.А. Антропологическая экспедиция... — С. 87, 88; Боброва А.И. Погребальный обряд салымских хантов (по раскопкам В.А. Дрёмова)... — С. 38, 40, 41.
- ⁴⁷ МАЭС ТГУ: Отдел археологии, кол. № 7625; Дрёмов В.А. Антропологическая экспедиция... — С. 87—88.
- ⁴⁸ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 544. № 1940.
- ⁴⁹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 539.
- ⁵⁰ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 594—603.
- ⁵¹ Изображения и легенда восстановлены по идентичному жетону из коллекции нумизмата F. Groenendijk (Нидерланды).
- ⁵² Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 536.
- ⁵³ Скоробогатова А.Ю. Отчёт о НИР «Археологические раскопки выявленных объектов археологического наследия «селище Угутское 21», «селище Угутское 40» в зоне обустройства кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения в Сургутском р-не ХМАО — Югры в 2016 г.». — Нефтеюганск, 2018.
- ⁵⁴ Скоробогатова А.Ю. Отчёт о НИР «Археологические раскопки...»
- ⁵⁵ Groenendijk F., Levinson R.A. Nyrnberger Rechenpfennige... — P. 121. № 421.
- ⁵⁶ Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — С. 7, 252.
- ⁵⁷ Легенда под обрезом восстановлена по идентичному жетону из коллекции нумизмата F. Groenendijk (Нидерланды).
- ⁵⁸ Информация о жетоне получена Я.А. Яковлевым от местного жителя д. Охтеурье.
- ⁵⁹ Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens... — P. 544. № 1939—1940

**Nuremberg jetons
from archaeological sites
of the Khanty-Mansiysk autonomous region – Ugra
(katalog)**

A.A. Pushkarev

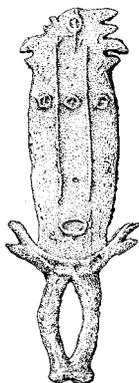
Tomsk

Tomsk State University

Abstract. The article is devoted to the Nuremberg jetons found in archaeological sites of the Khanty-Mansiysk autonomous region – Ugra. At the end of the 16 – 18 cent. these unique artifacts, passed a long way from Western Europe to the aboriginals of Western Siberia. The first part of the article is devoted to a numismatic, territorial and chronological analysis of jetons found. On the territory of the Khanty-Mansi autonomous region – Ugra, the almost complete predominance of the Nuremberg jetons of the 18th century was revealed. For the territories to the south of Ugra most typical finds of jetons dated the end of the 16th – 17th cent. and only single finds dated the beginning of the XVIII century. Among the materials studied (burial 22 of the Sorovskoye Cemetery), a unique case of the combination of the two functions of jetons: as decoration and money was revealed. In the second part of the article there is a catalog of Nuremberg jetons found on the territory of the Khanty-Mansiysk autonomous region – Ugra.

Keywords. Jeton, Nuremberg, nuremberg jeton, numismatics, Western Siberia, Khanty-Mansiysk autonomous region – Ugra, archaeological site, cemetery, Late Middle Ages, Khanty

E-mail. supdron@gmail.com

«Да дело, в общем, не в гусях, — а всё нелажно!»*

Трудности атрибуции инвентаря постсредневековых памятников

Ю.В. Ширин

г. Новокузнецк

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость»

Я.А. Яковлев

г. Ханты-Мансийск

Музей под открытым небом «Торум маа»

Аннотация. При обращении к материальной культуре постсредневекового времени археологи часто сталкиваются со сложностью атрибуции инвентаря. Примером могут служить крупные железные топоры с трубчатым массивным проухом и односторонней заточкой. В научных публикациях и музейных экспозициях их нередко представляют в роли холодного оружия позднего Средневековья. В статье приведена выборка топоров в количестве 96 экз., выявленных на всём пространстве Евразии от Франции до Дальнего Востока, даны физические параметры некоторых образцов, высказано мнение об их датировке XIX — перв. пол. XX в. и аргументирована прагматика в качестве специализированного плотницкого инструмента.

Ключевые слова. Топор, плотницкий инструмент, холодное оружие, археология XIX в.

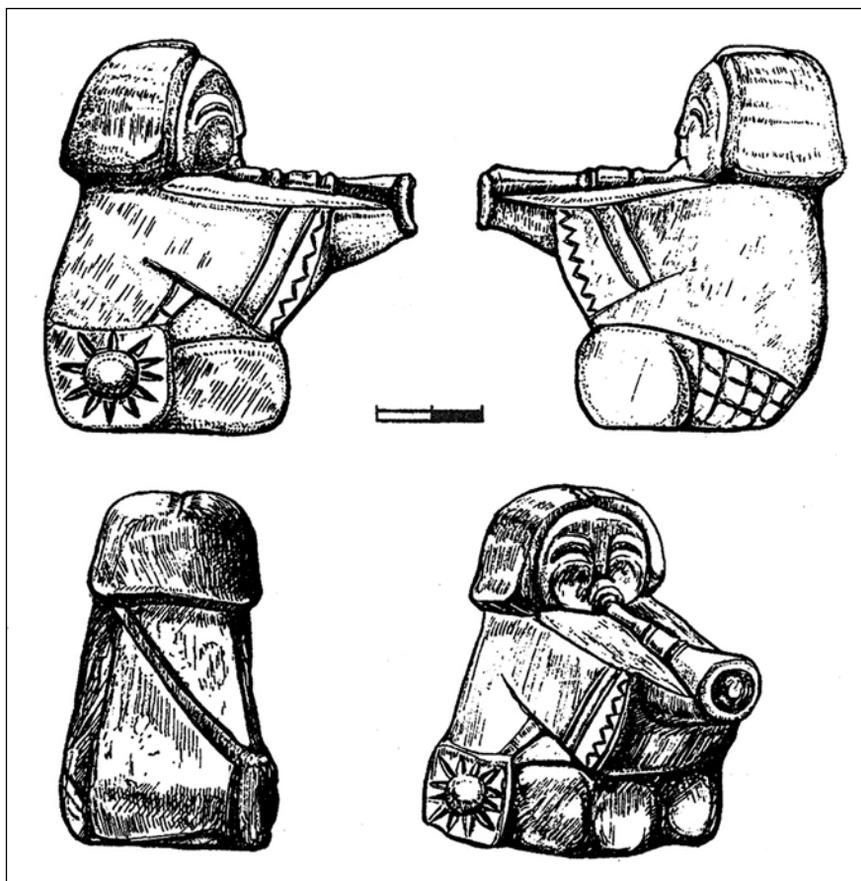

В последние годы мы всё чаще наблюдаем расширение сферы интересов археологии в сторону Нового и Новейшего времени. Это нашло отражение даже в современном законодательстве об охране историко-культурного наследия — в последней редакции Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)

---

* Строка из песни В. Высоцкого «Смотрины». Смысл стихотворной фразы заключается в том, что упоминаемые в черед прочего по тексту стихотворения гуси не имеют отношения к сути основного повествования. В свою очередь, смысл статьи состоит в аргументации, что топоры, которые в англоязычных странах из-за характерной формы именуется «гусиным крылом», не имеют отношения к холодному оружию, как на этом настаивают некоторые археологи.

народов Российской Федерации» дано такое определение: «Под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы»¹. Этой несколько неожиданной для научного сообщества формулировкой законодатель подвёл черту под давней дискуссией о верхнем хронологическом рубеже для археологической науки.

Ил. 1. «Каменная статуэтка. Подъёмные сборы». По: Илюшин А.М. Самодийский период в истории Кузнецкой котловины // Самодийцы. Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001, 2001. – С. 43. Рис. 1

Но при обращении к материальной культуре столь недавних эпох археологи совершенно неожиданно столкнулись со сложностью атрибуции присущего этим эпохам инвентаря. И сегодня научные публикации демонстрируют многочисленные примеры курьёзных атрибуций постсредневековых находок, когда, например, книжные застёжки XVIII в. выдаются за древнеримский импорт².

Ошибки в атрибуции неизбежны, но они становятся опасными, если вслед за неверным культурно-хронологическим определением источника следуют «исторические выводы», более того — выводы с претензией на кардинально новые знания. В качестве печального примера можно привести публикацию «уникальной находки каменной статуэтки пастуха, играющего на духовом музыкальном инструменте» (ил. 1). На основании этой «находки из подъёмных сборов» автор делает глобальные выводы: «*Это произведение камнерезного искусства детально передаёт покррой и украшение орнаментом одежды, причёску, ...поклонение культу солнца и антропологический облик. Данные, сконцентрированные в этой миниатюрной скульптуре, указывают на наличие монголоидных черт лица и северных корней человека, послужившего прототипом для этого произведения. В целом эта находка ещё раз подтверждает факт весомого участия в процессах этнокультурогенеза на территории Кузнецкой котловины южно-самодийского населения...*». И даже — «*Это позволяет называть I тыс. н. э. самодийским периодом в истории этого региона Западной Сибири*»³. Всё сказанное, возможно, и имело место, но только не представленный в публикации артефакт может быть тому порукой, ибо точно такая же «уникальная каменная статуэтка пастуха» без малого вот уже четыре десятка лет стоит на рабочем столе одного из авторов этой публикации. И на ней сохранилась этикетка: «Кунгурские камнерезные мастерские. 1981 г. Цена — 3 руб. 60 коп.» (ил. 2). В такой ситуации можно порадоваться двум обстоятельствам — высокому уровню стилизации под традиционную сибирскую пластику у продукции современных кунгурских камнерезов и обнаружению в «подъёмных сборах» только одного образца из «Северной серии» кунгурцев. В противном случае глобальных выводов по древней истории Сибири было бы гораздо больше.

Определяя специфику археологических находок, Л.С. Клейн отмечал: «*Древности — это остатки культуры прошлого (обычно далёкого прошлого), отделённого от нашей жизни не только значительным интервалом времени (и здесь не это главное), но и разрывом*

в традиции – таким разрывом, который затрудняет понимание остатков: приходится выяснять назначение предметов, искать места фрагментов в системе целого»⁴. Следует признать, что такой разрыв мог произойти и в сферах культуры сравнительно недавнего прошлого. В течение XVIII–XX вв. появились, а затем вышли из практики сотни технологических и бытовых новшеств, которые не успели оставить заметного следа ни в письменных источниках, ни в памяти людей. Например, вышли из широкого употребления многие производственные и бытовые механизмы и приспособления, компоненты которых часто изготавливались кустарным способом, при помощи узкоспециализированных инструментов. Последние также утрачивали свою актуальность и выпадали из культурного обращения. Почти нигде не зафиксированная информация о таких инструментах также безвозвратно утрачивалась.

Но, несмотря на все эти сложности, задачи атрибуции позднего инвентаря вполне решаемы. При всей ограниченности информации по тем или иным производственным или бытовым комплексам Нового и Новейшего времени, по ним всегда можно найти источники прямой

Ил. 2. Образцы изделий «Северной серии» Кунгурских камнерезных мастерских. Нач. 1980-х гг. Частная коллекция (г. Томск). Фото: Я.А. Яковлев

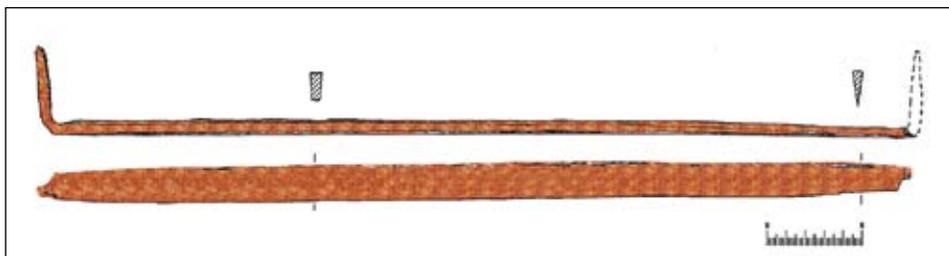

информации. В качестве небольшого примера можно привести атрибуцию находок из объектов XVIII в. одного из старых городов Западной Сибири — Кузнецка. В одной из исследованных усадеб среди прочего инвентаря были найдены железные изделия неясного назначения. Один из них — в виде небольшой трапециевидной пластины размерами 9,5x2,3x0,4 см, широкий торец которой был оформлен в виде пяти зубчиков с заточкой, как у пилы (ил. 3). Другой предмет — в виде скобы 44,5x2,0x0,8 см, загнутые концы которой (один был обломан) были приспособлены для вбивания в деревянную основу. С одного края пластина скобы имела заточенное лезвие со следами сработанности (ил. 4). Вся внешняя плоскость скобы также была заметно изношена и заполирована. Нетрудно было предположить, что эти два предмета были только фрагментами более сложных устройств. Но каких?

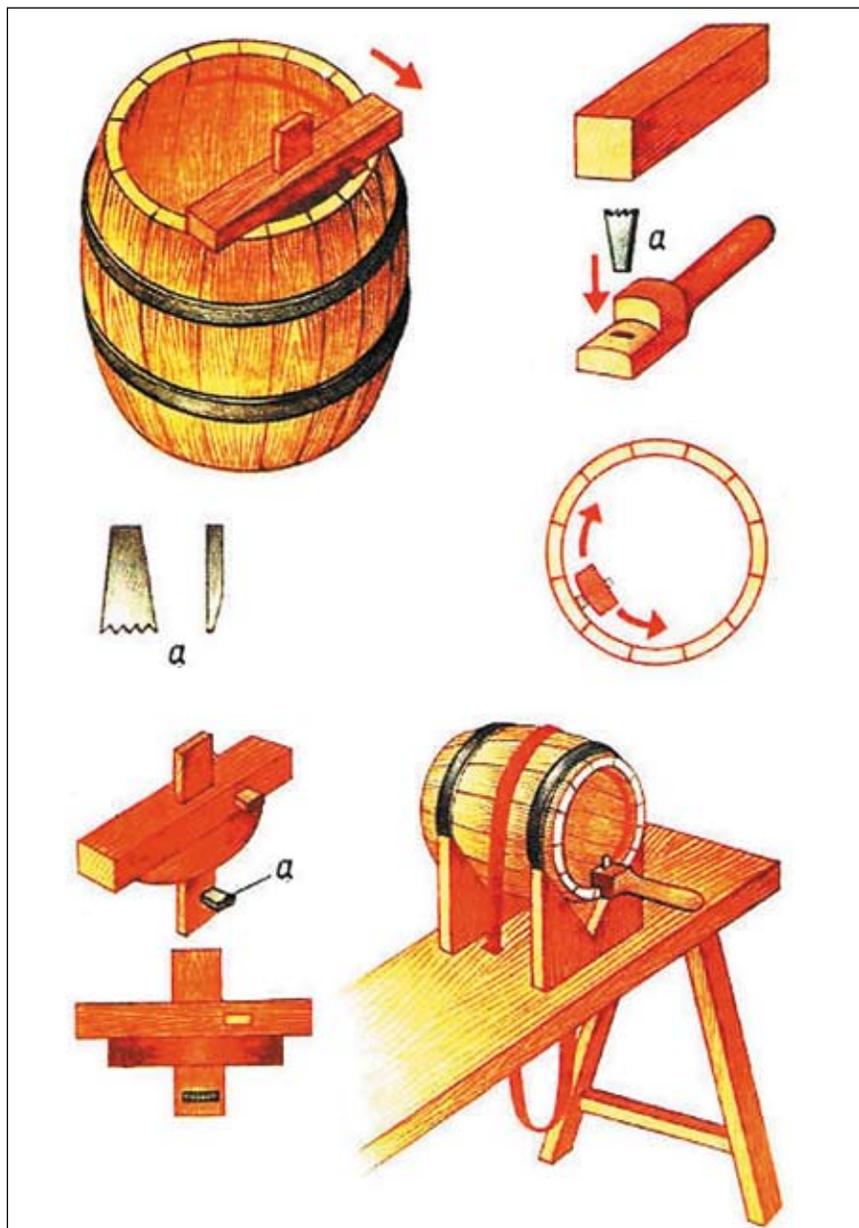

Ил. 3. Кузнецк. XVIII в. Резец уторника

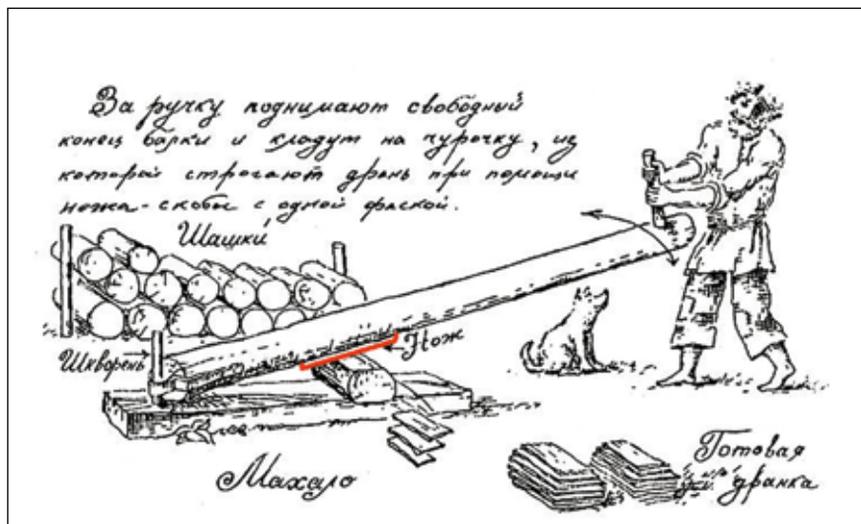
Рассмотрев формы занятий жителей Кузнецка XVIII в., которые нашли достаточно полное отражение в письменных источниках, мы ограничились сферой поисков среди инструментов деревообработки. В результате было установлено, что первое изделие является деталью *уторника* — приспособления, которым пропиливали паз вдоль внутренней кромки бондарных клёпок для крепления донца (ил. 5). Второй загадочный артефакт оказался основной функциональной частью *махала* — устройства для расщепления массивных брусков на дощечки (ил. 6)⁵, которые обычно использовались как кровельный материал, но могли стать и заготовками для некоторых типов бондарных клёпок⁶.

Ил. 4. Кузнецк. XVIII в. Лезвие махала

Ил. 5. Уторник — приспособление, которым пропиливали паз вдоль внутренней кромки бондарных клёпок для крепления донца. По: Специальные бондарные инструменты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asv0825.ru/bondar/5.html>

Ил. 6. Махало — устройства для расщепления массивных брусков на дощечки.
 По: Кровля крыши. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://krysha-expert.ru/dranka-dlya-krovli>

А вот предметы, на первый взгляд вполне узнаваемые, как ни странно, могут подтолкнуть к ошибочным атрибуциям. К примеру — топор.

Во многих музеях зарубежной Европы и России, в антикварных магазинах, на Интернет-сайтах коллекционеров и на Интернет-аукционах антиквариата можно встретить массивные железные топоры с разными лезвиями бойка (чаще — в виде узких вытянутых пластин), выдвинутым вперёд носком, оттянутой назад пяткой, трубчатым массивным проухом с сужающимся к переду овальным в сечении отверстием и с массивной ударной площадкой обуха, усиленной дополнительно откованным выступом или наварной металлической пластиной. У них односторонняя заточка, а также характерное асимметричное сечение (ил. 7—53). Далее по тексту такие предметы будут называться «железные тяжёлые проушные асимметричные топоры».

Сегодня известно несколько сотен таких топоров. Представим доступную выборку в количестве 96 экз. из музейных фондов, частных коллекций, антикварных магазинов и Интернет-ресурсов.

Ил. 7. Топор из Франции. Антикварный рынок Сент-Уан (г. Париж). Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 8. Топор из Франции. Антикварный рынок Сент-Уан (г. Париж). Фото: Я.А. Яковлев

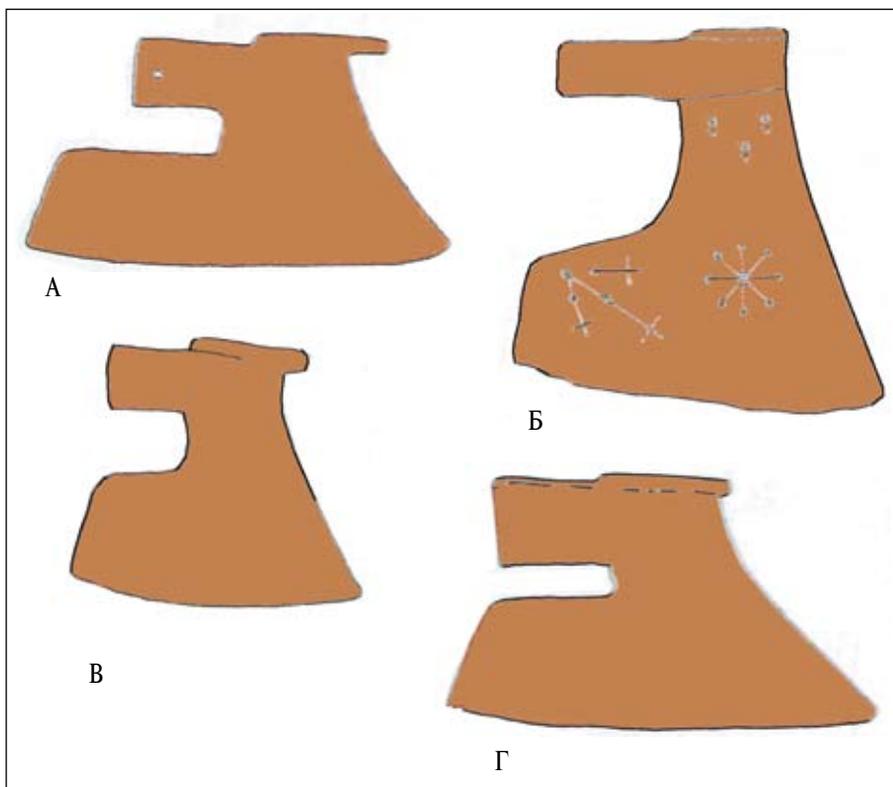
Ил. 10. Восемь топоров неизвестного происхождения. Предположительно: Швеция. А — по: *О ножах по-русски*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rusknife.com/profile/269-uwin/content/page/255/?type=forums_topic_post; Б — по: *О ножах по-русски*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rusknife.com/topic/12109-skr%C3%A4dya-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%91%D1%81-%D0%B8%D0%B7-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B8/?tab=comments#comment-253384>

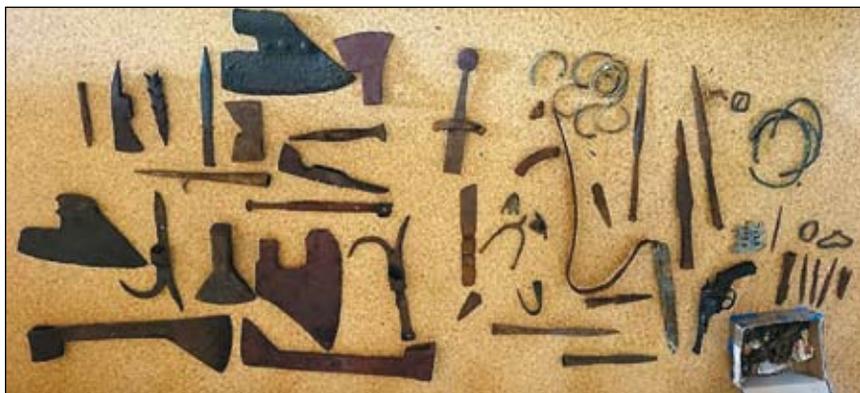
Ил. 9. Четыре топора неизвестного происхождения. Предположительно: Германия. А, Б — по: *О ножах по-русски*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rusknife.com/topic/18369-%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8B-%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F/?tab=comments>; В, Г — по: *Продам топоры*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://guns.allzip.org/topic/94/2362003.html>

Ил. 11. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Прага (Чехия). По: утраченный электронный ресурс

Ил. 13. Три топора неизвестного происхождения среди разновременных артефактов из металла, изъятых полицией у чёрных копателей на территории Польши. По: *Новости мира археологии*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.archeo-news.ru/2015/09/blog-post_19.html

Ил. 14. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Литва. По: *О ножах по-русски*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusknife.com/profile/8488-laurynas/content/?type=forums_topic_post

Ил. 15. Топор неизвестного происхождения. Ушачский музей народной славы им. В.Е. Лобанка (Витебская обл. Беларусь). По: *Лохматая древность*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushachy.blogger.by/12920/>

Ил. 12. Четыре топора с территории Польши. По: *Nadolski A. Studia nad uzbrzeniem polskim w X, XI i XII wieku.* – Lodz: Zaklad im ossolińskich we Wrocławiu, 1954. – S. 132. Tabl. XXXI. – (*Acta archaeologica universitatis Lodziensis*. № 3)

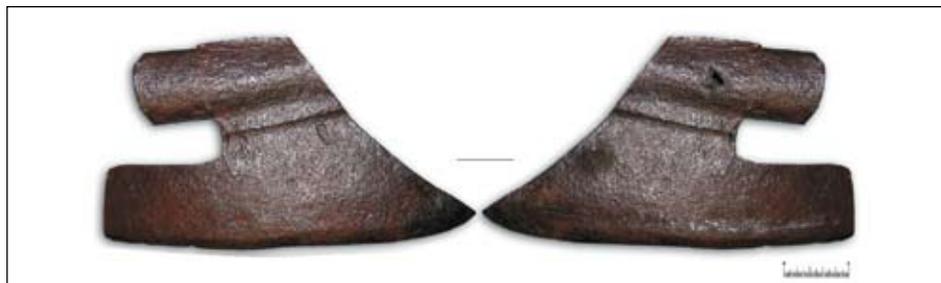

Ил. 16. Топор из Беларуси. Музейный комплекс старинных народных ремёсел и технологий «Дудutki» (Беларусь). Фото: Я.А. Яковлев

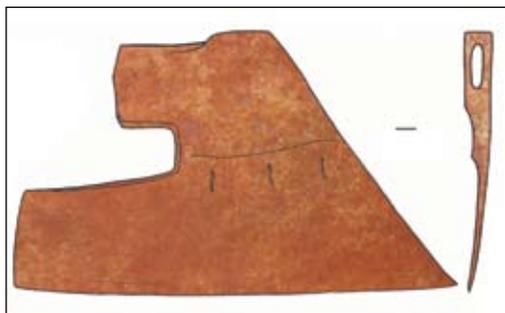
Ил. 17. Топор из Беларуси. Музейный комплекс старинных народных ремёсел и технологий «Дудutki» (Беларусь). Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 18. Топор из Беларуси. Частная коллекция (г. Томск). Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 19. Топор из Волынской губернии (Западная Украина). Российский этнографический музей. По: *О ножах по-русски. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusknife.com/profile/1779-turbo4x4/content/page/450/?type=forums_topic_post*

Ил. 20. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Киевская обл. (Украина). По: утраченный электронный ресурс

Ил. 21. Топор из Украины (Донецкая обл.). По: Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах. – Донецк: Б. и., 1993. – № 1. – С. 60, 225. Кат. № 392. Рис. 76–2

Ил. 22. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Карелия. По: Белорусский кладоискательский портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belklad.by/forum/viewtopic.php?f=35&t=37457&p=460811>

Ил. 23. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Архангельская обл. По: Популярное оружие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://popgun.ru/viewtopic.php?t=288529>

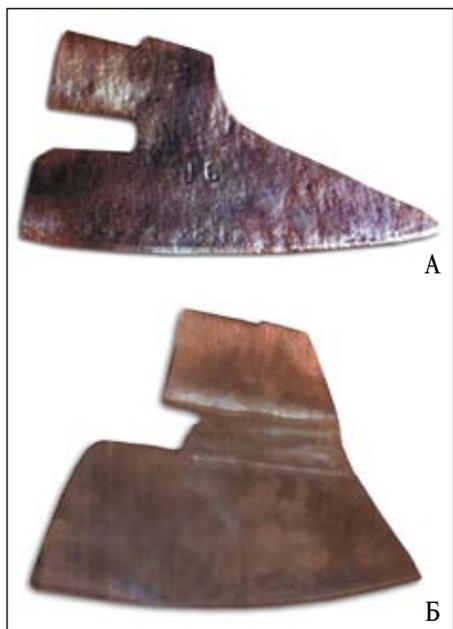
Ил. 24. Топор неизвестного происхождения. Частная коллекция (г. Москва). По: Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. Новые находки «асимметричных топоров» и некоторые аспекты технологии производства // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 414. Рис. 1–1

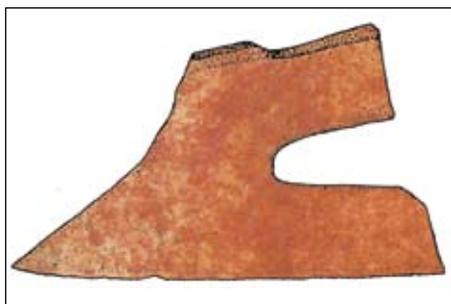
Ил. 25. Топор неизвестного происхождения. Частная коллекция (г. Москва). По: Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. Новые находки «асимметричных топоров» и некоторые аспекты технологии производства // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 414. Рис. 1–4

Ил. 26. Топор неизвестного происхождения. Ростовский областной музей краеведения (г. Ростов-на-Дону). Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 27. Два топора неизвестного происхождения. Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа). Фото: Ю.В. Ширин

Ил. 28. Топор с Лозьвинского городка или его окрестностей в Свердловской обл. Свердловский областной краеведческий музей. По: Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времён до наших дней. – Екатеринбург: Паритет, 2008. – С. 104. Рис. 1

Ил. 29. Топор неизвестного происхождения. Октябрьский районный краеведческий музей (ХМАО — Югра). Фото: Э.А. Бучинская

Ил. 30. Топор неизвестного происхождения. Тарский историко-краеведческий музей (г. Тара, Омская обл.). Фото: С.Ф. Татауров

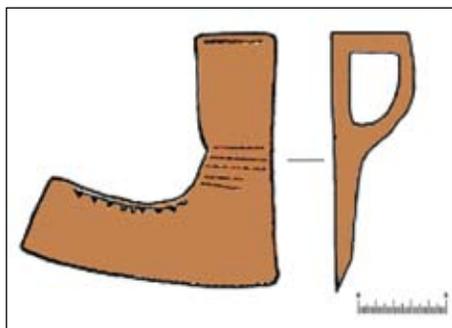
Ил. 31. Топор с территории между п. Междуреченским и Атак (Тачка) Тарского р-на Омской обл. Музей археологии и этнографии Омского гос. пед. ун-та. Фото: С.Ф. Татауров

Ил. 32. Топор с р. Уй в районе п. Кошкуль Тарского р-на Омской обл. Музей археологии и этнографии Омского гос. пед. ун-та. Фото: С.Ф. Татауров

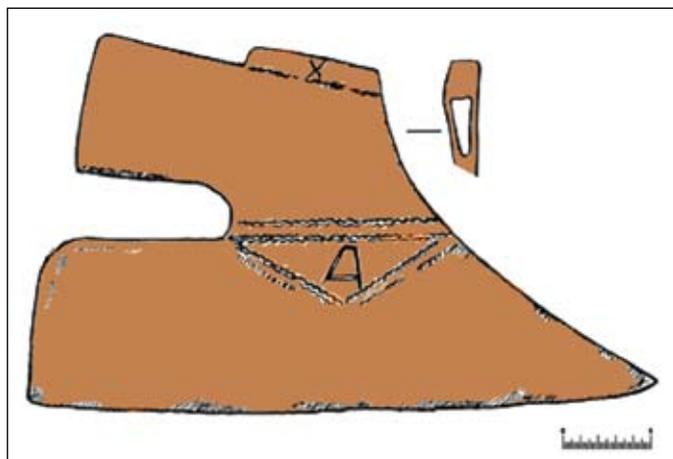
Ил. 33. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: г. Семей (бывший г. Семипалатинск, Казахстан)

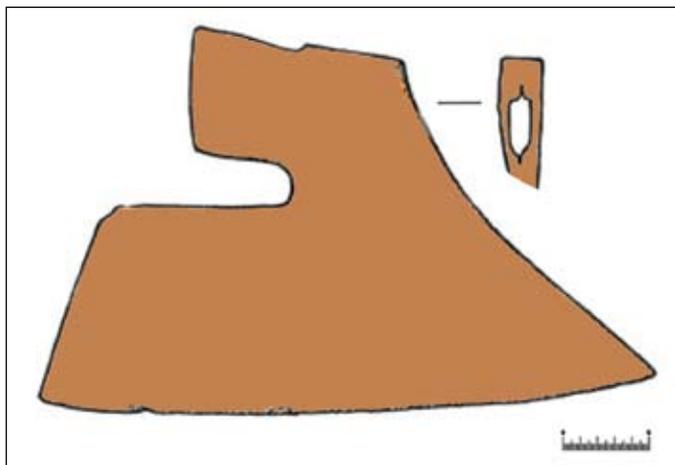
Ил. 34. Топор неизвестного происхождения. Новосибирский областной краеведческий музей. По: Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 394–397. – Рис. 1 на с. 395

Ил. 35. Топор из Северного р-на Новосибирской обл. Археологический музей Новосибирского гос. пед. ун-та. По: Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – С. 178. Табл. XXVII

Ил. 36. Топор неизвестного происхождения. Новосибирский областной краеведческий музей. По: Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 394–397. – Рис. 3 на с. 395

Ил. 37. Топор неизвестного происхождения. Новосибирский областной краеведческий музей. По: Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 394–397. – Рис. 5 на с. 395

Ил. 38. Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Новосибирск. По: Deilo. Доска бесплатных объявлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deilo.ru/novosibirsk/hobbi-i-otdyh/topor-sklyud-starinnyy-unikalnoe-kl-398969228321496.html>

Ил. 39. Топор из с. Тогура Колпашевского р-на Томской обл. Колпашевский краеведческий музей. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 40. Топор неизвестного происхождения. Колпашевский краеведческий музей Томской обл. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 41. Топор из с. Цветковки Асиновского р-на Томской обл. Томский областной краеведческий музей. Фото: А.И. Боброва

Ил. 42. Топор неизвестного происхождения. Томский областной краеведческий музей. Фото: Г.И. Гребнева

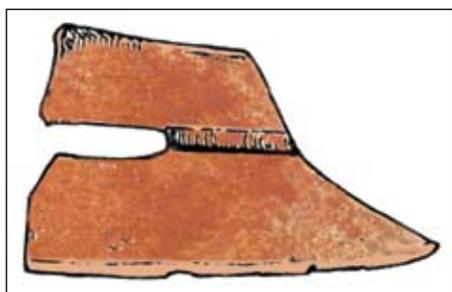
Ил. 43. Топор неизвестного происхождения. Томский областной краеведческий музей. Фото: А.И. Боброва

Ил. 44. Топор из г. Томска. Томский областной краеведческий музей. Фото: Г.И. Гребнева

Ил. 45. Топор из г. Томска. Антикварный магазин г. Томска. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 46. Топор неизвестного происхождения. Ачинский краеведческий музей им. Д.С. Каргаполова. По: Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2011. – Т. 10. Вып. 7. – Археология и этнография. – С. 302, рис. 8

Ил. 47. Топор неизвестного происхождения. Красноярский краевой краеведческий музей. Фото: Н.П. Макаров

Ил. 48. Топор неизвестного происхождения. Красноярский краевой краеведческий музей. Фото: Н.П. Макаров

Ил. 49. Топор неизвестного происхождения. Красноярский краевой краеведческий музей. Фото: Н.П. Макаров

Ил. 50. Два топора неизвестного происхождения. Забайкальский краевой краеведческий музей им. А.К. Кузнецова. Фото: А.А. Бродников

Ил. 51. Топор неизвестного происхождения. Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток). Фото: А.А. Бродников

Ил. 52. Топоры неизвестного происхождения. Российский этнографический музей. Фото: А.П. Щеглаков

Ил. 53. Топоры неизвестного происхождения. По: *разные Интернет-ресурсы*. (Начало)

Ил. 53. Топоры неизвестного происхождения. По: разные Интернет-ресурсы.
(Продолжение)

Ил. 53. Топоры неизвестного происхождения. По: разные Интернет-ресурсы (Окончание)

**Железные тяжёлые проушные асимметричные топоры
(случайная выборка)**

№	Краткая информация о топоре
1	Топор из Франции. Антикварный рынок Сент-Уан (г. Париж) (ил. 7)
2	Топор из Франции. Антикварный рынок Сент-Уан (г. Париж) (ил. 8)
3–6	Четыре топора неизвестного происхождения. Предположительно: Германия. Интернет (ил. 9)
7–14	Восемь топоров неизвестного происхождения. Предположительно: Швеция. Интернет (ил. 10)
15	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Прага (Чехия). Интернет (ил. 11)
16–22	Семь топоров неизвестного происхождения из Польши: четыре – опубликованы (ил. 12) ⁷ , три – Интернет (ил. 13)
23	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Литва. Интернет (ил. 14)
24	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Ушачский музей народной славы им. В.Е. Лобанка (Витебская обл., Беларусь). Интернет (ил. 15)
25	Топор из Беларуси. Музейный комплекс старинных народных ремёсел и технологий «Дудutki» (Беларусь) (ил. 16)
26	Топор из Беларуси. Музейный комплекс старинных народных ремёсел и технологий «Дудutki» (ил. 17)
27	Топор из Беларуси. Частная коллекция (г. Томск) (ил. 18)
28	Топор из Беларуси (непроверенные данные ⁸). Свердловский областной краеведческий музей
29	Топор из Волынской губернии. Российский этнографический музей (ил. 19).
30	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Киевская обл. (Украина). Интернет (ил. 20)
31	Топор из Украины. Обнаружен в 1980-х гг. на хуторе Петровском Волновахского р-на Донецкой обл. Волновахский краеведческий музей (ил. 21) ⁹
32	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Карелия. Интернет (ил. 22)
33	Топор неизвестного происхождения. Музей деревянного зодчества «Малые Корелы» (Архангельская обл.). Интернет (ил. 59–А)
34	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Архангельская обл. Интернет (ил. 23)
35–36	Два топора неизвестного происхождения. Частная коллекция (г. Москва) (ил. 24, 25) ¹⁰
37	Топор неизвестного происхождения. Ростовский областной музей краеведения (г. Ростов-на-Дону) (ил. 26)
38	Топор неизвестного происхождения. Музей деревянного зодчества в Суздале (Владимирская обл.). Интернет (ил. 59–Б)
39–40	Два топора неизвестного происхождения. Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа) (ил. 27)
41	Топор неизвестного происхождения. Верхнеуральский районный краеведческий музей (Челябинская обл.). Интернет (ил. 59–В)
42	Топор неизвестного происхождения. Нижнетагильский краеведческий музей. Интернет (ил. 55–А)
43	Топор то ли «с места Лозьвинского городка», то ли из «окрестностей Лозьвинского городка» в Свердловской обл. ¹¹ Свердловский областной краеведческий музей (ил. 28)
44	Топор неизвестного происхождения. Октябрьский районный краеведческий музей ХМАО – Югры (КАМИС № 1420, поступление зарегистрировано 15.07.1998.) (ил. 29)
45	Топор неизвестного происхождения. Тарский историко-краеведческий музей (г. Тара Омская обл.) (ил. 30)

46	Топор с территории между п. Междуреченским и Атак (Тачка) Тарского р-на Омской обл. Музей археологии и этнографии Омского гос. пед. ун-та (ил. 31)
47	Топор с р. Уй в районе п. Кошкуль Тарского р-на Омской обл. Музей археологии и этнографии Омского гос. пед. ун-та (ил. 32)
48	Топор неизвестного происхождения. По устной информации владельца: г. Семей (бывший г. Семипалатинск, Казахстан) (ил. 33)
49	Топор неизвестного происхождения. Новосибирский областной краеведческий музей (ил. 34) ¹²
50	Топор из Северного р-на Новосибирской обл. Археологический музей Новосибирского гос. пед. ун-та (ил. 35) ¹³
51	Топор неизвестного происхождения. Новосибирский областной краеведческий музей (ил. 36) ¹⁴
52	Топор неизвестного происхождения. Новосибирский областной краеведческий музей (ил. 37) ¹⁵
53	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Новосибирск. Интернет (ил. 38)
54	Топор из с. Тогура Колпашевского р-на Томской обл. Колпашевский краеведческий музей (КП 835, поступление зарегистрировано 10.09.1954.) (ил. 39)
55	Топор неизвестного происхождения. Колпашевский краеведческий музей Томской обл. (КП 1152, поступление зарегистрировано в 1968 г.) (ил. 40)
56	Топор из с. Цветковка Асиновского р-на Томской обл. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ 6494, поступление зарегистрировано 07.01.1982) (ил. 41)
57	Топор неизвестного происхождения. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ 8534, поступление зарегистрировано 12.05.1986) (ил. 42)
58	Топор неизвестного происхождения. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ 9070, поступление зарегистрировано 19.11.1987) (ил. 43)
59	Топор из г. Томска (пер. Керепетский, 16), находка 1985 г. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ 13533, поступление зарегистрировано 14.01.2008) (ил. 44)
60	Топор из г. Томска (мкр. Каштак). Антикварный магазин г. Томска (ил. 45)
61	Топор неизвестного происхождения. Ачинский краеведческий музей им. Д.С. Каргаполова (ил. 46)
62	Топор неизвестного происхождения. Красноярский краевой краеведческий музей (ил. 47)
63	Топор неизвестного происхождения. Красноярский краевой краеведческий музей (ил. 48)
64	Топор неизвестного происхождения. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ Э № 1-208, поступление в 1950 г.) (ил. 49)
65	Топор неизвестного происхождения. Читинский областной краеведческий музей им. А.К. Кузнецова. Интернет (ил. 59–Г)
66–67	Два топора неизвестного происхождения. Предположительно: Чита. Интернет (ил. 50)
68	Топор неизвестного происхождения. Предположительно: Владивосток. Интернет (ил. 51)
69–73	Пять топоров неизвестного происхождения. Российский этнографический музей. Интернет (ил. 52)
74–96	23 топора неизвестного происхождения. Интернет (ил. 53)

Таблица 2
Физические параметры железных тяжёлых проушных асимметричных топоров
(случайная выборка)

Топор (номера по табл. 1)	Высота топора (между режущей кромкой и площадкой обуха)	Длина режущей кромки (между носком и пяткой)	Максимальная толщина лезвия	Заточка правой стороны (фаска)	Заточка левой стороны (фаска)	Спинка пятки (между пере- мычкой лезвия с проушиной и высотой пятки)	Высота пятки (между режущей кромкой и спинкой пятки)	Клеймо / Орнамент	Размеры (внутренние диаметры) проушины	Длина обуха поверху	Размеры пластины или вы- ступла поверх обуха	Вес
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
[23]	*	38,0	*	+	-	*	*	-	*	*	*	Ож. 3800
27	15,7	29,3	0,8	+	-	9,0	5,5–5,9	На правом лезвии – два клейма «сабелька»?	1,4–2,8 2,8–4,0	11,0	Дл. 7,0; шир. 1,9–2,4	1119 г
44	17,5	25,5	*	+	-	6,2	-	-	1,0–2,5 2,4–4,5	10,9	*	1312 г
[49]	14,0	14,5	1,7	*	*	*	4,1	На правом лезвии – сложная композиция из прямых пуансонных линий и дугообразных насечек	*	4,5	*	*
[50]	15,5	19,7	0,5	*	*	*	5,5	На правом лезвии – треугольник с вписан- ной внутрь него буквой «А» (пуансон)	*	4,5	*	*
[51]	20,0–20,1	34,0–36,0	1,0–1,3	*	*	*	9,0–9,5	-	*	7,1	*	*
[52]	21,0–23,0	36,6–36,7	1,4–1,6	*	*	*	12,0–12,7	-	*	6,0–8,7	*	*

Продолжение табл. 2

54	19,5	34,3	2,0	+	-	9,0–10,3	8,5	На правом лезвии – треугольник вершиной вниз. 4 розетки вписаны внутрь треугольника по прямой, одна розетка примыкает к углу внизу. На обуховом выступе – две горизонтальные параллельные линии (пуансон)	1,1–2,6 3,7–6,0	14,5	Дл. 6,5; шир. 2,2	3442 г
55	22,2	36,5	1,3	+	-	8,7–9,8	11,3	-	1,4–2,5 2,7–6,7	14,2	Дл. 8,5; шир. 2,3	3822 г
56	22,0	36,0	1,8	+	-	8,5–9,0	10,5–11,0	На правом лезвии – две горизонтальные параллельные прямые и крест из пяти розеток (пуансон)	1,0–3,5 4,5–7,5	16,7	7,4	4500 г
57	24,2	36,5	1,8	+	-	9,0	12,2	-	1,7–2,9 2,9–6,4	15,2	Дл. 7,7; шир. 2,3	*
58	22,0–24,0	38,0	1,8	+	-	10,5	11,0–13,0	-	1,5–2,7 4,0–6,5	14,5	6,8	2800 г
59	20,5	38,0	2,0	+(?)	+(?)	10,5	8,5–10,7	-	1,5–2,6; 3,0–4,4;	10,9	Дл. 6,4; шир. 3,0–3,3	3385 г
60	21,1	39,0	1,8	+	-	11,0	7,8	На правом лезвии – треугольник из двойных линий с четырьмя вытянутыми в горизон- тальный ряд розетками (пуансон)	1,3–4,7; 4,8–8,6;	15,0	Дл. 5,5	Ок. 4500 г
62	18,0	33,0	*	+	-	*	*	На правом лезвии – три клейма символа, напо- минающего ключ	Большой диа- метр на входе прушины 7,0	14,0	*	*

63	23,0	33,0	*	+	–	*	*	*	–	Диаметры на входе проушины 3,0 и 6,8	10,0	*	*
64	15,1	31,1	*	+	–	7,2	5,9	–	–	Диаметры на входе проушины 3,6 и 4,7	13,3	Дл. 6,2	*

Примечания к таблице:

Все метрические размеры – в см.

Заточка (правосторонняя/левосторонняя) определяется с позиции работающего топором человека, то есть со стороны обуха (сверху).

Поскольку проушина имеет конусовидную, сужающуюся от пятки к носу полость, размеры зафиксированы с обеих сторон: первая строка – малый диаметр овального сечения от минимального показателя в передней части проушины до максимального в задней (входной), вторая строка – большой диаметр овального сечения от минимального показателя в передней части проушины до максимального в задней (входной).

Порядковый номер в квадратных скобках – метрические характеристики этих топоров взяты из: № 23 – О ножах по-русски. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusknife.com/profile/8488-lagunas/content/?type=forums_topic_post; № 49–52 – Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 395–396.

Условные обозначения:

+ наличие признака,

+ (?) предположительное наличие признака,

– отсутствие признака,

* отсутствие данных.

Выражаем искреннюю благодарность сотрудникам музеев, оперативно и бескорыстно помогавшим нам в сборе информации к данной публикации: А.А. Бродникову (Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), Э.А. Бучинской (Октябрьский районный краеведческий музей), Н.П. Макарову (Красноярский краевой краеведческий музей), А.С. Помыткину (Колпашевский краеведческий музей), С.Ф. Татарову (ИАЭТ СО РАН, Омский филиал).

Топор — одновременно и массовый продукт производства, и полифункциональное средство производства — имеет давнюю историю от века каменного до века атомного и хорошо известен всем. Тем не менее атрибуция топоров, представленных выше, весьма и весьма разнообразна. Оставим в стороне такие определения с антикварных аукционов, как «топор палача», «абордажный топор» или даже «топор берсерка», — смесь невежества и рекламы не позволяет здесь тратить время на такие версии. Хотя подобная атрибуция сумела пробиться даже в музейную экспозицию (ил. 54).

А вот на встречающиеся рядом с ними определения «боевая казачья секира», «бердыш» или «боевой топор» уже стоит обратить внимание хотя бы потому, что такие формулировки сплошь и рядом присутствуют в этикетках отечественных музеев. Причина, конечно же, в крупноразмерности, тяжеловесности, морфологической оригинальности и декорированности этих предметов, выводящих их из круга обычных плотницких инструментов, коими подавляющее большинство топоров и является. Главной причиной стала сложная, можно даже сказать, изысканная форма рабочей части, ибо ещё П. фон Винклер — один

Ил. 54. Экспозиция Музея истории уголовно-исправительной системы и Академии ФСИН России (г. Москва): представление плотницкого топора в качестве орудия палача. По: Прогулки по Москве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://moscowwalks.ru/2018/03/01/fsin-museum/>

из крупнейших оружейников прошлого — основное отличие боевого топора от рабочего видел в том, что у первого «клинок, особенно снизу, обыкновенно образует изгибы, которые всегда отличаются прекрасным стилем...»¹⁶.

Поэтому не удивительно, что сегодня и сотрудники музеев достаточно часто атрибутируют такие топоры в качестве боевых. Как ни странно, но чаще это происходит в сибирских музеях, чем в музеях европейской части России. Вот только несколько выписок из учётной документации:

- Октябрьский районный краеведческий музей (ХМАО — Югры) — «*Секира (боевой топор, бердыш стрелецкий)*»;
- Колпашевский краеведческий музей (Томская обл.) — «*Топор-бердыш с односторонней заточкой лезвия*»;
- Томский областной краеведческий музей: «*Секира...*»;
- Красноярский краевой краеведческий музей — «*Топор-бердыш. Холодное, древковое, рубящее оружие ближнего боя. Лопасть топора фигурной формы с массивной, опущенной косицей... Вероятно, топор-бердыш был изготовлен в Красноярском остроге в сер. — втор. пол. XVII в.*».

Соответственно, в музейных экспозициях (как и в книжных иллюстрациях) топоры помещают в оружейные комплексы позднего Средневековья и начала Нового времени. Соблазн, конечно, велик, ибо рядом с кольчугами, шлемами, копьями и, особенно, секирами крупноразмерные топоры смотрятся величественно и гармонично (ил. 55).

Нередко сотрудники музеев используют определения, которые дают археологи. Поэтому включение железных тяжёлых проушных асимметричных топоров в арсенал боевого оружия можно встретить во многих научных и научно-популярных публикациях (включая, увы, и сочинение одного из авторов этих строк)¹⁷.

Иногда это сопровождается выделением нового типа боевых топоров с предложением его генезиса. К примеру, А.П. Зыков белорусские топоры объявил северогерманскими; они якобы легли в основу «самых ранних русских бердышей», представителями которых в Украине он считает топор из Донецкой обл. (№ 31 по табл. 1), а в Урало-Сибирском регионе — топоры из Лозьвинского городка и, предположительно, из Октябрьского р-на нынешнего ХМАО — Югры (№ 43, 44 по табл. 1): «...*Бердыш, найденный местными жителями на месте Лозьвинского городка, существовавшего в 1588–1598 гг. Это самый ранний датированный русский бердыш. Он разительно отличается от изображений 60–70-х гг. XVII в. и музейных образцов XVII — нач. XVIII вв... . Практически аналогичный лозьвинскому бердыш с*

А

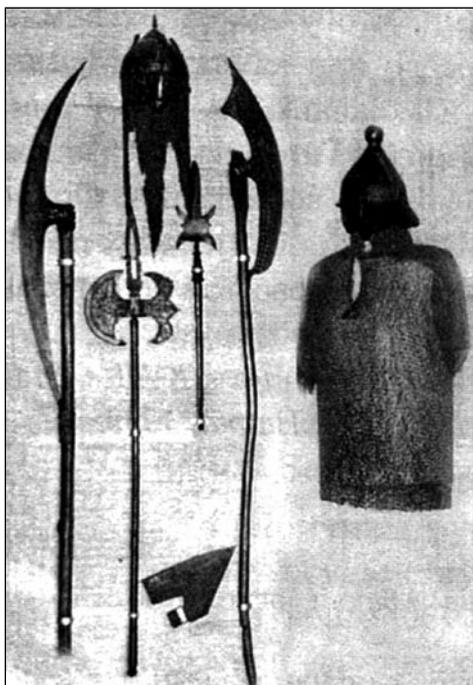

Б

В

Г

Ил. 55. Экспозиции российских музеев: представление плотницких топоров в комплексах вооружения позднего Средневековья. А — Нижнетагильский краеведческий музей. Фото: Ю.В. Костюченко; Б — Колпашевский краеведческий музей. Фото: А.С. Помыткин; В — Красноярский краевой краеведческий музей. Фото: Н.П. Макаров; Г — книжная иллюстрация

производственными клеймами есть в фондах Волновахского краеведческого музея.

Облик этих ранних бердышей указывает на их генезис от северогерманского типа топоров XV–XVI вв. с широким опущенным лезвием и проушным насадом в виде длинной втулки. Топоры этого типа известны среди находок в Белоруссии.

Дальнейшая эволюция бердышей представлена случайной находкой в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского автономного округа»¹⁸.

Не избежали соблазна включить топоры в оружейный комплекс даже такие маститые сибирские археологи-оружиееды, как Ю.С. Худяков, Л.А. Бобров и А.И. Соловьёв. Первые в монографии «Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.)» три железных тяжёлых проушных асимметричных топора атрибутировали как «топорки русских служилых людей», включив их в арсенал «длиннодревкового оружия периода позднего Средневековья и Нового времени»¹⁹. Позже Л.А. Бобров повторил ту же атрибуцию тех же трёх топоров (№ 61–63 по табл. 1) уже в самостоятельной статье: «По совокупности признаков топорки могут быть датированы XVII в. и соотносены с комплексом вооружения русских служилых людей»²⁰. Любопытно, что при характеристике бердышей он активно использовал письменные источники, а вот о топорках таких не нашлось, и это факт пришлось сопроводить таким объяснением: «По сравнению с бердышами, топорки упоминаются в письменных источниках значительно реже... Возможно, что в ряде документов они “замаскированы” авторами отписок под именем “топоры дорожные”, “топоры длинные” и др.»²¹. Зачем надо было «маскировать» именно топорки, называя бердыши своими именами, непонятно.

Позже военное назначение таких топоров подтвердил и А.И. Соловьёв²². Он выделил их в «самостоятельную группу со своим внутренним типологическим членением» и тоже отнёс к арсеналу русского воинства: «Скорее всего, оружие относится к оснащению русских служилых людей. Однако не исключено использование его и в аборигенной среде»²³.

Справедливости ради надо сказать, что в обобщающих публикациях на тему средневекового русского холодного оружия, подытоживающих и анализирующих большие массивы археологического материала в Европейской России, представленные выше топоры отсутствуют²⁴.

Здесь надо обратить внимание на одно обстоятельство. Среди железных тяжёлых проушных асимметричных топоров есть небольшая

группа (например, ил. 34, 53—У—Ц), экземпляры которой при наличии общих со всеми остальными топорами морфологических характеристик (асимметричность профиля, увеличенные размеры бойка за счёт опущенной прямой пятки) имеют некоторые отличия в конструкции (отсутствие трубчатого выступа в проухе) и более скромные параметры и вес. Указанные признаки сближают эти «легковесные» и более мелкие по размерам экземпляры с некоторыми боевыми топорами, которые получили распространение в западноевропейском регионе с XIII в. и были выделены в отдельную группу российских боевых топоров А.Н. Кирпичниковым²⁵. А вслед за ними некоторые историки в категорию боевых стали включать и морфологически однотипные, но более крупные проушные асимметричные топоры.

Меж тем, правомерна и иная логика: если крупноразмерные топоры на основании морфологического сходства (за которым подразумевается функциональное единство) помещают вслед за более мелкими топорами в категорию холодного оружия, то почему бы не поступить наоборот и более мелкие топоры вслед за крупноразмерными не включить в категорию производственных инструментов? По крайней мере, в каталоге перв. четв. XX в. австрийского производителя инструментов Йозефа Братманна и очень крупные, и просто большие топоры совокупно представлены как деревообрабатывающие инструменты на одном развороте (ил. 56)²⁶.

По мнению А.Н. Кирпичникова, не форма, а именно облегчённый вес служит главным критерием для отличия боевых топоров от производственных: «...Можно уверенно сказать: топоры “малых форм” служили и оружием воина. Важнейшим признаком многих боевых секир является не форма, а размер и вес. По этим признакам большинство однотипных древнерусских топоров и делятся на боевые и рабочие. При этом их рукояти, будучи, по-видимому, одинаковой длины... различались по толщине»; «...“Военный” топор почти всегда меньше и легче хозяйственного»; «При всей однотипности они [топоры] отличались лишь размерами, весом и толщиной рукояти»²⁷.

Оставив в стороне критерий длины деревянной рукояти, которые в нашем случае отсутствуют, остановимся на двух оставшихся — размерах и весе. Эти параметры у боевых топоров, согласно А.Н. Кирпичникову, были таковы:

- длина лезвия — 9—15 см,
- диаметр обушного отверстия — 2—3 см,
- вес — до 200—350 г (как исключение, до 450 г)²⁸.

Beile und Spanhacken.

445

446 Russische

447

448 Stauflauer u. Holzwasser

449 Czernowitzer

450 Storozynster

451

452

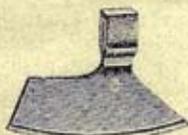

Spanhacken.

453 Kroatische

454 Slavonische

455 Ungarische

Binderbeil

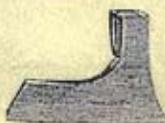
Tischlerbeil

461 Binderwaldhacke

462 Plankaß

492 Plankaß

465 Sprenghacke

1950 Gestutztes Beil

493 Mansrinhacke

409 Bandhacke

467 Querhacke

466 Stosshacke

413 Breite Handhacke
mit Hammer u. Nagelloch

415a Oberländer Handhacke

413b Ung. Handhacke
mit Schlitz u. Nagelloch

460 Zimmermanns-Breitbell

1750 Fleischerbeil

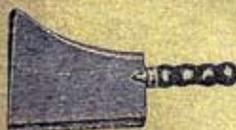
464 Schlaghacke

1655 Bieghacke

463 Schrotstumpf

397 Zuckermesser

398 Hackmesser

399 Hackmesser

400 Hackmesser

Ил. 56. Каталог перв. четв. XX в. австрийского производителя инструментов Йозефа Братманна. По: *Rusknife.com*. О ножах по-русски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rusknife.com/topic/18369-немецкие-топоры-типология/page/2/

Эти же средние физические показатели в публикуемой группе топоров (табл. 2), сформированной путём случайной выборки (она определялась возможностью произвести измерения), таковы:

- длина лезвия — 32,6 см,
- диаметры овального обушного отверстия (на входе) — 3,4 и 6,1 см,
- вес — 3187 г.

По двум первым показателям налицо превышение в 2—4 раза, по весу — в 9—16 раз! Непонятно, почему сторонники боевого назначения железных тяжёлых проушных асимметричных топоров не принимают в расчёт такого простого соображения, что топором весом 3,385 кг (№ 59 по табл. 1) или даже ок. 4,500 кг (№ 56, 60 по табл. 1) можно, наверное, «наносить удары тыльной частью бойка... колющие удары... концентрировать силу удара на сравнительно небольшой площади... расширять “фехтовальный потенциал”... наносить носком острия колотые раны, продольным движением лезвия — глубокие порезы, парировать встречные удары... наносить тычки и удары деревянной рукоятью, отражать ею... атакующие выпады противника...»²⁹. Но только физически очень сильному воину. И очень-очень непродолжительное время.

Некоторые приведённые выше цитаты включают в себя предложенные датировки тяжёлых асимметричных топоров, которые в целом колеблются от XVI в. до XVIII в.³⁰ (польские археологи опускают дату ещё минимум на два века³¹). Все эти варианты хронологических привязок имеют интуитивный и несколько романтизированный характер. По крайней мере, никто из их авторов не приводит каких-либо обоснований. Причина проста — ни один из известных топоров не происходит из закрытого археологического комплекса позднего Средневековья, которых раскопано уже изрядное количество, и последнее обстоятельство уже само по себе является аргументом против такой датировки.

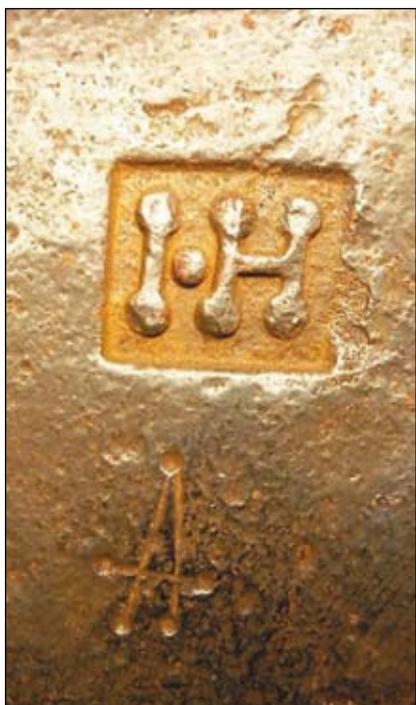
Меж тем, именно хронология является главным противником включения железных тяжёлых проушных асимметричных топоров в комплекс позднесредневекового холодного оружия, поскольку она отнюдь не такая древняя, как предлагают некоторые музейные экспозиции и научные публикации. Расширение источниковой базы за счёт Интернет-аукционов антиквариата и сайтов коллекционеров позволило выявить клейма изготовителей, которые со всей очевидностью указывают на XIX в. и даже на XX в. (ил. 57). Самым поздним из обнаруженных является клеймо «M.S. 40-N» (40-Hergestellt), оттиснутое в Германии в 1940 г. (ил. 58)³². Многие клейма принадлежат западноевропейским производителям, но есть и российские.

А

Б

В

Г

Д

Ил. 57. Клейма европейских и российских изготовителей на железных тяжёлых проушных асимметричных топорах. По: *разные Интернет-ресурсы*. (Начало)

Ил. 57. Клейма европейских и российских изготовителей на железных тяжёлых проушных асимметричных топорах. По: разные Интернет-ресурсы. (Продолжение)

П

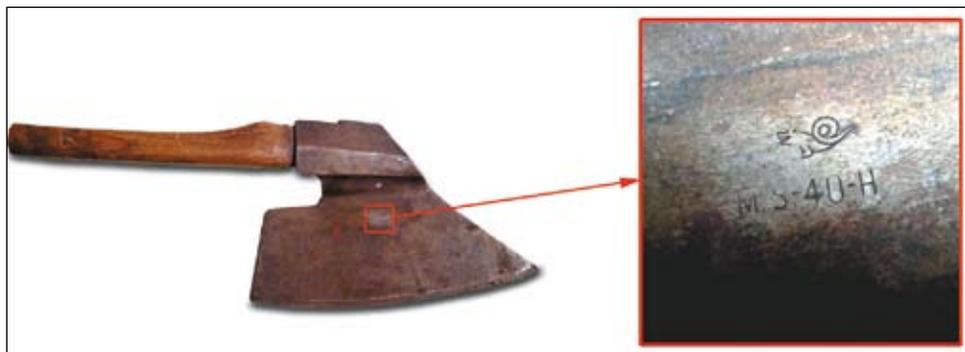

С

У

Ил. 57. Клейма европейских и российских изготовителей на железных тяжёлых проушных асимметричных топорах. По: разные Интернет-ресурсы. (Окончание)

Ил. 58. Топор с клеймом «M.S. 40-H» (40-Hergestellt), изготовленный в Германии в 1940 г. По: Интернет-аукцион «Мешок». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: meshok.net/item/100258269_

Весьма поздние изделия декорированы теми же геометрическими зубчатыми пуансонными узорами, что и ранние.

Так для чего же были откованы эти гиганты в семействе топоров? Как ни странно, ответ на этот вопрос тоже находится в музейных фондах и экспозициях. Так, в экспозиции Музейного комплекса старинных народных ремёсел и технологий «Дудутки» (Беларусь) этикетка под таким топором (№ 26 по табл. 1) указывает: «Шклюд. Выкарыстоўваецца для абчэсвання бярэжня на брус» («Шклюд. Используется для отёсывания бревна на брус»). В Музее деревянного зодчества «Малые Корелы» имеется другая этикетка: «Топор-шлут нач. XX в.».

В коллекциях Российского этнографического музея — одного из крупнейших отечественных культурно-исторических хранилищ — имеется наиболее полное собрание инструментов практически по всем видам традиционных хозяйственных занятий. И среди плотницкого инвентаря находится целая серия этих топоров, полученных этнографами из рук их владельцев. Под одним из них этикетка гласит: «Шлюда — топор железный. Нач. XX в.» (ил. 19, 52)

Проект Томского областного краеведческого музея «От шклюда до фотогида: столетние артефакты большой стройки» представлял топор (№ 59 по табл. 1) как инструмент при строительстве в 1890-х гг. железнодорожной ветки Тайга — Томск. Показательно, что этот шпалотёс был найден в районе Черемошников — конечной станции этой ветки в г. Томске³³.

Во многих краеведческих музеях такие топоры размещены в тематических комплексах, представляющих орудия труда, ремёсла, хозяйственные уклады и другие невоенные сферы жизни (ил. 52—Б, 59).

В Госкаталоге Музейного фонда РФ подобные топоры, которых в отечественных музеях собрано немало, тоже представлены преимущественно в качестве специализированных орудий труда: «*Потёс плотницкий кон. XIX — нач. XX вв.*» (Региональный музей Северного Приладожья)³⁴, «*Потёс (топор) XVII в.*» (Краеведческий музей им. Х.А. Исаева в чеченском райцентре Итум-Кали)³⁵ и др.

На рынке антиквариата такие топоры в большинстве случаев продаются тоже в качестве специализированных плотницких орудий. Например, на самом крупном в Европе рынке антиквариата Сент-Уан в Париже подобный топор был выставлен с этикеткой «XVIII — CHARPENTIER» («XVIII — ПЛОТНИК») (ил. 8). На порталах коллекционеров и торговцев антиквариатом такие лоты в большинстве случаев представляются как «потёс», «шпалотёс», «склюд / склют / шклюд / шклют» (последнее переводится с белорусского как «тесак»)³⁶.

Как и можно было предполагать, основное функциональное назначение этих топоров — использование в качестве потёсов (инструмента для тесания широких поверхностей: бруса, плах, досок). На это прямо указывает, прежде всего, их асимметричная конструкция, то есть съёмка фаски только с одной стороны лезвия. Почти все известные нам топоры (а в нашей случайной выборке табл. 2 — все) заточены с правой стороны. Левая совершенно ровная, без фаски сторона потёса позволяла мастеру оставлять обрабатываемую слева поверхность совершенно ровной. И именно этот факт указывает на плотницкое назначение асимметричных топоров. Ведь подавляющее большинство людей (ок. 85 %) ³⁷ — правши. Если же учесть то общеизвестное обстоятельство, что левши более склонны к творческой деятельности и интуитивно избегают «*профессий, где много рутины и требуется производить монотонные однообразные действия*»³⁸, то доля леворуких плотников ещё меньше, чем и без того всего лишь 15-процентная группа среднестатистических левшей. Надо думать, она примерно такая же незначительная, как доля потёсов с левосторонней заточкой.

Странно, что факт доминирования топоров с правосторонней фаской А.И. Соловьёв посчитал аргументом в пользу военного, а не плотницкого назначения этих предметов: «...*Следует признать необходимым наличие пары топоров с различным (правым и левым) расположением уплощенной стороны. Иначе возможна протёска*

А

Б

Ил. 59. Экспозиции российских музеев: представление плотницких топоров в невоенных тематических комплексах. А — Музей деревянного зодчества «Малые Корелы» (Архангельская обл.). По: *Малые Корелы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.korely.ru/museum/news/5941/>;* Б — Музей деревянного зодчества в Суздале. По: *Автопортал76.РУ. [Элек-*

В

Г

*тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avtoportal76.ru/photos/1137-3>;
В – Верхнеуральский районный краеведческий музей (Челябинская обл.). По: утраченный электронный ресурс; Г – Читинский областной краеведческий музей им. А.К. Кузнецова. По: утраченный электронный ресурс*

только одной из сторон каждого угла. Однако вся известная нам совокупность изделий... имеет плоскость с одной и той же – левой – стороны»³⁹. Однако плотникам вовсе не было нужды носить с собой на работу два тяжелых топора, ежели они при отёсывании бревна даже лёгким топором проходят от одного конца до другого, а затем поворачиваются на 180° и возвращаются к исходной точке уже с противоположной стороны бревна. Таким образом, топор развёрнут к отёсываемой поверхности всегда одной и той же стороной.

Дополнительным аргументом односторонней работы топора-потёса является то обстоятельство, что декор и производственные клейма во всех без исключения случаях нанесены на ту же самую сторону, с которой производилась заточка и которая при работе была расположена наружу от бревна и потому могла быть обозриваема. Примыкающая к обрабатываемой поверхности дерева и не видимая сторона потёса абсолютно ровная и лишена даже намёка на орнаментальность.

Возвращаясь к прагматике этих инструментов, можно отметить, что потёсы такой формы, по мнению исследователей, впервые появились в позднем Средневековье в австро-германских землях, где их называли «широким топором». В англоязычных странах эти топоры из-за

Ил. 60. Германский Камерун. По: *Германский Камерун (Kamerun) на рубеже XIX – XX веков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/photo-97220602_456321525*

характерной формы бойка стали именоваться «goosewing» («гусиное крыло» или просто «гуси»). Затем через Польшу они попали в район современных Беларуси и Украины, в Прибалтику (в Литве — «skliutas / sklĵutas»), Финляндию («piiluja / piilukirves») ⁴⁰ и другие скандинавские страны (в Швеции — «skräd»). Разумеется, часть этой европейской продукции была вывезена в колониальные страны, где топоры могли приобрести и иные, параллельно с прямым своим плотницким назначением, функции — например, судя по публикуемой фотографии, стать церемониальным атрибутом (ил. 60).

В России имели хождение топоры и европейского, и отечественного производства (ил. 57). Потребность в них резко упала после внедрения маховой пилы, а затем массового появления лесопилок, которые позволяли получать сортимент с ровной гладкой поверхностью быстрее, экономичнее и дешевле, чем при работе потёсом. Однако в крестьянских хозяйствах Севера европейской части России ⁴¹ и Сибири ⁴² железные тяжёлые проушные асимметричные топоры исправно выполняли свои функции вплоть до середины прошлого столетия.

При этом они могли использоваться не только для чистовой обработки бруса и плах, но и для раскалывания брёвен. В этой связи нужно обратить внимание на одну особенность некоторых наиболее массивных потёсов — они обладают проушиной конической формы (отверстия всада намного шире отверстия под клин — см. колонку 10 табл. 2). Это очень необычное конструктивное решение с учётом динамики работы топором. В связи с этим можно высказать предположение, что топоры с конической проушиной — часть забытого или малораспространённого плотницкого устройства для раскалывания брёвен на плахи. В этом случае топор мог крепиться не на рукоять, а стационарно, на массивный конический насад. На закреплённое лезвие, по жёлобу, при помощи массивного рычага торцевой частью подавалось бревно, которое требовалось расколоть. При этом по усиленному обуху топора также можно было наносить удар, увеличивая инерцию. Не исключено, что вскоре в недрах рукописного фонда какого-нибудь музея или библиотеки мы найдем более детальное описание и этого устройства, и самого производственного процесса.

Несомненно, что общеизвестная полифункциональность топора обусловила и факты использования потёсов не только по их прямому назначению. Более того, один из их вариантов выпускался как специальный инструмент для рубки мяса. Это известно благодаря тому же каталогу Йозефа Братманна (ил. 56, № 1750). Обычный плотницкий

потёс из Сахалинского областного краеведческого музея в Госкаталоге Музейного фонда РФ зарегистрирован с легендой: «*Топор мясной разделочный японский кон. XIX – нач. XX вв.*»⁴³, другой такой же экземпляр из Томского областного краеведческого музея (№ 58 по табл. 1) внесён в книгу поступлений с формулировкой: «*Топор для разделки туш*». Думается, что подобные атрибуции имеются и в других российских музеях. Определение критериев для размежевания крупных и морфологически близких топоров-потёсов и топоров для рубки мяса — задача будущего.

Очевидно, что в ближайшее время и у нас, подобно зарубежной практике, для нужд археологии поздних периодов должны появиться справочники-определители самых разнообразных артефактов — инструментов, тары, скобяных изделий, тканей и т. п. Пока же археологам, ведущим полевые работы на памятниках с наличием поздних слоёв, трудности атрибуции желательнее преодолевать путём широких консультаций не только с коллегами, но и со всеми любителями старины, в коллекциях которых собраны, а нередко и систематизированы огромные массивы необходимой для научного поиска информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 21.02.2019), ст. 3.

² Александров А.А. Древности раннего железного века в псковской земле: импорты и подражания. — Псков, 2014. — Табл. VIII, рис. 1, 2, 4, 5.

³ Илюшин А.М. Самодийский период в истории Кузнецкой котловины // Самодийцы. Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001, 2001. — С. 41–43.

⁴ Клейн Л.С. Археологический источник. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1978. — С. 57.

⁵ «Делается станок для дранки следующим образом: берётся бревно длиной в 3–4 м и диаметром 12–16 см и на расстоянии в 20 см от торца сверлится отверстие диаметром 3 см. В отверстие вставляется металлический шкворень, который должен в нём свободно двигаться, длина шкворня должна быть такой, чтобы бревно можно было им закрепить в деревянной плахе перед началом работы.... В 1 м от торца с отверстием для шкворня крепится вдоль бревна нож-скоба длиной 60 см под таким углом, который даст возможность снимать с чурки дранку нужной толщины. У второго торца в бревно вбита ручка, которая имеет длину 40 см. С помощью этой ручки бревно перемещается при работе. (Цит. по: URL: <http://ukroem.ru/krovliia-2/drugie-stroitelnyie-materialyi/krovelnaya-dranka-izgotovlenie-svoimi-rukami>).

⁶ Ширин Ю.В. Археологическое изучение Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. — С. 62–63.

⁷ Nadolski A. Studia nad uzbrzieniem polskim w X, XI i XII wieku. — Lodz: Zaklad im ossolińskich we Wroclawiv, 1954. — S. 132. Tabl. XXXI. — (Acta archaeologica universitatis Lodziensis. № 3).

⁸ Письмо археолога А.П. Зыкова Я.А. Яковлеву от 29.01.2013. — Личный архив получателя.

⁹ Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах. — Донецк: Б. и., 1993. — № 1. — С. 60, 225. Кат. № 392. Рис. 76—2.

¹⁰ Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. Новые находки «асимметричных топоров» и некоторые аспекты технологии производства // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. — Т. XXII. — С. 413—416.

¹¹ Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времён до наших дней. — Екатеринбург: Раритет, 2008. — С. 103, 104. Рис. 1.

¹² Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. — Т. XXI. — С. 395. — Рис. 1 на с. 395.

¹³ Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — С. 178. Табл. XXVII.

¹⁴ Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири... — С. 396. Рис. 3 на с. 395.

¹⁵ Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири... — С. 396. Рис. 5 на с. 395.

¹⁶ Винклер П.П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. — М.: Софтмастер, 1992. — С. 76.

¹⁷ Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области... — С. 60. Кат. № 392; Яковлев Я.А. Тогур. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — С. 21; Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. — Грозный, 1999. — Ил. 19; Карачаров К.Г. Археология нового времени Севера Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — С. 131. Рис. 1—4; и др.

¹⁸ Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времён до наших дней... — С. 103.

¹⁹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — (Historia Militaris). — С. 309. Рис. 96—19—21.

²⁰ Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. — Новосибирск, 2011. — Т. 10, вып. 7. — Археология и этнография. — С. 304.

²¹ Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев... — С. 304.

²² Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири...; Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. Новые находки «асимметричных топоров» и некоторые аспекты технологии производства...

²³ Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири... — С. 397.

²⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. — М.; Л.: Наука, 1966. — Вып. 2. — (Свод археологических источников. Вып. Е1-36); Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV — начало XVII века): дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2008. — С. 85—124; Двуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосквья: Мат-лы науч. семинара. — М., 2007. — Вып. 3. — С. 254—276.

²⁵ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры... — С. 37.

²⁶ Каталог перв. четв. XX в. австрийского производителя инструментов Йозефа Братманна. По: Rusknife.com. О ножах по-русски [Электронный ресурс]. — Режим доступа: rusknife.com/topic/18369-немецкие-топоры-типология/page/2/

²⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры... — С. 27—28; Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... — С. 86—87.

²⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры... — С. 27.

²⁹ Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири... — С. 396—397.

³⁰ Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области... — С. 178. Табл. XXVII; Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области... — С. 60; Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времён до наших дней... — С. 103.

³¹ Nadolski A. Studia nad uzbrjeniem polskim w X, XI i XII wieku... — S. 132. Tabl. XXXI.

³² Интернет-аукцион «Мешок» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: meshok.net/item/100258269

³³ От шклюда до фотогида: столетние артефакты большой стройки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: tv2.today/TV2Old/Ot-shklyuda-do-fotogida-stoletnie-artefakty-bolshoy-stroyki#ixzz5qFC7U5xd

³⁴ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: goscatalog.ru/portal/#/collections?id=14494861

³⁵ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: goscatalog.ru/portal/#/collections?id=6294349

³⁶ Например: Белорусский кладоискательский портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: belklad.com/forum/viewtopic.php?f=36&t=56687; Интернет-аукцион «Мешок» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: meshok.net/item/100258269

³⁷ Левша // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Левша

³⁸ Одной левой. Кем работать, если ты левша? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rjob.ru/articles/odnoy_levoy_levshi_na_rabote/

³⁹ Соловьёв А.И., Соловьёва Е.А. Новые находки «асимметричных топоров»... — С. 415.

⁴⁰ См. каталог 1922 г. — Kellokosken Tehdas, Mariefors Bruk. — Björkboda, 1922.

⁴¹ Мелехов В.И., Шаповалова Л.Г. Ретроспективный взгляд на плотницкий инструмент // Вопросы истории естествознания и техники. — М., 2004. — № 2. — Рис. 2-б.

⁴² Майничева А.Ю. Традиции строительного дела Средневековой Руси и домостроение старообрядцев Верхнего Приобья в конце XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: zaimka.ru/mainicheva-house-building/

⁴³ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: gосkatalog.ru/portal/#/collections?id=16966423

**«In general, it's not a matter of geese, but everything is not amiss!»*
Difficulties definition post-medieval archaeological sites' items**

Yu.V. Shirin

Novokuznetsk

Museum-Reserve «Kuznetsk fortress»

J.A. Jakovlev

Khanty-Mansiysk

Ethnographic outdoor museum «Torum Маа»

Annotation. When addressing the material culture of the post-medieval period, archaeologists often face the difficulty of attributing inventory. An example would be massive iron axes with a solid tubular lug and one-sided sharpening. In scientific publications and museum exhibits they are often represented as the late Middle Ages cold arms. The article presents a selection of axes in the amount of 95 copies, identified throughout the whole Eurasia space from France to the Far East, given the physical parameters of some samples, expressed the opinion of their dating XIX — 1-st half of the XX century. The pragmatics of using these axes as a specialized carpentry tool is also argued.

Keywords. Ax, carpentry tools, cold arms, archeology of the XIX century.

E-mail. shirin_a@mail.ru; JakovJakovlev@mail.ru

---

* The authors put into the title a line from the V. Vysotsky song “The bride ceremony” because of a pun. The meaning of the poetic phrase is that the geese mentioned in a series of other things in the text are not related to the essence of the main narration. In turn, the essence of the article consists in the argument that an axe type, referred to in English-speaking countries as a “goose wing” in cause of its characteristic shape, has no relationship with cold arms, as some archaeologists insist.

Перемещение ритуальных площадок культовых объектов восточных хантов

А.А. Рудь
г. Сургут
ИКНПЦ «Барсова Гора»

Аннотация. Одним из типов объектов культурного наследия в ХМАО — Югре являются культовые объекты коренных жителей. В настоящее время здесь накоплен большой опыт по постановке святилищ коренных жителей под государственную охрану. Спецификой святилищ как объектов культурного наследия является то, что они включают в свои границы почитаемые коренными жителями элементы природного ландшафта (сакральные ландшафты), обычно не содержащие следов человеческой деятельности, и места совершения религиозных обрядов (ритуальные площадки), в границах которых концентрируются материальные остатки символической деятельности. Если почитаемые элементы природного ландшафта по своей сути являются недвижимыми объектами, то ритуальные площадки могут быть перемещены как в границах сакральных ландшафтов, так и за их пределы. В настоящей статье указаны функциональные особенности ритуальных площадок святилищ восточных хантов, приведены примеры и некоторые причины их переносов.

Ключевые слова. Восточные ханты, культовые объекты, почитаемые элементы природного ландшафта, места совершения религиозных обрядов, переносы ритуальных площадок святилищ.

Ритуальные площадки святилищ восточных хантов могут выполнять ряд разных функций — быть местами бескровных и кровавых жертвоприношений, хранения / вывешивания жертвенных прикладов, ритуальных костровищ, ритуальных трапез, архитектурных сооружений для хранения изображений божеств, изъятия сколов дерева для изготовления изображений божеств и т.д. На многих культовых объектах восточных хантов перечисленные функциональные зоны территориально можно объединить в одну ритуальную площадку (ил. 1). Иногда функциональные зоны святилища могут быть расположе-

ны на удалении друг от друга в границах почитаемого природного ландшафта. Тогда на территории святилища одновременно могут находиться несколько разных по функциям ритуальных площадок. Чаше территориально разделены места для вывешивания жертвенных прикладов или изъятия сколов дерева для изготовления изображений божеств, с одной стороны, и места расположения костровища, ритуальной трапезы, культового сооружения — с другой. На некоторых святилищах ритуальные площадки могут располагаться раздельно по принципу поклонения божествам разных сфер — Неба, Земли, Воды. В этом случае наблюдается приуроченность каждой из них к разным микроландшафтам:

- места расположения ритуальных площадок, связанных с божествами Верхнего мира, — к возвышенностям либо участкам произрастания берёз, лиственниц, ассоциирующихся со сферой Неба;
- места поклонения божествам Нижнего мира — к понижениям или берегам водоёмов, а также к участкам произрастания кедров и пихт — деревьев сферы Земля;

Ил. 1. Действующая ритуальная площадка в границах поселкового святилища юрт Ачимовых Вторых — *Косын-Най-Тоин-Пах* («Звёздного Огня Вершины Сын») на р. Малом Югане. Июль 2014 г. Снято с юга. Фото: А.А. Рудь

— места приношения божествам водной сферы — к берегам или акватории водоёмов, расположенных в границах почитаемого ландшафта¹.

На Малом Югане известно святилище *Эвэт*, на территории которого раздельное функционирование ритуальных площадок происходит по гендерному принципу. Здесь границей между мужской и женской ритуальными площадками является река. Каждая из этих сакральных территорий включает места костровища и трапезы. Помимо этого, мужская ритуальная площадка содержит культовую наземную постройку, в которой содержатся деревянные изображения божеств и жертвенные приклады для них².

В процессе исследований зафиксированы факты изменения месторасположения ритуальных площадок культовых объектов как в рамках традиции, так и под давлением внешних факторов. Некоторые из этих процессов — локализация мест поклонения таёжным божествам-хозяевам; перемещение ритуальных площадок в связи с рубежом тысячелетий, по причине включения в зону промышленного освоения

Ил. 2. Оставленная ритуальная площадка в границах поселкового святилища юрт Ачимовых Вторых — *Косын-Най-Тоин-Пах* («Звёздного Огня Вершины Сын») на р. Малом Югане. Июль 2014 г. Снято с юго-востока. Фото: А.А. Рудь

или из-за пожара — кратко затрагивались автором ранее³. Иногда на протяжении последнего века переносы ритуальных площадок у восточных хантов происходили и в рамках традиции⁴. В левобережье Оби у юганских хантов перемещение ритуальных площадок поселковых (юртовых) святилищ до сих пор происходит в границах почитаемого природного ландшафта и часто связано со сменой хранителя и возведением нового культового сооружения (ил. 2). Так, об этом сообщает информант из д. Тайлакова: *«Наше поселковое святилище Торум Эви находится на речке Нельсынг пев. Здешняя старая бабка Тайлакова говорила, что эту маленькую речку вообще никому трогать нельзя... Потому что в этой речке, в том или в этом берегу обязательно стоял лабаз Торум Эви. Когда на этом берегу реки устареет лабаз — переводят сюда... Когда этот устареет, опять переводят на другой берег...»*⁵. Таким образом, согласно традиции, почитаемая территория может содержать несколько одновременных ритуальных площадок. Вероятнее всего, описанная модель является наиболее архаичной. Локализацию культовых сооружений поселковых святилищ и связанных с ними ритуальных площадок юганские ханты объясняют тем, что главной функцией поселковых божеств является покровительство юрт (традиционных населённых пунктов) и прилегающей территории: *«Местных лункэт⁶ никуда нельзя перевозить, потому что тогда их земли останутся без присмотра. Главная их работа — юрты охранять»*⁷.

В правобережье Оби известны случаи перемещения ритуальных площадок родовых святилищ. Один из таких примеров, имевших место в XX в., связан с миграцией рода Кантеровых с левого притока р. Пима на правый. В процессе переезда на новых местах проживания Кантеровы возводили культовое сооружение (лабаз), куда перевозили свои родовые божества⁸. Однако скол дерева для изготовления родовых божеств Кантеровы до сих пор берут на традиционном родовом святилище на р. Лархни в левобережье р. Пим: *«Нашего лунк⁹ зовут Ларэх Ими. Значит, когда-то наши предки жили на р. Лархни. Когда-то они переехали с Лархни на Энтэль-Юхлынгъяун через Пим, а затем прадед оттуда переехал на сам Пим. Лабаз вместе с лункэт всегда перевозили с собой. Когда я стал хранителем, тоже строили новый лабаз. Я ездил туда, на р. Лархни, на наше родовое священное место и брал новый лунк»*¹⁰. Приведенный пример демонстрирует, что с родовым культом может быть связано несколько одновременных ритуальных площадок: одна — откуда берут скол дерева для изготов-

ления изображений божества, остальные — на которых функционируют культовые лабазы, перенесённые вместе со сменой хранителя культа на расстояние нескольких десятков километров.

Начиная с активного промышленного освоения Среднего Приобья в 1970-х гг. наиболее распространёнными причинами переносов ритуальных площадок святилищ стало промышленное освоение территорий, сопредельных сакральным ландшафтам, посещение их приезжими людьми, изъятие культовых предметов, а в отдельных случаях — осквернение святынь.

Вместе с тем рассмотренный выше механизм появления новых ритуальных площадок, связанных с родовыми культурами, не претерпел принципиальных изменений. В настоящее время в случаях проживания на удалении от своих родовых территорий большинство восточных хантов продолжают посещать родовые святилища¹¹. Одной из главных целей таких поездок остаётся получение скола дерева для изготовления личного изображения родового божества и возвращение вышедших из культовой практики изображений. Таким образом, сегодня родовые святилища сохраняют функции связи человека с родовыми божествами,

Ил. 3. Выведенный из культовой практики лабаз в границах родового святилища Покачевых — *Мылых ури Кот-Мых* («Замкнутой Старицы Дом-Земля») на р. Нятлонгаягун. Август 2017 г. Снято с юго-востока. Фото: А.А. Рудь

в то время как культовые постройки и изображения родовых божеств могут быть перемещены на стойбища хранителей либо в места, не затронутые промышленным освоением. К примеру, до прихода нефтяников на родовом святилище тромъеганских хантов Покачевых **Мылых ури Кот-Мых** («Замкнутой Старицы Дом-Земля») функционировал лабаз, в котором находились изображения божеств (ил. 3). Промышленное освоение участков рядом с ним послужило причиной перемещения их на стойбища хранителей: «Раньше на старице Мэлэх ури лабаз был. На лабазе держали священников¹². Когда первые нефтяники пришли, старинные дедушки взяли, растащили в разные стороны священников. На руках, дома стали держать»¹³. Позднее на одном из небольших притоков р. Нятлонгаягун, на удалении нескольких десятков километров от святилища был построен новый культовый лабаз, заново были изготовлены и изображения божеств. Сколы деревьев для изготовления изображений родовых божеств люди также приходят брать на **Мылых ури Кот-Мых**¹⁴. Туда же относят выведенные из культовой практики изображения (ил. 4). Таким образом, ритуальная

Ил. 4. Выведенные из культовой практики изображения родовых божеств в границах родового святилища Покачевых — **Мылых ури Кот-Мых** («Замкнутой Старицы Дом-Земля») на р. Нятлонгаягун. Август 2017 г. Снято с юга. Фото: А.А. Рудь

площадка — культовый лабаз с изображениями родовых божеств — функционирует на значительном удалении от самого сакрального ландшафта, который сохранил за собой функции места, откуда берут сколы деревьев для изготовления *лунк*.

Отдельные культовые объекты восточных хантов в правобережье Среднего Приобья сохранили функции мест проведения коллективных жертвоприношений *мыр*, в ходе которых осуществляются ритуалы для всего пантеона божеств восточных хантов. Установлено, что места проведения *мыр* могут переносить на значительные расстояния — до нескольких десятков километров. При этом причинами переносов могут являться разные события. Наиболее показательным примером является серия переносов ритуальной площадки святилища тромъеганских хантов *Овыр Кол* («Высокая Ель»), расположенного в верхнем течении р. Тромъегана¹⁵. Культовый объект имеет высокий сакральный статус и, согласно фольклорному сюжету, связан с деяниями верховных божеств¹⁶. Природно-ландшафтные особенности ритуальной площадки, функционировавшей до 1980-х гг., заключались в том, что на правом берегу р. Тромъегана произрастало несколько очень высоких елей, одна из которых и являлась главным объектом поклонения¹⁷. По сведениям информанта: *«Мы проезжали по дороге вдоль Тромъегана. Мне её показывали. Ель была высотой на треть выше остальных деревьев. В марте 1969 г. она ещё стояла»*¹⁸. В 1980-х гг. во время урагана высокие ели упали. В среде тромъеганских хантов это событие было воспринято знаком того, что священное место необходимо оставить. Ритуальная площадка была перенесена на несколько поворотов вверх по течению реки. В кон. 1990-х гг. на территории второй ритуальной площадки произошёл пожар. Это событие было истолковано так же, как и предыдущее — *«боги ушли со святилища, и место потеряло свою силу»*. После этого ритуальная площадка была перенесена на 25 км выше по р. Тромъегану в район устья р. Муроягун¹⁹. Это место уже имело наименование — *Сави выт рэн* («Яр, где берут глину»). Однако в ходе опросов информанты также использовали и термин «Высокая Ель», объясняя два наименования одного святилища следующим образом: *«Священное место называется Сави выт рэн потому, что в этом месте люди всегда брали глину для чувалов и хлебных печей. А сейчас там место народное, люди богам жертву делают. Это и есть новое место Высокой Ели, или новая Высокая Ель»*²⁰.

Ок. 2005 г. тромъеганские ханты раскололись на неофитов, принявших учение пятидесятников, и приверженцев традиционной религии.

В ходе обследования 2009 г. на ритуальной площадке в районе устья р. Муроягун были зафиксированы факты уничтожения прикладов жертвенных тканей. По мнению информантов, которые ссылались на отдалённость святилища от мест проживания русского населения, а также на пропускной режим, действующий на нефтяных месторождениях, осквернили святилище их новообращённые сородичи²¹. В связи с этим в 2011—2012 гг. ритуальная площадка святилища «Высокая Ель» от устья р. Муроягун была перенесена в четвёртое место, которое находится рядом с первой ритуальной площадкой. По сведениям информантов, последнее перемещение ритуальной площадки было сделано после шаманского камлания²². Важно отметить, что из четырёх перечисленных ритуальных площадок только первая, традиционная площадка имела ярко выраженные визуальные признаки — *«Ель была высотой на треть выше остальных деревьев»*. В ходе натурного обследования остальных ритуальных площадок елей с такими характеристиками не выявлено. С одной стороны, приведённый пример указывает на гиб-

Ил. 5. Выезд тромьганских хантов к месту проведения коллективного жертвоприношения *мыр* в устье одного из правых притоков р. Назыма. Декабрь 2010 г. Снято с севера. Фото: А.А. Рудь

кость и адаптивность традиционной культуры. С другой стороны он демонстрирует тенденцию возврата ритуальной площадки в район традиционного места проведения религиозных церемоний.

В настоящее время выбор ритуальной площадки для проведения коллективных жертвоприношений *мыр* может быть продиктован практическими соображениями. В публикации 2016 г. уже упоминалось о возобновлении коллективных жертвоприношений тромъеганских хантов для одного из верховных угорских божеств *Кон Ики* в районе устья р. Иртыша (ил. 5)²³. Заслуживает внимания выбор места проведения религиозной церемонии. Главным критерием при выборе места проведения *мыр* было наличие бензина для снегоходов «на путь туда и обратно» от временного лагеря, расположенного в д. Пырьях. По этой причине выбор выпал не на традиционное место поклонения *Кон Ики*, расположенное в правобережье Оби около устья Иртыша, а на устье небольшой речушки, впадающей справа в р. Назым недалеко от слияния последнего с Иртышом. Для проведения религиозной церемонии был выбран участок высокой правой коренной террасы р. Назыма, схожий по своим ландшафтным характеристикам с традиционным местом почитания *Кон Ики*. Несколько последующих *мыр* тромъеганские ханты проводили именно в указанном месте. Таким образом, фактор практичности стал определяющим для выбора места проведения коллективного жертвоприношения. С высокой долей вероятности именно это место может закрепиться у современных тромъеганских хантов в качестве «традиционной» ритуальной площадки для коллективных жертвоприношений.

Заключение

Ритуальные площадки — места совершения религиозных обрядов восточных хантов — могут быть перемещены по разным причинам. Традиционно эти изменения происходили в границах почитаемого природного ландшафта, однако и ранее, до промышленного освоения, были известны случаи, когда перемещения ритуальных площадок происходили за границы сакральных ландшафтов. Переносы ритуальных площадок имеют под собой объективные причины — смену хранителя, возведение нового культового лабаза, миграцию, утрату почитаемой территорией сакрального статуса, появление промышленных объектов в непосредственной близости от святилища, посещение и разграбление жителями промышленных городов, осквернение со стороны хантов-неофитов. Часто при перемещении ритуальной площадки новый

ландшафт приобретает статус сакрального посредством традиционных религиозных церемоний — кровавых жертвоприношений, шаманских камланий, гаданий, предсказаний. Необходимо отметить, что выбор новой ритуальной площадки нередко падает на места со схожими с традиционной ритуальной площадкой природно-ландшафтными характеристиками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Отчёт о НИР: Разработка научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места «Эвыт-ики (Шаман-гора)» в Сургутском районе ХМАО — Югры. — Сургут, 2015. — БИИКФ (г. Сургут). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 641. — С. 17–18; Граф. прил. 7; Данилова Е.Н., Бахарев П.С. Отчёт о НИР: Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Эвут Рап» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. — Екатеринбург, 2015. — АСА (г. Екатеринбург). — Ф.1, Д.305. — С. 25–29, 81–98.

² Михалёв А.Н. Отчёт о НИР: Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа (июнь — сентябрь 2000 г.). — Томск, 2000. — БИИКФ (г. Сургут). — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 325. — С. 6–7, 23–29; Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Малый Юган. Март 2004 г., июль 2014 г.

³ Рудь А.А. Культовые объекты восточных хантов в начале XXI в. // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2016. — № 4 (53). — С. 137–139.

⁴ Рудь А.А. Культовые объекты восточных хантов в начале XXI в... — С. 138–139.

⁵ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Большой Юган. Март 2004 г. Сведения Л.В.Н.

⁶ Здесь и далее информанты употребляют термин *лунк* (ед. число) и *лункэт* (мн. число) в качестве обозначения изображений божеств.

⁷ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Большой Юган. Март 2004 г., июнь 2009 г. Сведения Л.В.Н.; Март 2007 г. Сведения Н.Н.В.

⁸ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Пим. Март 2011 г. Сведения К.В.Я.

⁹ Информант употребляет термин *лунк* («божество») в качестве обозначения самого родового божества.

¹⁰ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Пим. Март 2011 г. Сведения К.В.Я.

¹¹ Балалаева О.Э. Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): научно-исторические очерки. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — Изд. 2-е, испр. и доп. — С. 152.

¹² В данном случае информант словом «священники» обозначает изображения родовых божеств — *лунк*.

¹³ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Няллонгаягун. Сентябрь 2005 г.

¹⁴ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Тромьеган. Март 2009 г., февраль 2010 г.

¹⁵ Этот сюжет кратко уже затрагивался ранее: Рудь А.А. Культовые объекты восточных хантов в начале XXI в. ... — С. 138; Рудь А.А. Отчёт о НИР: Обследование состояния объекта, описание предмета охраны и установление границ территории

объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения этнологии, расположенных в Сургутском районе ХМАО — Югры: В 2 кн. — Сургут, 2014. — БИИКФ (г. Сургут). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 574. С. 70—82; Д. 575. Граф. прил. 5.1-5.3.

¹⁶ Рудь А.А. Материалы по фольклору тромъеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 113—118.

¹⁷ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Тромъеган. Июнь 2002 г., февраль 2004 г., июль 2004 г.

¹⁸ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Лямин 3-й. Июль 2003 г. Сведения К.М.Д.

¹⁹ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Тромъеган. Февраль 2004 г., июль 2004 г., февраль 2010 г.

²⁰ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Тромъеган. Февраль 2003 г. Сведения Т.А.А., П.В.А., П.Л.П.; Р. Тромъеган. Февраль 2004 г., июль-август 2004 г., декабрь 2004 г. Сведения Т.Е.А., Р.А.А., Р.С.Ф.; Р. Тромъеган. Сентябрь 2004 г., декабрь 2004 г., сентябрь 2005. Сведения Т.А.И., Т.Р.И.

²¹ Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Тромъеган. Март 2008 г., февраль 2010 г.

²² Рудь А.А. Полевые материалы автора. Р. Тромъеган. Июль 2012 г., март 2014 г.; Р. Тромъеган. Сентябрь 2014 г. Мат-лы натурных обследований ритуальных площадок святилища Овыр Кол («Высокая Ель»).

²³ Рудь А.А. Культурные объекты восточных хантов в начале XXI в... — С. 140.

Transfers of ritual ground of Eastern Khanty sacred sites

A.A. Rud'

Surgut

Municipal autonomous institution of the Surgut region

Historical and Cultural Research and Production Center

«Barsova Gora»

Annotation. One of the types of objects of cultural heritage in Khanty-Mansiysk autonomous region — Ugra are sacred sites of indigenous people of the district. A great deal of experience in state protection of indigenous people's sacred sites has been accumulated in region. The sacred sites as cultural heritage sites include within their borders worshipped by indigenous people elements of the natural landscape that do not contain traces of human activity. They also include in their borders the places of religious ceremonies (ritual ground), which the material remnants of the symbolic activities of the indigenous people are concentrated. If the worshipped elements of the natural landscape are immovable objects, the ritual grounds can be moved both within

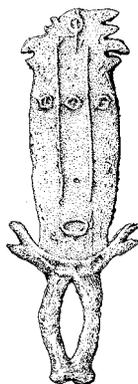

the boundaries of sacred landscapes and beyond. In this article, the functional features of the ritual sites of the Eastern Khanty sanctuaries are indicated, examples of transfers of ritual grounds are given, and some of the reasons for these movements are considered.

Key words. Eastern Khanty, sacred sites, worshipped elements of the natural landscape, the places of religious ceremonies, transfers of ritual ground

E-mail. raa@bk.ru

Картографические источники к исторической карте города Берёзова рубежа XVIII–XIX вв.

А.Н. Сабаров

г. Ханты-Мансийск

Служба государственной охраны
объектов культурного наследия ХМАО – Югры

Н.В. Перцев

г. Салехард

Ямало-Ненецкий окружной

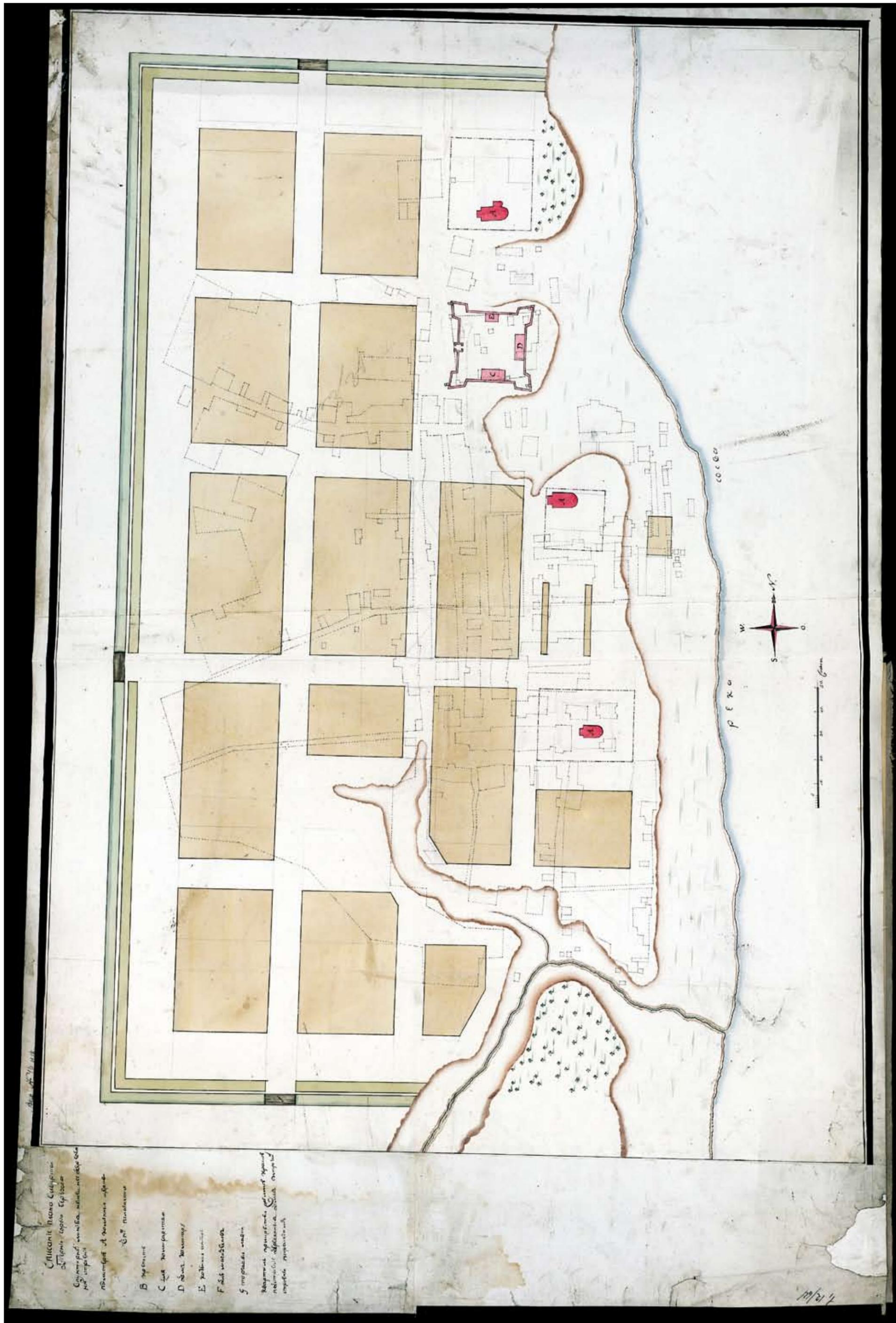
музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

Аннотация. В статье проведён анализ ранее не опубликованного чертежа города Берёзова, составленного в 1773–1774 гг. Данный источник незаменим в плане подготовки археологических исследований в черте пгт. Берёзова и отражает как проектируемую в посл. четв. XVIII столетия, так и более раннюю застройку. Сопоставление чертежа с современным состоянием застройки необходимо для выявления перспективных зон дальнейшего исследования. Таким образом, документ представляет собой важнейший источник для археологического изучения и сохранения историко-архитектурной среды одного из старейших русских населённых пунктов Югры.

Ключевые слова. Берёзов, чертёж, археологические исследования, историко-архитектурная среда.

Археологические исследования в плотной среде современной застройки зачастую носят «охраннопамятниковый» характер и ведутся в «стрессовой», ограниченной временем и местом ситуации. Исследователям при проведении работ приходится учитывать, что раскоп соседствует с жилым домом, водопроводом или улицей. На протяжении существования города или посёлка множилось и наслаивались многочисленные сооружения и здания, со временем исчезающие в пожарах и перестройках. Необходимым и важным подспорьем археолога, чьё поле деятельности располагается в динамичной среде населённого пункта,

Ил. 1. «Списание плана Сибирской губернии города Берёзова». Чертёж. Тобольский губернский землемер В. Пономарёв. 1776–1800 гг.

являются картографические материалы, составленные в более ранний период. Да и в деле сохранения важной культурно-исторической среды, столь быстро исчезающей в современном мире, картографические данные, созданные руками геодезистов и землемеров XVIII—XIX вв., являются серьёзным подспорьем.

Таким важным для истории Югры в целом и посёлка (по современной территориально-административной номенклатуре) Берёзова в частности является чертёж *«Списание плана Сибирской губернии города Берёзова»* (ил. 1)¹. Данный чертёж был составлен в 1773—1774 гг. тобольским губернским землемером В. Пономарёвым, назначенным на должность 31 октября 1772 г.² При непосредственном участии и руководстве поручика Пономарёва тобольскими землемерами были составлены атлас *«Генеральная карта Тобольского наместничества, состоящая из двух областей Тобольской и Томской и шестнадцати уездов с назначением волостных судов по ново-устроенному порядку облажащих и с показанием мест»* (1784 г.)³.

Рассматриваемый чертёж представляет собой проект плана регулярной застройки города Берёзова Сибирской провинции на рубеже XVIII—XIX вв., наложенный поверх старой уличной планировки и границ участков обывательских землевладений. План ориентирован на запад. Внизу, занимая примерно треть листа, нарисованы река Северная Сосьва и прибрежная часть города. В верхней части нанесены кварталы городской застройки, по периметру ограниченной прямоугольной фортификацией. На плане указан масштаб в 5 дюймов к 50 сажням, что при пересчёте в современную метрическую систему составляет масштаб 1:8400.

Новая планировка подразумевала деление города на жилые кварталы, сориентированные по осям север — юг и запад — восток. На берегу реки определено место под крепость — квадратную в плане, с четырёхугольными редутами по углам. На западном фасае укреплений, обращённых к городским улицам, предполагалось разместить ворота. Внутри укреплений расположены:

- комиссарство,
- «дом комиссару»,
- казённый амбар.

Существовавшие на момент составления плана три каменных храма (Богородице-Рождественская церковь, Воскресенский собор и рухнувшая в 1796 г. Одигитриевская церковь) обозначены литерой «А». Данное обстоятельство позволяет предположить, что чертёж был

составлен до большого пожара, практически уничтожившего старый Берёзов в 1808 г.

Нанесены на чертёж (но не обозначены текстово) такие важные компоненты исторического ландшафта, влиявшие на формирование селитебной структуры Берёзова, как овраги Стрижачий и Култучный⁴. На данном чертеже зафиксирована первоначальная морфология оврага Забуерачного, от него в настоящее время частью сохранился правый «рукав», обращённый в глубину застройки современных улиц Путилова — Первомайская — Пушкина. Основное русло оврага Забуерачного, с протекавшим по дну ручьём в течение последующего времени в результате антропогенного воздействия значительно изменилось и застроилось.

Планировка землевладений обывателей и участков, занятых деревянным строением, на чертеже указаны пунктиром. Обращает на себя внимание расположенный на мысе, образованном рукавами оврагов Стрижачьего и Култучного, контур старых деревянных укреплений Берёзовской крепости. В отличие от планировки «прожектируемой» новой крепости, имеющей «регулярный» характер, прежняя представляет собой вытянутый в направлении запад — восток неправильный прямоугольник, имеющий три угловые башни и ворота на южном фасае стены. Внутри «старого» укрепления отмечены участки с административными и складскими зданиями. Линии улиц, образованные границами участков застройки, не имеют строгой планировки.

Следует заметить, что данный источник имеет непосредственное отношение к другому плану — *«План вновь прожектированного гор. Берёзова с показанием на оном, где какому строению быть положено»* — и во многом повторяет его. Последний послужил основой для составления историко-архитектурного опорного плана пгт. Берёзова⁵. Отличают два чертежа масштаб и детализация. В легендах к обоим планам прописано месторасположение торговых мест и магазинов, хотя конкретная локализация этих построек дана только во втором чертеже, в то время как в *«Списании с чертежа...»* здания обозначены без соответствующих обозначений. Масштаб *«Плана...»* более крупный — в 1 дюйме 150 саженей. Этот документ охватывает территорию вплоть до противоположного берега р. Северной Сосьвы, а контуры «старой» застройки изображены целиком, без детальной отрисовки отдельных земельных участков. Таким образом, следует рассматривать оба чертежа совокупно, так как отражённая на них информация взаимно дополняема.

При подготовке данной статьи в качестве опыта было выполнено наложение современной планировочной ситуации посёлка на отдельные участки нерегулярной планировки, зафиксированной на чертеже. Это позволило выяснить следующее:

1. Несмотря на то, что в качестве основы для данного чертежа землемером Пономарёвым были использованы готовые межевые планы землевладений города Берёзова, наблюдается значительная погрешность в масштабе. Южный участок застройки, примыкающий к оврагу Забуерачному, следует рассматривать не в указанном на чертеже масштабе, а более крупном — 1:8500.

2. В квартале, ограниченном современными улицами Железнова — Горького, часть современных участков землевладений сохранили свои исторические границы и местоположение. Участок малоэтажной индивидуальной застройки, ограниченный современными улицами Железнова — Первомайская — Чкалова, в линии усадебной застройки сохранил видимую в чертеже планировку улиц.

3. Отмеченная на чертеже береговая линия, примыкающая к р. Северной Сосьве, за два века в результате эрозийных процессов разрушилась на различных участках террасы на глубину до 60 м.

Таким образом, данный чертёж представляет собой важнейший источник для археологических исследований и сохранения историко-архитектурной среды одного из старейших русских населённых пунктов Югры, а информация, содержащаяся в нём, в значительной степени способна дополнить и уточнить историко-архитектурный опорный план Берёзова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Списание плана Сибирской губернии города Берёзова. — РГИА. — Ф. 1293. Оп. 168. Д. 46.

² Коновалова Е.Н. Картографирование территории Тобольской губернии в XVIII в. // Интерэкспо Гео-Сибирь. — Новосибирск: СГУГиТ, 2010. — Т. 6. — С. 36.

³ Лобанова А.А. Формирование губернской межевой части в Западной Сибири в конце XVIII — первой трети XIX вв. // Интерэкспо ГЕО-Сибирь—2016: XII Международный научный конгресс и выставка. Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность. — Новосибирск: СГУГиТ, 2016. — Т. 1. — С. 41.

⁴ Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Берёзово: историко-архитектурные очерки. — Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2010. — С. 60—65.

⁵ Пальянова М.Н., Пальянов П.В. Проблема выявления границ города Берёзова кон. XVI — XIX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 286—293.

**Cartographic sources to the historical map of the city of Berezov
of the turn of the XVIII–XIX centuries**

A.N. Sabarov

Khanty-Mansiysk

State Security Service of cultural heritage cites

of the Khanty-Mansiysk autonomous region – Yugra

N.V. Percev

Salekhard

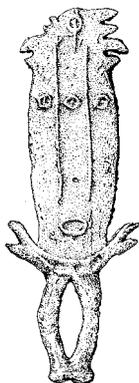
Yamalo-Nenetskiy District

Museum and Exhibition Complex of I.S. Shemanovsky

Annotation. The article analyzes the previously unpublished drawing of the city of Berezov, compiled in 1773-1774. This source is indispensable in terms of the preparation of archaeological research in the boundaries of the village. Birch and reflects both projected in the last quarter of the XVIII century, and earlier building. Observing it allowed to compare the drawing with the current state of development, which is necessary to identify promising areas for further research. This drawing is the most important source for the archaeological study and preservation of the historical and architectural environment of one of the oldest Russian settlements of Ugra.

Key words. Berezov, drawing, archaeological research, the historical and architectural environment.

E-mail. Sabarov79@gmail.com; Pertsev1991@yandex.ru

Опыт повторного анализа археологических коллекций 1970–2000-х гг., принятых в музейный фонд: научная реактуализация и новые возможности презентации

А.Б. Агаркова, Е.А. Юдина, О.В. Стародубова
г. Сургут
Сургутский краеведческий музей

Аннотация. С 2014 г. в Сургутском краеведческом музее проводится повторная инвентаризация фонда археологии. Она включает не только общую сверку и мониторинг состояния артефактов, но и их расширенное изучение, в ряде случаев — с привлечением ранее не доступных или не имевших широкого применения методов анализа. Среди результатов проведённой работы: уточнение и пополнение данных о коллекциях, выявление перспективных в плане реставрации объектов и за счёт этого — увеличение степени репрезентативности керамических комплексов. В качестве одного из выводов отмечается специфика приоритетных направлений, реализуемых в рамках музейных исследований.

Ключевые слова. Научная инвентаризация, вторичный учёт, музейная коллекция, археологическая коллекция, керамика, реставрация, научно-исследовательская работа в музее.

С 2014 г. сотрудниками Сургутского краеведческого музея апробируется расширенный вариант научной инвентаризации фонда археологии. По сравнению с традиционным форматом работ подобного рода, проведённая инвентаризация отличается более широким набором процедур и их комплексным характером. Во-первых, она включает не только общую сверку, мониторинг состояния артефактов и их описание, но и повторное изучение музейных предметов, в некоторых случаях — с привлечением ранее не доступных или не имевших широкого применения методов анализа. Во-вторых, расширенная научная инвентаризация на всех стадиях проводится совместно хранителем археологического

фонда, археологом и реставратором (в отдельных случаях к работе привлекаются представители региональных научно-исследовательских центров — специалисты гуманитарных и естественных дисциплин).

Содержание и порядок процедуры вторичного учёта не раз становились предметом дискуссий специалистов-музеологов¹. В нашем случае пересмотр традиционного формата работы был обусловлен состоянием сверяемых коллекций и их сопроводительной документации, а также недостаточностью данных по массовым категориям археологических источников².

Коллекции, выбранные для сверки и анализа. Первоначальный круг материалов составили коллекции с памятников, исследовавшихся археологическими раскопками в 1970-х — нач. 1990-х гг. Повышенное внимание к коллекциям, полученным более 20—30 лет назад, объяснялось практическими соображениями. В свете актуальных представлений об учёте и описании музейных предметов³, а также правил их регистрации в ГК МФ РФ⁴ документационное сопровождение этих материалов нередко оказывалось недостаточным. Соответственно, на начальной стадии акцент делался на заполнении информационных лакун. Однако в процессе обработки стали выявляться и другие, по той или иной причине не задействованные ранее данные. С расширением круга источников (постепенно в работу были включены коллекции кон. 1990-х — нач. 2000-х гг.) перечень потенциально доступной, актуальной для музея информации только увеличился (табл. 1).

За пять лет сотрудниками музея была обработана 31 коллекция с 18 памятников: 11 коллекций происходит с памятников, изучавшихся раскопками в 1970-х гг., 5 коллекций — в 1990-х гг., 15 — в нач. 2000-х гг. Поскольку от 79 до 100 % от общего объёма обработанных коллекций составляют керамические комплексы, то речь в дальнейшем пойдет именно об их изучении.

Характер и методы работы с материалом. Принятый формат инвентаризации в общем виде включает следующие операции:

- сверка состава коллекции и сопроводительной документации;
- оценка состояния музейных предметов;
- возобновление (либо уточнение) распределения керамического материала по изделиям (сосудам и др.);
- повторный морфологический и орнаментальный анализ глиняной посуды комплекса;
- изучение некоторых технических характеристик глиняных изделий;
- сопоставительный анализ коллекций, полученных в разные годы с одного или территориально близких памятников.

Таблица 1

**Коллекции археологического фонда
Сургутского краеведческого музея,
прошедшие повторную научную инвентаризацию
(2014 – июнь 2019 г.)**

№	Название археологического памятника (раскопа)	Год формирования коллекции	Объём коллекции (ед. хр.)	В том числе керамики (ед. хр., %)
1	Городище Барсова Гора I/1	1972	635	618 (97%)
2	Городище Барсова Гора I/2	1972–1973	306	301 (98%)
3	Могильник Барсов Городок 2	1973–1974	148	135 (91%)
4	Городище Барсова Гора I/11	1974	33	32 (97%)
5	Городище Барсова Гора I/12	1974	404	404 (100%)
6	Городище Барсова Гора I/13	1974	142	142 (100%)
7	Городище Барсова Гора I/14	1974	544	544 (100%)
8	Селище Барсова Гора III/1	1974	216	216 (100%)
9	Городище Ермаково XI	1975–1976	786	786 (100%)
10	Селище Барсова Гора I/40	1978	418	418 (100%)
11	Селище Барсова Гора БГ I/22	1978	721	705 (98%)
12	Городище Сургутское I	1993	941	941 (100%)
13	Поселение Чернореченское I	1993–1994	237	203 (86%)
14	Селище Барсова Гора III/66	1998	301	239 (79%)
15	Селище Барсова Гора III/63	1998	355	345 (97%)
16	Селище Барсова Гора III/36 (р. 3)	1999	63	58 (92%)
17	Селище Барсова Гора IV/10 (р. 3)	2000	90	87 (97%)
18	Селище Барсова Гора IV/10 (р. 6)	2000	124	122 (98%)
19	Селище Барсова Гора IV/10 (р. 4)	2000–2001	944	814 (86%)
20	Селище Барсова Гора IV/10 (р. 7)	2001	240	236 (98%)
21	Селище Барсова ГорaIII/36 (р. 4)	2001	1995	1968 (99%)
22	Селище Барсова ГорaIII/36 (р. 5)	2001	1242	1234 (99%)
23	Селище Барсова ГорaIII/36 (р. 6)	2001	1999	1990 (99%)
24	Селище Барсова ГорaIII/36 (р. 7)	2001	591	574 (97%)
25	Селище Барсова ГорaIII/36 (р. 8)	2001	35	35 (100%)
26	Селище Барсова Гора III/72 (р. 1)	2002	269	257 (96%)
27	Селище Барсова Гора III/72 (р. 2)	2002	661	569 (86%)
28	Селище Барсова Гора III/72 (р. 3)	2002	297	285 (96%)
29	Селище Барсова Гора III/72 (р. 4)	2002	14	14 (100%)
30	Селище Барсова Гора III/72 (р. 5)	2002	686	591 (86%)
31	Селище Барсова ГорaIII/36 (р. 9)	2002	583	564 (97%)

Перечисленные операции осуществлялись при разборе каждой коллекции. Кроме того, периодически в ходе осмотра музейных предметов выявлялись не учтенные ранее возможности получения дополнительных сведений (например, не изучавшийся ранее антропологический материал, образцы минеральных красителей из культурного слоя памятника и т. д.). В тех случаях, когда это было возможно, проводились дополнительные изыскания (силами сотрудников музея или приглашенных специалистов). Однако, поскольку ресурсы музея для проведения специальных анализов источников в целом ограничены, одновременно реализовать их информационный потенциал удавалось далеко не всегда. Решением стало составление сводных характеристик каждой коллекции, а также учётных карточек на коллекционные предметы, где, помимо стандартного описания артефактов, фиксировались все собранные данные и сделанные в ходе инвентаризации наблюдения, а также намечались перспективные направления дальнейшей работы (реставрация, проведение дополнительных анализов и т.д.).

Полученные результаты можно разделить на три блока.

Блок I. Была решена основная задача, стоявшая перед сотрудниками музея, — осуществлена сверка состава намеченных коллекций. Кроме того, была унифицирована и дополнена имеющаяся по ним сопроводительная документация.

Как отмечалось выше, в ходе инвентаризации была разработана дополнительная форма описания глиняных изделий из археологических коллекций музея. Она включает следующие позиции:

- форма,
- размер выделяемых формальных элементов,
- орнаментальная схема,
- техника её нанесения,
- использованные орнаменты,
- визуально различимые следы обработки поверхности изделия,
- визуально различимые примеси в глиняном тесте,
- характеристика изломов черепков,
- наличие нагара,
- наличие следов починки, вторичного использования,
- наличие или отсутствие графических реконструкций,
- возможность осуществления графической реконструкции,
- факт проведения реставрационных работ в прошлом,
- перспективность проведения реставрационных работ в будущем.

Данная форма сопровождается текстовой информацией о памятнике, с которого был получен материал, кратким описанием всего комплекса находок, библиографической справкой.

Сведённые воедино данные, помимо прочего, позволяют оперативно оценивать потенциал той или иной коллекции в качестве археологического источника и выбирать оптимальный вариант её дальнейшей обработки и презентации.

Блок II. Была проведена оценка состояния артефактов. В нашем случае это выполнялось археологом (в ходе разбора коллекции) и реставратором. Согласно логике упорядочивания материала, оценка состояния предметов производилась на трёх уровнях.

1. В ходе сверки археологических коллекций с необходимостью осматривался каждый фрагмент керамики, имеющий индивидуальный шифр. Это позволяло выявлять признаки разрушения на отдельных ед. хр.
2. В ходе упорядочивания материала выявлялись сосуды, требующие проведения профилактических мер для обеспечения их сохранности, и, напротив, сосуды, перспективные в плане реставрации или реконструкции (прежде всего, графическим способом).
3. Тот же процесс — процесс упорядочивания материала — на стадии сопоставления разных предметов и обобщения наблюдений давал возможность оценить состояние керамического комплекса в целом (степень фрагментированности материала, характер слома черепков и т.д.). В некоторых случаях удавалось установить ориентировочную температуру и продолжительность обжига изделий, определяющих их прочность.

Обращение к реставратору происходило по мере необходимости — на каждом из вышеописанных уровней анализа материала.

Так, при выявлении отдельных ед. хр. плохой сохранности предпринимались меры по их восстановлению, определялись и ликвидировались причины разрушения фрагментов (наиболее частая ситуация).

В случае выявления перспективных для реставрации объектов проводились (или планировались) соответствующие работы.

При обсуждении состояния коллекций в целом оценивалась степень их сохранности, что позволяло в некоторых случаях спрогнозировать трудозатраты на восстановительные работы либо определить причины разрушения фрагментов.

Результаты работы по оценке состояния:

1. Восстановление и укрепление проблемных ед. хр. во всех коллекциях, подлежавших инвентаризации.
2. Составление списков наиболее перспективных для реставрации изделий, инициирование реставрационных работ, увеличение степени репрезентативности комплексов. Так, например, только для четырёх коллекций нач. 2000-х гг. было намечено к реставрации 18 ёмкостей (в настоящее время работа по восстановлению сосудов продолжается). До этого все они хра-

нились в виде набора мелких керамических осколков и не представляли особого интереса в качестве экспонатов. Обилие перспективных для реставрации изделий, оставленных после первичной научной обработки во фрагментах, объясняется целевыми установками и условиями работы большинства исследовательских институтов и других организаций, проводящих полевые археологические изыскания. Кроме того, возможность работы с материалами многолетних исследований одного памятника (характерная именно для музейных фондов) обычно увеличивает долю потенциально восстанавливаемых ёмкостей в коллекциях.

3. Выявление проблемных комплексов, требующих частой проверки и особой подготовки в случае экспонирования, транспортировки и т.д. (крошащаяся или расслаивающаяся керамика). Также — выявление дополнительных (привнесённых) факторов, влияющих на сохранность, общий вид коллекций и, соответственно, определяющих частоту проведения мониторинга и необходимость дополнительных операций при укреплении или реставрации изделий.

Ил. 1. Могильник Барсовский II. Сосуд № 1. 1 — восстановленная часть сосуда; 2 — разрушающееся место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид снаружи; 3 — разрушающееся место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид изнутри

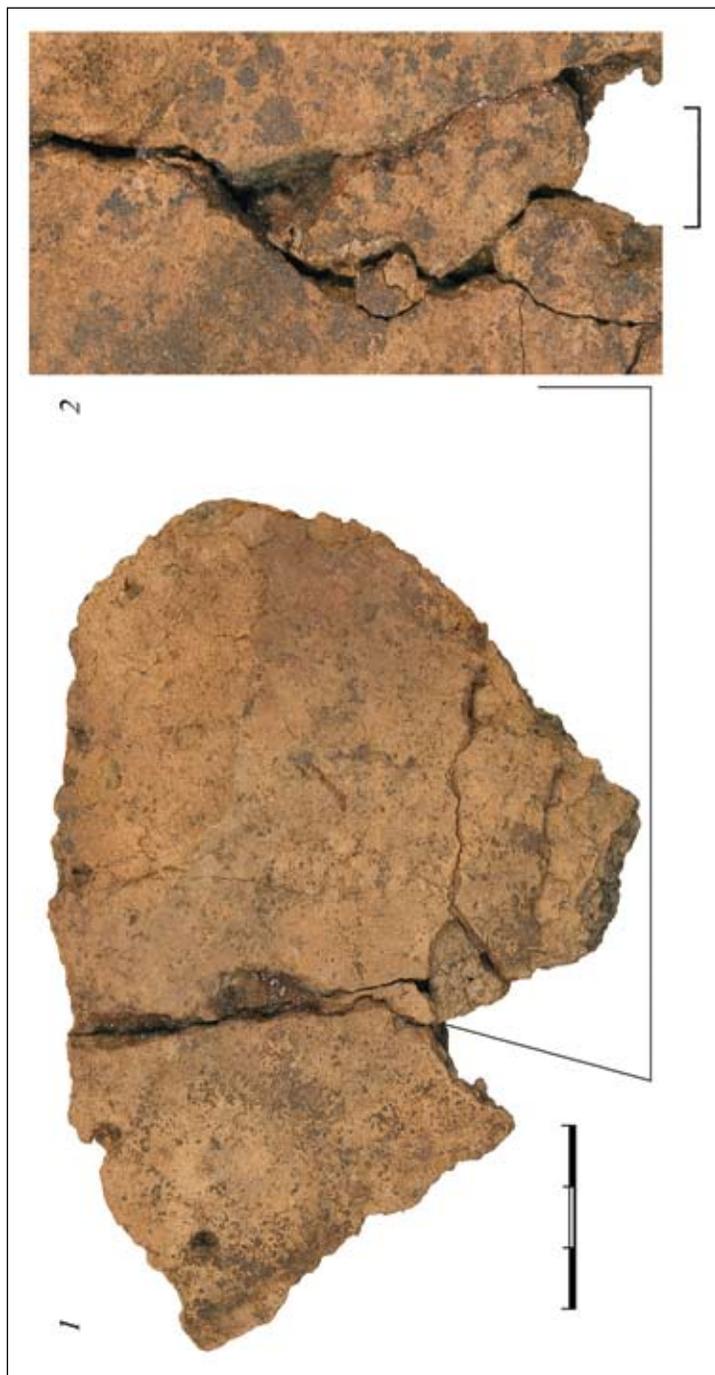
Для многих коллекций, подвергнутых в течение пяти последних лет инвентаризации, таким фактором оказались клеящие составы, использованные в ходе камеральной обработки. В качестве иллюстрации можно привести несколько примеров, когда выявленные в ходе обследования следы постепенного нарушения целостности изделия/ед. хр. были так или иначе связаны с клеем.

1. Места соединения (подклеивания) фрагментов сосудов № 1 и 2 коллекции могильника Барсовский II (раскопки 1973—1974 гг.) (ил. 1, 2), фрагментов сосуда № 1 коллекции селища Барсова Гора III/1 (раскопки 1974 г.) (ил. 3). Наблюдается отслоение и выкрашивание швов с фрагментами керамического теста, потемнение клеевого состава, усадка и деформация общей формы сосудов (склеенных фрагментов). Клей стекловидный, хрупкий, коричневого и жёлто-коричневого цвета. Анализ состава посредством подбора растворителей позволяет предположить использование клея БФ.

2. Места соединения (подклеивания) фрагментов сосуда № 77 из коллекции селища Барсова Гора III/36 (раскоп 4, раскопки 2001 г.) (ил. 4), фрагментов сосудов № 9 и 21 из коллекции селища Барсова Гора III/36 (раскоп 6, раскопки 2001 г.) (ил. 5, 6). Наблюдается отслоение, выкрашивание и выпадение швов с фрагментами керамического теста, пожелтение

Ил. 2. Могильник Барсовский II. Сосуд № 2. 1 — восстановленная часть сосуда; 2 — разрушающееся место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид снаружи

Ил. 3. Селище Барсова Гора III/1. Сосуд № 1. 1 — восстановленная часть сосуда; 2 — разрушающееся место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид изнутри

Ил. 4. Селище Барсова Гора III/36 (раскол 4). Сосуд № 77. 1 — восстановленная часть сосуда; 2 — разрушающееся место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид изнутри

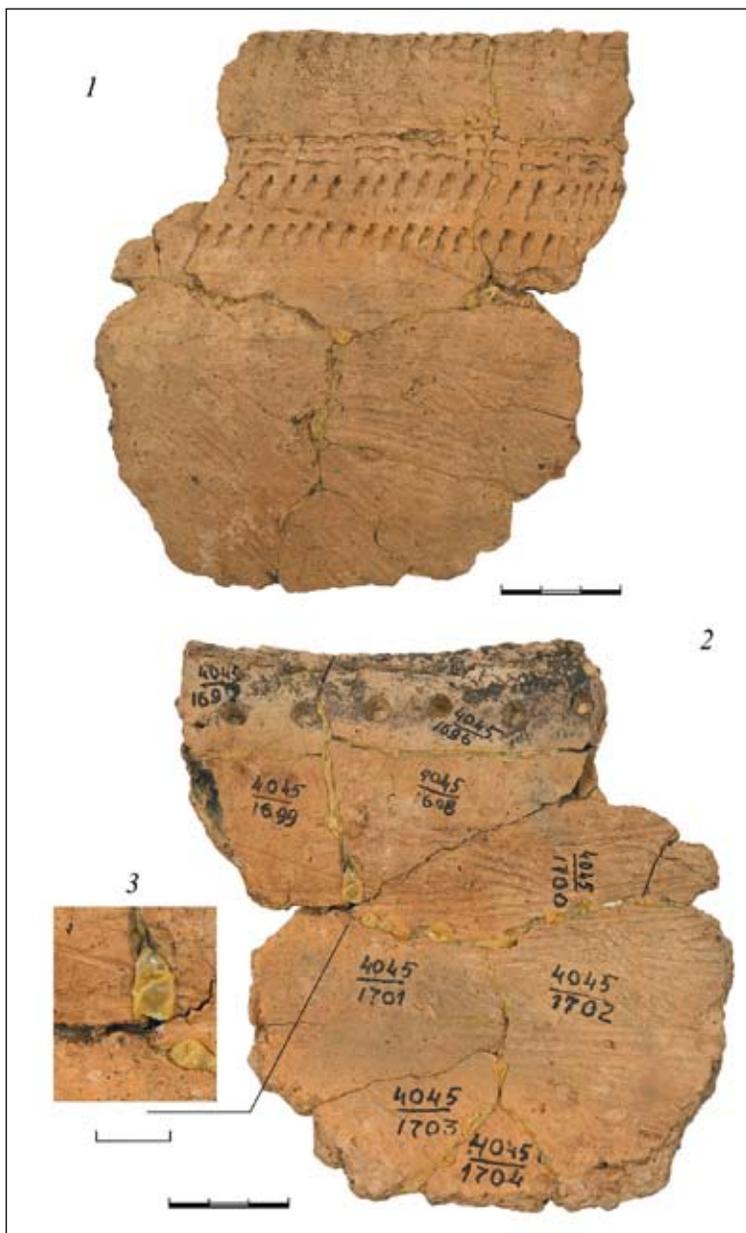
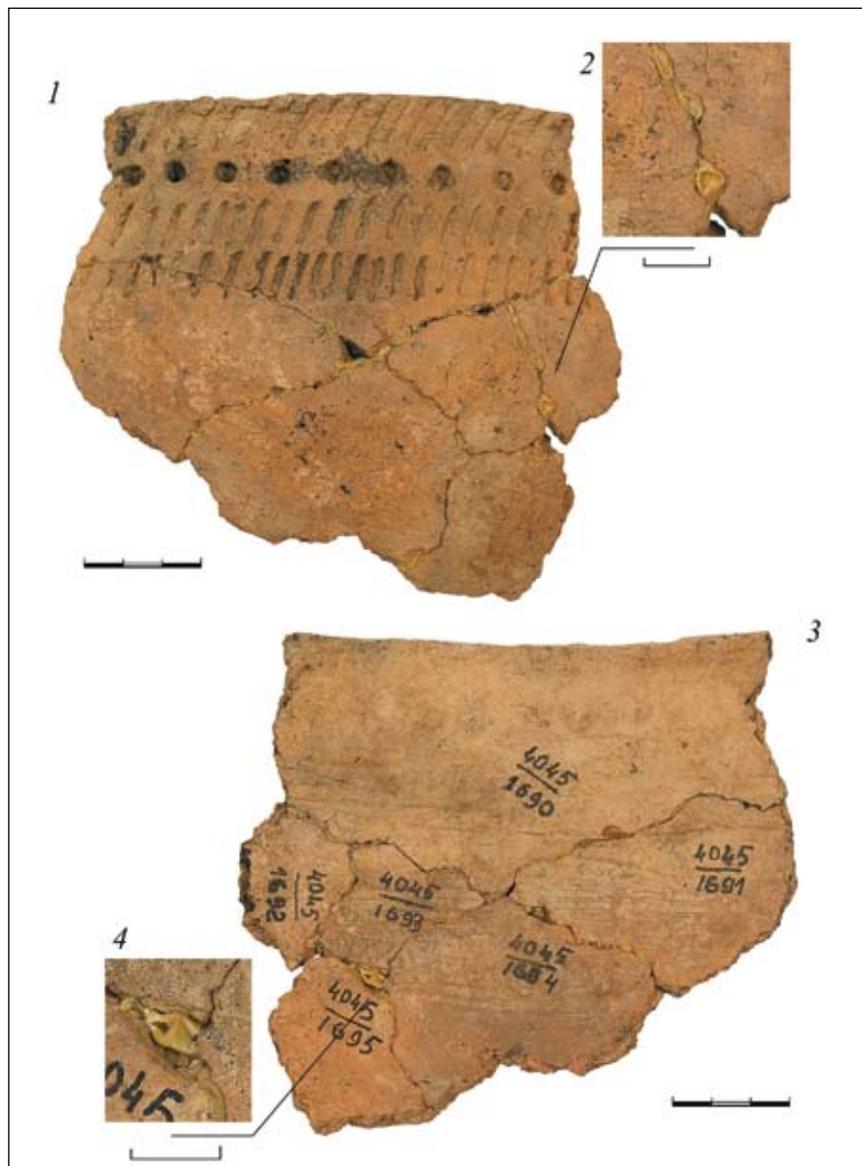

Рис. 5. Селище Барсова Гора III/36 (раскоп 6). Сосуд № 9. 1 — восстановленная часть сосуда; вид снаружи; 2 — восстановленная часть сосуда, вид изнутри; 3 — место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид изнутри

Ил. 6. Селище Барсова Гора III/36 (раскоп 6). Сосуд № 21. 1 — восстановленная часть сосуда; вид снаружи; 2 — место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид снаружи; 3 — восстановленная часть сосуда; вид изнутри; 4 — место соединения (подклеивания) фрагментов; крупный план; вид изнутри

клеевого состава, усадка и деформация общей формы сосудов (склеенных фрагментов). Клей непрозрачный, мутно-жёлтый, «твёрдо-резиновый» по консистенции, потёки (нарушение технологии склейки?). Анализ состава посредством подбора растворителей позволяет предположить использование водной дисперсии ПВА.

Известно, что клеи БФ со временем проявляют непрочность клевого шва, хрупкость и потемнение (от жёлтого до тёмно-коричневого цветов). В результате нередко происходит разрушение предмета по клеевому шву. К недостаткам водной дисперсии ПВА относят склонность к пожелтению при контакте с воздухом, высокую исходную жёсткость плёнки, а также нарастание жёсткости в результате миграции пластификатора из объёма плёнки на поверхность, низкую влагостойкость и биостойкость⁵, склонность к усадкам⁶ и разрушению керамики по клеевому шву. Также ПВА со временем становится труднообратимым клеем, что потенциально увеличивает степень вмешательства в структуру предмета при необходимости дерестаурации (удаления следов прежних воздействий).

Таким образом, мы можем заключить, что в описанных выше случаях использование определённых клеящих составов с течением времени (в одном случае — спустя 45, в другом — спустя 15–17 лет) привело к необходимости повторной реставрации вследствие разрушения как материала артефакта, так и целостности соединений фрагментов изделия.

Отметим, что клеи БФ-2, БФ-4 и водная дисперсия ПВА, наряду с акриловым полимером БМК-5⁷, долгое время были наиболее востребованными среди клеев для работ с археологической керамикой. Каждый из названных составов являлся обоснованным для своего времени или же наиболее доступным из рекомендованных для использования⁸, что нивелировало их недостатки на фоне соблюдения главного требования — обратимости (возможности удаления из материала артефакта). Тем не менее в настоящее время эти составы практически не используются в реставрации керамики, прошедшей низкотемпературный обжиг или высокотемпературный обжиг с непродолжительной выдержкой температуры каления (широко представленной в археологических коллекциях Сургутского Приобья).

В приведённых случаях нарушение сохранности было выявлено на отдельных ед. хр. в ходе сверки комплексов. Однако при установлении негативного влияния того или иного клея на целостность и внешний вид фрагмента выводы автоматически переносились на комплекс в целом (в силу присутствия на других предметах того же вещества): прогно-

зировалась вероятность и скорость деформации склеек, разрушения швов и т. д. В то же время экстраполировались и выводы, полученные в ходе проделанной работы. Например, данные о том, какой именно клеящий состав использовался, как он может быть растворен и т.д.

Во всех случаях мы изначально не располагали сведениями о характере и способах камеральной обработки коллекций. В связи с этим определение состава клея и возможных причин постепенного разрушения музейных предметов производилось путём их визуального осмотра, экспериментально (посредством физического и химико-термического воздействия на клей), с учётом социокультурных реалий периода проведения полевых работ и передачи коллекции в музей.

Важность такого рода наблюдений отметим особо. В большинстве случаев данные о методах и сроках проведения первичной камеральной обработки и, в частности, об использованном клее не указываются в научных археологических отчётах и не предоставляются музеям при передаче коллекций. Между тем их наличие потенциально сокращает затраты времени на анализ материала и, в некоторых случаях, помогает избежать разрушения того или иного предмета (даёт возможность подобрать оптимальные условия его хранения, скорректировать частоту проведения мониторинга).

Блок III. Была пополнена и уточнена информация по коллекциям, прошедшим инвентаризацию.

Как отмечалось ранее, изначально причиной повторного упорядочивания и изучения материала послужили лакуны в сопроводительной документации, случаи недостаточности сведений, необходимых для внесения предметов в базы данных. Выявление потенциально значимых для музейной публикации блоков информации стимулировало дальнейшее расширение программы исследований.

Возможность и целесообразность повторного изучения музейных коллекций обусловлены, на наш взгляд, следующими факторами.

1. Повторное изучение старых музейных поступлений постепенно актуализируется в связи с изменением стандартного набора методов анализа и усовершенствованием доступных технических средств.
2. С течением времени у музея появляется возможность сопоставлять материалы, полученные за многие годы исследований, с нескольких территориально близких памятных объектов. Это позволяет дополнять и иногда корректировать ранние объяснительные схемы, выявлять новые взаимосвязи между комплексами.
3. На данной стадии приоритетность исследований определяется музеем, а не научно-исследовательскими институтами. Это ведёт к смещению фо-

куса интересов и, соответственно, выявлению новых категорий доступных данных, ранее не привлекавших внимания исследователей.

Результаты возобновления изучения некоторых археологических коллекций из фонда музея следующие.

1. Уточнены уже имеющиеся и/или получены новые данные по отдельным памятникам и комплексам.

Так, за время работы мы несколько раз сталкивались с ситуациями корректировки относительной датировки/культурной атрибуции артефактов (за счёт увеличения данных по отдельным изделиям в результате объединения материалов, происходящих с территориально близких раскопов).

Что касается проведения повторного анализа коллекций, весьма показателен пример могильника Барсовский II⁹. Коллекция привлекла внимание сотрудников музея обилием минерального красителя-охры на фрагментах керамики. Это дало повод возобновить её изучение и, кроме того, послужило основанием для включения материалов памятника в программу комплексного изучения древней охры¹⁰, проводившуюся в 2014–2016 гг. научным коллективом сотрудников УрФУ, ИИиАУрО РАН (г. Екатеринбург) и ИПОС СО РАН (г. Тюмень)¹¹.

В результате совместных работ сотрудников музея и перечисленных научно-исследовательских учреждений был проведён технико-технологический и пространственный анализ керамического комплекса погребения № 1, элементный анализ красителя, сохранившегося на поверхности черепков (методом рентгенофлуоресцентной микроскопии), а также собраны данные о характерных следах использования и починки глиняных ёмкостей. Это позволило провести сопоставление могильника с другими территориально близкими памятниками по ряду не учитывавшихся ранее параметров (в частности, по технологии изготовления и характеру использования минеральных красителей), а также на интерпретационном уровне предложить ряд уточнений об организации погребальной камеры захоронения № 1 и этапов проведённого здесь обряда¹².

2. Выявлены и включены в работу блоки информации, доступной по всем коллекциям и потенциально способствующей успешной музейной публикации материала.

Речь идёт, в частности, о следах, позволяющих охарактеризовать определённые стадии изготовления глиняных изделий (обработка поверхности, техника орнаментации, обжиг), предположить характер их первичного и вторичного использования, судить о попытках починки посуды (на основе сопоставления наблюдений с данными экспери-

ментальной археологии и этнографии). Сотрудники музея нередко обращаются к информации о способах изготовления и использования глиняной посуды в разные эпохи, поскольку сведения о практических навыках людей прошлого часто оказываются интересны людям современности. С опорой на эти же данные выстраиваются и тематические блоки выставок, и практические занятия по лепке. Определённый интерес вызывает также характеристика керамического комплекса того или иного жилища, выстроенная, например, на основании метрических показателей посуды, атрибуции её функционала и т. д. В то же время в официальной отчётной документации по коллекциям, передававшимся в музей в 1970–1990-х гг., такая информация чаще всего отсутствует. Проведение расширенной инвентаризации позволило получить необходимые данные.

Наблюдения. Выводы. Несмотря на то, что описанный выше формат инвентаризации сложился стихийно, как ответ на конкретные проблемные вызовы, он оправдал себя и дал хорошие практические результаты.

Во-первых, была решена задача инвентаризации археологических коллекций, во-вторых, были получены новые сведения по оптимизации условий хранения предметов и возможном увеличении их репрезентативности. По этой причине мы нашли возможным и небесполезным поделиться своим опытом.

В то же время стоит отметить, что главным достоинством предложенного формата работы является, на наш взгляд, не длинный список операций и не проведение естественнонаучных анализов источников. И то, и другое играет положительную роль в изучении комплексов. Очевидно, что проведение дополнительных анализов спустя несколько десятилетий после первичной обработки коллекции в большинстве случаев даст новые данные. Столь же закономерно и увеличение информационного «выхода» с коллекции при увеличении методов ее теоретической обработки. При наличии соответствующих возможностей расширять программу исследования можно долго (проблема только в финансовых, технических и кадровых ресурсах музея). Однако как проведение современных естественнонаучных анализов, так и увеличение программы обработки материала отнюдь не гарантирует получение информации, значимой в плане музейной работы с артефактом.

В этом смысле наиболее удачными и, в конечном итоге, продуктивными особенностями сложившегося алгоритма, на наш взгляд, следует признать несколько иные моменты.

1. Рассмотрение материала на всех стадиях инвентаризации (даже сугубо технических — таких как оценка состояния изделий и их восстановление) в широком контексте (изделия — в рамках коллекции, керамического комплекса — в составе материалов всего памятника, нескольких территориально или хронологически близких памятников — в сопоставлении друг с другом и т.д.), т.е. реализация контекстуального подхода. На практике в случае объединения исследовательских операций в рамках инвентаризации, когда коллекции разбираются буквально одна за другой, данная установка формируется автоматически. Привычные операции приходится проводить в несколько непривычном порядке и масштабе, однако контекст при этом становится важным источником информации.

2. Проведение инвентаризации совместно музейным хранителем, археологом и реставратором, т.е. реализация междисциплинарного подхода. С одной стороны, мы на собственном опыте убедились, насколько действенно объединение усилий нескольких специалистов — даже (или — прежде всего) в рамках технических операций¹³. В таких условиях быстро высвечиваются проблемные моменты, связанные с передачей и различной трактовкой информации, однако же одновременно находится и их решение.

С другой стороны, выявленный массив незадействованных данных лишней раз наглядно продемонстрировал, насколько различаются оценка и реализация информационного потенциала источника в академических и музейных исследованиях¹⁴. И это, кроме всего прочего, подтверждает, что при передаче археологической коллекции в фонды ее музейное изучение и «освоение» нередко только начинаются. Оно может и должно учитывать более ранние наработки, но не может ими ограничиваться или замещаться — в силу специфики целевых установок (о которых нередко забывают, сводя суть музейной работы к хранению того, что «отработано» сторонними организациями).

Между источниковедением музейным и академическим зачастую не проводится формальной границы, однако совместное курирование археологических материалов исследовательскими институтами и музеями представляет, на наш взгляд, пример именно междисциплинарного сотрудничества. И, как всякое «пограничное» взаимодействие, такая работа не только открывает новые возможности, но и подразумевает необходимость корректного двухстороннего «перевода».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Воробьёва С.Л. Специфика научной инвентаризации (вторичного учёта) археологических коллекций (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан) // *Вопр. музеологии*. — М., 2016. - № 2 (14). — С. 108–123.

² Агаркова А.Б. Керамика в музее: размышления хранителя // *Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях*. Мат.-лы II науч.-практ. конф.. — Сургут: Издательско-полиграфический комплекс, 2008. — С. 5–9.

³ См., например: Музейная коллекция. Изучение и научное описание музейных предметов: Методическое пособие. — Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2012; Трофимова Т.А. Научное описание музейных предметов в Новосибирском государственном краеведческом музее // Вестн. ТГУ. — Томск, 2012. — № 2 (6). — С. 129–134; и др.

⁴ Приказ Минкультуры России от 01.12.2017 N 2012 «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.11.2018 N 52642).

⁵ Мельникова Е.П., Маслов К.И. Применение синтетических материалов в реставрации монументальной живописи. — М.; СПб.: Гидрометеиздат, 2000. — С. 89.

⁶ Федосеева Т.С. Материалы для реставрации живописи и предметов прикладного искусства. — М.: РИО ГОСНИИР, 1999. [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://art-con.ru/node/3569>

⁷ Одна из причин отказа от широкого использования БМК-5 в археологических камеральных работах состоит в том, что его растворителем является ацетон, работа с которым при отсутствии вытяжного шкафа недопустима. Кроме того, отмечается такая особенность данного клея, как относительная непрочность склейки (что также может быть расценено как фактор, негативно влияющий на результат проведенных работ). См. об этом подробнее: Реставрация музейной керамики: Методические рекомендации. — М.: ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 1999. — С. 63.

⁸ Кирьянов А.В. Реставрация археологических предметов. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 31; Реставрация музейной керамики: Методические рекомендации. — М.: ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 1999. — С. 55–68.

⁹ Чемякин Ю.П. Новый могильник в Сургутском Приобье // Сов. археология. — М.: Наука, 1980. — № 3. — С. 276–280.

¹⁰ Выражаем благодарность автору раскопок Ю.П. Чемякину за возможность работы с полевыми материалами памятника.

¹¹ «Охра в каменном веке Западной Сибири и Зауралья: потенциал междисциплинарного исследования». Грант РФФИ № 14-06-00162-а.

¹² Дубовцева Е.Н., Тонкушина М.О., Юдина Е.А., Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Кулеш Н.А. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археологической науч.-практ. конф. — Екатеринбург: Квадрат, 2016. — С. 61–68; Юдина Е.А., Тонкушина М.О., Кулеш Н.А., Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Усачёва И.В. Элементный анализ археологических находок охры с территории урочища Барсова Гора (Сургутский р-н, ХМАО Тюменской обл.): методический аспект // Изв. Иркутского гос. ун-та (Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология»). — Вып. 1(19). — Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2017. — С. 103–128; Юдина Е.А. Пространственный анализ распределения керамики в условиях отсутствия индивидуальной трёхмерной фиксации находок (по материалам первого погребения Барсовского II могильника) // Междунар. археологическая школа в Болгаре: сб. мат-лов конф. «Междисциплинарные исследования: достижения и вызовы». — Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. — С. 258–274.

¹³ В тех случаях, когда нет возможности совмещения различных направлений деятельности одним специалистом: Стародубова О.В. Опыт хранительно-реставрационной работы в Сургутском краеведческом музее // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: мат-лы Третьей науч.-практ. конф., город Сургут, 26–29 ноября 2013 г.: в 2 ч. — Ч. 1. — Сургут: Изд.-полигр. компл., 2013. — С. 39–42.

¹⁴ См., например: Рагимова Н.А. Научно-исследовательская работа в музее на основе фондов: на примере Азербайджанского государственного музея им. Р. Мустафаева //

Вопр. музеологии. — М., 2010. — № 2. — С. 113—118; Родионова Д.Д., Реховская Т.А. Современные подходы к музейному источниковедению // Вестн. Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. — Кемерово, 2015. — № 32. — С. 53—57; и др.

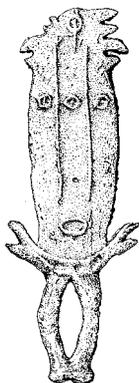
An example of re-studying applied to the museum archaeological collections excavated in the time span between the 1970s and early 2000s: scientific re-actualization and new ways of presentation

A.B. Agarkova, E.A. Iudina, O.V. Starodubova
Surgut
Surgut Museum of Local History

Abstract. Since 2014 a secondary inventory has been conducted in the Surgut Museum of Local History. The inventory includes not only general verification and artefact monitoring procedure but also re-studying of museum collections with some methods that were not available or even known earlier. Speaking of the inventory results one should mention the following points: refinement and extension of information on museum collections, detecting objects to be successfully restored for increasing the representativeness and appeal of ceramic complexes. In conclusion, it is also noted on some particularity of priority areas in research work at the museum.

Keywords. Scientific inventory, secondary registration, museum collection, archaeological collection, ceramics, restoration, research work at the museum

E-mail. anna-agarkova@rambler.ru; kveten@gmail.com; asne@bk.ru

Последние полевые сезоны:
2017–2018 гг.

Ансамбль «Священная Кедровая Роща»: результаты археологического изучения грунтового могильника VI–VII вв. в 2018 г.

З.Г. Гайдакова, О.В. Кардаш, В.В. Гаевская

г. Сургут

Сургутский государственный университет

г. Нефтеюганск

АНО «Институт археологии Севера»

г. Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

Аннотация. Ансамбль «Священная Кедровая Роща» находится в уникальных природных условиях: это крупный археологический объект на территории Югры, расположенный в темнохвойном лесу с суглинистой почвой, на берегу одного из самых глубоких озёр Западной Сибири. В средние века население региона начинает почитать это место, о чём свидетельствует размещение здесь могильника с захоронениями знатных членов общества. В это же время люди начинают практиковать на территории могильника поминальный обряд, принося дары умершим. Культурные обряды продолжают проводиться на исследуемой территории вплоть до сер. XX в. В результате раскопок получены новые данные о погребальной и поминальной обрядности, а также о религиозных представлениях жителей, населявших эту территорию.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, п. Салым, Священная Кедровая Роща, могильник, Средневековье.

Введение

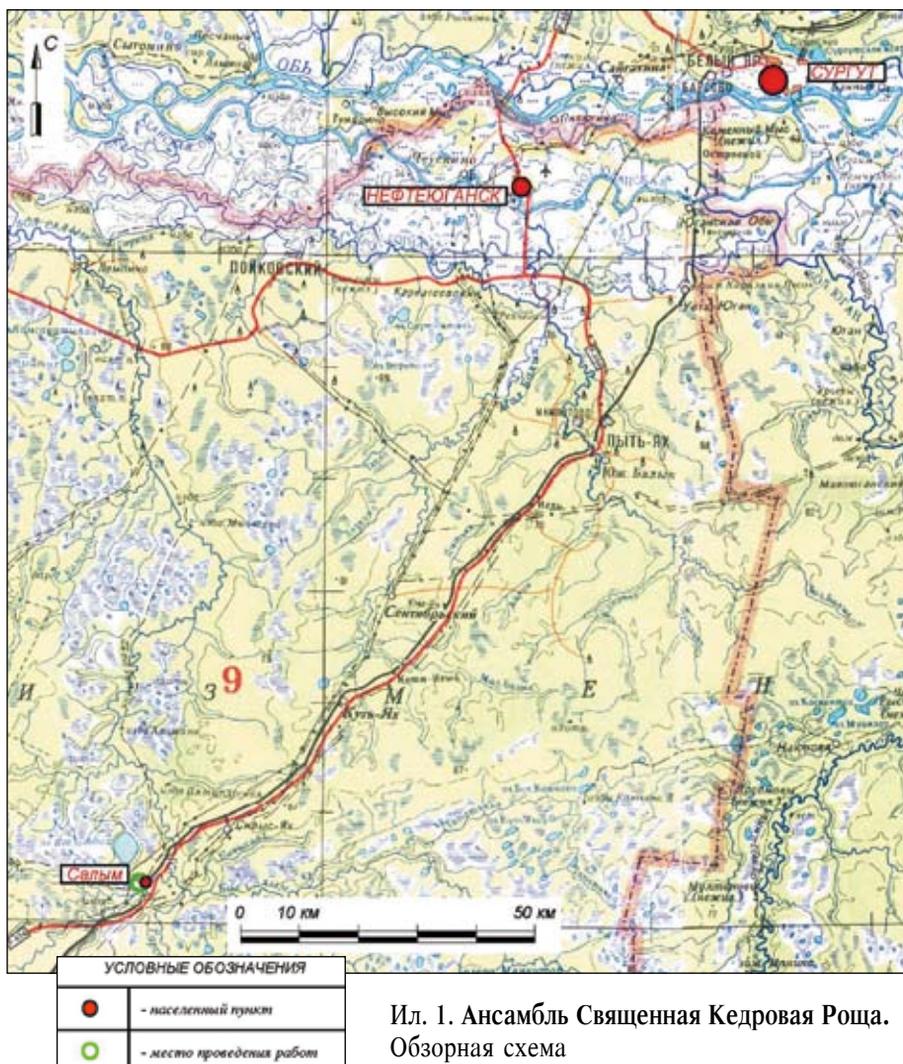
Объект археологического наследия могильник «Священная Кедровая Роща» входит в состав одноименного ансамбля, который состоит из разновременных объектов археологического наследия:

- поселение Кинтусовское 13 (II–I тыс. до н. э.),
- могильник «Священная Кедровая Роща» (V–VII вв., зеленогорская археологическая культура);
- святилища «Сотэм-тэ-ике» (XII–XIII – сер. XX в.)¹.

В свою очередь, ансамбль «Священная Кедровая Роща» входит в комплекс памятников на берегу оз. Сырковый Сор (п. Салым), расположенного в бассейне р. Большого Салыма².

Настоящая работа посвящена публикации основных результатов археологического исследования грунтового могильника Священная Кедровая Роща в 2018 г. Он расположен в центральной части ансамбля «Священная Кедровая Роща», на восточном берегу оз. Сырковый Сор, к западу от северной части жилой застройки п. Салыма, в 180 км южнее районного центра — г. Нефтеюганска ХМАО — Югры (ил. 1–3).

Ил. 1. Ансамбль Священная Кедровая Роща. Обзорная схема

Ил. 3. Ансамбль Священная Кедровая Роща. Вид с вертолѐта на восточную часть берега оз. Сырковый Сор и п. Салым

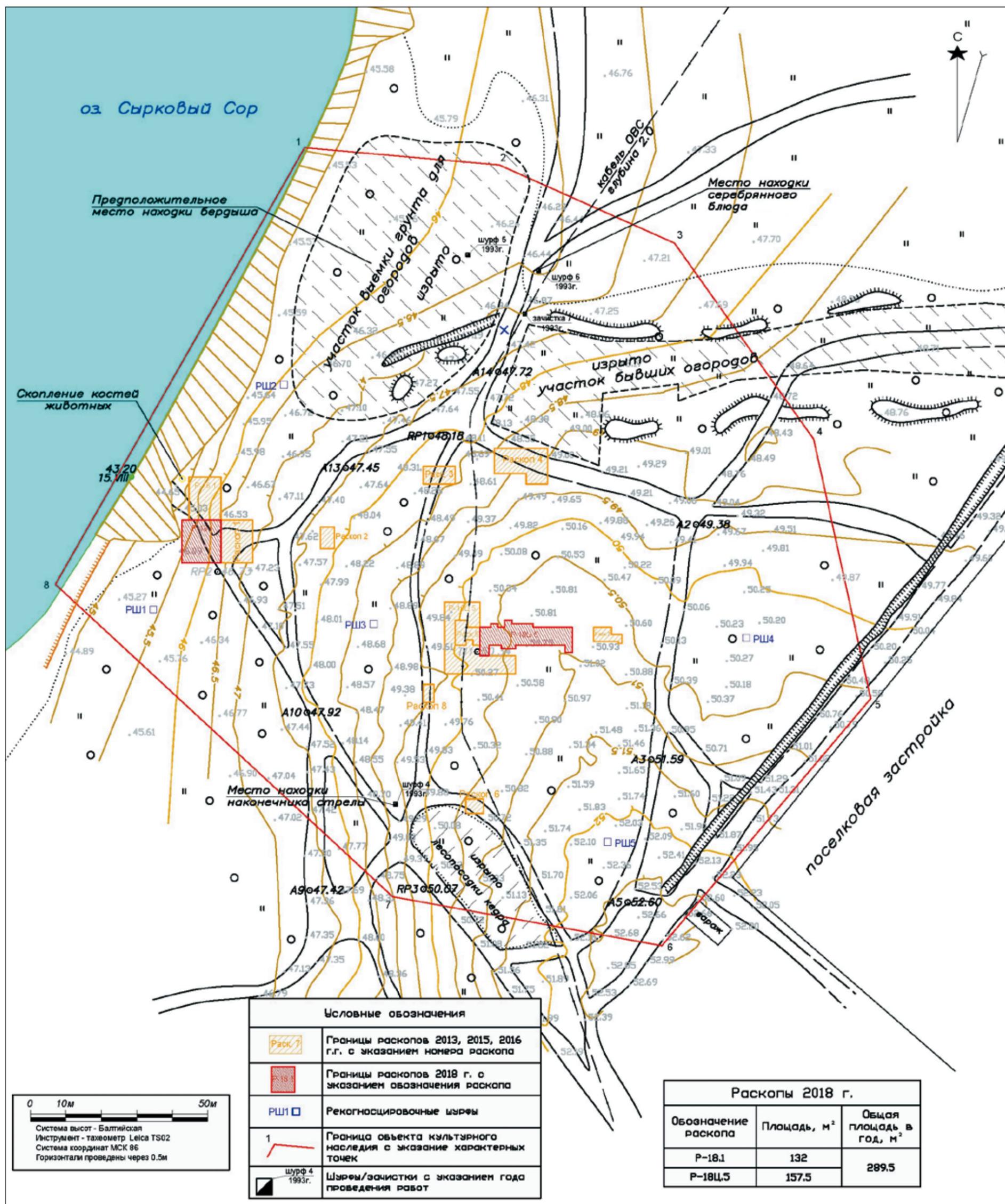
Некрополь занимает коренной берег озера высотой до 6 м, в лесном массиве, на территории которого произрастает урманный смешанный лес с кустарниковым подлеском. В основном древостой представлен елью, пихтой, берёзой и осиной. В границах лесного массива идёт постепенное восстановление кедра. Почвы подзолистые иллювиально-железистые, сложены суглинком.

История исследования

Первое исследование памятников на берегу озера Сырковый Сор проведено Р.Л. Шульцем и Б.Н. Городковым в 1911 г. во время экспедиции по р. Большому Салыму³.

Собственно археологическое изучение территории п. Салыма и его окрестностей началось в 1978 г., когда здесь были проведены разведочные работы под руководством В.И. Семёновой, описавшей 4 городища на юго-восточном берегу оз. Сыркового Сора. Городища получили название Кинтусовское I, Кинтусовское II, Кинтусовское III, Кинтусовское IV⁴.

Сам ансамбль был выявлен в 1993 г. в результате археологической разведки под руководством В.А. Арёфьева⁵.

Ил. 2. Ансамбль Священная Кедровая Роща. Топографический план

В 2007 г. коллективом ООО НПО «Северная археология — 1» во главе с Г.П. Визгаловым по требованию Службы Главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югра разработан проект охранных зон объектов культурного наследия в п. Салыме (в прибрежной зоне оз. Сырковый Сор). В рамках этого проекта были определены границы памятного места Священная Кедровая Роща, границы зон охраны данного места и установлен режим их содержания и использования⁶.

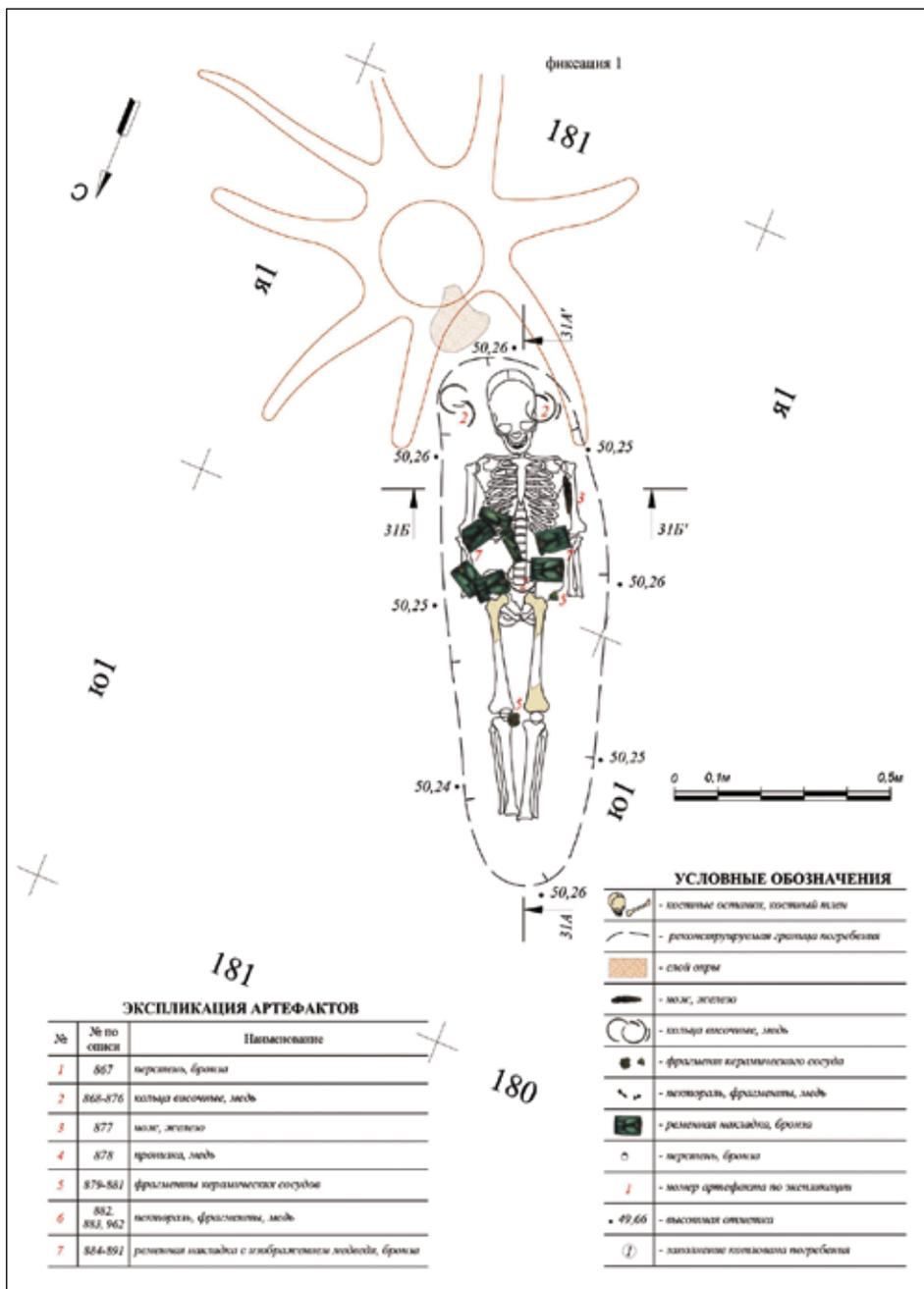
Сотрудниками АНО «Институт археологии Севера» исследования ансамбля «Священная Кедровая Роща» проводятся с 2012 г.

Так, в 2013 г. были осуществлены рекогносцировочные раскопки на площади 300 кв. м; прежде всего, исследовались активно разрушаемые участки. Сооружения не выявлены, но была сформирована коллекция предметов VII—XX вв. со святилища, которая позволила сделать предположение о наличии на этом месте раннего погребального комплекса⁷.

В 2015 г. сотрудниками АНО «Институт археологии Севера» в рамках грантового соглашения № 15-11-86603/15 от 22.05.2015 «Формирование религиозно-обрядовых центров коренного населения Югры в I—II тыс. н. э. (по материалам исследования объекта археологического наследия «Священная Кедровая Роща»)» впервые были исследованы 8 погребений могильника, которые относятся к зеленогорской культуре и датируются VII в. Исследования этих материалов позволили сделать вывод, что некрополь является уникальным для данной территории, так как отличается богатым инвентарем погребений, относящихся к захоронениям людей с высоким социальным статусом⁸.

Летом 2016 г. экспедицией АНО «Институт археологии Севера» под руководством О.В. Кардаша и С.А. Липс были проведены археологические работы по сохранению ансамбля «Священная Кедровая Роща». Исследования осуществлялись на основании договора на оказание услуг № 127 от 01.07.2016 по теме «Стационарное археологическое изучение выявленного объекта культурного ансамбля «Священная Кедровая Роща» с бюджетным учреждением Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Музей природы и человека». В результате этих работ были изучены 11 погребений могильника и связанный с ними поминальный комплекс⁹.

В 2018 г. экспедиция АНО «Институт археологии Севера» продолжила стационарные работы на некрополе. Финансирование работ

Ил. 4. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 31

осуществлялось из средств гранта Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» (договор № 18-49-860016/18 от 15.06.2018) и гранта, предоставленного департаментом образования и молодёжной политики ХМАО — Югры (договор № 07/18.0393 от 23.07.2018). Отчёт о НИР был подготовлен при поддержке Фонда президентских грантов по заявке № 18-2-007554¹⁰.

Результаты исследований 2018 г.

Погребальный комплекс. Раскопки были проведены на территории общей площадью 289,5 кв. м. В результате исследовано 21 погребение, в которых зафиксированы останки 23 индивидуумов. В ходе археологических работ зафиксированы как статусные захоронения (погр. 31, 32, 34, 38), так и погребения рядовых общинников. Считаем необходимым дать подробное описание статусных захоронений.

В погребении 31 (ил. 4) сохранились фрагменты черепа и фрагменты бедренных костей. Захоронение ориентировано по линии север — северо-запад — юг—юго-восток (головой на юг—юго-восток). Кости, по всей видимости, располагались в анатомическом порядке. Размеры погребения — 1,20х0,38 м. Останки принадлежат ребёнку 3—4 лет. Сопроводительный инвентарь представлен фрагментами керамического сосуда, двумя парами медных височных колец, фрагментами шейной гривны, бронзовым перстнем, железным ножом и восьмью бронзовыми накладками с изображением медведя (ил. 5).

Все накладки практически идентичны: на прямоугольной основе с нешироким верёвочным орнаментом по периметру натуралистично изображена (практически полностью вписываясь в площадь изделия) голова медведя: вид сверху, обе передние лапы по бокам морды. Уши по краям головы, широко расставлены, оформлены выпуклым ободком сегментовидной формы с тремя выпуклыми овалами в каждом. Теменная, лобная часть и морда до окончания носа — наиболее высокая часть рельефа изделия. Контур глаз узкой линзовидной формы в передней части морды выполнен в низком рельефе. Особенности анатомии носа не показаны. Окончания лап в виде вытянутых кистей с четырьмя узкими заострёнными пальцами. На некоторых накладках на каждой лапе зверя изображены по 3—4 поперечных выпуклых валика. С изнаночной стороны для фиксации накладки по углам имеется по одной небольшой горизонтальной петле.

Ил. 5. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 31. Сопроводительный инвентарь. 1–8 — ременная накладка с изображением медведя (бронза)

В погребении 32 были зафиксированы остатки конструкции саркофага из бересты. Кости скелета сохранились плохо (в виде тлена), тем не менее удалось установить, что они лежали в анатомическом порядке. Из скелета были зафиксированы череп (фрагментарно), обе ключицы, грудина с рёбрами, обе плечевые кости, обе локтевые кости, а также тазовая кость. Погребение ориентировано по линии северо-восток — юго-запад (головой на северо-восток). Реконструируемые размеры погребения — 1,94x0,42 м. Умерший был уложен на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, с наклоном головы слегка вниз и влево. Его рост составлял 140—145 см. Судя по сопроводительному инвентарю (сабля, топор-кельт, наконечник стрелы), погребённый предположительно был мужского пола. Установить его возраст не представляется возможным, поскольку кости представлены только тленом и неидентифицируемыми фрагментами.

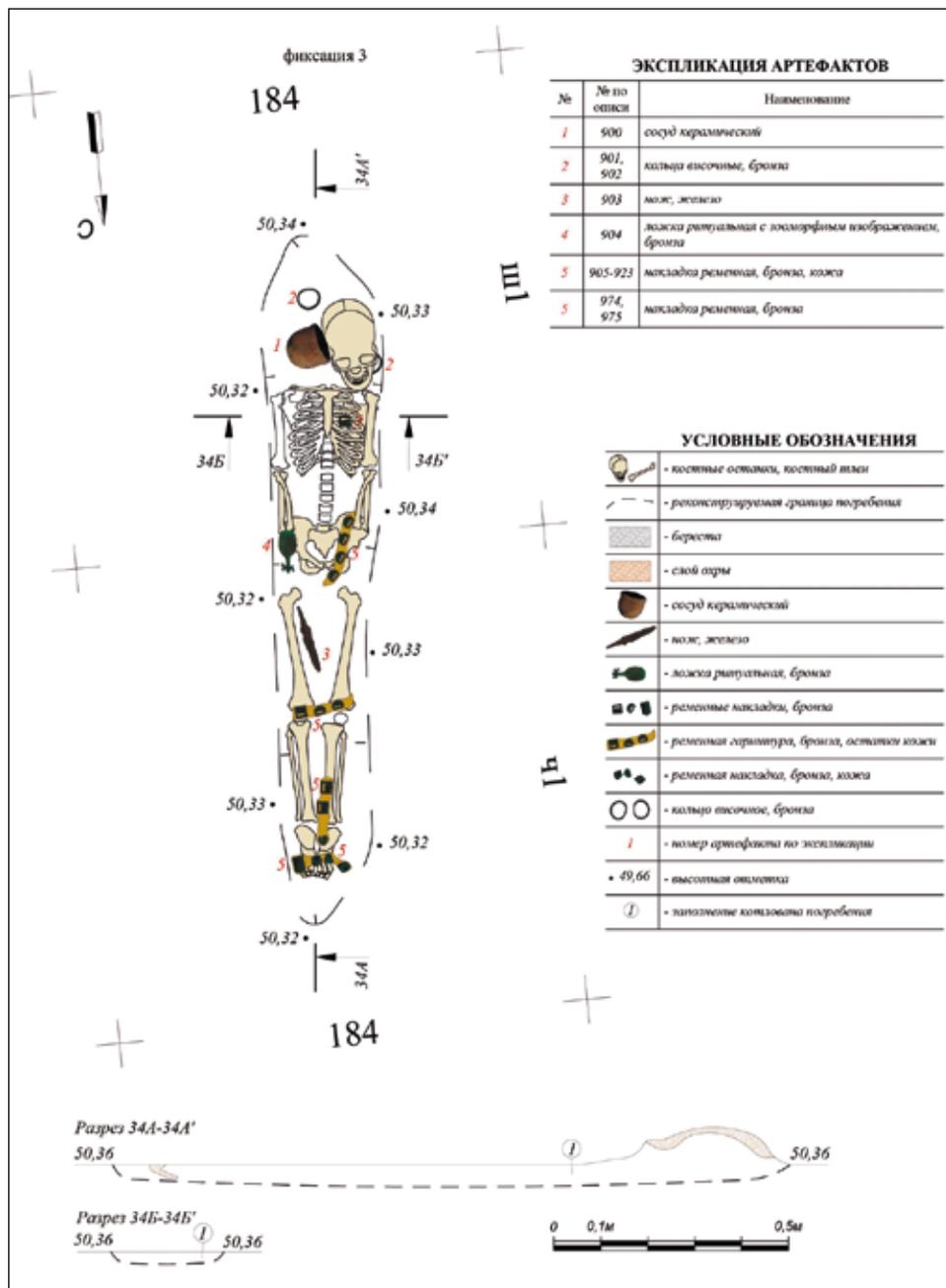
Сопроводительный инвентарь представлен бронзовыми височными кольцами, бронзовым браслетом, железным ножом и саблей с перекрестием (ил. 6). Сабля со слабоизогнутым клинком, клинок треугольный в сечении, с выгибом полосы в средней части, выгиб равномерный. Заточка лезвия двусторонняя. Пята клинка при переходе к черенку оформлена в виде двух коленчатых уступов со стороны лезвия и спинки. Перекрестье сабли имеет в плане форму вытянутого ромба, в профиль прямоугольный с треугольными выступами по центру. Отверстие для насада в виде широкого прямоугольника. Поверхность коррозирована.

В погребении 34 (ил. 7) было зафиксировано пятно охры. Кости, которые сохранились только в виде тлена, передают почти полный скелет, за исключением позвоночника, правой части грудины и правой плечевой кости. Ориентация — по линии север — юг (головой на юг). Реконструируемые размеры погребения составили 1,44x0,25 м. Умерший был уложен на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. В нижней части погребения над костными останками местами прослеживались остатки бересты. Предполагаемый рост захороненного составлял 120—125 см. В результате проведённых антропологических исследований было установлено, что останки принадлежат ребёнку, умершему в возрасте 5—10 лет.

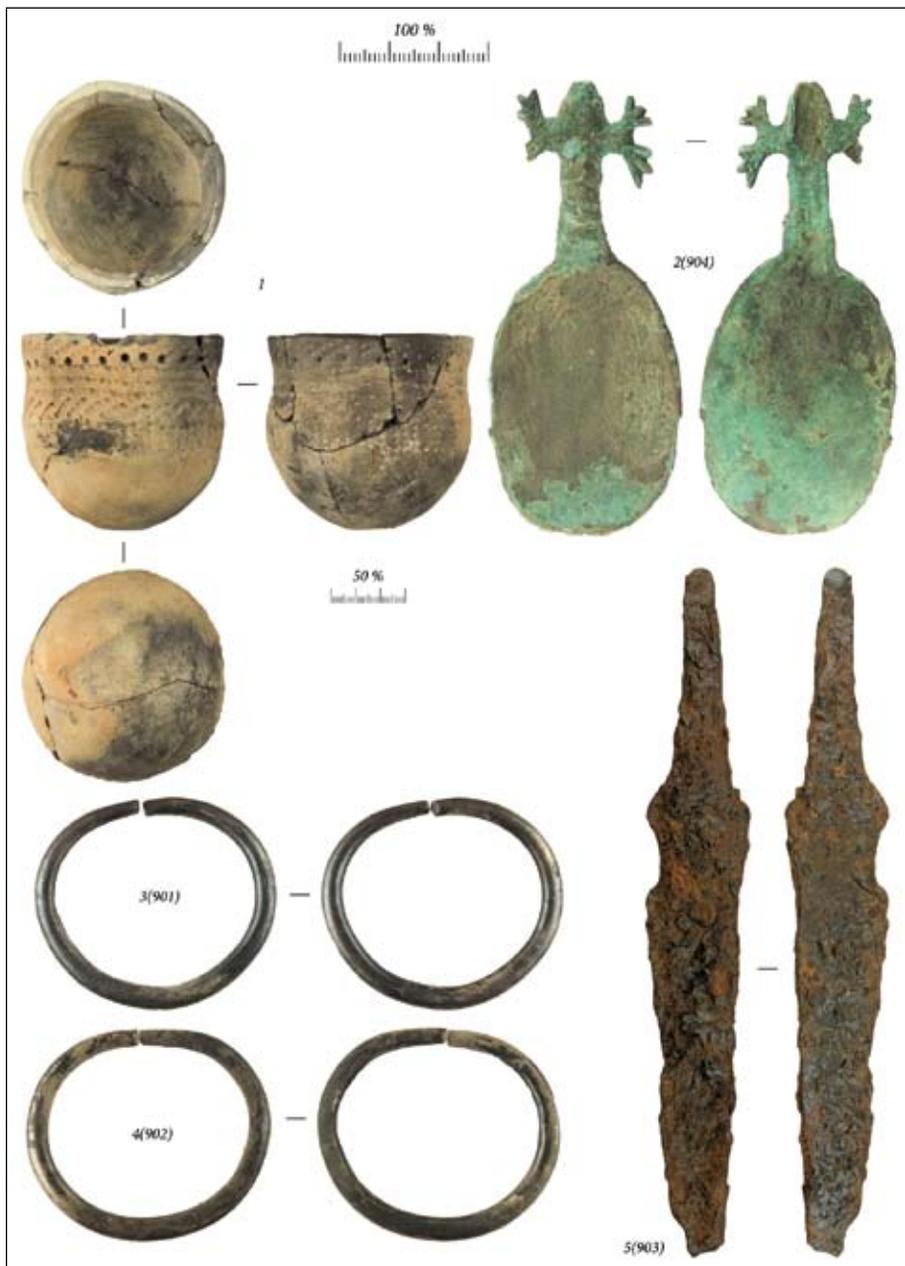
Сопроводительный инвентарь представлен керамическим сосудом, двумя бронзовыми височными кольцами, железным ножом, бронзовой ритуальной ложкой (ил. 8) и двадцать одной ременной накладкой (ил. 9, 10).

Ил. 6. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 32. Сопроводительный инвентарь: 1 – браслет (бронза); 2 – височное кольцо (медь); 3 – височное кольцо (бронза); 4, 5 – сабля и перекрестие сабли (железо); 6 – нож (железо); 7 – топор-кельт (железо)

Ил. 7. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 34

Ил. 8. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 34. Сопроводительный инвентарь: 1 — сосуд (керамика); 2 — ложка (бронза); 3, 4 — височное кольцо (бронза); 5 — нож (железо)

Ил. 9. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 34. Сопроводительный инвентарь: 1–26 — ременные накладки (бронза)

Ил. 10. Могильник Священная Кедровая Роща. Погребение 34. Сопроводительный инвентарь. Фиксация in situ

Поминальный комплекс. С ним мы связываем ряд предметов, обнаруженных вне погребений. Следует отметить, что этот комплекс был синхронен могильнику. В 2018 г. были обнаружены железные черешковые наконечники стрел (14 шт.), железный нож, керамический сосуд, пряжка, пронизь стержневидная бронзовая и три птероморф-

ных подвески. Наконечники стрел были обнаружены между могилами воткнутыми в грунт или отдельно лежащими. По сравнительно-типологическому анализу данные предметы датируются сер. VI – сер. VII в., датировку подтверждает и нумизматический материал. В 2016 г. были обнаружены две серебряные драхмы:

- драхма, Хосров II Парвиз 594–595 гг.¹¹;
- драхма, Хосров II Парвиз 617–618 гг.¹²

Хронология. На основании сравнительно-типологического анализа керамические сосуды, обнаруженные на могильнике Священная Кедровая Роща, относятся к зеленогорскому этапу (VI – нач. VII в.)² или к зеленогорской археологической культуре (VI – кон. VII – нач. VIII в.)⁵. Следует отметить, что хронологические рамки этой культуры были основаны на периоде бытования бронзовых предметов.

В результате проведенного радиоуглеродного датирования в РГПУ им. А.И. Герцена по образцам 2016 г. были получены калиброванные даты с периодом функционирования кон. IV – рубеж VII–VIII вв. (табл. 1).

Таблица 1

Могильник Священная Кедровая Роща.
Таблица радиоуглеродных калиброванных дат
(по материалам работ 2016 г.)

№ п/п	№ образца, место отбора	Индекс лаб.	Возраст C ¹⁴ (BP)	Возраст кал. лет н.э. (2σ)	Период	Материал
1	СКР-1 погр. 4	SPb-2118	1620±30	484-536	Кон. V – перв. треть VI в.	Кость
2	СКР-2 погр. 2	SPb-2119	1586±30	406-544	Нач. V – сер. VI в.	Кость
3	СКР-3 погр. 7	SPb-2120	1565±30	521-551	Нач. V – кон. V в.	Кость
4	СКР-4 погр. 3	SPb-2121	1575±25	406-560	Нач. V – сер. VI в.	Кость
5	СКР-5 погр. 1	SPb-2122	1590±30	406-542	Нач. V – сер. VI в.	Кость
6	СКР-6 погр. 8	SPb-2123	1550±30	423-574	Перв. треть V – кон. VI в.	Уголь
7	СКР-11 погр. 9	SPb-2128	1330±30	649-718	Сер. VII – нач. VIII в.	Берёста
8	СКР-14 погр. 8	SPb-2131	1637±35	337-475	Втор. треть IV – кон. V в.	Берёста
9	СКР-15 погр. 8	SPb-2132	1577±25	418-543	Нач. V – сер. VI в.	Органика
10	СКР-17 погр. 3	SPb-2134	1570±25	420-547	Нач. V – сер. VI в.	Органика

Заключение

В заключении отметим результаты и значение работ 2018 г. на могильнике Священная Кедровая Роща.

Во-первых, в плане погребальной обрядности следует отметить, что треть захороненных имела при жизни высокий социальный статус. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь: бронзовые наборные пояса, бронзовые пекторали, бронзовые пластины с изображением медведей, нож с бронзовой рукоятью. Впервые на данной территории в трёх могилах обнаружены железные топоры. Среди сопроводительного инвентаря выделяется также железная сабля длиной ок. 90 см.

Во-вторых, выявлена связь могильника и поминального комплекса, которые существовали синхронно. Это даёт основание полагать, что в это время формируется сакральное отношение к этому месту. Культурные обряды продолжают проводиться на исследуемой территории вплоть до сер. XX в. В XII—XIII вв. начинается активное посещение этого священного места салымскими хантами. Связано это с культом Сотэм-тэ-ики и образованием одноименного святилища на этой земле.

В-третьих, мы считаем, что на основании полученных калиброванных дат в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена и несомненной принадлежности вещевого комплекса зеленогорской археологической культуре следует пересмотреть нижнюю границу начала бытования этой культуры и обозначить период существования в границах кон. IV — рубежа VII—VIII вв.

Проведение дальнейших исследований могильника Священная Кедровая Роща необходимо как из-за постоянного антропогенного воздействия на него, так и в связи с его особой ценностью как археологического источника для средневековой Югры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ансамбль «Священная Кедровая Роща» внесён в «Список выявленных объектов культурного наследия» за № 5234 приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры № 109-ПП от 25.10.2016.

² Липс С.А. План проведения спасательных археологических полевых работ на период 2016—2020 гг. на выявленном объекте культурного наследия ансамбле «Священная Кедровая Роща», расположенном в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Нефтеюганск, 2016. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—4. Д. 103.

³ Шульц Л.Р. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1913. — Вып. 21. — С. 1—17; Шульц Л.Р. Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных

остяков) // Зап. Тюменского об-ва научного изучения местного края. — Тюмень: Гостипография, 1924. — Вып.1. — С. 166—200.

⁴ Семёнова В.И. Отчёт об археологической разведке, проведённой в окрестностях п. Салым Сургутского р-на Тюменской обл. в 1978 г. — Свердловск, 1979. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—1, Д. 1.

⁵ Арефьев В.А. Отчёт о НИР: Об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в районе поселка Салым, озера Сырковый Сор, в верхнем течении р. Большой Салым летом 1993 г. — Екатеринбург, 1994. — Т. 1, 2. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—1, Д. 25.

⁶ Визгалов Г.П., Пальянова М.Н., Петрова Е.Н., Rogozina Л.Ю. Проект зон охраны объектов культурного наследия в поселке Салым в прибрежной зоне озера Сырковый Сор для обустройства зоны отдыха. — Нефтеюганск, 2007. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—1, Д. 235.

⁷ Маракулин В.А. Отчёт о НИР: Комплексные научно-исследовательские работы на территории объекта культурного наследия «Памятное место «Священная кедровая роща». — Нефтеюганск, 2015. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—1, Д. 421.

⁸ Пономарёва Т.М. Отчёт о НИР: Археологические раскопки объекта культурного наследия ансамбль «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО — Югры летом 2015 г. — Нефтеюганск, 2019. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—1, Д. 475.

⁹ Кардаш О.В. Отчёт о НИР: Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия «Могильник «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. — Нефтеюганск, 2017. — В 2 кн. — Архив НПО «Северная археология — 1». Ф—1, Д. 577.

¹⁰ Кардаш О.В. Отчёт о НИР: Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия ансамбля «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 г.» — Нефтеюганск, 2019. — В 2 кн. — Архив НПО «Северная археология — 1». Р—1, Д. 578.

¹¹ Драхма, Хосров II Парвиз, шах Ирана, Сасанид (590—628 гг.). Ав.: портрет царя вправо, перед лицом справа его имя: Хосров (обладающий благой славой); слева за головой — «фарн приумножен». Рев.: алтарь огня и стоящие по его сторонам стражи, опирающиеся на длинные мечи. Слева: обозначение монетного двора — Эран-Хварра-Шапур (Сузы в Южном Иране, Хузистане). Справа: дата правления — 4-й год правления царя Хосрова II, что соответствует 594—595 гг. (Данные предоставлены ст. науч. сотр. отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Б. Никитиным).

¹² Драхма, Хосров II Парвиз, шах Ирана, Сасанид (590—628 гг.). Ав.: портрет царя вправо, перед лицом справа его имя: Хосров (обладающий благой славой); слева за головой — «фарн приумножен». Рев.: алтарь огня и стоящие по его сторонам стражи, опирающиеся на длинные мечи. Слева: обозначение монетного двора — Ардашир-Хурра в Парсе. Справа: дата правления — 27-й год правления царя Хосрова II, что соответствует 617—618 гг. (Данные предоставлены ст. науч. сотр. отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Б. Никитиным).

¹³ Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время. — Екатеринбург: Изд-во Уральский рабочий, 2012. — С. 61.

¹⁴ Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 48.

**Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove):
the results of archaeological investigations of the ground burial site
of the 6th – 7th centuries in 2018**

Z.G. Gaidakova, O.V. Kardash, V.V. Gaevskaya

Surgut

Surgut State University

Nefteyugansk

ANO «Institute for Archaeology of the North»

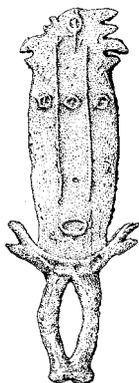
Novosibirsk

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS

Annotation. The archaeological complex «Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove)» is located in the unique natural environment; it is a large archaeological site on the territory of Ugra, located in a dark coniferous forest with loamy soils, near one of the deepest lakes in Western Siberia. In the Middle Ages, the inhabitants of this region began to revere this place, as it is evidenced by the ground burials of noble members of society found in this place. At the same time, people started holding memorial ceremonies on the territory of the burial, bringing gifts to the dead. Religious rites were conducted in this area until the middle of the 20th century. As a result of the excavations, new materials about the burial and commemoration rites, also the religious beliefs of the inhabitants of this territory were obtained.

Key words. North of Western Siberia, Salym Village, Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove), burial site, Middle Ages.

E-mail. gajdakova@yandex.ru; kov_ugansk@mail.ru; vgaevskaja@yandex.ru

Результаты археологических исследований городища Шеркалы 1 в полевом сезоне 2018 г.

А.В. Кениг, Е.А. Зайцева

г. Сургут

Сургутский государственный университет

А.В. Родионова, С.А. Липс

г. Ханты-Мансийск

ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр»

Аннотация. В статье представлены краткие результаты археологических работ на городище Шеркалы 1, проведённых в полевом сезоне 2018 г. В результате исследований получен инструментальный план памятника, установлены его границы, проведена идентификация и локализация раскопов 1978–1983 гг. с оценкой их современного состояния. Продолжение изучения культурного слоя раскопа № 1 В.М. Морозова 1978–1979 гг. позволило зафиксировать две постройки в срубной технике, что характерно для культур Верхнего Прикамья, Северного Приуралья и славянских поселений, начиная с VI–VII вв. до XII–XIII вв.

Ключевые слова. Нижнее Приобье, Шеркалы, Средневековье, археологические исследования, подъёмный материал.

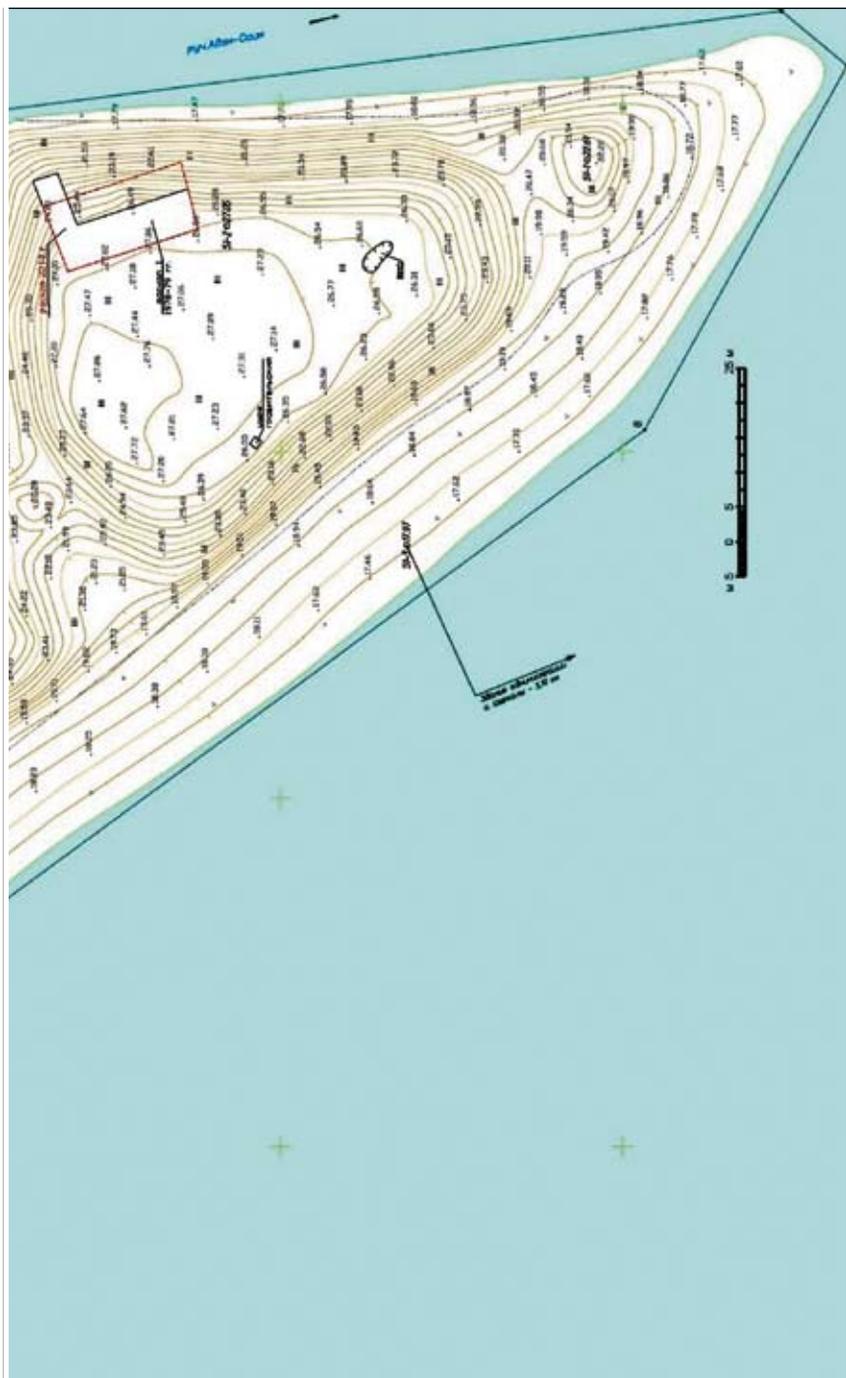

В полевом сезоне 2018 г. комплексной экспедицией Сургутского государственного университета, АНО «Институт археологии Севера» и ООО «НИПИ Этноархеологический центр» были возобновлены археологические исследования городища Шеркалы 1 в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Экспедиция была организована на средства трёх вышеуказанных организаций при финансовой и информационной поддержке Департамента общественных и внешних связей Югры, а также фонда президентских грантов. В работе экспедиции активное участие принимали студенты Сургутского госуниверситета.

Цель работ заключалась в:

— уточнении местоположения памятника (координирование на местности),

Ил. 1. Городище Шеркалы 1. Топографический план

- определении его технического состояния,
- инструментальной топографической съёмке,
- установлении границ.

Задачей сезона стали следующие работы:

- идентификация и локализация раскопов 1978—1983 гг. на памятнике,
- оценка современного состояния этих раскопов,
- реконсервация раскопа № 1 В.М. Морозова 1978—1979 гг.

Ил. 2. Городище Шеркалы 1. Общий вид. Снято с востока

Ил. 3. Городище Шеркалы 1. Общий вид. Снято сверху с юго-востока

Памятник расположен в 3,2 км к северу—северо-западу от здания администрации с. Шеркалы, на четырёх холмах, вытянутых цепочкой в направлении с юго-востока на северо-запад, сильно вдающихся в пойму и со всех сторон, за исключением северной, окруженных водой: с запада — р. Обью, с юга — р. Шеркальской, с востока — руч. Адэм-Соим. Линейные размеры территории городища составляют: с юго-востока на северо-запад — 274,4 м, с северо-востока на юго-запад — 55,0—90,0 м (ил. 1—3).

Памятник условно можно разделить на пять площадок — четыре холма, разделенных рвами глубиной 3,0—6,0 м, и участок коренной террасы — материка (табл. 1).

Таблица 1

Городище Шеркалы 1. Параметры площадок

№ площадки	Размеры (м)	Высота (м)	Площадь (га)	Примечание
1	11 x 10	2,0—2,5	0,01	-
2	50 x 35	9,0—10,0	0,17	Подтреугольной формы
3	32 x 23	9,0—10,0	0,07	-
4	23 x 18	9,0—11,0	0,04	-
5	20 x 20	7,0—9,0	0,04	Участок коренной террасы

Вторая, третья и четвёртая площадки соединены между собой перемычками (остатками переходов) шириной до 7—10 м. На поверхности фиксируются остатки трёх сооружений — двух впадин и вала (табл. 2).

Таблица 2

Городище Шеркалы 1. Параметры археологизированных сооружений

№	Объект, форма	Размеры (м)	Глубина / высота (м)	Примечание
1	Впадина № 1, подовальная	6,7 x 5,2	-0,2	Расположена на площадке № 4. Ориентирована по линии юго-восток — северо-запад
2	Впадина № 2, подовальная	6,5 x 6,4	-0,3	Расположена на площадке № 4, ориентирована по линии север — юг
3	Вал вытянутой формы	31,5 x 3,5—4,5	+0,5	Расположен на площадке № 5, ориентирован по линии север-северо-восток — юг-юго-запад

На дневной поверхности городища фиксируются пять раскопов (табл. 3), три грабительских шурфа (на площадках № 2, 4, 5) и грабительская яма (между площадками № 3 и 4).

Городище Шеркалы 1. Параметры раскопок

№	Автор и дата раскопок	Размеры (м)	Примечание
1	В.М. Морозов, 1978–1979	20,0 x 14,0	Расположен на площадке № 2, ориентирован по линии север–северо-запад – юг–юго-восток, запад–юго-запад – восток–северо-восток
2	В.М. Морозов, 1978–1983 (?)	15,6 x 9,4	Расположен на площадке № 3, ориентирован по линии север–северо-восток – юг–юго-запад
3	В.М. Морозов, 1978–1983 (?)	6,1 x 3,2	Объект расположен на площадке № 3, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад
4	В.М. Морозов, 1983 (?)	29,6 x 1,7	Объект (траншея) расположен между площадками № 4 и 5, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток
5	В.М. Морозов, 1978–1983 (?)	6,0 x 5,5	Объект расположен на площадке № 5, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток

Местные жители называют это место «Городок», «Три холма» или «Три брата» и рассказывают легенду, что когда-то здесь жили три брата-купца.

Памятник хорошо задернован, обильно зарос сорной растительностью (осокой, крапивой, борщевиком, в некоторых местах у воды — кустами тальника).

Несмотря на большое количество публикаций¹, нам не удалось найти полный свод научных отчётов о полевых археологических исследованиях 1978–1983 гг. На данный момент в нашем распоряжении имеются лишь отчёты В.М. Морозова о раскопках 1979 года². В них упоминается, что раскопки на городище были начаты автором отчётов ещё в 1978 г. Также в архиве Уральского университета С.Г. Пархимовичем были обнаружены материалы к отчёту о раскопках 1983 г. На официальный запрос в ИА РАН получен ответ, что в научно-отраслевом архиве этого учреждения имеется только отчёт о работах 1979 г.³

В задачи 2018 г. входило проведение археологических исследований на территории раскопа № 1, работы на котором были начаты под руководством В.М. Морозова в 1978 г. и продолжены в 1979 г. Тогда был изучен культурный слой мощностью от 1,0 до 2,5 м, при этом он был выбран до 3-го строительного горизонта, а не до материка, после чего раскоп был законсервирован.

Первый этап работ 2018 г. на раскопе № 1 и примыкающей к нему траншее заключался в повторной выемке грунта, который в 1978–1979 гг. был отработан, а затем использован для засыпки (консервации). Он снова вынимался из раскопа, перебирался и проверялся металлодетектором с целью обнаружения находок. После вскрытия

раскопа 1978—1979 гг. до уровня консервации его стенки и горизонталь были зачищены и зафиксированы. Далее началась выборка нетронутого культурного слоя.

В целом раскоп зафиксирован на четырёх уровнях, траншея зафиксирована на одном уровне. На территории раскопа изучены постройки № 1.2 и 2, расположенные в ряд на одной оси северо-восток — юго-запад, вдоль восточного берегового склона мыса (ил. 4—6). Постройка № 1.2 расположена в северо-западной части раскопа на участке А56-А59/Б37-Б41. Постройка № 2 расположена в юго-западной части раскопа на участке А53-А56/Б35-Б38.

В отчёте В.М. Морозова описана одна постройка, которая не получила порядкового номера. Основываясь на планиграфии 1978—1979 гг. и 2018 г., постройке был присвоен № 1 и определён её строительный горизонт. В 1978—1979 гг. был изучен 1-й строительный горизонт постройки 1, в 2018 г. началось исследование 2-го строительного горизонта сооружения. Исходя из этого, нумерация построек состоит из двух частей — номер постройки и её строительный горизонт (по количеству зафиксированных реконструкций).

Постройка 1.2. Первый уровень фиксации постройки (постройка № 1.1) был расчищен в 1979 г. от уровня фиксации «—100—115» до уровня фиксации «—260»⁴. Постройка № 1.1 по наличию остатков каменной печи интерпретируется как жилище.

Постройка 1.2 расположена на том же месте, что и постройка 1.1, с небольшим смещением к северу. В раскоп попал практически весь объект, за исключением его северного и западного углов. Так как он находился на краю крутого берегового склона, его восточная часть вместе с культурным слоем оползла, и уровень фиксации одного строительного горизонта в северо-западной и юго-восточной частях может различаться до 0,8 м. Сохранность деревянных конструкций постройки плохая. Реконструируемые размеры постройки в осях 6,60×6,20 м. Ориентирована по оси северо-восток — юго-запад (ил. 4, 6).

В этой постройке было выявлено большое скопление камней разнообразных форм и размеров: от 5×6 см до 30×40 см. Зафиксированы прокалённые и расколотые от высокой температуры камни, а также два пятна прокалённой глины аморфной формы размерами ок. 100×130 см. Скопления камней и глина являются остатками каменной печи.

Таким образом, постройку № 1.2 можно интерпретировать как отдельно стоящее жилое сооружение с реконструируемыми размерами 6,60×6,20 м, ориентированное по оси северо-восток — юго-запад.

Ил. 4. Городище Шеркалы 1. Раскоп 1. Уровень фиксации 25,50–25,30 м. Постройка № 1.2. Общий вид. Снято с востока–юго-востока

Судя по сохранившимся остаткам, сооружение имело срубную конструкцию. Технику рубки достоверно определить невозможно, но наиболее вероятная «в обло с остатком», которая использовалась при возведении соседней постройки № 2. Данная техника рубки наиболее часто применяется в северных регионах.

Развал камней на глиняном основании с остатками глины распространён на большом участке размерами 4,7×3,7 м. Наиболее крупные камни расположены в центральной части северо-западной стены, по периметру одного из пятен прокалённой глины — вероятно, это место расположения печи. Развал камней и глины выходит за пределы постройки, фиксируется на стеновых конструкциях юго-западного фасада. По количеству и размерам камней, площади распространения камней и глины можно предположить, что печь была довольно крупной и высокой. Реконструируемые размеры основания печи 1,8×1,3 м, высота более 1 м.

У основания печи зафиксированы остатки настила из досок (плах?), направленных перпендикулярно доскам настила основного пространства постройки. Предположительно, это доски опечка, который устраивался отдельно и приподнимался над основным уровнем пола. Далее на доски

укладывали камни на глиняном связующем. Для конструкции печи использовали те камни, которые можно было легко найти в окрестностях. Подобные печи известны в Пронском городище и в жилищах Новгорода⁵. В большинстве случаев печи топились «по-чёрному», то есть с выходом дыма через устье топки⁶.

Внутри сруба в центральной части выявлены остатки деревянного пола, набранного из досок шириной до 20 см. Доски пола обычно укладывали по лагам. В одних случаях лаги лежали по земле, в других, что характерно для жилищ северной и западной частей лесной зоны (Новгород, Белоозеро), они были врублены в венцы сруба (между первым и вторым или вторым и третьим)⁷.

Порог в сохранившихся венцах сруба не обнаружен, но, судя по расположению дома относительно воды, по расположению печи в доме, а также по известной традиции устройства дощатого настила пола «по ходу» от двери, можно предположить, что вход в жилище был с юго-восточной стороны⁸.

Таким образом, в результате рекультивации законсервированного раскопа № 1 1978—1979 гг. было установлено, что культурный слой городища на этом участке был исследован неравномерно, в раскопе сохранились остатки деревянных сооружений. В ходе разбора культурного слоя на следующих горизонтах была выявлена постройка, выполненная в срубной технике, с размерами стен более 6 м, довольно крупной печью-каменкой и остатками дощатого пола. Указанные конструктивные элементы характерны для жилищ славянских поселений с VI—VII вв. до XII—XIII вв.

В заполнении постройки, над уровнем пола, было найдено 5 предметов: изделие из берёсты, бронзовые нашивка, подвеска, бусина и нож.

Постройка 2 была зафиксирована в 2018 г. на участке в 1,25 м к юго-западу от постройки 1.2. В раскоп попала юго-восточная часть строения. Сохранность деревянных конструкций плохая. Реконструируемые размеры постройки в осях 6,50×6,50 м. Ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (ил. 5, 6).

В ходе исследования культурного слоя были расчищены остатки юго-восточной стены, а также фрагменты северо-восточного и юго-западного фасадов постройки 2. Таким образом, выявлена юго-восточная часть постройки 2. Остатки стен постройки фиксируются в виде брёвен диаметром 23—28 см. Концы брёвен в восточном и южном углах образуют выступы. В венце юго-западного фасада зафиксирована врубка. Остатки брёвен (плах?) ориентированы вдоль стен постройки;

Ил. 5. Городище Шеркалы 1. Раскоп 1. Уровень фиксации 25,50–25,30 м. Постройка № 2. Общий вид. Снято с востока—юго-востока

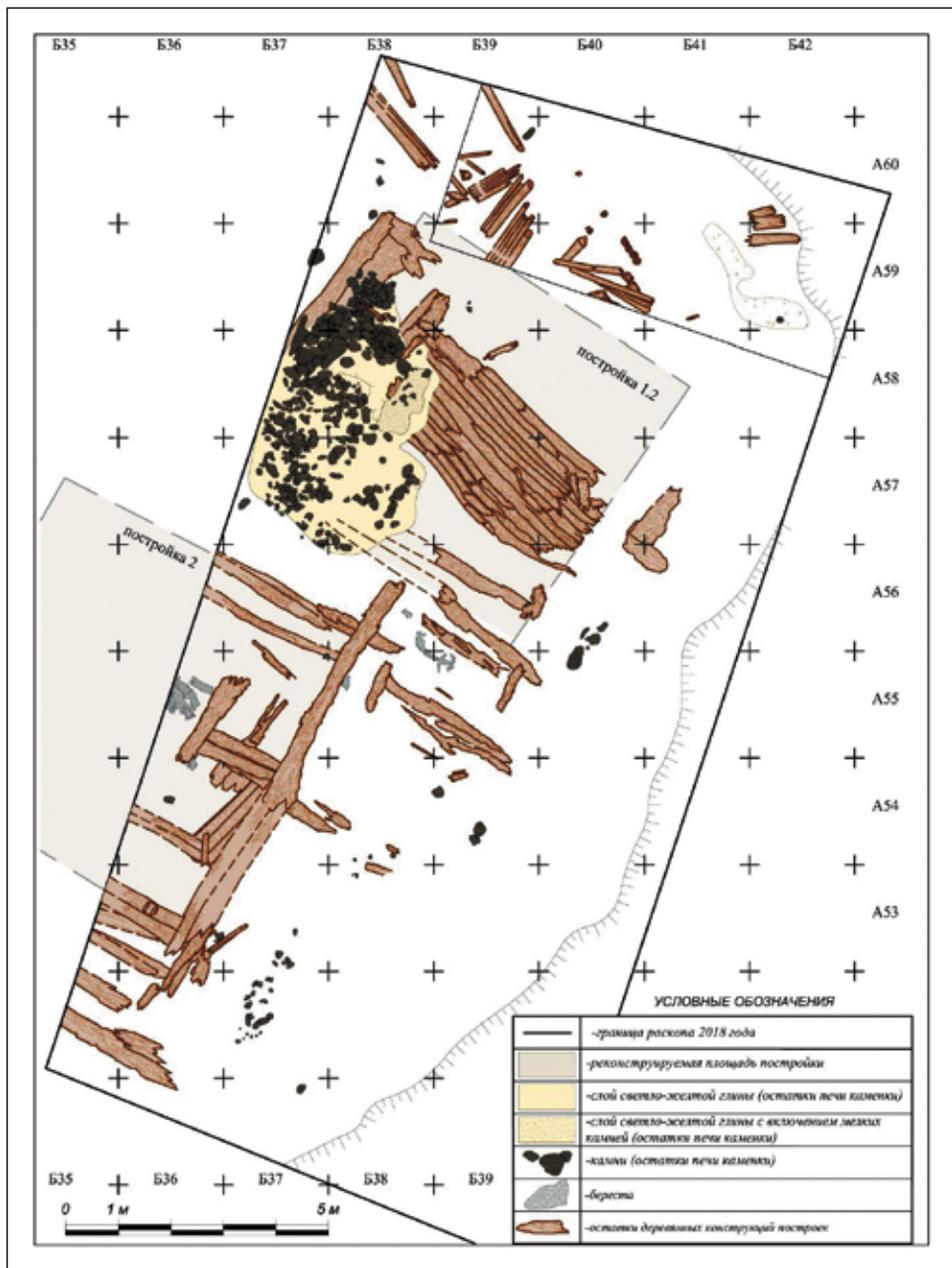
возможно, это остатки настила пола постройки, уложенные на лаги.

Таким образом, постройку № 2 можно интерпретировать как отдельно стоящее сооружение с реконструируемыми размерами 6,50×6,50 м, ориентированное по оси север-восток — юго-запад.

Деревянные конструкции постройки в плохой сохранности. Стены зафиксированы по остаткам брёвен с северо-восточной, юго-восточной и юго-западной сторон. По сохранившимся восточному и южному углам постройки можно сказать, что сооружение представляло собой бревенчатый сруб, выполненный в технике «обло с остатком». Порог, остатки очага или печи в постройке не выявлены. Так как исследована только часть строения, ее функциональное назначение пока определить невозможно.

В заполнении постройки 2 было найдено 15 предметов: изделия из берёсты, каменное грузило, серебряная серьга, стеклянные бусины, металлические изделия, фрагмент керамического сосуда и кости животных.

Траншея. Траншея для определения мощности культурного слоя была заложена в 1979 г. В.М. Морозовым. Однако из-за плохих по-

Ил. 6. Городище Шеркалы 1. Раскоп 1. Планиграфия на уровне 25,05–24,70 м, совмещенная с планом траншеи на уровне фиксации 24,15–23,70 м

годных условий до уровня материка исследователи не дошли⁹. В 2018 г. траншея была вскрыта до уровня консервации. После этого был снят один горизонт культурного слоя и зафиксирован план на уровне 24.15 — 23.70 м (ил. 1).

В заполнении траншеи были выявлены остатки деревянных конструкций удовлетворительной сохранности. Большинство из них представляют собою горизонтально расположенные брёвна диаметром до 17 см и жерди диаметром до 7 см. На концах и те, и другие стёсаны под острым углом. Часть конструкций в виде брёвен, жердей и плах расположена вертикально. Закономерности в расположении конструкций в настоящий момент не выявлено. Можно предположить, что это остатки укрепления оборонительной стены городища.

Коллекция находок. Несмотря на то, что в ходе работ 2018 г. большая часть исследованного грунта представляла собой уже отработанный слой раскопок 1978—1979 гг., было обнаружено 324 предмета материальной культуры.

Самую многочисленную категорию находок представляют орудия труда. Это топоры и тесла для деревообработки, наконечники стрел (ил. 7—2—5) и копьё для охоты (ил. 7—1), каменные грузила и крючки для рыболовства, а также орудия универсального назначения. К последним можно отнести оселки, представляющие собой каменные бруски из сланцевых пород, и ножи. Всего в ходе раскопок 2018 г. было обнаружено 30 ножей (ил. 8—1—5), представленных как целыми изделиями, так и обломками. Коллекцию ножей можно разделить на два типа: первый тип — нож цельнометаллический бесчеренковый — 7 экз. (ил. 8—2). Представляет собой изделие с узким клинком, прямой или слегка выгнутой спинкой и плавным — без резкого уступа — переходом от обуха клинка к его началу. Прямых аналогий этому изделию не выявлено. Тем не менее ножи данного типа имеют много конструктивно близких аналогий, особенно в материалах раскопок русских городов XVII в., в частности Мангазеи и Монкысь Урия¹⁰. Второй тип — ножи черенковые — 23 экз. (ил. 8—1, 3—5), среднего размера, от 0,5×4,5 см до 1,5×10,5 см, с прямообушными клинками и плавным переходом от клинка к черенку.

Наконечники стрел составляют весомую часть коллекции 2018 г. Их количество достигает 36 ед., которые по форме и размерам условно можно разделить на 4 типа:

— тип 1 — размерами от 5,5 до 15,0 см в длину и от 3,0 до 4,0 см в ширину, плоские, асимметрично-ромбической формы, с боевой частью в виде острия, с плечиками — 9 экз. (ил. 7—3);

Ил. 7. Городище Шеркалы 1. Наконечники:
1 – копья (железо); 2–5 – стрел (железо)

Ил. 8. Городище Шеркалы 1. Орудия труда и швейные принадлежности: 1–5 — ножи (железо); 6 — кресало (железо); 7 — напёрсток (медь); 8 — иглы (железо); 9 — пряслице (глина)

- тип 2 — размерами от 4,9×8,1 до 1,2×2,0 см, в форме вытянутого треугольника, с прямым лезвием — 17 экз. (ил. 7—2);
- тип 3 — вильчатые срезни в виде широкой двузубой вилки, размерами от 6,2 до 7,0 см в длину и от 2,0 до 2,4 см в ширину — 4 экз. (ил. 7—4, 5);
- тип 4 — стержневидные стрелы, размеры которых варьируют от 8,4 см до 13,5 см.

Категорию орудий для рыболовства представляют:

- крючки малые, изготовленные из проволоки диаметром ок. 0,1 см (такие снасти до сих пор продолжают бытовать в культуре коренных народов Западной Сибири);
- крюки (наконечники багров), представляющие собой крупные дроты размерами от 8,5 до 11,5 см в высоту; стержень крюка плавно переходит в короткий насад, отогнутый перпендикулярно стержню; насад предназначен для закрепления крюка к деревянной рукояти; известны по раскопкам городища Ендырское 1¹¹ в Нижнем Приобье, могильника Усть-Балык I в Сургутском Приобье¹² и городка Монкысь Урий¹³;
- грузила каменные.

К предметам быта и домашнего обихода отнесены:

- гвозди кованые строительные (2 экз.);
- ключи;
- кресала.

Все ключи имеют разную конфигурацию, поэтому их можно разделить по типам:

- тип 1 — снабжён плоской округлой головкой, содержащей внутри себя три сквозных отверстия; в нижней части ключа имеются две железные петли: одна прикреплена к головке ключа, вторая находится на его шейке; сквозь петли проходит кольцо; рабочая часть стержня представляет собой крюк; общая длина стержня 57 мм; сильно корродированный;
- тип 2 — головка отсутствует; длина стержня 45 мм, длина рабочей части 14 мм;
- тип 3 — снабжён довольно крупной ромбовидной шейкой 67 мм; головка ключа снабжена поперечным кольцом; стержень приплюснут и представляет собой прямоугольник со сквозным вытянутым отверстием по всей площади стержня; длина стержня 78 мм; рабочая часть П-образной формы, высотой 19 мм; сильно корродированный;
- тип 4 — с округлой приплюснутой головкой со сквозным отверстием посередине диаметром 29 мм; воротник отсутствует; длина стержня 29 мм; коронка Т-образная с хвостовиком; общая длина 58 мм.

Все экземпляры находят очень близкие аналогии с ключами так называемого «новгородского типа»¹⁴.

В коллекции имеется одно целое (ил. 8—б) и одно фрагментированное кресало. Они калачевидного типа, верхняя часть состоит из двух дуг, концы которых загнуты симметрично относительно угла на средней

части, заканчивающихся спиралью. Длина целого изделия 62 мм, высота 27 мм. Ударная площадка довольно массивная, имеет прямоугольную форму высотой 13 мм. На ней хорошо сохранились остатки древесины. Находки таких изделий хорошо известны на территории Приуралья и Севера Западной Сибири, имеют широкий временной диапазон — от XV до XIX в.¹⁵

К швейным принадлежностям относятся:

- медные напёрстки закрытого типа (ил. 8—7);
- иглы (ил. 8—8);
- пряслица (ил. 8—9);
- шило.

Появление напёрстков на территории Севера Западной Сибири в XVI — нач. XVII в. связывают с началом русской колонизации Сибири¹⁶.

Достаточно многочисленную категорию находок составляют элементы костюма и украшения:

- шумящие подвески;
- пронизки;
- бусины (ил. 9—1—7);
- нашивки (ил. 9—15);
- перстни (ил. 9—8—10);
- пуговицы;
- детали поясной гарнитуры.

Подвески представлены изделиями из бронзы и серебра:

- в виде рыбок или лапок водоплавающей птицы (ил. 9—11, 13, 14);
- кольцевые подвески (ил. 9—17);
- сложносоставные подвески (ил. 9—12).

Изделия, аналогичные подвескам с городища Шеркалы 1, были обнаружены на территории могильника Барсов Городок¹⁷. Самые ранние подвески подобного типа начинают появляться на Севере с кон. XII в. и в разных вариантах продолжают использоваться до XIV—XV вв.¹⁸ Этот тип наиболее характерен для памятников Северо-Западной Сибири XIII—XV вв. Также встречается в могильниках вымской культуры Северного Приуралья¹⁹.

Перстни оловянные различных типов с округлым, четырёхгранным и восьмигранным щитками (ил. 9—8—10).

Бусины также достаточно разнообразны. Это монохромные (ил. 9—4, 5) и полихромные (ил. 9—1, 2) изделия из стекла (ил. 9—6, 7), пастовые бусины тёмно-серого и чёрного цвета, бронзовые бусины (ил. 9—3). К примеру, полихромные бусины чёрного цвета по характеру узора

Ил. 9. Городище Шеркалы 1. Предметы костюма и украшения: 1-2 – бусины (паста); 3 – бусина (бронза); 4-7 – бусины (стекло); 8-10 – перстни (олово); 11-14 – подвески (бронза); 15 – нашивка (бронза); 16 – серьга (серебро); 17 – подвеска (серебро)

можно разделить на два типа:

- тип 1 — крупные бусины с волнообразным орнаментом, диаметр — ок. 1,5 см, узор нанесён жёлтым или белым цветом — 2 экз. (ил. 9—1, 2);
- тип 2 — глазчатые бусины (найденная бусина фрагментирована, фоновая часть чёрного цвета, узор имеет вид «глаза» с синим «зрачком» в белой окантовке) — 1 экз.

Интересными изделиями в коллекции 2018 г. являются бронзовая литая нашивка в виде медвежьей головы (ил. 9—15) и орнитоморфная деревянная скульптура. Первая отлита в односторонней форме, внешняя сторона отполирована, внутренняя не обработана. Размер изделия 1,9×2,0 см. Периметр нашивки украшен косичкообразным узором на канте. Черты «лица» больше напоминают человеческие, нежели медвежьих очертания. Имеется след недолива на лицевой стороне в месте, где должен располагаться рот. Изделие из дерева неорнаментированное, вероятнее всего, неоконченное и является схематическим изображением птицы. Голова фигурки не имеет явно выраженных деталей.

Кроме этого, в коллекции присутствуют предметы защитного вооружения (звенья кольчуги), фрагменты керамической и медной бытовой посуды, а также большое количество фрагментов берёсты.

Большая часть полученного археологического материала позволяет связать данный памятник с предками древних коми-зырян, которые в XI—XII вв. в силу разных обстоятельств совершили переселение из районов Северного Прикамья в Нижнее Приобье. Результаты сравнительного анализа материалов, полученных при раскопках городища Шеркалы 1, позволили идентифицировать их с культурой древних коми²⁰. Конструктивные особенности архитектурных сооружений, обнаруженных на городище Шеркалы 1, до этого в Нижнем Приобье не встречались. Почти идентичные остатки жилищ известны на поселениях родановской, вымской и чепецкой археологических культур в Верхнем Прикамье и Северном Приуралье и датируются XII—XIII вв., а также находят аналогии в древнерусских жилищах новгородско-псковских земель XI—XIII вв., где также широко были распространены печки-каменки²¹.

Возобновленные в 2018 г. археологические исследования на городище Шеркалы 1 позволили не только пополнить коллекцию артефактов, но и получить крайне важные данные, подтверждающие зафиксированные в русских летописях исторические связи кон. XI—XV вв. населения Нижнего Приобья с территориями Северного Приуралья и Северо-Запада Руси, в частности с Новгородской республикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Морозов В.М. Работы в Нижнем Приобье // Археологические открытия 1979 года. — М.: Наука, 1980. — С. 222—223; Морозов В.М. Средневековые памятники Нижнего Приобья. // Археологические открытия 1983 года. — М.: Наука, 1985. — С. 231—232; Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: УрГУ, 1986. — С. 99—107. — (Вопр. археологии Урала; вып. 18); Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УрГУ. — Екатеринбург, 1997. — № 7. — С. 17—34; Морозов В.М. Шеркалы I // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Т. 4 (дополнительный): А-Я. — Ханты-Мансийск, 2005. — С. 355—356.

² Морозов В.М. Отчёт о раскопках гор. Шеркалы I, площадка 2, раскоп II. — Свердловск, 1979. — АКА УрГУ. Ф.П. Д. 373; Морозов В.М. Отчёт об исследовании городища Шеркалы I в Октябрьском районе Тюменской области в 1979 г. — Екатеринбург, 1998. — АКА УрГУ. Ф. П. Д. 326.

³ Морозов В.М. Отчёт об исследованиях некоторых средневековых памятников Нижнего Приобья в 1979 г. Часть II: Отчёт об археологических исследованиях городища Шеркалы I в 1979 г. — Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, № 7553.

⁴ Морозов В.М. Отчет об исследовании городища Шеркалы I в Октябрьском районе Тюменской области в 1979 г....

⁵ Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI—XII вв. н.э.). // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1974. — С. 156—245; Милонов Н.П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. — Рязань: Б.и., 1931. — 52 с.

⁶ Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI—XII вв. н.э.)...

⁷ Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI—XII вв. н.э.)...

⁸ Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI—XII вв. н.э.)...

⁹ Морозов В.М. Отчёт об исследовании городища Шеркалы I в Октябрьском районе Тюменской области в 1979 г....

¹⁰ Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001—2004 гг.). — Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. — С. 162. Рис. 3.30—10—15.

¹¹ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. — Екатеринбург: Волот, 2001. — С. 105. Рис. 44—7, 8, 12.

¹² Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 99. Рис. 24—3.

¹³ Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI—XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2 т. — Екатеринбург: Караван, 2015. — Т. 1 — С. 260. Рис. 2.3.10—10—16.

¹⁴ Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Сов. археология. — М., 1958. — № 2. — С. 95—97; Колчин Б.А. Железодельное ремесло Новгорода Великого // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — № 65. — С. 72—83. Рис. 58, 59, 61, 66; Колчин Б.А., Янин В.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М.: Наука, 1982. — С. 162. Рис. 3; Кудрявцев А.А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Рос. археология. — М., 2012. — № 4. — С. 121. Рис. 2.

¹⁵ Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. — Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. — С. 174.

¹⁶ Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв... — С. 166.

¹⁷ Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. — Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. — С. 18—19.

¹⁸ Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 2002. — С. 51—63. Рис. 16—5, 10; 20—10.

¹⁹ Пархимович С.Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 147—148.

²⁰ Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье...

²¹ Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье...

**The results of archaeological research of the hillfort Sherkaly 1
in the field season of 2018**

A.V. Kenig, E.A. Zaitseva

Surgut

Surgut State University

A.V. Rodionova, S.A. Lips

Khanty-Mansiysk

LLC «NIPI EtnoArcheo Center»

Abstract. The article presents the brief results of archaeological work at the site of ancient settlement Sherkaly 1, conducted in the field season of 2018. As a result of research, the instrumental plan of the monument was obtained, its boundaries were established, identification and localization of excavations from 1978-1983 was carried out with an assessment of their current state. Continuation of the study of the cultural layer of the excavation number 1 V.M. Morozov 1978-1979 allowed to fix two buildings in the log cabin technique, which is typical for the cultures of the Upper Kama Region, the Northern Urals, and Slavic settlements from the 6th — 7th centuries. to XII-XIII centuries.

Key words. Lower Ob region, Sherkaly, archaeological research, Middle Ages, a hillfort, surface lifted archaeological artefacts

E-mail. akenig@bk.ru; zaiceva-e@yandex.ru; a.rodionova@archeocenter.ru; sveta.for_9@list.ru

Результаты разведочных работ на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г.

А.А. Адамов, П.Г. Данилов, Е.П. Загваздин, Н.П. Турова
г. Тобольск
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Аннотация. Статья кратко характеризует результаты археологических исследований, проведённых сотрудниками Тобольской комплексной научной станции УрО РАН в 2018 г. на территории Сургутского, Ханты-Мансийского и Нефтеюганского р-нов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Результатом проведённых исследований стало выявление четырех объектов культурного наследия: «Кладбище Минчимкино», группа западин и одиночная могила Чернореченское 8, яма-ловушки Тепорьёга 4, одиночная западина Чёрное 7.

Ключевые слова. Археологические исследования, Сургутский район, Ханты-Мансийский район, Нефтеюганский район, памятники археологии, Кладбище Минчимкино, группа западин и одиночная могила Чернореченское 8, яма-ловушка Тепорьёга 4, одиночная западина Чёрное 7.

В 2018 г. группой этноархеологических исследований Тобольской комплексной научной станции УрО РАН в рамках реализации договора № 390 от 28.04.2018, заключённого между станцией и ОАО «Сургут-нефтегаз», проводились полевые историко-культурные изыскания на территории Сургутского, Ханты-Мансийского и Нефтеюганского р-нов ХМАО – Югры. Работы проводились на основании Открытого листа № 708 от 31.05.2018, выданного на имя Е.П. Загваздина.

В результате разведочных работ были выявлены четыре объекта культурного наследия – грунтовый могильник Кладбище Минчимкино, яма-ловушка Тепорьёга 4, одиночная западина Чёрное 7, группа западин и одиночное погребение Чернореченское 8¹.

В сравнении с другими регионами таёжной зоны Западной Сибири территорию Сургутского Приобья можно считать достаточно изученной в археологическом отношении: здесь выявлено более 5,5 тыс. археологических памятников². На территории Сургутского р-на ар-

хеологические памятники сосредоточены в урочищах Барсова Гора и Сайгатино, а также в бассейнах р. Лямина, Пима, Тромъегана, Быстрого Кульёгана³.

В 2018 г. на территории Сургутского района археологическая разведка проводилась в бассейнах р. Минчимкиной, Чёрной, Комарьей, Меудекъяун.

В бассейне р. Минчимкиной в 2003 г. полевой группой ООО МНПО «Наследие Югры» под руководством Я.А. Яковлева изучались родовые угодья П.Д. Минчимкина. Несмотря на то, что памятников археологии в результате не было обнаружено, группа посетила стойбище П.Д. и К.Е. Минчимкиных и обследовала ряд объектов этнографии, среди которых хозяйственные, промысловые и культовые сооружения хантов. В статье, опубликованной по результатам работ, были даны координаты заброшенного стойбища Сопочиных, где сохранились остатки деревянного сруба. Ссылаясь на устную информацию П.Д. Минчимкина, Я.А. Яковлев отметил, что рядом находятся две могилы. Точное местонахождение кладбища при этом указано не было⁴.

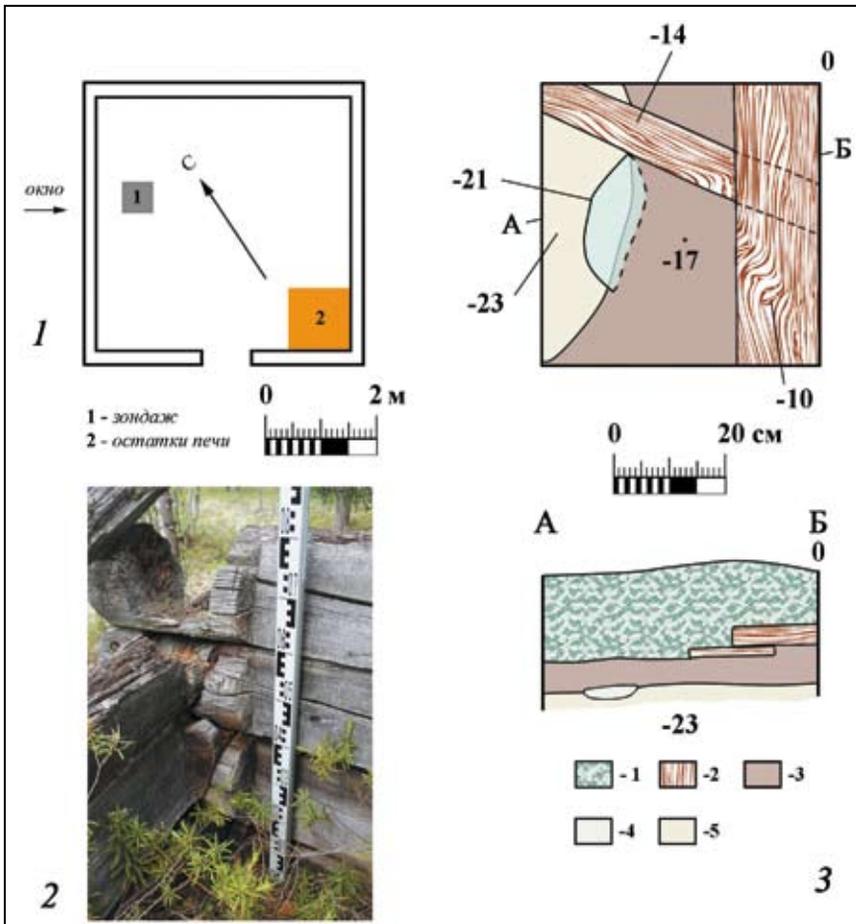
В ходе археологических исследований 2018 г. на правом берегу р. Минчимкиной было осмотрено заброшенное стойбище Сопочиных, от

Ил. 1. Стойбище Сопочиных. Вид на остатки сруба дома. Снято с юга—юго-запада

которого сохранились остатки деревянного сруба дома (ил. 1). Остатки сруба расположены в 60–65 м к северо-западу от реки. Постройка была возведена на низком берегу, подтапливаемом в половодье. Даже на небольшом удалении в сторону от реки ощущается сильное заболачивание прирусловой зоны. Зафиксированный размер строения составляет 5,0х5,0 м (ил. 2–1). Постройка сложена из круглых брёвен диаметром 14–20 см в обло (ил. 2–2). Сохранилось 4 венца на максимальную высоту 80 см. С внутренней стороны дома брёвна стёсаны. С южной

Ил. 2. Стойбище Сопочиных. 1 – план постройки; 2 – вид изнутри на сопряжение брёвен северо-западного угла сруба; 3 – зондаж (условные обозначения: 1 – лесная подстилка; 2 – доски; 3 – перегнившая щепка; 4 – стекло; 5 – стерильная сунесь)

стороны прослеживается дверной проём шириной 80 см. С правой стороны от входа были обследованы остатки печи. От неё осталось низкое оплывшее подквадратное основание размером примерно 1х1 м, сложенное из глины прокалённого желтоватого цвета (ил. 2—1).

В северо-восточном углу избушки был заложен зондаж размером 0,5х0,5 м для выяснения конструкции пола постройки (ил. 2—3). Была выявлена трухлявая широкая половая доска, частично затронутая площадью зондажа. Под ней фиксировалась меньшая доска, лежащая под углом к основной, видимо, служившая опорной лагой. Вся половая конструкция покоилась на толстом слое древесной трухи. Сгнившие древесные стружки покрывали желтовато-белую супесь, не содержащую находок. Лишь на границе трухи и супеси было обнаружено скопление оконного стекла. Стекло имело желтоватый оттенок с мелкими пузырьками в стекольной массе. Толщина стекла 1,5—2,0 мм. Следов оплавления не имелось. О наличии окна в строении свидетельствуют и обрушившаяся западная стена со следами оконного проёма на бревнах.

Вероятно, у южной стены дома был навес, так как в 2 м от стены, параллельно ей также фиксировалось сильно истлевшее бревно. Вы-

Ил. 3. Грунтовый могильник Кладбище Минчимкино. Могила № 1. Снято с юга

яснить наличие какой-либо конструкции в этой части постройки не удалось.

К северу от исследованной постройки был выявлен грунтовый могильник, представленный в современном рельефе двумя западинами и получивший название *Кладбище Минчимкино*. Количество и размеры могильных ям — одна длиной ок. 2 м (ил. 3), другая чуть более 1 м — соответствуют описанию кладбища, которое Я.А. Яковлев привёл в своей статье со слов П.Д. Минчимкина. Последний сообщал, что недалеко от стойбища Сопочиных находятся две могилы — женская и детская⁵. Отсутствие на поверхности признаков деревянных намогильных сооружений может свидетельствовать о датировке в пределах XIX — нач. XX в.

В бассейне р. Чёрной были выявлены группа западин и одиночная могила. Памятник, получивший название *Чернореченское 8*, расположен на небольшой возвышенности посреди окружающей заболоченной местности. Состоит из шести археологизированных объектов: пяти западин подквадратной формы с обваловкой размерами ок. 3,0x3,0 м, глубиной 40—70 см (ил. 4) и одной могильной западины длиной ок. 2,0 м.

Ил. 4. Группа западин и одиночная могила Чернореченское 8. Котлован сооружения № 5. Снято с юга—юго-востока

На площади памятника между выявленными объектами заложены два стратиграфических разреза. Шурф № 5 (1,0x1,0 м) разбит в 1 м к северу—северо-западу от внешнего края обваловки котлована № 1. Максимальная глубина шурфа составила 105 см. Описание стратиграфии:

- надпочвенный слой (мох) — 5—17 см;
- белая супесь — 17—32 см (с включениями линз угля);
- рыжая супесь — 40—75 см.

Слой с белой супесью и включением в неё угля представляет собой заполнение полостей корневой системы деревьев. По всей видимости, уголь в этом слое — следы древнего лесного пожара. Археологических артефактов при изучении почвенных слоев в шурфе № 5 не выявлено.

Зачистка № 2 сделана на внешнем крае обваловки котлована № 2 (к юго-западу от него). Длина расчищенного обнажения — 1,0 м. Описание стратиграфии:

- надпочвенный слой (мох) — 15—18 см;
- серо-рыжая переотложенная мешаная супесь — 8—13 см;
- белая супесь с прослойкой гумуса сверху — 7—12 см;
- рыжая супесь — 40—45 см.

Прослойка серо-рыжей супеси представляет собой выброс земляного отвала из западины на древнюю дневную поверхность. Археологических артефактов при изучении грунта не выявлено.

Территория памятника не нарушена, покрыта сосновым лесом. Точная культурная и хронологическая принадлежность не определены.

В среднем течении р. Чёрной обнаружен памятник *одиночная западина Чёрное 7*. Памятник расположен на коренной террасе реки. Выявленный объект представляет собой округлую западину диаметром 3 м и глубиной 48 см. Территория памятника не нарушена, покрыта сосновым лесом. Точная культурная и хронологическая принадлежность не определены.

В Нефтеюганском р-не археологическая разведка проводилась в бассейнах р. Чепырьга, Тепорьга, Вельгиль. В среднем течении р. Тепорьга выявлен один объект культурного наследия — *Тепорьга 4, яма-ловушка*. Он расположен на гривообразном возвышении посреди заболоченной поймы указанного водотока. На площадке памятника фиксируется одно сооружение в виде округлой впадины размерами 2,2x2,5 м и глубиной до 30 см с обваловкой шириной 1,3 м. Территория памятника не нарушена, поросла хвойным лесом. Точная культурная и хронологическая принадлежность не определена.

В Ханты-Мансийском районе исследования проводились в бассейнах р. Пырьях, Сыньяха, Назым — на участках, предназначенных под землеотвод. Памятники археологии выявлены не были.

Проведенные на территории ХМАО — Югры археологические исследования показали перспективность поиска археологических памятников на территориях, подпадающих под хозяйственное освоение. Выявленные памятники поставлены на государственную охрану приказом № 9-ПП от 05.02.2019 Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры (под № 6042—6045).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акт ГИКЭ земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных ст. 25 Лесного кодекса РФ работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в п. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 25 Лесного кодекса РФ) и иных работ, по объектам: «Нефтегазопроводы от кустов скважин 244, 245, 246. Водовод высоконапорный на куст скважин 245. Западно-Сургутское нефтяное месторождение» 37,502 га; «Линии электропередачи воздушные 6 кВ на кусты скважин 244, 245, 246. Западно-Сургутское нефтяное месторождение» 34,180 га; «Проезды к кустам скважин 244, 245, 246. Западно-Сургутское нефтяное месторождение» 22,073 га [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/f46/akt_obustr_244_245_246.pdf (дата обращения: 06.06.2019); Акт ГИКЭ земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных ст. 25 Лесного кодекса РФ работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в п. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 25 Лесного кодекса РФ) и иных работ, по объектам: «Площадка для размещения техники, оборудования и материалов при строительстве поисковой скважины 2222П лицензионного участка Юганский 2» площадью 30,0 га; «Площадка для размещения техники, оборудования и материалов при строительстве поисковой скважины 2208 лицензионного участка Юганский 9» площадью 13,0 га; «Разведочная скважина № 90Р Южно-Туканского лицензионного участка и трасса перевозки бурового оборудования к ней» площадью 8,813 га; «Месторождение суглинков в районе скважины 90Р в пределах Южно-Туканского лицензионного участка и трасса перевозки бурового оборудования» площадью 16,0 га; «Трасса перетаскивания бурового оборудования на разведку 2214П Юганский 5 лицензионный участок» площадью 7,6 га; «Месторождение песка в районе скважины 2218П в пределах Юганского лицензионного участка (подъездная дорога)» площадью 7,51 га; «Месторождение песка в районе скважины 2218П в пределах Юганского лицензионного участка» площадью 28,525 га [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/34b/akt-yuganskiy-lu.pdf> (дата обращения: 06.06.2019); Акт ГИКЭ земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных ст. 25 Лесного кодекса РФ работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в п. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 25 Лесного кодекса РФ) и иных работ, по объекту: «Площадка открытого хранения в районе 9 км автодороги г. Сургут — Товарный парк НГДУ «Фёдоровскнефть» площадью 3,2151 га [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nasledie.admhmao.ru/>

upload/iblock/3e3/АКТ-ploshchadka-СHernaya.pdf (дата обращения: 06.06.2019); Акт ГИКЭ земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных ст. 25 Лесного кодекса РФ работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в п. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 25 Лесного кодекса РФ) и иных работ, по объекту «Подстанция 35/6 кВ в районе куста скважин 2. Линии электропередачи воздушные 6 кВ. Линия электропередачи воздушная 35 кВ. Тончинский лицензионный участок» площадью 32,2380 га [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/1a9/akt-podstantsiya-35-6-kv_podpisan_.pdf (дата обращения: 06.06.2019).

² Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2017 г. (Приложение: Список объектов культурного наследия ХМАО — Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (продолжение). На 8 июня 2018 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2018. — Вып. 16. — С. 6.

³ Зайцева Е.А. Археологическая карта Сургутского Приобья. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. — С. 5.

⁴ Яковлев Я.А. «Мой дом — моя крепость»? Увы... (На стойбище П.Д. Минчимкина. Сургутский район, река Минчимкина) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 203. Ил. 1.

⁵ Яковлев Я.А. «Мой дом ... — С. 203.

Results of exploration works carried out on the territory of Khanty-Mansiysk autonomous region — Ugra in 2018

A.A. Adamov, P.G. Danilov, E.P. Zagvazdin, N.P. Turova

Tobolsk

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Annotation. The article is devoted to a brief description of results of archaeological research conducted by employees of the Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the RAS in 2018 in Surgut, Khanty-Mansiysk and Nefteyugansk regions of the Khanty-Mansiysk autonomous region — Ugra. In result of researches was revealed of four cultural heritage sites: Minchimkino Cemetery, the group of pits and the solitary grave Chernorechenskoye 8, the pit-trap of Teporyega 4, the single pit Chernoye 7.

Key words. Archaeological research, sites of archeology, Surgut region, Nefteyugansk region, Khanty-Mansiysk region, cemetery Minchimkino, the group of pits and the solitary grave Chernorechenskoe 8, the pit trap Teporega 4, the single pit Chernoye 7.

E-mail. adamowaa@yandex.ru; kulay_arx@mail.ru; danilovpg@mail.ru; tur-ova2707@yandex.ru

Новые находки русских серебряных изделий конца XVIII – первой половины XIX в. – культовых атрибутов манси и хантов

А.В. Бауло

г. Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

Аннотация. Статья затрагивает острую проблему сохранения культурного наследия хантов и манси, которое в последнее время оказалось подвержено несанкционированному вторжению неизвестных лиц на святилища этих народов и их разорению. В научный оборот вводятся шесть серебряных изделий, обнаруженных в этнографических комплексах манси и хантов в 2017–2018 гг.; в их числе – три блюда из мастерских П.Т. Брюханова. Публикация серебряных изделий кон. XVIII – перв. пол. XIX в. – культовых атрибутов манси и хантов – открывает новые сведения о работе мастерских П.Т. Брюханова в Тобольске.

Ключевые слова. Серебро, блюда, религия, ханты, манси.

Современный исследователь традиционной культуры вне зависимости от его желания вовлечён в сферу деятельности, связанную с её сохранением, особенно в части выявления и введения в научный оборот тех или иных элементов культуры, которые относятся к исчезающим видам (например, к священным местам обских угров: разного рода святилищам и их атрибутам). «Черные копатели» в последние годы расширили свою деятельность, попутно направив её на поиск культовых амбарчиков и изъятие из них рыночно ценных предметов. Теперь на различного рода сайтах на продажу выставлены не только археологические, но и этнографические предметы.

В этом смысле источниками для данной статьи стали результаты деятельности как научных экспедиций, так и любительского «краеведческого промысла».

Среди культовых атрибутов манси и хантов кон. XVIII – перв. пол. XIX в. выделяется группа изделий, созданных в мастерских серебряников Тобольска: небольшие блюда, прямоугольные и овальные

пластины (последние — имитируют по форме наручи для защиты запястья лучника при стрельбе). Эти изделия чаще всего объединены изображением охотничьих сцен и изготавливались для сбыта инородцам на северных ярмарках¹.

Блюдца представляют собой маленькие тарелочки с выпуклым дном; пластины прямоугольной формы — плоские, овальной формы — слегка выгнуты по оси. Большая часть изображений выполнена чеканкой, меньшая — гравировкой.

С помощью блюдец обозначали лица фигур божеств; нередко блюдца, принесённые в дар высшим силам, с течением времени становились

А

сердцевинами их фигур в домашних святилищах. Прикрепление серебряного или медного блюда к фигуре духа-покровителя, изготовленной из шуб, халатов или рубах, подчёркивало его священный образ.

Достаточно часто в домашних святилищах манси и хантов серебряные блюда сопровождали жертвенные покрывала². Как известно, их шили для подношения *Мир-сусне-хуму*, изображениями которого они и были украшены. После изготовления покрывала проводилась церемония жертвоприношения коня Небесному всаднику; считалось, что в этот момент божество на своем крылатом коне должно спуститься с небес

Б

Ил. 1. Серебряное блюдо с изображением всадника на коне. Тобольск, перв. четв. XIX в.: А — блюдо в двух головных уборах; Б — серебряное без головных уборов

на землю. Присутствующие заранее ставили на траву или снег четыре серебряных блюда, чтобы конь бога при этом не касался копытами грешной земли³.

Изделий, вышедших из серебряных мастерских Тобольска, до наших дней дошло немного; наибольшее число найденных предметов имеет на лицевой стороне клеймо мастера Петра Брюханова — «П·Б»⁴.

До сегодняшнего дня насчитывалось 18 изделий, вышедших из мастерской П.Т. Брюханова: 11 блюдец, одна квадратная тарелочка, три прямоугольных и одна овальная пластины, две антропоморфные статуэтки.

Три изделия хранятся в фондах Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард), два — в МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург), два — в ТГИАМЗ (г. Тобольск), одно — в Саранпаульском

Ил. 2. Серебряное блюдо со сценой охоты. Кон. XVIII в.

краеведческой музее Берёзовского р-на ХМАО — Югры, одно в Музее природы и человека (г. Ханты-Мансийск), семь — в музее ИАЭТ СО РАН, два — в частных коллекциях. Самое раннее изделие П.Т. Брюханова датировано 1793 г., самое позднее из известных — 1822 г.

Данная статья посвящена введению в научный оборот шести серебряных изделий, обнаруженных в этнографических комплексах манси и хантов в 2017–2018 гг.; в их числе — три блюда из мастерских П.Т. Брюханова.

Первое блюдо было описано в ходе работ Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН в Шурышкарском р-не ЯНАО: оно обозначало голову фигуры семейного духа-покровителя хантов, в связи

Ил. 3. Центральная часть серебряного блюда с изображением коня. Тобольск, перв. четв. XIX в.

с чем находилось внутри двух шапок шатровой формы. Первая из них сшита из толстого шерстяного сукна зелёного цвета, сверху обшита тканью красного цвета; вторая шапка изготовлена из трёх клиньев шерстяного сукна зелёного и трёх клиньев сукна чёрного цвета, у этой шапки край оторочен узкой полоской лисьего меха (ил. 1а).

Диаметр серебряного блюда 12 см, в центре изображена фигура всадника на коне в шлеме и с саблей в правой руке (ил. 1б). Край блюда украшен гравированными изображениями трёх собак и птицы, здесь же выбиты два клейма «П·Б», принадлежавшие П.Т. Брюханову. Перед нами, скорее, клеймо владельца мастерских, поскольку его известные изделия отличаются друг от друга как по манере работы, так и по качеству. Поскольку спрос на его продукцию среди инородцев был большим, Брюханов, видимо, не гнушался изготовлением изделий из низкопробного серебра. Это удешевляло себестоимость блюд и пластин, но позволяло не предъявлять их пробиреру. Тем не менее на эти изделия он продолжал ставить собственное клеймо.

Фигура всадника вряд ли реалистична, скорее, перед нами перенос на серебряное изделие некоего лубочного сюжета. Сравнивая вновь обнаруженное блюдо с ранее атрибутированными, можно предположить, что время его изготовления относится к 1810—1820 гг. Аналогичное по сюжету и размерам блюдо находится в фондах ТГИАМЗ (серебро, 700-я проба, вес 44,61 г, диаметр 11,8 см; приобретено у остяков в Обдорске и передано в музей Н.Л. Скалзубовым в 1900 г.)⁵.

Второе блюдо было «найдено» неизвестными лицами в районе с. Салемала (Ямальский р-н ЯНАО), оно хранилось в ящике священной нарты хантов. Это небольшое серебряное изделие диаметром 11,8 см с выпуклым днищем; по краю блюда выгравированы фигуры двух охотников с луками, четырёх летящих птиц, двух оленей и двух собак на фоне деревьев и кустов (ил. 2). По форме, размеру и стилю изображений данная находка имеет аналог — блюдо, которое хранилось в священном амбарчике манси Вынгелевых (старица Норн-колн-урай, бассейн р. Северной Сосьвы, Березовский р-он ХМАО — Югры)⁶. Поскольку на нём есть клеймо пробирера М. Богданова и год чеканки (1795 г.), можно предположительно отнести к кон. XVIII в. и вновь найденный экземпляр.

Третье блюдо происходит из священного амбарчика манси в верховьях р. Пельма. Его диаметр 9,4 см (ил. 3). На лицевой стороне выгравирована фигура коня на фоне холмов. В крае блюда над и под фигурой животного пробито по два отверстия, что говорит о том, что, скорее всего, оно крепилось к фигуре духа-покровителя. Наи-

более близкий аналог — блюдо из д. Верхнее Нильдино перв. четв. XIX в. с клеймом П.Т. Брюханова⁷; полагаю, что и пелымский экземпляр вышел из его мастерской.

Четвертое блюдо происходит из неизвестного священного места хантов в бассейне р. Сось. Его характеризует необычно большой диаметр — 14 см (ил. 4). По краю выбиты два клейма П.Т. Брюханова, в центре лицевой стороны изображены охотник с луком, целящийся в белку на дереве, гора и две птицы (одна с ветвью в клюве). Прямых аналогов данному блюду нет; похожая сцена охоты на белку выполнена на овальной серебряной пластине кон. XVIII в.⁸ Соськое блюдо можно датировать наиболее активным периодом работы мастерской П.Т. Брюханова — перв. четв. XIX в.

Ил. 4. Серебряное блюдо со сценой охоты. Тобольск, перв. четв. XIX в.

Ил. 5. Серебряное блюдце с изображением оленя. Предположительно втор. четв. XIX в.

Пятое блюдце диаметром 9,2 см выполнено из низкопробного серебра (ил. 5). Точное место находки и сопутствующие обстоятельства неизвестны, предположительно территория ХМАО — Югры. На лицевой стороне изделия выгравирована фигура оленя на небольшой возвышенности. Датировка блюдца предлагается в рамках втор. четв. XIX в.

Кроме вышеуказанных пяти серебряных блюдец в публикацию входит серебряная пластина оригинальной формы (полуовал), на которой изображена сцена охоты: мужчина с луком, олень, птицы и белка на дереве (ил. 6). Размеры изделия 8,7×7,8 см. Поскольку фото оборотной стороны отсутствует, сложно говорить однозначно о технологии изготовления изображений (чеканка, гравировка либо даже литье).

Ил. 6. Серебряная пластина со сценой охоты. Тобольск, рубеж XVIII—XIX вв.

Стиль работы однозначно принадлежит тобольской школе серебрodelия рубежа XVIII—XIX вв. Пластина вместе с третьим блюдцем происходит из священного амбарчика манси в верховьях р. Пельма.

Таким образом, публикация новых находок серебряных изделий кон. XVIII — перв. пол. XIX в. — культовых атрибутов манси и хантов — добавляет наши знания как о работе мастерских П.Т. Брюханова в Тобольске, так и о том, что изделия этих мастерских не ограничивались известными до сих пор формами (блюдца, овальные и прямоугольные пластины).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прыткова Н.Ф. Металлическая культовая посуда у угров // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1949. — Т. 10. — С. 39–46; Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сб. МАЭ. — Л., 1971. — Т. 27. — С. 218; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX — начало XX в. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 91; 145; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 76–77, 120; Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — 176 с.

² Бауло А.В. Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов) // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2000. — № 3. — С. 132–144.

³ Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. — М.: [Тип. Потапова], 1888. — С. 13, 19.

⁴ Сухорукова Н.В. Тобольское серебро XVIII в. // Конференция «Художественный музей: коллекции, культура края». Сб. ст. и тезисов. — Тюмень, 1993. — С. 22–26.

⁵ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — С. 93.

⁶ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — С. 75.

⁷ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — С. 96.

⁸ Бауло А.В. «Тобольское серебро»... — С. 157.

New materials on Russian silverware the end of the XVIII – first half of the XIX century – cult attributes Mansi and Khanty

A.V. Baulo

Novosibirsk

Institute of archaeology and ethnography SB RAS

Annotation. The article touches upon the acute problem of preserving the cultural heritage of the Khanty and Mansi, which has recently been exposed to the unauthorized invasion of unknown persons into the sanctuaries of these peoples and their ruin. Six silver products, discovered in the ethnographic complexes of the Mansi and the Khanty in 2017-2018, are introduced into scientific circulation (three saucers from the workshops of P. Bryukhanov). The publication of silver products of the end of the XVIIIh and first half of the XIX centuries - the cult attributes of Mansi and the Khanty reveals new information about the work of the workshops of P. Bryukhanov in Tobolsk.

Key words. Silver, saucer, religion, Khanty, Mansi.

E-mail. baulo@archaeology.nsc.ru

Юбилей

Антал Регули в России: начало финно-угроведения (к 200-летию со дня рождения исследователя)

Я.А. Яковлев

г. Ханты-Мансийск

Музей под открытым небом «Торум маа»

Аннотация. В 2019 г. исполняется 200 лет со дня рождения А. Регули — венгерского исследователя, который в поисках исторической прародины своего народа в 1843—1846 гг. провёл крупную этнолингвистическую экспедицию среди финно-угорских народов России в Поволжье, на Северном Урале и в Северо-Западной Сибири. Заслугой учёного является формирование объёмного массива лингвистических, этнографических и исторических источников, которые вот уже два века служили и служат базой для венгерских исследователей, работающих в сфере финно-угорской проблематики.

Ключевые слова. А. Регули, М.-А. Кастрен, финно-угроведение, картография, топонимика, антропология, обские угры, ханты, манси, поволжские финно-угры, мордва, марийцы, Урал, Западная Сибирь, Венгрия, музей Будапешта.

В наши дни ареал финно-угорского населения охватывает регион Центральной Европы, Прибалтику, Европейский Север, Среднее Поволжье, Северный Урал, Север Западной Сибири. Представители различных современных национальностей, граждане разных стран, приверженцы нескольких конфессий, носители разных социально-экономических укладов, жители нескольких обширнейших регионов, разделённых огромными пространствами, тем не менее осознают себя потомками древнего автохтонного населения Евразии, поддерживают и всячески демонстрируют свою финно-угорскую идентичность. Но это сегодня. Для понимания этого глобального социального и культурного феномена современной действительности потребовалось два века неустанной деятельности исследователей самого широкого спектра

наук гуманитарного профиля — этнографов, археологов, историков, лингвистов... Финно-угроведение стало ярким примером эволюции чисто научных выводов в реалию современной общественной жизни, неоспоримую данность социокультурного пространства нашего мира.

В самой первой шеренге этого немалочисленного интернационального отряда пионеров финно-угроведения стоит венгр Антал Регули (1819—1858) (ил. 1).

Нет необходимости здесь останавливаться на биографии этого исследователя, которая подробно и неоднократно обнародована и в Интернете, и в публикациях. Кратко остановимся лишь на тех причинах, которые стали побудительными мотивами для экспедиции (не будем использовать легковесно-увеселительные слова «поездка» или «путешествие») молодого венгра в урало-сибирскую глушь Российской империи, которые навсегда внесли его имя в анналы финно-угроведения и которые (как одно из множества последствий) обусловили появление данной публикации.

Нач. XIX столетия было отмечено ростом национального самосознания европейских народов. И венгры не были исключением.

Только, в отличие от своих соседей с их долгой укоренённостью и с собственной историей, они не имели этногенетических корней на той земле, которую называли Венгрией. При этом дальше осознания своей дунайской неавтохтонности дело не шло; и в научных кругах, и в обществе не было понимания, откуда венгры пришли в Центральную Европу, где их прародина и есть ли у них братья по языку и общему происхождению. Прямо по русской пословице про «иванов, не помнящих родства». Поэтому проблема поиска прародины для венгров в то время была чрезвычайно актуальной. Предпринимались самые разные попытки решить её: с высоты нынешних знаний это может показаться

Ил. 1. Антал Регули (1819—1858)

нелепым, но своих сородичей мадьяры пускались искать и на Кавказ, и в Тибет, и в Гималаи, и в Монголию, и в Иудею...

Однако мало-помалу сотрудничество российских, финских и венгерских учёных и общественных деятелей сформулировало идею финно-угорского родства, которая определила перечень современных братских народов («разбросанных ветвей финского племени», по образному выражению М.-А. Кастрена) и очертила местом их прародины Урал. Нитью Ариадны для выхода венгров из лабиринта исторической безродности должен был стать язык, который в этногенетических исследованиях действует на хуже системы радиолокационного опознавания «свой — чужой» в современных военных действиях. Карой Папай прямо указывал на этот методический приём: *«В области этнографии при сравнении пока что нашим проводником будет лингвистика»*¹.

Именно с идеей финно-угорского родства и познакомился 20-летний А. Регули, когда в 1839 г. он — молодой выпускник Будапештского университета — поехал продолжать своё образование в Германию, но в итоге за два года посетил Голландию, Бельгию, Данию, Швецию и Финляндию. Именно в той поездке у него зародилось и окрепло желание посвятить свою жизнь поискам прародины венгерского народа. *«О, папа и дорогая, добрая мама, — писал романтичный юноша в том году своим родителям, — представьте, какое счастливое волнение охватило мою душу, когда я узнал вопрос, который указывает мне происхождение нашего национального языка. Какое почётное назначение — найти народы, которые говорят на языке наших более древних братьев. И, может быть, тот, древний язык, из которого вырос наш современный венгерский язык... Какой бы это был шаг вперёд!.. Представьте, дорогие родители, как бы было почётно, если бы ваш сын оказал в этом деле некоторую службу делу нации, если бы он помог расколдовать эту древнюю картину нашего языка... Видя такую цель перед собой, я не могу сомневаться, что поеду на Север в качестве искателя сокровищ... Прошу благословения на мой ответственный путь...»*².

Более глубокое погружение в проблему подвело молодого исследователя к непреложному выводу — территорией поиска должна стать только Россия. Со всей категоричностью он изложил это в 1841 г. в своём письме в Венгерскую академию наук: *«Только в России я найду доказательство того, что венгры не являются последними представителями потерянной народности и что в мире ещё проживают родственные им народы»*³.

Экспедицией в Россию А. Регули преследовал достижение двух целей: 1) доказать общность происхождения финно-угорских народов и их языков; 2) доказать родство этих народов с венграми. Позже его земляк и последователь Й. Папай писал об этой решаемой до сих пор суперзадаче так: «...*После установления языкового родства финно-угорских народов он хотел доказать их этнографическое и праисторическое сходство. Регули хотел провести всеобъемлющее этнографическое исследование, в ходе которого он планировал изучить внешность, характеристики, образ жизни, творчество, костюмы, обычаи и мифологию этих народов*»⁴.

Необходимо сказать, что деятельность А. Регули и других основоположников финно-угроведения не начиналась с чистого листа, а их решения сосредоточить поиски прародины и народов этой языковой общности именно в России родились не на пустом месте. К той поре экспедиции Императорской академии наук уже сформировали достаточно серьёзную базу этнографических и языковых данных по финно-угорским народам России.

Поэтому приехавший в сер. 1841 г. в столицу Российской империи молодой венгерский исследователь не ринулся, сломя голову, на восток, а целых два года неспешно и тщательно работал в библиотеке и архиве Академии наук, Императорской публичной библиотеке. Это был необходимый и очень плодотворный период научной и организационной подготовки А. Регули к экспедиции к «восточным финнам», как тогда называли угров Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. Были тщательно изучены материалы предшественников, получены необходимые знания и навыки полевой антропологической работы (включая распространённую тогда технику создания гипсовых слепков с головы живого человека), выучен русский язык и получены лингвистические основы марийского, мордовского и коми языков... Наконец, были приобретены необходимые знакомства с российскими учёными и, благодаря одному из них (председателю этнографического отдела Русского Географического общества К.Э. Бэру), даже найдены спонсорские средства для долгой и достаточно затратной экспедиции далеко в глубь Российской империи (в записях А. Регули о приобретении этнографических предметов для венгерских музеев встречаются пометы «куплено за золото» — см. табл. далее).

С благодарностью о деятельности российских учёных, указавших венгерским и финским исследователям вектор поиска, писал и самый, пожалуй, известный из отцов финно-угроведения и авторов идеи финно-угорского (уральского) родства — Матиас-Александр Кастрен

(1813—1852). Вот как поэтично по форме и точно по содержанию он оценивал ситуацию: *«До последних времён на всё финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древних судеб, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегами родового древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели. Если в последнее время воззрения на это племя начали изменяться, то этим мы по преимуществу обязаны Петербургской академии наук. Учёные экспедиции, посылаемые ею для обработки этнографии, статистики и естественной истории России, обнаружили мало-помалу связь, существующую между живущими в России народами финского происхождения. И так как оказалось, что ветви финского племени с древнейших времён сосредоточивались возле Уральских гор, то и начали обозначать всё племя названием Уральского и придавать ему немалое значение во всемирной истории»⁵.*

Надо сказать, что в судьбах М.-А. Кастрена и А. Регули было очень много общего.

Во-первых, они были почти ровесниками — Кастрен был старше только на 6 лет. Несмотря на такую минимальную разницу, в общественном сознании исподволь всё же сложилось бинарное представление «учитель — ученик». Например, в эссе Ю. Шесталова «Регули» в описании сцены первой встречи будущих корифеев финно-угроведения в Финляндии М.-А. Кастрен назван *«старым лингвистом»*, у которого были *«многочисленные морщины на лбу»*, а речь звучала *«невнятно и шепеляво»⁶*. Напомним, что герою такого описания было в то время... 26 лет. О причинах такого восприятия двух этих фигур будет сказано чуть ниже.

Во-вторых, оба за время долгих экспедиционных тягот серьёзно подорвали своё здоровье и сократили свою жизнь; мистическим образом судьба ограничила их биографии равным количеством прожитых лет — по 39. Такой возраст по нынешним меркам... В Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2014—2020 годы» *«кандидаты наук в возрасте до 35 лет и доктора наук в возрасте до 40 лет»* причислены к категории *«молодые учёные»*. Вот так, Кастрен и Регули — основоположники огромного научного направления — ушли из жизни *«молодыми учёными»*.

В-третьих, три года (венгр) и почти 4 года (финн) своих коротких жизней они отдали труднейшим экспедициям по российской глубинке — Поволжью, Уралу и Сибири. Причём сделали это одновременно. Более

того, в марте 1844 г. их экспедиционные маршруты в Тобольске даже пересеклись, и они провели день вместе!

В-четвёртых, оба учёных полностью посвятили свою жизнь служению одной-единственной идее — поискам этногенеза финно-угров.

В-пятых, оба не сумели или не успели ввести в научный оборот свой огромный полевой материал из России.

Впрочем, по последнему пункту есть и разница, причём весьма существенная: М.-А. Кастрен не успел это сделать частично, а А. Регули — полностью. Как высказался историк А.Е. Загребин, «возвращение Кастрена не разочаровало его единомышленников»⁷. До своей преждевременной смерти он успел-таки на основании привезённого из России материала опубликовать свои этнолингвистические работы, которые стали фундаментом финно-угорского и самодийского языкознания. А вот Регули не сделал этого.

Странно, но после возвращения из такой изнурительной и такой плодотворной экспедиции А. Регули вдруг охладел к теме, которой он отдал столько сил и времени. Он даже отошёл от основ идеи финно-угорского родства, заявив в 1850 г. в своей академической вступительной речи, что венгерский язык имеет родственные связи и с монгольским языком, и с языками среднеазиатских народов⁸. Сосредоточившись на исполнении обязанностей по своей новой должности директора местных библиотек, он не прикасался к своим экспедиционным материалам, напоминая странного землероба, который огромными усилиями распахал целину, но не спешит бросить в неё семя.

Вот мнения биографов А. Регули о его научной пассивности после возвращения из России, порой совпадающие дословно.

А.Е. Загребин: «В своих редких академических лекциях он старался не говорить об ожидаемых от него конкретных фактах и уходил от прямого ответа на вопрос «нашёл ли он родственников?». Он начал сомневаться и, самое печальное, забывает увиденные им в экспедиции яркие свидетельства финно-угорского родства, жалуясь, что, по-видимому, «неспособен поднять собственного богатства»⁹.

А. Кережи: «Несмотря на то, что в его распоряжении был огромный материал, необходимый для установления языкового родства венгров, на то, что он объездил почти все народы финно-угорской языковой группы, он не сделал никакой обобщающей работы. Он не подготовил этнографического описания этих народов, остались необработанными, даже без расшифровок, большая часть записанных им мансийских песен и полное собрание хантыйских текстов»¹⁰.

А.И. Терюков: «...Его интерес к идее финно-угорского родства после возвращения в Венгрию постепенно угасает. Несмотря на то, что в его распоряжении был огромный уникальный материал, необходимый для установления языкового родства венгров, а также что он объездил почти все народы финно-угорской языковой группы, он не написал никакой обобщающей работы. Он не подготовил этнографического описания этих народов, остались необработанными, даже без расшифровок, большая часть записанных им мансийских песен и полное собрание хантыйских текстов»¹¹.

Разумеется, и современники А. Регули, наблюдавшие его великолепный старт в науке, и исследователи последующих поколений, знавшие о громадности и уникальности полученных им полевых материалов, гадали о причинах столь странного поведения учёного.

По мнению очень многих, причиной отказа от активной научной деятельности А. Регули стала его серьёзная болезнь. Действительно, дневник исследователя пестрит записями о недомоганиях во время изнурительной экспедиции — иногда очень серьёзных, многодневных: «Я не очень хорошо себя чувствую», «Головная боль», «Я всё ещё слаб», «Ночью у меня температура», «Я болен», «Я болен — потихоньку встаю», «Лежу больной», «Я не здоров — вечером у врача», «Я не здоров», «У меня лекарь из Обдорска», «От долгого письма болит грудь и голова», «У меня сильная головная боль», «Чувство слабости — у меня понос», «Вечером я почувствовал слабость — понос»¹²... И чем ближе к концу поездки, тем подобные записи встречаются всё чаще и чаще.

В этом нет ничего удивительного. Нам, живущим в условиях современных коммуникаций, развитых транспортных схем и системы общепита, трудно себе представить, в каких экстремальных условиях три года пришлось существовать европейцу Регули в урало-сибирской глухомани — без дорог, без постоянного жилья, без привычной еды... Об этом опять же говорят скупые строки его полевых записей: «У нас самые жалкие лошади, и последние 9 вёрст нам приходится идти пешком...», «...Я ни на что не годен, я очень устал», «Чувствую сильную усталость», «Сушим мою одежду (я упал в реку)»¹³...

Биографы исследователя, считающие проблемы его здоровья очень серьёзными, особо упирают на возможность нарушения его памяти: «...Многолетняя непомерная работа изнурила Регули, его память ухудшилась, и ни сделанные с пробелами полевые дневники, ни заметки не помогли реконструировать отдельные забытые вопросы,

события. Поэтому он не посмел взяться за выполнение обобщающей работы»¹⁴.

После возвращения в 1847 г. в Европу А. Регули два года поправлял своё пошатнувшееся здоровье «на водах» в Германии, но, как отмечали его современники, не очень успешно.

Впрочем, не все согласны с этой причиной отказа А. Регули от своей главной, как он полагал в юности, задачи. А. Кережи пишет: *«...Недавние исследования доказывают, что Регули был не таким больным, как ранее мы думали. В последние годы своей жизни он провёл ряд антропологических исследований в Венгрии, на основе которых хотел решить вопрос языкового родства (или неродства). Для этого осенью 1857 г., за год до своей смерти, он осуществил широкие антропологические и этнографические исследования среди палояц (группа венгров в Северо-Восточной Венгрии)»*¹⁵.

Тогда, быть может, причиной была не телесная, а душевная немощь — неуверенность в собственных силах, которая порождает страх перед большим делом и не даёт реализовывать свой потенциал? Ведь в вышеприведённой цитате из публикации А.Е. Загребина уже говорилось о жалобах А. Регули на *«неспособность поднять собственное богатство»*. Видимо, склонность к такой неуверенности и к саморефлексии у него действительно была. Эти не способствующие масштабности начинаний качества проскальзывают даже в куцых строках его очень краткого полевого дневника: *«Я очень ленив, не могу работать — читаю «Тысячу и одну ночь», «Я ленив», «Я ни к чему не годен — лежу и думаю», «Пробую разобраться в своих работах»*¹⁶...

Возможно, травмирующее действие на психику А. Регули и его готовность заняться глобальнейшими проблемами финно-угорской этнолингвистики оказал и инцидент в Финляндии. Тогда молодой учёный только готовился отправиться в главную в своей жизни поездку, и часть тамошнего научного общества публично выразила сомнение в его научной подготовленности и обратила внимание на отсутствии у него опыта. В их числе был и М.-А. Кастрен. К. Готлунд, описывая этот инцидент в рекомендательном письме в Санкт-Петербург К. Бэру, заключает, что А. Регули перенёс обиду с тихим достоинством: *«Вы уже осведомлены о том, какое оскорбление получил этот славный юноша здесь, в Гельсингфорсе, со стороны нетерпеливых и мнительных людей. Но благородная и чистая моральная сила господина Регули, а также его бесподобно блестящий талант за это оскорбление получили прекрасное удовлетворение. Вот уже год,*

как после оскорбления он покинул Гельсингфорс... И вот вернулся он к нам в блестящем духовном вооружении... Видели бы Вы Кастрена и всех тех, кто насмехался над юным Регули! В самом деле, они пристыженно слушали доклад венгерского юноши, в котором он сообщал о самых важных своих открытиях... Регули, однако, это поклонение принял как раз с такой же сердечной скромностью, с каким тихим достоинством вынес оскорбление»¹⁷.

Но кто знает, какая разрушительная работа за эти годы могла произойти в сознании Регули, так склонного к саморефлексии, тем более на фоне столь удачно развернувшейся в эти годы научной карьеры М.-А. Кастрена?

А, может быть, А. Регули вовсе не мучился родовыми схватками и не пытался произвести на свет новое детище в разрастающейся семье финно-угорской этнолингвистики? Может быть, он считал свою миссию полностью выполненной, более того — выполненной успешно? Ведь мнение его современника П.С. Савельева тоже не лишено определённой логики: *«Он приехал в Россию пламенным юношей, с утопией, общию для мадьярских учёных, найти здесь непременно первоначальное отечество языка своих предков, а возвратился на родину зрелым филологом, с убеждением, что колыбель языка, спустя тысячу лет, не отыщешь, и что не на это надо употребить время, а на то, чтобы по данным языков определить существующую в настоящее время степень их взаимного родства»¹⁸.*

Бесполезно теперь гадать, по какой причине А. Регули не реализовал с таким трудом полученные материалы в блестящих и масштабных научных выводах, которые от него ждали. Невозможно узнать, было это окончательным отказом от темы финно-угорского родства или только паузой, за которой последовала бы такая работа. Многоточие в ответах на эти вопросы поставила смерть А. Регули, наступившая 23 августа 1858 г.

И потому итоги научной деятельности и вклада в финно-угроведение М.-А. Кастрена и А. Регули, равно как и оценки их личностей как учёных, различны: первый, в отличие от второго, ещё при жизни был назван «героем нации» и навсегда наделён титулом «основоположника сравнительной уралолистики». Относительно него историк науки А.В. Жук недавно совершенно справедливо написал: *«М.-А. Кастрен успел-таки “застолбить” направление, которое... определил ... “древнейшая этнография” — интеграция данных антропологии, материальной культуры и языка в деле воссоздания древних этносов»¹⁹.*

Вернёмся, однако ж, к А. Регули и главному делу его жизни — экспедиции вглубь России. Каковы её результаты?

1. Полевое обследование масштабной территории.

А. Регули стал первым (одновременно с М.-А. Кастреном) масштабным полевым исследователем финно-угорских языков и народов. Ни до, ни после этих исследователей столь крупные экспедиционные этнолингвистические проекты не осуществлялись. Биографы А. Регули подсчитали, что за три года работы в России (1843—1846 гг.) его полевая деятельность охватила 385 тыс. кв. км, а длина его экспедиционных маршрутов достигла почти 30 тыс. км.

Вот подсчёты самого А. Регули:

Направление движения	Расстояние	
	Вёрсты	Немецкие мили
Прессбург (венг. Пожонь, ныне столица Словакии) – Санкт-Петербург		1145
Санкт-Петербург – Псков – Санкт-Петербург	640	91
Санкт-Петербург – Всеволодо-Благодатское	2747	393
Всеволодо-Благодатское – Тобольск	956	137
Тобольск – Пелым	806	116
Окрестности Пельма	460	66
Пелым – устье Сыгвы	900	129
До Малой Сосьвы	550	78
Устье Сыгвы – Обдорск	950	136
До Синьи	650	
Обдорск – Вайгач	920	131
Вайгач – Берёзов	1140	163
До Уссы	680	
Поездки из Берёзова	200	29
Берёзов – Екатеринбург	1525	218
До Лозьвы	740	105
Екатеринбург – Казань	929	133
Казань – Нижний Новгород	398	57
Поездка к мордве	527	76
Нижний Новгород – Казань	398	57
До Цивильска	200	29
Казань – Козьмодемьянск – Ядрин – Санкт-Петербург	1450	207
Санкт-Петербург – Гряфенберг (курорт на территории Силезии)		202

1 верста = 1066,79 м. 1 немецкая миля = 7532,485 м

Регули А. Прделанный маршрут в вёрстах и немецких милях, составленный самим Регули (в 1847 г.) // Календариум. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. — Будапешт: Тинта, 2008. — С. 49—50.

А это далеко не полный перечень населённых пунктов на маршрутах исследователя, составленный по тексту его полевого дневника.

1843

Санкт-Петербург — Новгород — Зайцево — Валдай — Едрово — Вышний Волочек — Медный — Тверь — Городня — Клин — Москва — Покров — Владимир — Вязники — Красносельская — Золино — Нижний Новгород — Исады — Остахино — Ветла — Чебоксары — Свяжск — Казань — Кордован — Янгулово — Малмыж — Кильмезь — Муки-Какси — Сюмси — Дебёсы — Чепецкая — Клёновка — Сосновка — Дубровка — Оханск — Пермь — Усолье — Дедухино — Соликамск — Яйвинское — Чикман — Молчан — Растес — Косьва — Кырья — Павдинское — Спасское — Караульское — Верхотурье — Катинское — Богословск — Рудники — Волчанск — Петропавловск — Всеволодо-Благодатное (он же Заозёрск) —

1844

— Никитинский — Шапша — Петропавловск — Рудники — Верхотурье — Ирбит — Туринск — Табаринская — Ялань — Тараканка — Тобольск — Алымское — Демьянское — Болчарово — Нахрачи — Юмас — Леуши — Сатыга — Шаим — Пелым — Ош-я/Уш-я — Пой-я-павыл — Верхний Пелым — Пегун — Пелым — Кашмаки — Мохтал — Гаринский — Зыково — Пелым — Гаринский — Пономарёва — Верхний Пелым — [путь к Северной Сосьве] — Портах — Иш-павыл — Улепавыл — Хулюм-павылы — Тапсунт / Топс-сунт-павыл — [р. Северная Сосьва, Сыгва] — Сортынья — Ясунт — Хошлог — Сыпыр-я / Щекурья — [путь на Урал (р. Сыня)] — Петы-павыл — Саранпауль — [вдоль р. Маньи] — [р. Сось] — Обдорск — [путь к устью р. Кары и Югорскому проливу и обратно] — Мужы — Берёзов —

1845

— Полноват — Берёзов — Анья — Нёрохи (они же Искарские юрты) — Панкапауль — Всеволодо-Благодатное (он же Заозёрск) — Никитинское — Рудники — Богословка — Верхотурье — Кушва — Серебрянка — [р. Чусовая] — Нижний Тагильск — Гаева — Верхняя Салда — Екатеринбург — Кленовская — Кунгур — Пермь — Ильинск — Кленовская — Дебёсы — Малмыж — Казань — Цивильск — Козьмоде-

мьянск — Нижний Новгород — Богоявленское — Торушево — Ревезень — Итманово — Починки — Лобаски — Кемля — Починки — Тимашево — Синдорово — Краснослободск — Темниково — Арзамас — Нижний Новгород — Васильсúрск — Иша́ки — Цивильск — Казань —

1846

Казань — Свияжск — Цивильск — Казань — Козьмодемьянск — Ядрин — [р. Сура] — Санкт-Петербург.

2. Составление карты Северного Урала и смежных территорий с автохтонной топонимикой.

Самым известным и востребованным результатом поездки А. Регули по России сегодня является «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала» и объяснительная записка к ней (ил. 2). Она была составлена по просьбе руководства Русского Географического общества и с помощью топографов Горного ведомства в 1846 — январе 1847 гг., сразу после возвращения венгерского исследователя из экспедиции, и тогда же оперативно тиражирована литографическим способом²⁰.

А.И. Терюков указывает, что карта состоит из 16 листов и охватывает территорию между 58—70° с.ш. и 72—80° в.д.²¹

Источниками для издания этой карты послужили рукописные наброски. Сколько их было всего, сейчас неизвестно. Восемь набросков карт Регули хранятся в рукописном отделе библиотеки Венгерской академии наук в Будапеште: пять — изображают приречные территории крупных водотоков (Тавды, Конды, Лозьвы, Пелыма, Северной Сосьвы), три — представляют административные образования (Тобольский и Туринский округа). З. Гуйаш — современный исследователь картографического наследия А. Регули — не исключает, «*что могут существовать и другие рукописные наброски карт Регули, место хранения которых в настоящее время не известно*»²².

По картографической номенклатуре эти рукописные наброски карт Регули относятся к классу всего лишь схематических изображений (ил. 3). Тем не менее они чрезвычайно информативны и содержат самые разнообразные ландшафтные и культурные объекты — водоёмы (реки, озёра), болота, горы, дороги, перевалы, населённые пункты (от отдельных построек до городов), некоторые ландшафтные, растительные и административные границы... Иногда указаны и расстояния между объектами.

Ил. 2. «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала» А. Регули. 1846 г.

По заявлению самого А. Регули источниками для его картографической работы были только сведения информаторов из числа местных жителей и его *«собственные наблюдения, сделанные при всех возможных случаях»*²³.

Учитывая научные интересы составителя картографических набросков, понятно его особое внимание к лингвистическим и этнографическим характеристикам отображаемой территории. Например, по мере возможности на набросках указаны границы обитания отдельных этносов, границы распространения экономических зон (земледелия, животноводства, перекочёвок оленеводов). Любопытен критерий А. Регули при отборе этнических поселений для занесения на свои картографические наброски. Руководствуясь принципом о доминанте языка в качестве этномаркирующего признака, он нанёс на бумагу только те поселения, отдельные долговременные жилища и даже временные оленеводческие чумы, обитатели которых общались на национальном языке.

При таком подходе совершенно очевидна особая ценность топонимической составляющей и конечной карты А. Регули, и набросков к ней. Все географические названия были получены непосредственно от местных жителей на их языках — мансийском, хантыйском, ненецком, коми. При отсутствии в то время письменности у этих языков исследователь записывал названия латинскими буквами с использованием различных диакритических знаков. Нередко один и тот же географический объект имел сразу несколько названий, включая и русское. В таком случае А. Регули фиксировал все варианты.

Значение картографического материала А. Регули трудно переоценить. При всей простоте формы они оказались уникальными по содержанию — их составитель оказался в нужное время в нужном месте.

Во-первых, эти материалы содержат бесценный материал по этнографии народов Северного Урала и прилегающих районов Приуралья и Зауралья на сер. XIX в., прежде всего — границы расселения коми-зырян, ненцев, хантов и манси (они чрезвычайно важны для понимания эволюции сложных межэтнических отношений в регионе, протекавших после отъезда А. Регули); маршруты перекочёвок оленеводов; механизмы наделения и перераспределения пастбищных, рыболовных и охотничьих угодий.

Во-вторых, топонимы важны для лингвистических исследований в области формирования и развития современных обско-угорских, ненецких и коми языков, поскольку зафиксировали автохтонную лек-

сику на сер. XIX в. — почти за столетие до разработки письменности для указанных языков и появления первых графически оформленных словоформ.

В-третьих, результаты картографической работы А. Регули при выстраивании их в один ряд с предшествовавшими и последующими аналогичными материалами XVIII—XXI вв. позволяют проследить процесс формирования и эволюции топонимической системы северной части Урало-Западносибирского региона. Для примера можно взять историю названия самой высокой вершины Северного Урала, расположенной в Берёзовском р-не ХМАО — Югры на границе с территорией Республики Коми (1895 м). А. Регули отобразил эту точку на своей карте и привёл её мансийский по истокам топоним *Поэу-Ур / Поэнг-Ур* — «Гора, [у которой] Шапка Видится Высокой» / «Высшая Гора» / «Главная Вершина». Однако в 1927 г. здесь работал отряд Северо-Уральской экспедиции Уралплана и Академии наук. Геодезист С. Янченко инструментально доказал высотный приоритет этой горы, который манси установили давным-давно и без приборов, а начальник отряда А.Н. Алешков картографически утвердил этот факт, но уже под другим названием — гора Народная. С тех пор среди картографов и туристов не затихает спор, где автор нового названия предполагал ставить ударение: если *Нáродная*, то это будет от протекающей вблизи реки с коми топонимом *Нáрода / Нáрода-Из*; если *Нарóдная*, то топонимообразующей основой надо признать слово «народ»²⁴. Таких примеров замены автохтонной топонимики более поздней и преимущественно русскоязычной очень много. Практически исследователи России и Венгрии только приступают к разработке топонимического наследия А. Регули.

В-четвёртых, подробные (мелкомасштабные и микротопонимические) картографические наброски А. Регули значительно облегчили продвижение и полевые изыскания других исследователей, работавших после него в тех же районах. П. Хунфалви — венгерский лингвист и биограф А. Регули — очень точно и удачно назвал их путеводителями²⁵.

3. Формирование коллекций (этнографических, археологических, антропологических, минералогических) в музеях России и Венгрии.

По нынешним меркам объём музейного собрания А. Регули невелик — всего-то 92 ед. Известны куда как более крупные приобретения других этнографических экспедиций — и беднее по финансированию, и короче

по срокам, и уже по территории обследования. Но не количественными показателями и даже не качественными характеристиками предметов в данном случае определяется ценность приобретения. Предоставим слово венгерским музееведам:

И. Балашша (1954): «Значение коллекции Регули по отношению к Венгрии заключается в том, что она является первой систематически собранной этнографической коллекцией, послужившей основой созданного позже (в 1872 г.) Венгерского Этнографического музея»²⁶;

А. Кережи (2013 г.): А. Регули «был первым венгерским учёным, который наряду с научно-исследовательской деятельностью среди финно-угорских народов по мере возможности собирал этнографические предметы от местного населения», а «отправленное Регули в Венгрию собрание... в своё время было уникальным в Европе»²⁷.

Вот так: именно А. Регули принадлежит честь быть основателем фондового собрания современного Этнографического музея Венгрии.

Сформированные им на российских просторах коллекции поступили в Венгерскую академию наук в Будапешт в 1847 г. 8 ноября указанного года на заседании Венгерской академии наук было кратко доложено о результатах экспедиции Регули и представлена выставка из собранных им этнографических предметов.

В публикациях о судьбе музейного собрания А. Регули трудно найти непротиворечивые статистические сведения. Виной тому несовершенство условий хранения и учёта музейных фондов, которое во всём мире является родимым пятном музейной деятельности и особенно было распространено на заре музейного строительства — в XIX в.

Вот сводная таблица привезённых А. Регули материалов из публикации Я. Кодолани:

1	Лапландия	Мужские сапоги, которые носил сам Регули
2	Лапландия	Зимние рукавицы, которые носил сам Регули
3	Лапландия	Мужская верхняя одежда, которую носил сам Регули
4	Финляндия	Пряжка крестьянской женской рубашки
5	Самоеды и вогулы	Мужская верхняя одежда, шуба
6	Самоеды и вогулы	Женская верхняя одежда без подкладки, с капюшоном
7	Самоеды и вогулы	Женская верхняя одежда с меховой подкладкой, впереди открытая
8	Самоеды и вогулы	Женские чулки (соболь?)
9	Самоеды и вогулы	Женские сапоги, меховые, ярко-цветные
10	Самоеды	Мужская кукла из Мезенской волости Архангельской губернии
11	Самоеды	Женская кукла из Мезенской волости Архангельской губернии
12	Вогулы	Макет зимней избушки деревянный

13	Вогулы	Макет лесного амбара деревянный; стоит на деревянных опорах, чтобы не мог забраться медведь; лестницу хранят обычно под амбаром
14	Найдено на вогульской земле, на Оби, близ Берёзова	Металлическое изображение медведя
15	Вогулы	Куски керамической посуды, найденные на остатках крепости (в настоящее время такой посудой не пользуются)
16	Вогулы и остяки	Макет саней для собачьей упряжки (нарта)
17	Вогулы	Макет ручных саней, которыми пользуются около избушки
18	Вогулы и остяки	Макет лыж
19	Вогулы	Макет лука с двумя стрелами (один с тупым наконечником, второй – с двурогим)
20	Вогулы	Макет маленького лука
21	Вогулы и остяки	Макет рыболовной снасти (мансийское название – <i>култнап</i> , русское – <i>калдан</i>)
22	Вогулы	Колчан из звериной шкуры
23	Вогулы	Стрела с тупым наконечником для охоты на белок
24	Вогулы	То же
25	Вогулы	То же
26	Вогулы	То же, только с приострэнным наконечником
27	Вогулы	То же, на птиц и дичь
28	Вогулы	То же, только с приострэнным железным наконечником
29	Вогулы	Стрела с железным наконечником на уток
30	Вогулы	То же
31	Вогулы	Стрела с заострэнным двурогим железным кончиком на водоплавающих птиц
32	Вогулы	Стрела с двурогим наконечником на лис
33	Вогулы	Стрела с крепким приострэнным наконечником на медведя, оленя и других крупных животных
34	Вогулы	Стрела самострела с двурогим наконечником на крупных животных
35	Вогулы	То же, только не с двурогим наконечником
36	Вогулы	Двурогий железный наконечник стрелы
37	Вогулы	Маленькая пластина на большой палец для его предохранения во время стрельбы из лука
38	Вогулы	Вогнутый струг для изготовления лука
39	Вогулы	Национальная лютя, название – <i>сангур</i>
40	Вогулы и остяки	Крапивные вычески [результат первого этапа обработки между вычесанным растением и изготовлением нитей – <i>З.Н.</i>] с Оби
41	Вогулы и остяки	19 разных старинных вещей, которые обнаруживаются в чудских могилах в Сибири
42	Остяки	Семейный идол с устья Иртыша
43	Остяки	Женская крапивная рубаха с Оби, ниже устья Иртыша
44	Остяки	То же, богато вышитая
45	Остяки	То же, украшенная широкими бисерными полосами
46	Вогулы и остяки	Цветные женские платки с узорчатыми углами
47	Вогулы и остяки	То же, только с бахромой по кромке; платок получен в качестве обмена на ярмарке
48	Остяки	Нагрудник, который украшает отверстие женской рубашки
49	Остяки	Ожерелье
50	Остяки	То же (другой женщины)
51	Остяки	Женская обувь, украшенная бисером

52	Остяки	То же, с завязками (№ 42–52 – с устья Иртыша)
53	Мордва	Женская рубашка от женщины из племени мокша из Тамбовской губернии
54	Мордва	Женская рубашка от женщины из племени эрзя из Нижегородской губернии (купил за золото)
55	Мордва	То же, простая, с синей лентой
56	Мордва	Платье
57	Мордва	Пояс для платья
58	Мордва	Женский «задний фартук»
59	Мордва	Чепец от женщины из племени эрзя
60	Мордва	Украшенный чепец от женщины из племени мокша
61	Мордва	Женское кольцо, на котором висит медная гребёнка, из Нижегородской губернии
62	Мордва	Женское ожерелье, на котором висит крест
63	Мордва	То же, с амулетом
64	Мордва	Женское ожерелье из той же губернии
65	Мордва	То же, простое
66	Мордва	Женское нагрудное украшение с подвесками
67	Мордва	Застёжка женской рубашки
68	Мордва	Украшение из волостного города Починка
69	Черемисы	Мужская кукла из Царевококшайской волости Казанской губернии
70	Черемисы	Женская кукла оттуда же
71	Черемисы	Макет летного жилия из Казанской губернии
72	Черемисы	Макет амбара из Казанской губернии
73	Башкиры	Лук
74	Башкиры	То же
75	Татары	Ремень
76	Татары	Женские чулки из Казанской губернии
77	Русские	Макет полевого жилия
78		Водяной воробей с Урала
79		
80		2 черепа человека
81		
82		
83		Остеологический предмет
84		То же
85		То же
86		То же
87		То же
88		Ящик с северными камнями, минералами
89		То же
90		«1 вогульская монета» [может быть, монетовидная подвеска, жетон? – Я.Я.]
91		«1 болгарская монета» [может быть, монетовидная подвеска, жетон? – Я.Я.]
92		Ящик с четырьмя скелетами животных

По: Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 283–285. / Кодолани (млад.) Я. Этнографические сборы Антала

Регули // Этнографического бюллетень. — Будапешт, 1959. — С. 283—285. Перевод табл. специально для этой публикации выполнил Золтан Н. — доктор философии; проф.; заведующий кафедрой этнографии и культурной антропологии университета г. Печ (Венгрия)

Судя по этой и другим публикациям, исследователь привёз с собой и передал в Национальный музей 92 ед. предметного ряда. Они были распределены по трём отделам: самая большая часть (72 ед.) — в этнографический отдел, остальные 20 ед. — в отделы археологии и естествознания. Этнографическая коллекция была сформирована преимущественно у обских угров и ненцев (46 ед.), мордвы (16 ед.) и марийцев (4 ед.).

Этой же коллекции — самой многочисленной и самой привлекательной — и не повезло больше, чем остальным. В 1870-х гг. из Национального музея её передали во вновь образованный Этнографический музей, где, как уже было сказано выше, она стала началом фондового накопления. Но статус «первой» не определил бережного к ней отношения. И. Балашша — первый публикатор этого собрания — писал в своё время: *«Попав в Национальный музей, а затем в Этнографический музей, материал, собранный Анталом Регули, подвергся многим испытаниям...»*²⁸. В наши дни ему вторит А. Кережи, утверждающая, что коллекция по каким-то причинам *«находилась без присмотра в течение многих десятилетий. Она не попала в хранилище экспонатов, в своё время не была проведена её инвентаризация, и коллекция лежала в коробках в коридорах...»*²⁹.

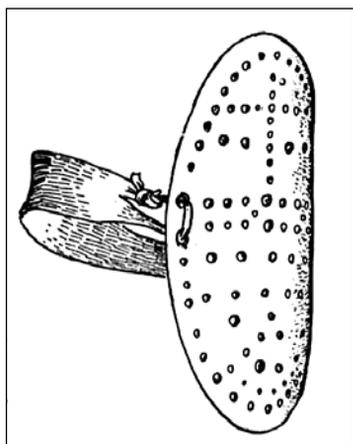
При таком отношении утраты были неизбежны. Через 43 года после передачи материалов на музейное хранение, в 1890 г., когда Карой Папаи (1861—1893) обратился к ним, они уже находились в достаточно плачевном состоянии. В частности, были списаны и сожжены меховые изделия, заражённые молью. Ещё через десятилетие, в 1900 г. Регулиевским музейным собранием заинтересовался Янош Янко (1868—1902). Ему удалось найти ещё несколько вещей из привезённых А. Регули, но зарегистрированных в других отделах музея и не обнаруженных прежде К. Папаи. Однако общее их число уже всё равно было менее 72. Вдобавок обнаружилось, что в собрание А. Регули в музее инвентаризировали предметы совершенно другого происхождения.

В настоящее время, по заключению А. Кережи, в этнографической коллекции под именем Регули числится 58 ед., однако только 49 из них были доставлены указанным исследователем, а остальные 9 были включены в собрание ошибочно уже в музее³⁰.

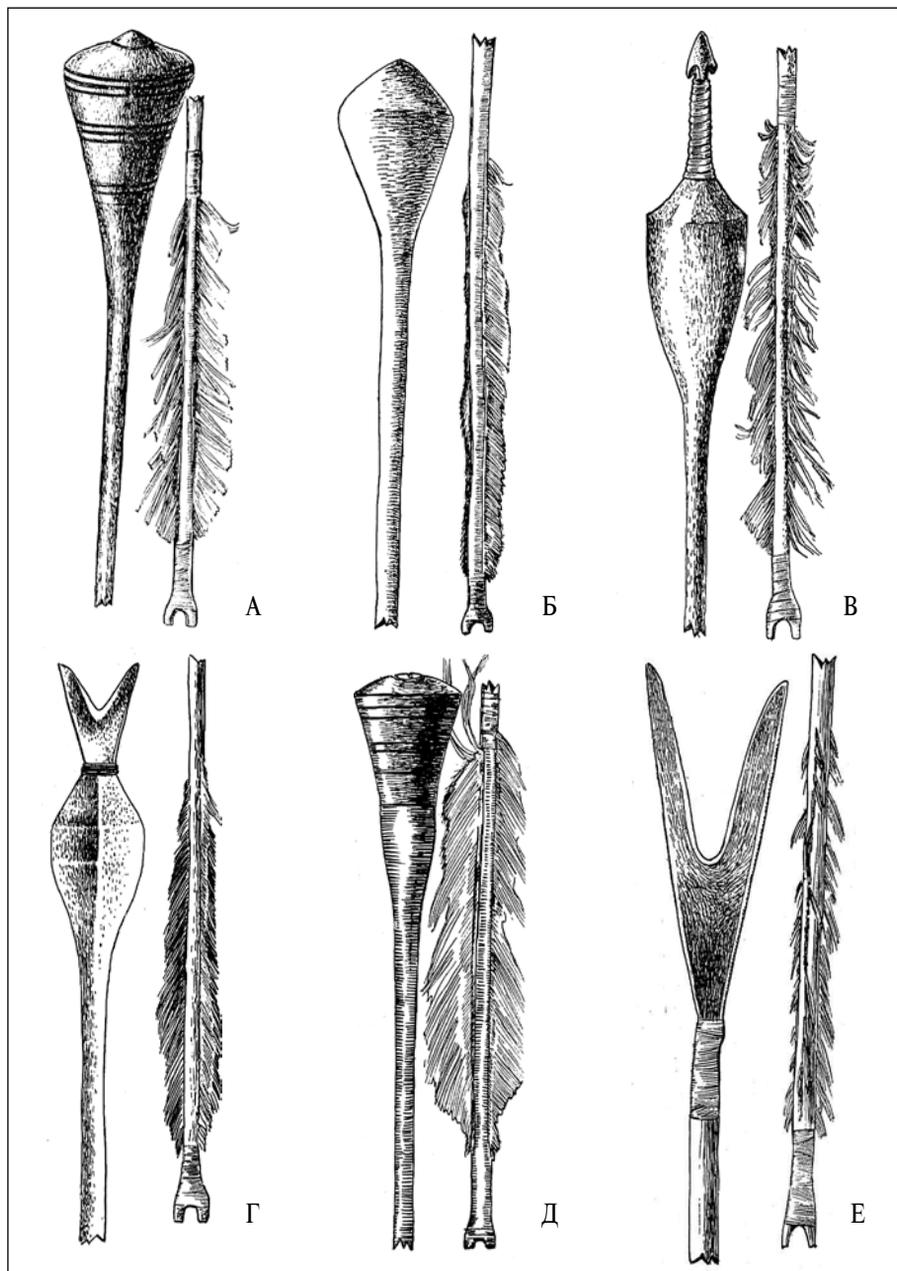
Современное техническое состояние коллекции А. Кережи оценивает так: «Лучше всего сохранились предметы из дерева, большая часть которых связана с охотой, а именно стрелы. Среди таких внесённых в список Регули стрел отсутствуют образцы двух бакирских стрел и мансийская стрела. Много отсутствующих предметов среди элементов одежды, например женские рубахи, ювелирные украшения и текстильные изделия, дополняющие одежду. Не хватает в коллекции двух мансийских женских платков... Отсутствуют также застёжка мордовской рубахи, татарский пояс, одна пара татарских женских чулок. Полностью были уничтожены меховые детали одежды.

Ритуальные предметы из собрания А. Регули также почти полностью погибли. К ним относятся мужская и женская фигура, полученные от живущих в Мезенском уезде Архангельской губернии ненцев, идол с устья реки Обь, а также мужская и женская фигуры из Царевококшайского уезда Казанской губернии»³¹.

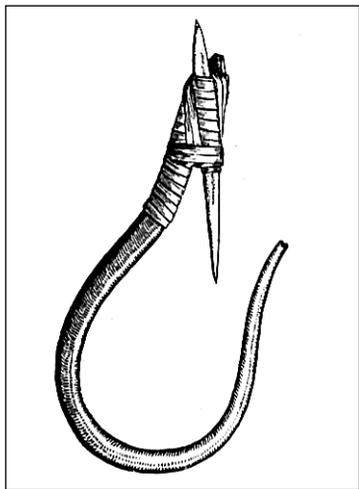
Необходимо отметить продуманность программы комплектования этнографической коллекции исследователем. Предметами материальной культуры он пытался как можно более полно представить все сферы жизнедеятельности исследуемого этноса — охоту (ил. 4, 5), рыболовство (ил. 6), ремесло, средства передвижения, быт (ил. 7—15), музыку, религию... Понимая невозможность транспортировки крупноформатных предметов, он заказывает их миниатюрные копии (модели) — это было модным и распространённым в то время приёмом музейного экспонирования. Таким путём в собрании появились модели построек разного типа (ил. 16), средств передвижения (саней — ил. 17; лыж), оружия (лука), орудий труда (рыболовная ловушка — ил. 18).

Ил. 4. Костяной щиток для защиты пальца при стрельбе из лука. Этнографический музей (г. Будапешт). По: Kodolányi J. *Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő*. – Budapest, 1959. – S. 289. Ab. 7). А. Кережи считает, что он принадлежал северным хантам (Кережи А. *Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник. К юбилею Е.А. Алексеенко*. – СПб., 2010. – С. 285), а Я. Кодолани относит его к мансийским предметам

Ил. 5. Охотничьи стрелы. Манси р. Северной Сосьвы. Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 288–289. Ab. 1–6*

Ил. 6. Рыболовный крючок. Марийцы (более детальная привязка неизвестна). Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárggyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 301. Ab. 34*

Была сформирована и небольшая археологическая коллекция, в которую вошли:

- фрагменты керамики с какого-то из городищ (Регули особо оговорил, что «*в настоящее время такой посудой не пользуются*»);
- бронзовая или медная фигурка медведя из ареала проживания манси неподалеку от Берёзова;
- «*19 разных старинных вещей, которые обнаруживаются в чудских могилах в Сибири*».

Можно предположить, что последние 20 находок или хотя бы часть их представляли собою образцы урало-западносибирской художественной металлопластики раннего железного века и Средневековья. А вот что скрывается под описаниями «*1 вогульская монета*» и «*1 болгарская монета*» — догадаться сложно. Возможно, речь идёт о монетовидных подвесках или жетонах — распространённых находках из средневековых могил, часто разрушаемых осыпью берегов. Археологическая коллекция осталась в Национальном музее.

А небольшая коллекция животного и минералогического происхождения, как и этнографическая коллекция, из Национального музея Венгрии была изъята — на этот раз в Музей естественных наук Венгрии.

Труднее проследить судьбу антропологической коллекции. В описании музейного собрания под № 80 указаны два человеческих черепа, которые, скорее всего, были переданы учёному в Богословске горным директором Протасовым. Но куда подевался череп из Лапландии? Куда были переданы гипсовые слепки с голов, из-за которых А. Регули едва не лишился жизни? (В марте 1844 г. исследователь сделал не-

сколько гипсовых масок, и после этого среди манси распространились слухи, что он сложил в коробки человеческие головы, покрытые гипсом. Пьяные женщины из юрт Пой-я-павыл начали угрожать незваному гостю ножами и успокоились только тогда, когда их мужья вернулись с промысла в целостности и сохранности³²).

А. Кережи предполагает, «*что большая часть антропологического материала, собранного им во время поездок, попала в Кунсткамеру (Санкт-Петербург)*»³³. Эта мысль не лишена оснований. Своеобразным корпоративным обременением для иностранцев, работавших на территории Российской империи, была «просьба, в которой трудно отказать» — оставлять часть полученных предметов для российских музеев. Никакого административного произвола или некоей своеобразной таможенной пошлины за «вывоз культурных ценностей» никто в подобном положении вещей не усматривал. Всё строилось на дружеско-корпоративных связях и товарно-денежных отношениях: если иностранец получал материальное вспомоществование от российских спонсоров и административную поддержку от местных чиновников, то он считал своей обязанностью рассчитаться за это своим вкладом в российские музеи. А в отдельных случаях российские научные учреждения, прежде всего Академия наук, напрямую финансировали иностранных исследователей «с целевым назначением» на закупку музейных предметов для отечественных музеев. Тот же М.-А. Кастрен, работавший, как уже говорилось, в Сибири одновременно с А. Регули, комплектовал сразу две этнографические коллекции: одну — для Музея Хельсинкского университета, другую, по просьбе Русского Географического общества, — для Кунсткамеры. В первой оказалось 29 ед., а во второй — 43³⁴!

Из переписки А. Регули с К. Бэрром известно, что в январе 1844 г. санкт-петербургский покровитель обращался к исследователю с просьбой купить образцы северной одежды, обещая возместить затраты, и последний предпринимал определённые действия для формирования этнографической коллекции для Императорской академии наук.

Поэтому нужно согласиться с мнением А. Кережи: «*Часть собранного Регули этнографического материала, безусловно, можно найти в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук*»³⁵. А, говоря о заслугах А. Регули, необходимо отметить его роль в формировании не только музейного фонда Венгрии, но и музейного фонда России.

Ил. 7. Женское платье. Этнографический музей (г. Будапешт). По: Керези А. *Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник. К юбилею Е.А. Алексеенко.* – СПб., 2010. – С. 278–279. Рис. 2

Точное место приобретения трёх хантыйских платьев в коллекции А. Регули неизвестно. Венгерский исследователь Я. Кодолани указывает местом их происхождения район р. Оби «ниже устья Иртыша» (*Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értésítő.* – Budapest, 1959. – S. 284). Его соотечественник И. Балашша переносит это место с р. Оби на р. Иртыш – в с. Самарово, расположенное на правом иртышском берегу в 20 км от устья (*Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845 // Néprajzi Értésítő.* – Budapest, 1954. – S. 64). Третью территорию предлагает А. Керези. Она, как и Балашша, пишет, что А. Регули получил платье «от жителей устья реки Иртыш», однако уточняет: поскольку в самом устье Иртыша исследователь не был, и минимально удалённой от этого участка точкой его маршрута была р. Конда, то и платья, скорее всего, принадлежат кондинским хантам (*Керези А. Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник. К юбилею Е.А. Алексеенко.* – СПб., 2010. – С. 278)

Ил. 8. Женское платье. Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845 // Néprajzi Értesítő. – Budapesht, 1954. – Tabl. VII. Ab. 17*

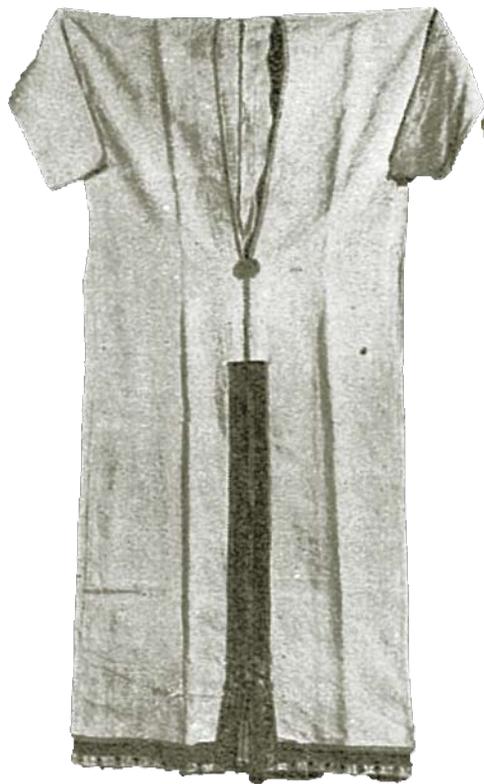

А

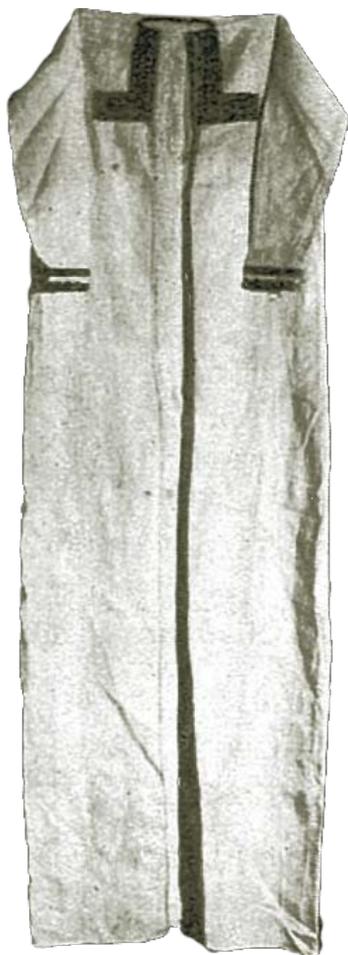
Б

Ил. 9. Женское платье из крапивной ткани (полное и фрагмент художественной отделки). Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845 // Néprajzi Értesítő. – Budapesht, 1954. – Tabl. VIII. Ab. 18*

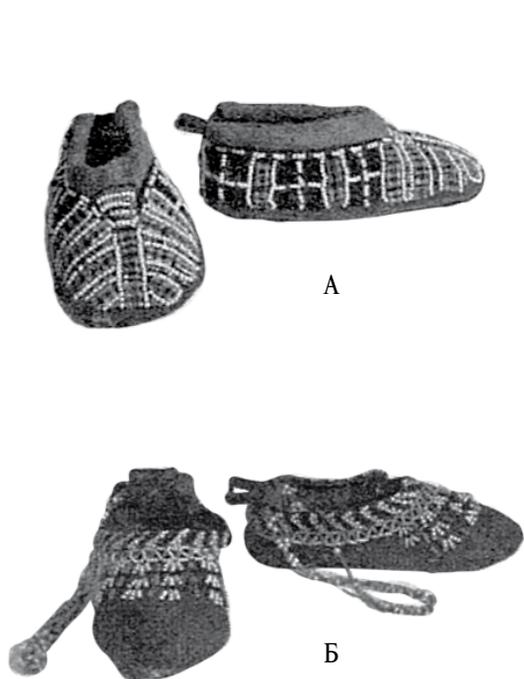
Ил. 10. Женская рубашка. Мордва-эря из Нижегородской губернии. Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 289, 294–295. Ab. 22*

Ил. 11. Женская рубашка. Мордва-эря (более детальная привязка неизвестна). Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 289. Ab. 23*

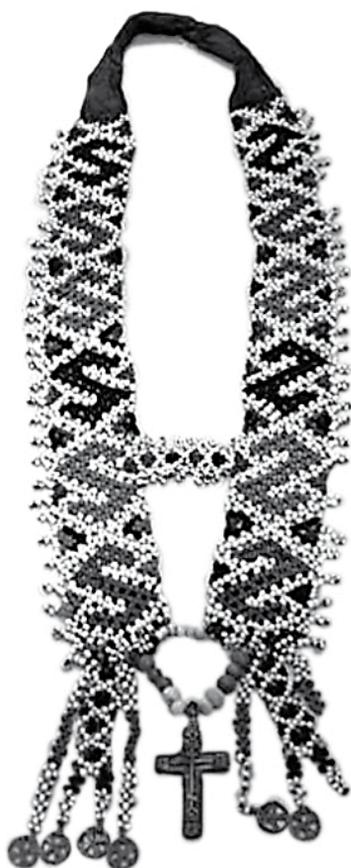

Ил. 12. Женское платье. Мордва-эрзя (более детальная привязка неизвестна). Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Kodolányi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értésítő. – Budapest, 1959. – S. 297. Ab. 24*

Ил. 13. Женское платье. Мордва-мокша (более детальная привязка неизвестна). Этнографический музей (г. Будапешт). По: *Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845 // Néprajzi Értésítő. – Budapest, 1954. – Tabl. IX*

Ил. 14. Женская обувь из кожи, украшенная бисером. Этнографический музей (г. Будапешт). По: Kodolányi J. *Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értésítő. – Budapest, 1959. – S. 285, 295. Ab. 17, 18. А. Кережи (Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник. К юбилею Е.А. Алексеенко. – СПб., 2010. – С. 280) и Я. Кодолани пишут, что А. Регули указал местом приобретения этих предметов устье р. Иртыша. Но поскольку в самом устье он не был, и минимально удалённой от этого участка точкой его маршрута была р. Конда, А. Кережи предположила, что обувь принадлежит кондинским хантам.*

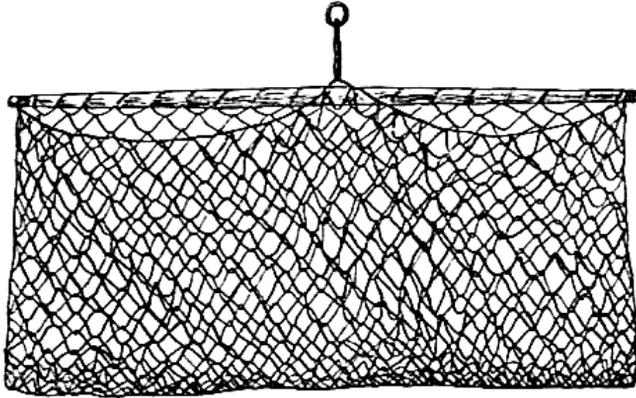
Ил. 15. Бисерное ожерелье. Этнографический музей (г. Будапешт). По: Кережи А. *Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник. К юбилею Е.А. Алексеенко. – СПб., 2010. – С. 279–280. Рис. 3А. Кережи пишет, что А. Регули указал местом приобретения этого предмета устье р. Иртыша. Но поскольку в самом устье он не был, и минимально удалённой от этого участка точкой его маршрута была р. Конда, А. Кережи предположила, что ожерелье принадлежит кондинским хантам.*

Ил. 16. Зимняя жилая постройка. Пелымские манси. Макет, выполненный Василием Никитичем Бахтиаровым во Всеволодо-Благодатском. Этнографический музей (г. Будапешт)

Ил. 17. Ручные сани (нарта). Пелымские манси. Макет, выполненный Василием Никитичем Бахтиаровым во Всеволодо-Благодатском. Этнографический музей (г. Будапешт)

Ил. 18. Рыболовная снасть (калданная сеть). Макет. Манси р. Северной Сосьвы. Этнографический музей (г. Будапешт). По: Kodolányi J. *Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 291. Ab. 9*

4. Сбор обширного полевого материала — формирование объёмной и разнообразной источниковой базы для финно-угроведов Венгрии.

Это, пожалуй, самое главное в научном наследии венгерского первопроходца. Десятки печатных листов записанных им языковых и фольклорных текстов (есть данные о 107,5 печатных листах только хантыйского материала³⁶) и шесть привезённых в Будапешт ящиков музейных предметов стали тем источником, из которого вот уже полтора века черпают информацию финно-угроведы Венгрии. А проложенный им 30000-километровый путь, его сложнейший маршрут по всем «ветвям финского племени», поначалу даже его информаторы и проводники — всё это было и до сих пор остаётся стрелкой компаса для нескольких поколений венгерских учёных-гуманитариев. А. Регули подобен ледоколу в северных морях, который сам не везёт груз, но именно он прокладывает дорогу в ледяной целине грузовым судам.

Привезённые от российских финно-угров материалы не пропали втуне, с ними работали многие учёные. З. Надь: «В расшифровке и издании оставленного А. Регули наследия участвовали несколько поколений»³⁷. А.Е. Загребин: «Лишь кропотливый труд нескольких поколений комментаторов и интерпретаторов позволил сделать его материалы достоянием науки»³⁸.

Венгры Пал Хунфалви (1810—1891) и Бернат Мункачи (1860—1937) внесли в сокровищницу мировой культуры богатейшее мансийское устно-поэтическое творчество. Последний вместе с Кароем Папаи в

1888—1889 гг. предпринял собственную поездку по маршруту А. Регули с целью раскодировки и перевода на венгерский язык записанных там южномансийских текстов. Разумеется, исследователи не только работали с текстами своего именитого предшественника, но и записывали собственные³⁹. Итогом стало вышедшее в Венгрии 4-томное издание «Собрание вогульской народной поэзии» — сборника записанного А. Регули и Б. Мункачи мансийского фольклора на мансийском и венгерском языках. В 2007—2019 гг. Югорским университетом (г. Ханты-Мансийск) был осуществлён масштабный проект «Именитые богатыри Обского края»: 2-й том «Собрания вогульской народной поэзии» был переведён на русский язык и опубликован в четырёх книгах на мансийском, венгерском и русском языках⁴⁰. Круг замкнулся: мифологизированная история обских угров пусть и не напрямую, а сложным путём через дунайских угров, но вернулась к правнукам тех, кто рассказывал её А. Регули и Б. Мункачи почти два столетия назад.

В 1897—1898 гг. состоялась ещё одна венгерская экспедиция к российским финно-угорским народам. В её состав вошли меценат граф Йене Зичи и исследователи Янош Янко и Йозеф Папаи (1873—1931). Они прошли маршрутом А. Регули вплоть до Берёзова и Обдорска. Задачи были сходны с задачами венгерской экспедиции десятилетней давности — истолковать некоторые героические песни, записанные А. Регули, и пополнить фонд Венгерской академии наук новыми образцами устно-поэтического творчества обских угров (на этот раз — хантов). В 1905 г. Й. Папаи опубликовал свой сборник хантыйской народной поэзии⁴¹.

Чувашскими и марийскими материалами, привезёнными А. Регули, занимался Иосиф Буденц (1836—1892). Он был активным участником «угро-тюркской войны» — так в шутку называли нешуточную дискуссию в венгерском обществе XIX в., когда одни отстаивали финно-угорское, а другие тюркское происхождение венгерской народности. И. Буденц сначала «воевал» на тюркской стороне, но именно материалы А. Регули сделали его «перебежчиком»: он оставил лагерь сторонников венгеро-тюркского языкового родства и в 1862—1863 гг. написал «Очерки исследований по чувашскому языку», в которых блестяще обосновал финно-угорское происхождение венгерского языка⁴².

Этнографическое наследие А. Регули сделали предметом своего изучения венгерские исследователи Иван Балашша⁴³, Янош Кодолани⁴⁴, Агнеш Керези⁴⁵, чьи работы неоднократно цитировались выше.

Финский лингвист и этнограф Юха Арттури Каннисто (1874—1943) в своей долгой пятилетней (1901—1906 гг.) экспедиции к манси тоже

учитывал итоги деятельности в этой теме А. Регули и его последователей.

Работа по изучению материалов А. Регули продолжается и в настоящее время. Из последних работ можно назвать публикацию 2015 г. россиянки Т.Н. Дмитриевой⁴⁶ о топонимии р. Пельма на набросках карт А. Регули и защиту в 2017 г. венгром Золтаном Гуйашем диссертации по теме «Картографические работы Антала Регули»⁴⁷.

Нет сомнения, что эта работа будет продолжаться и дальше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Надь З. В поисках родных среди чужих. Венгерские исследователи в России в период Австро-Венгрии // Ежегодник финно-угорских исслед. — Ижевск, 2017. — Т. 11, № 4. — С. 139—148. — (С. 142).

² Цит. по: [Шесталов] Юван. Регули // Шаманские тайны откровения слова «Русь». — Ханты-Мансийск: Б.и., 2011. — С. 83—164. — (С. 87).

³ Цит. по: Терюков А.И. Антал Регули: между Западом и Востоком в поисках прародины венгров // Вестн. Томского гос. ун-та. История. — Томск, 2016. — № 5. — С. 118—122. — (С. 119).

⁴ Цит. по: Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сб. К юбилею Е.А. Алексеевко. — СПб., 2010. — С. 268—294. — (С. 271).

⁵ Цит. по: Загребин А.Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2013. — № 2(39). — С. 16—24. — (С. 16—17).

⁶ [Шесталов] Юван. Регули... — С. 92, 93.

⁷ Загребин А.Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии... — С. 17.

⁸ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 288.

⁹ Загребин А.Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии... — С. 18.

¹⁰ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 288—289.

¹¹ Терюков А.И. Антал Регули: между Западом и Востоком... — С. 120.

¹² Календариум. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. — Будапешт: Тинта, 2008. — 80 с. — (С. 20, 21, 47 и др.).

¹³ Календариум... — С. 18, 25, 30.

¹⁴ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 289.

¹⁵ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 289.

¹⁶ Календариум... — С. 21, 25.

¹⁷ Цит. по: [Шесталов] Юван. Регули... — С. 105—106.

¹⁸ Цит. по: Терюков А.И. Антал Регули: между Западом и Востоком... — С. 120.

¹⁹ Жук А.В. М.-А. Кастрен и А.Ф. Миддендорф: из истории русской науки 1840-х гг. // Вестн. Омского ун-та. Сер. «Исторические науки». — Омск, 2015. — № 2. — С. 148—167.

²⁰ Reguly Antal Észak-Ural térképe (1846) / Stegena Lajos [ред.]. — Budanesht: Studia Cartologica, 1983. (Térképtudományi Tanulmányok, 9 Kötet). — S. 3—22. / Карта Северного Урала Антала Регули (1846) / Штегена Лайош [ред.]. — Будапешт: изд-во «Картография», 1983 г. (Сер.: Картографические исследования. Т. 9). — С. 3—22.

- ²¹ Терюков А.И. Антал Регули: между Западом и Востоком... — С. 120.
- ²² Гуйаш З. Современная обработка уральских карт Антала Регули // Уральский следопыт. — Екатеринбург, 2018. — № 11. — С. 10–13. — (С. 12).
- ²³ Цит. по: Терюков А.И. Антал Регули: между Западом и Востоком... — С. 120.
- ²⁴ Карелин В.Г. Поэнг-Ур — высшая уральская гора. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2016. — 80 с.
- ²⁵ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 288.
- ²⁶ Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845 // Néprajzi Értesítő. — Budapest, 1954. — S. 47–64. — (S. 64) / Балашша И. Этнографические коллекции Антала Регули в 1840–1845 гг. // Этнографический вестник. — Будапешт, 1954. — С. 47–64. — (С. 64).
- ²⁷ Кережи А. Экспонаты материальной культуры мокши и эрзи в финно-угорской коллекции Антала Регули // Финно-угорский мир. — Саранск, 2013. — № 2. — С. 21–22. — (С. 21).
- ²⁸ Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845... — С. 64.
- ²⁹ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 291–292.
- ³⁰ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 292.
- ³¹ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 292–293.
- ³² Календарии... — С. 24; Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 280.
- ³³ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 290.
- ³⁴ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 290.
- ³⁵ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 291.
- ³⁶ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули... — С. 285.
- ³⁷ Надь З. Карой Папай: венгерский исследователь на территории Томской области // Тр. Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова: Матлы и итоги полевых исследований. — Томск: Ветер, 2012. Т. XVII. — С. 187–215. — (С. 190).
- ³⁸ Цит. по: Загребин А.Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии... — С. 18.
- ³⁹ Секей Г.Б. Экспедиции к ивдельским манси // Вопросы ономастики. — Екатеринбург, 2012. — № 1 (12). — С. 95–101.
- ⁴⁰ Именитые богатыри обского края: на материале 2-го тома «Собрания вогульской народной поэзии» Берната Мункачи. Кн. 1. — Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр ЮГУ, 2010. — 149 с.; Именитые богатыри обского края: на материале II тома «Собрания вогульской народной поэзии» Берната Мункачи. Кн. 2. — Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. — 170 с.; Именитые богатыри обского края: на материале II тома «Собрания вогульской народной поэзии» Берната Мункачи. Кн. 3. — Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. — 204 с.; Именитые богатыри обского края: на материале II тома «Собрания вогульской народной поэзии» Берната Мункачи. Кн. 4. — Тюмень: Формат, 2018. — 214 с.
- ⁴¹ Papay J. Nyelvészeti tanulmányutam az északi-oaztjások földjén. — Budapest, 1905 / Папай Й. Остяцкое устное народное творчество. — Будапешт, 1905.
- ⁴² Budenz J. Czuvás közlesek es tanulmányok. — NYK, Pesten, 1862 (Т. I, II), 1863 (Т. III) / Буденц И. Очерки исследований по чувашскому языку. — 1862 (Т. I, II), 1863 (Т. III).
- ⁴³ Balassa I. Reguly Antal néprajzi gyűjteménye 1840–1845...

⁴⁴ Kodolanyi J. Reguly Antal néprajzi tárgy-gyűjteménye // Néprajzi Értesítő. – Budapest, 1959. – S. 283–302. / Кодолани (млад.) Я. Этнографические сборы Антала Регули // Этнографического бюллетень. – Будапешт, 1959. – С. 283–302.

⁴⁵ Кережи А. Этнографическая деятельность Антала Регули...

⁴⁶ Дмитриева Т.Н. Топонимия реки Пелым на рукописных картах А. Регули 1844–1845 гг. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 96–99.

⁴⁷ Гуйаш З. Современная обработка уральских карт Антала Регули...

**Antal Regla (Reguli) in Russia: Beginning of Finno-Ugric Studies
(devoted to the 200th anniversary of the birth)**

J.A. Jakovlev

Khanty-Mansiysk

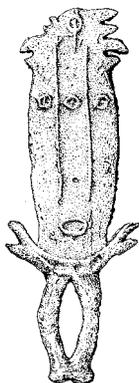
Ethnographic outdoor museum «Torum Maa»

Abstract. In 2019 it is celebrated the 200th anniversary of the birth of a hungarian scientist Regla (Reguli) who in search of the historical ancestral homeland of his people in 1843–1846 led a large ethno-linguistic expedition among the Finno-Ugric population of Russia in the Volga region, in the Northern Urals and in the North-Western Siberia. The researcher' merit is the formation of a great volume of linguisttic, ethnographic and historical sources. which for 2 centuries served and still serve as a basis for the hungarian scientists working in the sphere of Finno-Ugric problems.

Keywords. A. Regla (Reguli), M.-A.Castren, Finno-Ugric studies, mapping, toponymy, anthropology, Ob' Ugrians, khanty, mansi, Volga, Finno-Ugrians, mordva, mari, Urals, Western Siberia, Hungary, Budapest museums.

E-mail. JakovJakovlev@mail.ru

**Интерес, пронесённый через жизнь
(к 55-летию со дня рождения
А.Н. Кондрашёва)**

Аннотация. Статья посвящена 55-летию со дня рождения А.Н. Кондрашёва — одного из основателей системы сохранения культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и нынешнего руководителя окружной Службы государственной охраны объектов культурного наследия.

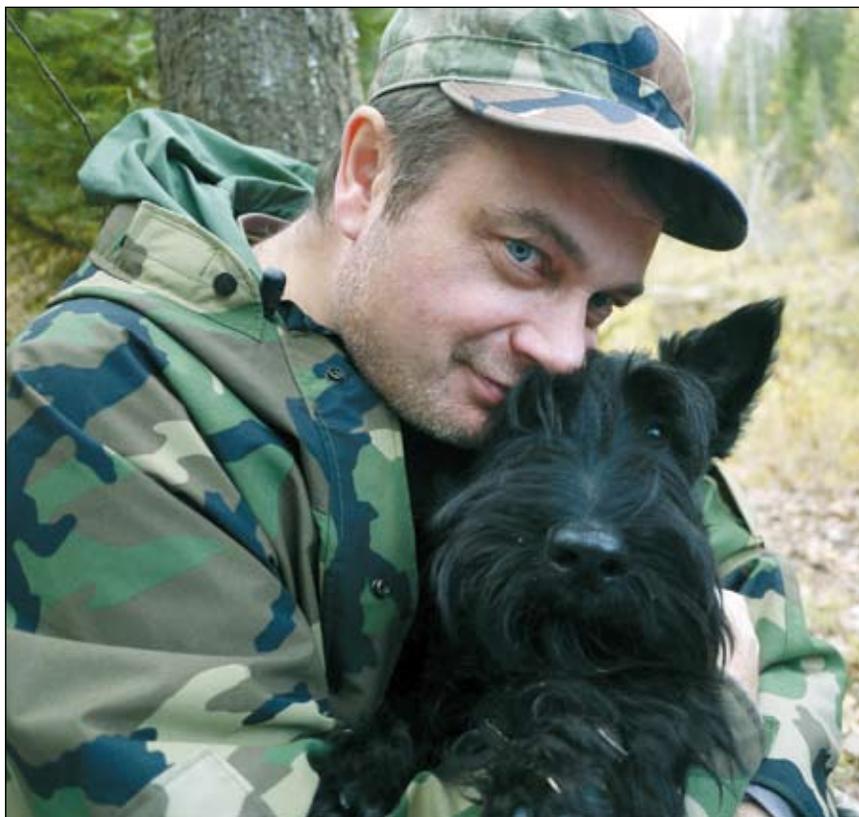
Ключевые слова. А.Н. Кондрашёв, культурное наследие, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Служба государственной охраны объектов культурного наследия.

2019-й — год 55-летия Андрея Николаевича Кондрашёва — нынешнего руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Мы решили отойти от формата статей о юбилярах и привести некоторые подробности личной жизни и этапы профессионального роста Андрея Николаевича посредством передачи его личных эмоций, слов и мнений.

Андрей Николаевич, расскажите, пожалуйста, про своё детство, родителей, чем они занимались? Способствовал ли кто-то из близкого окружения возникновению интереса к истории, археологии?

Много говорить про детство не буду, кроме того, что я родился в закрытом городе Томск-7, что наложило отпечаток на мою жизнь. Родители всю жизнь проработали на Сибирском химическом комбинате и отношения к истории, и уж тем более к археологии, не имели, но есть один момент, который я считаю определившим мою судьбу. Мой папа, рождённый в Челябинске и окончивший в этом городе школу, хотел поступать на исторический факультет Свердловского государственного университета, но его родители были против гуманитарного образования,

и отец был вынужден отучиться в Южно-Уральском политехникуме по специальности «Контрольно-измерительный приборы и аппаратура», откуда в 1961 г. был распределён в закрытый город, носящий сейчас название — Северск, где и встретил мою маму.

В принципе все навыки полевой жизни, любовь к охоте и рыбалке, фотографированию и поиску предметов истории и археологии были привиты мне папой. С первого по десятый классы каждую пятницу мы с отцом уходили на лодке в устье р. Томи, где рыбачили. В месте нашей постоянной стоянки, на береговой террасе находились остатки дореволюционного стеклоделательного завода томского купца Е.И. Королёва. К тому времени от здания завода ничего не осталось, но на берегу реки я собирал огромное количество артефактов кон. XIX — нач. XX в.

Первое осмысленное знакомство с археологическим памятником произошло в то время, когда папа проходил плановую диспансеризацию в одной из больниц г. Северска, расположенной в устье реки Киргизки вблизи от поселения Чекист (многослойный памятник, самый древний пласт которого датируется третьей четвертью II тыс. до н. э. — Н.К.). Отец и показал мне этот памятник, рассказал историю этих мест, и несколько позже мы с моим другом Олегом Елизаровым в осыпи берега собрали большую коллекцию фрагментов керамических сосудов бронзового века. В десятом классе я с мешком керамики отправился в Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, где Л.М. Плетнёва осмотрела материалы, рассказала о времени изготовления и бытования сосудов и приняла всю коллекцию на хранение в фонды музея.

После такого времяпрепровождения с отцом и другом появилось ли желание заниматься археологией, стать археологом?

Осознанного желания заниматься археологией не было даже на первом курсе университета, не то что в школе. Но был большой интерес к истории. Наш учитель истории — Таисия Ивановна, преподававшая историю в средних и старших классах, привила любовь к истории, у меня всегда были отличные отметки по её предмету.

Интерес папы также был прикован больше к истории, чем к археологии, хотя он не сильно увлекался чтением научных изданий по истории. Тем не менее все сборники, выпускаемые Госкультухраной Югры, и другие книги по археологии, изданные нашими коллегами, я привожу моему отцу в Северск, и он их увлеченно читает.

Какая книга положила начало Вашему увлечению историей?

«Таис Афинская» Ивана Антоновича Ефремова. Это была одна из первых книг, которую я прочитал с огромным удовольствием. Сейчас я, конечно, понимаю, что роман только основан на исторических событиях и не является историческим источником, но именно сюжет книги тогда заинтересовал меня.

Мне известно, что Вы увлекаетесь коллекционированием. Что это за предметы?

Да, первыми моими хобби были фотографирование и коллекционирование монет. Фотографией я увлекался с 6-го класса. Что же каса-

ется сбора монет, то это занятие можно назвать наследственным — я пополнял коллекцию, которую формировали мой отец и дед. Самыми уникальными и лучшими экземплярами в этом собрании считаю монеты царской России, их сохранность до сих пор очень хорошая. Однако уже лет 15 коллекционирование монет отошло на второй план. В моём понимании коллекционирование — это постоянный поиск, покупка или обмен предметов, непрерывное комплектование, мне же сегодня приятно пересматривать монеты, держать их в руках, но интерес к пополнению коллекции пропал.

Также я являюсь обладателем большой коллекции дореволюционных фотографий, оформленных на паспарту, фотоальбомов. Меня интересовали люди, лица, антураж, одежда и др. Наверное, это самое объективное отражение истории.

Увлечение фотографированием переросло в коллекционирование фотоаппаратов, выпущенных в советское время. Около десяти лет назад я собрал порядка 80 % советских образцов. Сейчас эта коллекция также пополняется, но, наверное, не так активно, как хотелось бы.

В настоящее время мне нравится собирать подстаканники, эти предметы так же, как и монеты и др. артефакты, отражают время / эпоху, в которые они были изготовлены.

После окончания школы чем Вы руководствовались при выборе университета и факультета?

Выбор университета был однозначным — Томский государственный университет подходил по месту расположения — рядом с домом. Доступа к информации о рейтингах вузов у меня не было, и уже позже я узнал, что Томский госуниверситет является одним из старинных и престижных учебных заведений Сибири. Что касается предпочтений среди факультетов, то здесь также не было мук выбора — мой интерес к истории определил дальнейшее направление обучения.

Родители, к сожалению, не поддержали выбор гуманитарного образования и настаивали на физико-техническом направлении, руководствуясь, как им казалось, рациональным подходом к жизни — получение более оплачиваемой специальности и гарантия распределения сразу после окончания политехнического института на СХК, где заработная плата была на порядок выше, чем у историков или учителей. Но мой жизненный путь уже тогда определял интерес, и я знал, что учиться в политехническом я бы не смог, так как мне это было не интересно.

Ил. 1. А.Н. Кондрашёв. 1986 г.

Несмотря на хорошее знание профильного предмета, на исторический факультет я безуспешно поступал в 1981, 1982 и 1983 годах. Трудности возникали при написании сочинения.

Вы не пробовали поступать в другой вуз или на другой факультет?

Нет. Три года (с кон. 1981 по май 1984 г.) я проработал электромонтёром телефонной связи и сигнализации 4-го и 5-го разрядов на СХК, где получал неплохую для того времени заработную плату, ок. 140–150 руб. Работа была мне интересна, и тогда думалось, что если не получится поступить на исторический факультет в четвёртый раз, то не стоит и пытаться поступать куда-либо ещё.

Удалось Вам поступить в ТГУ в 1984 г.?

Нет, на том предприятии, что я работал в эти годы, была так называемая «бронь», т. е. для прохождения службы в армии сотрудников призывного возраста не брали, а в 1984 г. эту «бронь» сняли, и меня призвали в армию.

Я считаю, что мне очень повезло, что я служил в армии, в войсках связи. Наша часть располагалась недалеко от Томска, под г. Новосибирском, и моя деятельность была сопряжена с предыдущей работой — я был старшим радиотелеграфистом (радиостом). Было тяжело — полгода я вместе с другими призывниками провёл в «учебке», а последующие 1,5 года службы проходили в воинской части и сопровождалась постоянными учениями — выездными мероприятиями, благодаря чему я увидел Дальний Восток, Западную Сибирь, Среднюю Азию, Урал. Было очень интересно, хотя и приходилось мало спать и много работать. Армия мне много дала в понимании мироощущения мужчины. Для меня это был бесценный опыт.

На эти два года Вы забыли об истории и поступлении в ТГУ?

Ну, конечно. Меня посещали мысли о поступлении в Калининградское мореходное училище и обучении на радиотехническом отделении. Мою заявку на поступление руководство училища рассмотрело, и они были готовы принять меня без вступительных экзаменов, если бы у меня было знание английского языка, но в школе я изучал немецкий.

Вскоре мой жизненный путь опять свернул в сторону получения гуманитарного образования. В нашем батальоне замполитом был капитан,

который окончил филологический факультет Томского госуниверситета. Практически перед моей демобилизацией мы разговорились, и он, узнав о моём желании учиться на историческом факультете ТГУ, помог оформить направление на рабфак университета.

Последующее обучение на рабфаке позволяло мне днём работать прибористом КИПиА на СХК, а вечером быть слушателем лекций по истории, русскому и немецкому языкам и пр. По истечении года я сдал экзамены по предметам на «отлично», и в 1987 г. был зачислен на исторический факультет.

Как Вы определились с направлением научных интересов на историческом факультете?

Как я уже говорил, на первом курсе археология вообще не привлекала моё внимание. При этом я чётко понимал, что хочу заниматься древней историей. Все первокурсники до октября должны были определиться с темой курсовой работы, но мои мытарства по кафедре дореволюционной истории России и кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории не дали положительных результатов — вести по темам, которые интересовали меня, преподаватели не хотели. В итоге я подошёл к д-ру ист. наук Л.А. Чиндиной (в то время она читала лекции по археологии нашему курсу) и спросил, могу ли я заниматься нумизматикой под её руководством. Она порекомендовала мне обратиться к Ю.И. Ожередову, как специалисту по истории монет. Будучи директором Музея истории и этнографии Сибири ТГУ, Ю.И. Ожередов не имел учебной нагрузки и обязательств по ведению курсовых работ у студентов, поэтому особого интереса я у него не вызвал. Однако знакомство с музейными коллекциями пробудило во мне интерес к оружию, его видам, вариациям форм и размеров, материалам и способам изготовления. Именно с темой изучения средневекового оружия я ещё раз обратился к Л.А. Чиндиной, и она согласилась вести научное руководство. К сожалению, студентов у профессора Чиндиной было много, а времени, отведённого на них, недостаточно для обстоятельного разбора материалов, изучения и обсуждения артефактов, что выражалось в краткости и сухости консультаций. Поэтому я, чувствуя нехватку внимания руководителя, решил обратиться к канд. ист. наук А.И. Бобровой, тогда она работала в Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Вместе с Анной Ивановной и Натальей Петровой (ныне — Н.В. Торошиной. — *Н.К.*) мы очень много времени проводили за разбором археологических коллекций, обсуждением и написанием научных статей. Сфера моих научных интересов сузилась до изучения селькупских стрел для лука, разработки классификации наконечников стрел. Итогами работы стали научные статьи, выступления на студенческих конференциях, каталог селькупских наконечников стрел из собрания МАЭС ТГУ и успешная защита диплома.

Каким образом складывалась Ваша жизнь в студенческие годы?

С сер. 1-го курса я уже работал на 0,5 ставки лаборанта в Студенческой научно-исследовательской лаборатории «Археолог», которую с 1987 г. возглавлял выпускник кафедры археологии С.А. Терёхин. Финансирование лаборатории большей частью осуществлялось за счёт приносящей доход деятельности — мы проводили историко-культурные изыскания и занимались паспортизацией памятников археологии Томской обл. Моя работа заключалась в отрисовке планов памятников и подготовке фотоматериалов для всех сотрудников, кто работал в лаборатории (С.А. Терёхин и З.М. Габдрахманова, Э.В. Угдыжекков, Н.В. Березовская, Н.В. Петрова. — *Н.К.*).

На 3-м курсе мною был получен первый Открытый лист на проведение археологической разведки в Кожевниковском р-не Томской обл., в окрестностях д. Еловки. В 1988 г. нам посчастливилось работать на достаточно большом комплексе археологических памятников. Полевой сезон каждого года обучения в университете начинался в мае с досрочной сдачи экзаменов и зачётов и последующим проведением археологических разведок, в июле — августе мы принимали участие в раскопках под руководством Л.А. Чиндиной и других сотрудников лаборатории, ну, а осенью снова возвращались к рекогносцировочным работам.

В университете я учился с огромным удовольствием и особых трудностей при сдаче зачётов или экзаменов у меня не возникало. Что касается финансовой составляющей, то, естественно, стипендии на жизнь не хватало, поэтому все пять лет обучения я параллельно работал в трёх-четырёх местах: лаборантом на 0,5 ставки в СНИЛ «Археолог», фотографом на 0,5 ставки в Томском областном краеведческом музее, фотографом на 0,5 ставки в Томском областном художественном музее и сезонно подрабатывал в Северском историко-краеведческом

музее, также фотографом. Так увлечение фотографией перешло в профессиональную сферу.

После окончания университета мне предлагали продолжать исследования и приглашали в аспирантуру, но на тот момент я уже понимал, что наука — это не моё. То ли склад ума у меня не такой, но мой путь в археологии был связан больше с практикой — поиском памятников, реконструктивными работами, последующей обработкой материалов — мне интересна «живая» полевая работа, чем времяпрепровождение за написанием многотомных трудов и монографий.

Чем Вы занимались после окончания университета?

После окончания обучения меня приняли на работу в МАЭС ТГУ, где я проработал до декабря 1994 г. на должности старшего лаборанта. Это было достаточно сложное время, с 1992 по 1994 г. выплаты заработной платы были нерегулярными и приходилось постоянно «калымить» — я подрабатывал фотографом в музеях, разгружал вагоны по выходным на Почтовом (г. Северск. — *Н.К.*).

Полевой сезон в это время для меня складывался, как и прежде, — с Ю.И. Ожередовым и Натальей Петровой мы много времени проводили в разведках по Томской области, проводили раскопки на р. Тyme, в окрестностях п. Парабели и пр.

В 1995 г. по приглашению А.Д. Гамана, выпускника исторического факультета ТГУ, я перешёл работать в своего рода новообразование в сфере государственной охраны объектов культурного наследия — Археологическую инспекцию, созданную как структурное подразделение в составе администрации г. Северска. Причин перехода было много, одной из которых выступило опять же близкое месторасположение, не надо было постоянно ездить в другой город; второй — мне интересна была идея государственной охраны памятников культуры; и третьей — в инспекции, конечно, была больше заработная плата. Немаловажную роль сыграл и т.н. карьерный (хотя он был в большей мере личностным) рост — в музее я был старшим лаборантом, а в инспекции — уже научным сотрудником.

С Андреем Дмитриевичем прежде мы были знакомы, т. к. он работал в ПНИЛИАЭС ТГУ, и мы часто встречались в коридорах университета, постоянно разговаривали об археологии, обсуждали научные темы, экспедиции и пр. Мне был интересен его подход к работе на археологических памятниках.

Работа в инспекции тогда представляла собой поиск памятников, снятие их инструментальных планов, установление границ, определение культурно-хронологической принадлежности и пр. Андрей был очень интересным в общении, разносторонне развитым, очень увлекающимся человеком и хорошим специалистом, но, к сожалению, не чиновником. Наши с ним разногласия концентрировались вокруг того, что работа инспекции не соответствовала тем целям и задачам, ради которых была создана. В археологической инспекции чиновников не было, фактически это была научно-исследовательская лаборатория, поэтому говорить о моей «чиновничьей» карьере до 2000 г. даже не стоит.

Спустя два года, в 1997 г., Вы уезжаете жить и работать в Ханты-Мансийский автономный округ? Что Вас подвигло поменять место жительства и работу?

На территории округа до переезда я не бывал. В феврале 1997 г. я уволился из Археологической инспекции, а в апреле от С.А. Терёхина, который уже работал в ХМАО, поступило приглашение принять участие в работе новой организации — в отделе по сохранению и использованию

Ил. 2. А.Н. Кондрашёв. 1999 г.

историко-культурного наследия при управлении культуры Администрации ХМАО. Я был трудоустроен на ставку главного специалиста-археолога отдела, который занимал два наших небольших кабинета в здании Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

Через семь месяцев отдел был преобразован в Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры. Я считаю, что при создании этого учреждения была допущена стратегическая ошибка, потому что деятельность чиновников и сфера государственной охраны объектов культурного наследия не должны быть совмещены с производственными функциями, занятием наукой, изучением памятников и пр.

Собственно, разделение полномочий и функций произошло в 1998 г. — при Департаменте культуры и искусства ХМАО — Югры была сформирована Служба главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия (далее по тексту — Служба). На должность главного инспектора был приглашён заместитель директора по науке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника А.В. Малышкин. Среди положительных черт Александра Владимировича была одна, очень существенная — он давал самостоятельно работать другим сотрудникам, в чём-то помогал, в общем, мне с ним работалось комфортно.

Штат Службы начали набирать с января 2000 г. И спустя три месяца я устроился в Службу на должность начальника инспекционно-юридического отдела, где я начал выстраивать систему согласования землеотводов, согласовывал акты выбора, организовывал и участвовал в проведении контрольных мероприятий, пошли первые суды. Фактически это время было началом становления системы охраны памятников в Югре.

Как происходило формирование Службы в настоящем виде?

К 2008 г. назрела необходимость отделения Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия от Департамента культуры и искусства автономного округа. Департамент в силу своего профиля постоянно проводил событийные мероприятия, для реализации которых привлекался и штат Службы. Мы участвовали во всяческих фестивалях, всей Службой встречали, провожали гостей, участвовали в жизни Департамента, при этом постоянно отвлекались от наших непосредственных функций.

В то время директором Департамента культуры был А.В. Конев, очень интеллигентный, умный и внимательный руководитель, которого я по сей день считаю лучшим директором Департамента, и он, вызвав меня в свой кабинет, предложил мне должность руководителя вновь создаваемой Службы, но я отказался. На тот момент мне это было не интересно, я не чувствовал в себе достаточно сил заниматься администрированием и иными сопутствующими функциями руководителя. Мне нравилось работать в конкретной практической сфере, проводить мероприятия, связанные с охраной памятников, не более.

С 2008 по 2010 г. Вы работали в Службе начальником инспекционного отдела и заместителем руководителя, как появилась эта возможность, и Вы всё-таки решились возглавить Службу?

В этот промежуток времени сменились два руководителя Службы — А.В. Кениг и Н.В. Шатунов. После ухода А.В. Малышкина на пенсию я был назначен на должность заместителя руководителя, но, проработав в этой ипостаси только два месяца: мне поступило предложение от заместителя губернатора ХМАО — Югры И.С. Петрова возглавить Службу, и в этот раз я не стал отказываться.

Первые два-три года мне было очень тяжело. Приходилось вникать в финансовые, юридические, административные тонкости. В этом мне очень помогали люди, что работали со мной. Считаю, что мне повезло с сотрудниками Службы. В Службе работали и работают увлечённые делом люди, им это интересно.

Считаете ли Вы, что руководитель такой организации, как Служба, должен обладать профессиональным образованием и опытом в сфере историко-культурного наследия, или этот человек должен быть «эффективным менеджером» и уметь грамотно распределить обязанности?

По моему мнению, руководителем учреждения нашей сферы должен быть человек, получивший профильное образование, он должен понимать, что именно мы охраняем, и знать, как это делать. В идеале помимо профильного образования (история, археология, этнография, архитектура) необходимы знания юриспруденции.

За университетские годы, а также время работы в НПЦ мною был накоплен достаточный опыт полевых исследований. На сегодняшний день я помню многие памятники, на которых лично бывал и работал,

прекрасно представляю себе ландшафтные характеристики территорий и районов ХМАО, что даёт мне огромное преимущество в направлении государственной охраны объектов культурного наследия.

Я считаю, что для чиновника, который занимается охраной памятников практика археологических работ, разведок, проектирования хозяйственных объектов, подготовки документации, согласующей обустройство таких объектов в районах расположения памятников археологии и этнографии, даёт очень много.

К сожалению, сегодня институт подготовки специалистов по охране памятников культуры находится в зачаточном состоянии, «хромают» теоретические курсы, не хватает практики, поэтому известные мне руководители органов исполнительной власти в области охраны памятников это — юристы, в меньшей степени — археологи, в большей степени — архитекторы. Региональные особенности в части видов объектов культурного наследия накладывают отпечаток на требования к руководящему составу. На территории Югры 90 % объектов культурного наследия — памятники археологии, в европейской части России — памятники архитектуры и истории и пр. Многому приходится учиться самому, оттого я считаю, что, кроме интеллектуальных способностей, должен присутствовать интерес к делу, направлению, в котором работаешь.

Есть ли у Вас желание что-то изменить в работе, может, кардинально поменять сферу деятельности?

Я мечтаю после выхода на пенсию вернуться в «живую» работу, связанную с археологией. Хочу заниматься логистикой и организацией экспедиций, принимать участие в разведках, вести работу с организациями, осуществляющими хозяйственную деятельность на территории округа.

Однако это совсем не значит, что мне не интересна работа руководителя Службы. Кроме всего, я считаю, что мне очень повезло с заместителями губернатора округа, в разное время курирующими наше направление — Г.Ф. Бухтиным и Г.В. Максимовой, обладающими прекрасными человеческими качествами, и работа с которыми очень грамотна и комфортна.

В целом я доволен своей жизнью, и корень этого кроется в том, что я всегда старался руководствоваться интересом, потому что, когда его нет, хороших результатов не добиться.

В завершение нашего интервью примите наши искренние поздравления и пожелания долголетия, удачи и, главное, интересной работы.

Спасибо.

Беседовала Н.Г. Комова

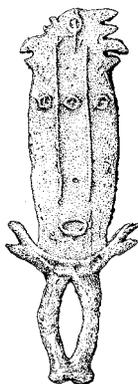

**Interest carried through life.
(on the occasion of the 55th birthday A.N. Kondrashev)**

Annotation. The article is dedicated to the 55th anniversary of the birth of A.N. Kondrashev - one of the founders of the cultural heritage preservation system in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra and the current head of the district Service for State Protection of Cultural Heritage Sites.

Keywords. A.N. Kondrashev, cultural heritage, Khanty-Mansiysk autonomous region – Yugra, State Protection of Cultural Heritage Property.

Некролог

Александр Владимирович Малышкин (1948–2019)

19 января 2019 г. в Тобольске ушёл из жизни **Александр Владимирович Малышкин** — первый руководитель органа охраны памятников истории и культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия.

А.В. Малышкин родился 4 сентября 1948 г. в д. Дербень Гольшмановского р-на Тюменской обл. В 1964 г. окончил среднюю школу, после чего шесть лет работал на различных предприятиях райцентра Гольшманово — слесарем, столяром, машинистом холодильных установок. В 1970 г. поступил на исторический факультет Пермского государственного университета, который и окончил в 1975 г. по специальности «история». В студенческие годы принимал активное участие в археологических экспедициях, в том числе и на территории

ХМАО — Югры. Открытые им в Советском и Кондинском р-нах памятники стоят на государственной охране.

С 1975 по 1998 г. Александр Владимирович работал в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике в должности заместителя директора по науке (1975—1978 гг.), а затем директора (1978—1998 гг.). По сложившемуся в корпоративной музейной среде мнению, именно это двадцатилетие стало «золотой эпохой» Тобольского музея: в учреждении велась активная научно-исследовательская работа, проводились археологические экспедиции, сотрудники защищали диссертации. В 1995 г. Указом Президента РФ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник был включён в «Перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального (общероссийского) значения».

В январе 1989 г. А.В. Малышкин вступил в должность главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Фактически два года он осуществлял функции целого органа власти — шло формирование коллектива. И только в сер. 2000 г. был укомплектован штат органа охраны памятников. Для молодых сотрудников службы Александр Владимирович, имеющий к той поре уже немалый жизненный и административный опыт, стал не только руководителем, но также опорой и поддержкой в трудных ситуациях. За его широкой спиной всегда можно было укрыться и получить помощь. Александр Владимирович стал душой коллектива и вдохновителем всех свершений молодого коллектива.

В 1999 г. при его активном участии начал действовать научно-методический совет. Он смог объединить разрозненные до того археологические коллективы, которые проводили археологические изыскания на территории Югры. Реформированный совет продолжает работать и в наше время.

Несомненны заслуги А.В. Малышкина и в становлении всей системы охраны памятников истории и культуры на территории автономного округа, которая к моменту его прихода пребывала в состоянии формирования.

До 2008 г. служба входила в состав Департамента культуры и искусства Югры, и Александр Владимирович выступил одним из инициаторов и вдохновителей создания на территории автономного округа самостоятельного органа власти, уполномоченного сохранять объекты культурного наследия.

В мае 2008 г. А.В. Малышкин стал заместителем руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа — первого самостоятельного органа исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. До своего ухода на пенсию в феврале 2010 г. Александр Владимирович курировал самые масштабные ремонтно-реставрационные работы на территории Югры, проходившие на здании Свято-Троицкого храма Кондинского Свято-Троицкого монастыря в пгт. Октябрьское.

В августе 1986 г. А.В. Малышкин Указом Президиума Верховного Совета РСФСР награждён медалью «За трудовую доблесть». Неоднократно награждался почётными грамотами Министерства культуры СССР и Российской Федерации, Департамента культуры и искусства ХМАО — Югры.

После выхода в феврале 2010 г. на пенсию жил в г. Тобольске.

А.Н. Кондрашёв

Список сокращений

ав.	–	аверс
АКА	–	Архив Кабинета археологии
АН	–	Академия наук
АНО	–	автономное некоммерческое объединение
АО	–	автономный округ
АСА	–	ассоциация «Северная археология»
АУ	–	автономное учреждение
Б.и.	–	Без издательства
БИИКФ	–	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд [Сургутского района]
БПЛА	–	беспилотный летательный аппарат
БПО	–	база промышленного оборудования
БФ [клей]		бакелито-фенольный [клей]
в.	–	век
вв.	–	века
в.д.	–	восточная долгота
вестн.	–	вестник
всерос.	–	всероссийский (-ая, -ое)
втор. пол.	–	вторая половина
втор. треть	–	вторая треть
ВХНОЦ	–	Всероссийский художественный научно-реставрационный центр
вып.	–	выпуск
г.	–	город; год; грамм (в зависимости от контекста)
гг.	–	годы
ГИКЭ	–	государственная историко-культурная экспертиза
ГК МФ	–	Государственный каталог Музейного фонда
глуб.	–	глубина
гос.	–	государственный (-ое, -ая)
ГОСНИИР	–	Государственный научно-исследовательский институт реставрации
гп.	–	городское поселение
граф. прил.	–	графическое приложение
ГСМ	–	горюче-смазочные материалы
д.	–	дело; деревня; дом (в зависимости от контекста)
дис.	–	диссертация
Днепропетр. гос. ун-т	–	Днепропетровский государственный университет
ДНС	–	дожимная насосная станция
д-р ист. наук	–	доктор исторических наук
ДонНУ	–	Донецкий национальный университет
др.	–	другой, другие
ЕГРН	–	Единый государственный реестр недвижимости
ед.	–	единиц
ед. хр.	–	единиц хранения
жен.	–	женщина
ЗАТО	–	закрытое административно-территориальное образование
зап.	–	записки
ИА	–	Институт археологии
ИАЭт / ИАЭТ	–	Институт археологии и этнографии
ИИА	–	Институт истории и археологии
ИД	–	издательский дом

изв.	–	известия
изд.	–	издание
изд-во	–	издательство
Изд-во Ирк. гос. ун-та	–	Издательство Иркутского государственного университета
Изд-во Ленингр. гос. ун-та	–	Издательство Ленинградского государственного университета
Изд-во Нижневарт. пед. ин-та	–	Издательство Нижневартовского педагогического института
Изд-во Омск. гос. пед. ун-та	–	Издательство Омского государственного педагогического университета
Изд-во Омск. гос. ун-та	–	Издательство Омского государственного университета
Изд-во Том. ун-та	–	Издательство Томского университета
Изд-во Тюм. гос. ун-та	–	Издательство Тюменского государственного университета
Изд-во Сам. гос. пед. ун-та	–	Издательство Самарского государственного педагогического университета
Изд-во Урал. ун-та	–	Издательство Уральского университета
Изд-во Челяб. гос. ун-та	–	Издательство Челябинского государственного университета
изд.-полигр. компл.	–	издательско-полиграфический комплекс
ИИА	–	Институт истории и археологии
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры
ИКНПЦ	–	Историко-культурный научно-производственный центр
ИКОМ	–	Международный совет музеев (<i>англ.</i>)
ил.	–	иллюстрация (-ции)
ин-т	–	институт
ИПОС	–	Институт проблем освоения Севера
изд., испр. и доп.	–	издание, исправленное и дополненное
исслед.	–	исследования
ИЭА	–	Институт этнографии и антропологии
КАМИС	–	Комплексная автоматизированная музейная информационная система
канд. ист. наук	–	кандидат исторических наук
кв. км	–	квадратный километр
кв. м	–	квадратный метр
КемГУКИ	–	Кемеровский государственный университет культуры и искусств
КИПиА	–	отдел контрольно-измерительных приборов и автоматики / отдел контрольно-измерительных приборов и аппаратуры
км	–	километр
кн.	–	книга, книжный (-ая, -ое)
кн. изд-во	–	книжное издательство
кол.	–	коллекция
кон.	–	конец
конф.	–	конференция
КПП	–	контрольно-пропускной пункт
Л.	–	Ленинград
л.	–	лист
ЛЭП	–	линия электрической передачи

м	– метр
М.	– Москва
мат-лы	– материалы
МАУ СР	– муниципальное автономное учреждение Сургутского района
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МАЭС	– Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
междунар.	– международный (-ая, -ое)
Минэконом-развития РФ	– Министерство экономического развития Российской Федерации
Минюст РФ	– Министерство юстиции Российской Федерации
мкр.	– микрорайон
МО	– муниципальное образование
МУ	– муниципальное учреждение
науч.	– научный (-ая, -ое)
науч.-практ.	– научно-практический (-ая, -ое)
нач.	– начало
науч. тр.	– научные труды
науч. сотр.	– научный сотрудник
НИПИ	– научно-исследовательский проектно-изыскательский
НИР	– научно-исследовательская работа
нов. сер.	– новая серия
НПО	– научно-производственное объединение
НПЦ	– научно-производственный центр
НЦ	– научный центр
н. э.	– наша/новая эра
ОАО	– открытое акционерное общество
об-во	– общество
обл.	– область, областной (-ая, -ое)
оз.	– озеро
ок.	– около
ОмГПУ	– Омский государственный педагогический университет
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
оп.	– описание
ОПИ	– отдел полевых исследований
п.	– посёлок, пункт (в зависимости от контекста)
ПВА [клей]	– поливинилацетатный [клей]; поливинилацетат
пед.	– педагогический (-ая, -ое)
пер.	– перевод
перв. пол.	– первая половина
перв. треть	– первая треть
перв. четв.	– первая четверть
ПНИЛ	– проблемная научно-исследовательская лаборатория
ПНИЛИАЭС	– Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири
погр.	– погребение
посл. четв.	– последняя четверть
р.	– река
РАН	– Российская академия наук
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГО	– Русское географическое общество
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет
рев.	– реверс

ред.	–	редакция
РИО	–	редакционно-издательский отдел
рис.	–	рисунок
р-н	–	район
Росземка-дастр	–	Федеральная служба земельного кадастра России
руб.	–	рубль
рук.	–	руководитель
рус. яз.	–	русский язык
руч.	–	ручей
РФ	–	Российская Федерация
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
с.	–	страница
сб.	–	сборник
сб. ст.	–	сборник статей
СГУГиТ	–	Сибирский государственный университет геосистем и технологий
сер.	–	середина, серия (<i>в зависимости от контекста</i>)
Сиб. отд-ние	–	Сибирское отделение
Сиб. фед. ун-т	–	Сибирский федеральный университет
СКР	–	Священная Кедровая Роща
см	–	сантиметр
см.	–	смотри
СНИЛ	–	студенческая научно-исследовательская лаборатория
СО	–	Сибирское отделение
сов.	–	советский (-ая, -ое)
сост.	–	составители; составление (<i>в зависимости от контекста</i>)
сп.	–	сельское поселение
СПб.	–	Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский (-ая, -ое)
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	–	статья
ст. науч. сотр.	–	старший научный сотрудник
Сур. гос. пед. ун-т	–	Сургутский государственный педагогический университет
СХК	–	Сибирский химический комбинат
с.ш.	–	северная широта
т.	–	том
табл.	–	таблица
тез.	–	тезисы
тез. докл.	–	тезисы докладов
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-архитектурный музей–заповедник
ТГУ	–	Томский государственный университет
тр.	–	труды
ТПП	–	территориально-производственное предприятие
ун-т	–	университет
УргПУ	–	Уральский государственный педагогический университет
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО	–	Уральское отделение
УрФУ	–	Уральский федеральный университет
утв.	–	утверждено
уч.	–	участок
ф.	–	фонд
ФСИН	–	Федеральная служба исполнения наказаний

ЦАИ	–	Центр археологических исследований
ЦПН	–	цех перекачки нефти
ЦППН	–	цех переработки и перекачки нефти
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
цит. по:	–	цитируется по:
ЦПС	–	цех переработки сырья
ч.	–	часть
чел.	–	человек
экз.	–	экземпляр
ЮГУ	–	Югорский государственный университет
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Информация об основных итогах реализации государственной политики Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 г.	4
<i>Приложение: Список объектов культурного наследия ХМАО — Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (продолжение). На 22 мая 2019 г. ....</i>	20
Е.А. Данилов. Формализация и формализм в установлении границ объектов археологического наследия на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры	32
Е.Н. Данилова. Этнокультурное наследие: определение и нормативно-правовая база	53
Г.П. Ведмидь, Н.В. Шатунов, А.А. Рудь, В.Н. Тюрин. Охранное зонирование исторических территорий в Сургутском районе ХМАО — Югры (из опыта предпроектных работ на Тевлинско-Русскинском нефтепромысле)	64

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

О.В. Кардаш, Г.П. Визгалов. Каюковская культура эпохи раннего неолита в контексте расселения человека на Севере Западной Сибири (по материалам исследований 1999—2002 гг.)	136
С.В. Сотникова. Курганы с кольцевым рвом как элемент культовой практики населения эпохи бронзы (археологические факты в свете обско-угорских этнографических параллелей)	159
Ю.П. Чемякин. Городище Барсов Городок I/18 — многослойный памятник раннего железного века	180
К.Г. Карачаров. Две чаши периода русской колонизации Западной Сибири с Большого Югана и Малого Югана	221
А.А. Пушкарёв. Нюрнбергские жетоны из археологических памятников Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (каталог)	231
Ю.В. Ширин, Я.А. Яковлев. «Да дело, в общем, не в гусях, — а всё неладно!». Трудности атрибуции инвентаря постсредневековых памятников	255

А.А. Рудь. Перемещение ритуальных площадок культовых объектов восточных хантов	306
А.Н. Сабаров, Н.В. Перцев. Картографические источники к исторической карте города Берёзова рубежа XVIII — XIX вв.	318
А.Б. Агаркова, Е.А. Юдина, О.В. Стародубова. Опыт повторного анализа археологических коллекций 1970—2000-х гг., принятых в музейный фонд: научная реактуализация и новые возможности презентации	323

Последние полевые сезоны: 2017—2018 гг.

З.Г. Гайдакова, О.В. Кардаш, В.В. Гаевская. Ансамбль «Священная Кедровая Роща»: результаты археологического изучения грунтового могильника VI—VII вв. в 2018 г.	342
А.В. Кениг, Е.А. Зайцева, А.В. Родионова, С.А. Липс. Результаты археологических исследований городища Шеркалы 1 в полевом сезоне 2018 г.	359
А.А. Адамов, П.Г. Данилов, Е.П. Загваздин, Н.П. Турова. Результаты разведочных работ на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2018 г.	379
А.В. Бауло. Новые находки русских серебряных изделий конца XVIII — первой половины XIX в. — культовых атрибутов манси и хантов	387

Юбилеи

Я.А. Яковлев. Антал Регули в России: начало финно-угроведения (к 200-летию со дня рождения исследователя)	398
Интерес, пронесённый через жизнь (к 55-летию со дня рождения А.Н. Кондрашёва). <i>Беседовала Н.Г. Комова</i>	435

Некролог

А.Н. Кондрашёв. А.В. Малышкин — первый руководитель Госкультахраны Югры	450
Список сокращений	453

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ
В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО**

ВЫПУСК 17

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка: В.Б. Малиновский

Подписано в печать 25.10.2019 г. Формат 60x90¹/₁₆.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 28,75 + 5 вкл.; уч-изд. л. 29,34.
Тираж 300 экз. Заказ .

ООО «Издательство Томского университета». 634029, Томск, ул. Никитина, 4.